

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ДРАМАТУРГИЯ

IV

*Составление, вступительная статья
и биографические справки Е.Н.Пенской*

Москва
2020

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
П71

Редакционный совет проекта «Президентская историческая библиотека» серии «Победа»:

Нарышкин С.Е. — председатель Российского исторического общества,
председатель Редакционного совета

Афанасьев М.Д. — член совета Российского исторического общества,
директор Государственной публичной исторической библиотеки России

Бак Д.П. — член совета Российского исторического общества,
директор Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля

Варламов А.Н. — ректор Литературного института им. А.М. Горького

Могилевский К.И. — член Президиума Российского исторического общества,
член Правления Российского исторического общества, исполнительный директор
фонда «История Отечества»

Новиков О.Е. — президент Издательской группы «Эксмо-АСТ»,
заместитель председателя Редакционного совета

Петров Ю.А. — член Президиума Российского исторического общества, директор
Института российской истории РАН

Полонский В.В. — директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Хорошилов П.В. — член Правления Российского исторического общества,
ответственный секретарь Редакционного совета

Чубарьян А.О. — сопредседатель Российского исторического общества,
академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН

Редакционная коллегия проекта «Президентская историческая библиотека» серии «Победа»:

Абрамова М.Н. — председатель Редакционной коллегии, председатель Комитета
Российского книжного союза по региональному развитию

Быстрова О.В. — ответственный редактор тома «Публицистика», старший научный
сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Гребенева Е.Н. — руководитель направления по взаимодействию с региональными
органами государственной власти Издательской группы «Эксмо-АСТ»

Дмитренко С.Ф. — ответственный редактор тома «Поэзия», проректор по научной
и творческой работе Литературного института им. А.М. Горького

Илларионова Э.О. — ответственный секретарь Редакционной коллегии, координатор
проекта «Президентская историческая библиотека»

Кожанова Е.С. — директор департамента стратегических коммуникаций Издательской
группы «Эксмо-АСТ»

Пенская Е.Н. — ответственный редактор тома «Драматургия», ординарный профессор
Высшей школы экономики, руководитель Школы филологии факультета гуманитарных
наук (Москва)

Фокин П.Е. — ответственный редактор томов «Проза», историк литературы,
заведующий отделом «Дом-музей Ф.М. Достоевского» ГМИИ им. В.И. Даля

Шапошников К.А. — заведующий справочно-библиографическим отделом
Государственной публичной исторической библиотеки России

П71 **Президентская историческая библиотека. 1941—1945.**
Победа. IV. Драматургия / составление, вступительная ста-
тья и биографические справки Е.Н. Пенской. — Москва :
Эксмо, 2020. — 576 с.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

© Зощенко М.М., наследники, 2020

© Шварц Е.Л., наследники, 2020

© Симонов К.М., наследники, 2020

© Берггольц О.Ф., наследники, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109760-8

«ТЕАТРЫ — КРЕПОСТИ ОБОРОНЫ»

За 75 лет выходили неоднократно сборники пьес, документы, воспоминания, по которым можно восстановить сегодня картины военной поры. Но сейчас наступило время, когда необходимо сделать некоторое усилие, чтобы увидеть то живое и непреходящее, что находит отзыв и понимание у человека третьего тысячелетия, пережившего слом 1990—2000-х, крушение традиции и канона, смену режиссеров и драматургов. Целостность театра как центрального звена социальной, культурной, политической жизни теряла свою почву. Театральный мир пересматривал свою гражданскую роль, утрачивал общий язык с публикой, прекращались поиски современного героя, поколения лишились своих связей не только хронологически, но и территориально. В 2010-х положение в культуре стало меняться, и мы можем заново осмыслить театральное наследие 1941—1945 гг. Оно включает не только пьесы, но и быт в тех условиях катастрофы, что породили уникальное содружество и сотрудничество авторов, актеров, постановщиков, зрителей. Несмотря на все увеличивающуюся временную дистанцию, война для нас не становится историей. Она до сих пор остро переживается. Случившееся с нами и со всем миром — это глубокий цивилизационный катаклизм. И театр 1940-х сумел вернуться к своим архаичным древним истокам, показав масштаб высокой трагедийности, переживаемой человеком в эпоху катастроф.

«Течет река Жизнь» — так называлась статья, опубликованная в год 50-летия революции в газете «Советская культура» 24 августа 1967 года. Заголовок статьи

перекликался с названием популярной в то время песни «Течет река Волга», с самого начала 1960-х исполнившейся Марком Бернесом, а затем Людмилой Зыкиной. В статье, написанной больше чем через двадцать лет после окончания войны, вспоминаются фронтовые театры и пьесы как точки отсчета Победы, а понедельная Летопись театральных событий 1941—1943 гг. почти без какого-либо информационного аккомпанемента и комментария визуально создает крупный эпос, большую эпическую драму — картину постановок, передвижений театральных коллективов, пройденных ими военных дорог. «Река Жизнь» уже давно вошла в свои берега, но в каждой своей излучине она «помнит» о войне, и эту память помогает сохранять театр.

Почему у театра особая память? Почему театру в эпоху потрясений уготован свой жребий? Ведь все виды искусства — и проза, и поэзия, и публицистика — вместе и каждый в отдельности неповторимо несут в себе сильный заряд энергии, сохраняющий печать героического времени. И все-таки почему голос театра в этом хоре так пронзительно узнаваем? Как прочитать те далекие партитуры и расслышать тональности, менявшиеся на протяжении пяти военных лет? Что нужно реабилитировать и расчистить от наслоений? Как настроить историческую оптику и увидеть, что сохранило свежесть и до сих пор прорастает в русской культурной почве и сознании второй половины XX—XXI вв.? Чем был этот удивительный феномен — советский человек — и каким он предстает в пьесах 1941—1945 гг. показавших прочность традиций русского театра? «Течет река Жизнь» — театр военных лет — это мост, скрепляющий нашу память, наш опыт. Это связующее звено отрезков пути, казалось бы прерывистых и разрозненных, это движение драма-

тургической мысли целых поколений. Представить театральный космос от начала войны до Победы непросто. Отбор неизбежен, неизбежны лакуны, многое остается за бортом. Но это не означает, что имена и пьесы забыты. Главное заключается в том, что в 1941—1945 гг. возник театр неистребимой радости, театр возвращения и возрождения человечности, театр преодоления гибели и смерти, театр жизни. Все, что было и есть в подлинной природе театра, — сконцентрировалось в годы испытаний, а затем преобразилось и питало театральное искусство в оттепельный период вплоть до неизбежных процессов, случившихся в конце XX века.

Драматургия обладает качествами, которых нет у других жанров. Автор создает портрет эпохи своими средствами — через конфликт, столкновение героев и слово персонажей. Во время войны рождался новый язык, новые формы. Как бы кощунственно ни звучало, война — это искусство, зрелище, по своим законам близкое театру. Осажденные города, наступление, поражение, брошенные дома, разрушенный быт, прощания, внезапные встречи, короткая любовь, ожидание боя и смерти. Перепады настроения, неослабевающее напряжение, неожиданность поворотов сюжета, яркость образов и талант исполнителей. Недаром военный лексикон близок театральному. Недаром «театр военных действий» предполагает сцену. Военный Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, когда немцы стояли под Москвой, стал переломным — «репетицией победы», грандиозным политическим спектаклем, событием, предопределившим ход войны. Массовое зрелище 1940-х возвращало традиции уличных действий, митингов-концертов, театрализованных демонстраций и представлений 1920-х годов. К московскому параду

внимание было приковано во всем мире, а репортажи транслировались сотнями изданий. «...Открывая торжественное шествие, мимо мавзолея в четком и ровном строю проходят курсанты Артиллерийского училища... Шумными аплодисментами встречаются батальоны моряков... Идут войска НКВД, батальоны пехоты, стрелковые подразделения... Заключая торжественное шествие, мимо мавзолея проходят отряды вооруженных рабочих города Москвы... На площадь вступает кавалерия... За эскадронами с грохотом несутся пулеметные тачанки... Степенно и строго... проходит моторизованная пехота. Неслышино катят автомобили с зенитными установками — одним из самых популярных в Москве родов артиллерийских войск. Зенитчики — любимцы москвичей... Завершая марш советской военной техники, площадь заняли танки, их было 200! Сначала по заснеженному асфальту прошли маленькие подвижные танкетки... За ними шли легкие танки, средние, тяжелые... Для участия в воздушном параде на подмосковных аэродромах было подготовлено 300 самолетов. Однако в силу крайне неблагоприятных метеорологических условий старт грозной воздушной авиации пришлось отложить. Прохождением танков парад был закончен»¹. Многие мемуаристы отмечали, как этот слог газетных описаний парада затем узывался в пьесах, авторских ремарках, монологах персонажей, заряжая подлинной театральностью в тот выложенный и ветреный ноябрьский день на Красной площади громадную сцену, на которой решалась судьба России². Вадим Синявский, известный спортивный комментатор,

¹ Московский большевик. 1941. № 58. 9 ноября. С. 3.

² Талант и мужество. Воспоминания. Дневники. Очерки. (Сборник, посвященный театру в годы Великой Отечественной войны). М.: Искусство, 1967.

«художник и голосовой лицедей», вел репортаж. Он «оживлял и рисовал» происходящее без лишних слов, скрупультно выстраивал игру и позднее срифмовал два рубежа, две знаковые пьесы — Парад 1941-го и Парад Победы в 1945-м. И все эти годы страна слушала его голос с фронта.

1941—1945 гг. Так возникал великий театр исторического пограничья. Сегодня мы можем «прочитать» каждый год этого пятилетья как самостоятельный акт.

Газетная хроника драматургична. По оперативным сводкам, публиковавшимся в «Правде», «Комсомолке», «Вечерней Москве», «Советском искусстве», можно ловить сигналы изменений риторики, перехода от растерянности первых недель к деловитой собранности, обозначившейся уже в самом начале июля. «Советское искусство» в 1941-м еженедельно публиковало такие «военные репортажи-ремарки» — пояснения театральных будней. Каждый номер выглядит как партитура, сценарий. Читатель готов к просмотру, потому что знает эти закрепленные рубрики — лаконичные отчеты, информационные мизансцены — 6 июля: театры Киева, Ленинграда, Тамбова, Вологды проводят мероприятия, создают новый репертуар и составляют график выступлений актеров на сборных пунктах. 13 июля — «поднимается занавес», и на первой полосе в кратких сообщениях перечень «Оборонных спектаклей и пьес» в Москве и на периферии. 20 июля — все переводится «на военные рельсы», «на военный лад». 27 июля — «Все силы на защиту Родины» (Письмо Всесоюзного комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров). 3 августа — «Все подчиним интересам фронта». 10 августа — «Все для Победы». 1941—1942 годы. В газетах, как в кинематографе, прокручивается одна и та же лента, с монотон-

ностью воздушной тревоги перед бомбёжкой повторяются однотипные заголовки и содержание передовиц. ...О работе театров в военных условиях, о перестройке работы театров, экономии при постановке спектаклей, создании патриотического, антифашистского репертуара, о задачах театральных организаций в дни войны, о мероприятиях театров Харькова, Свердловска, Баку, Орджоникидзе, Горького, Рязани, Краснодара, Тбилиси, Кронштадта, о художественном обслуживании сборных пунктов и частей Красной армии, о зверствах захватчиков, гибели актеров, разрушении театров...

Перечень городов — словно боевая перекличка — связывает воедино карту большой страны, в которой «театры — крепости обороны». Так называлась статья Николая Охлопкова в газете «Советское искусство» (сентябрь 1941-го года). Сквозь безликую картечь передовиц и сводок прорываются отдельные узнаваемые голоса. Александру Таирову 15 июля 1941 года в «Правде» удалось поделиться с аудиторией, несмотря на официальный характер выступления, глубокими, очень личными наблюдениями о преемственности театров двух войн — Гражданской и Отечественной, о небывалом росте театрального движения, о расширении театральной сети, о том, что все театры, разбросанные по стране, слышат «одно дыхание», их сердца бьются в едином ритме, срастаются в единый организм, болеющий общей болью о становлении молодой актерской поросли, о трудностях героической темы.

Война застала Камерный театр, которым руководил Таиров, на гастролях в Ленинграде, где он сыграл в Выборгском Доме культуры 11 спектаклей. Несколько последних шли уже под вой сирен, извещавших о воздушной тревоге. В Москве на Тверском бульваре в ста-

ринном особняке, который занимал Камерный театр, в 1941 году был создан штаб. Все работники театра тушили на крыше зажигательные бомбы, а в самом здании разместили три убежища для зрителей. При объявлении тревоги директор театра выходил на прощениум и сообщал об этом зрителям. Актеры провожали зрителей в убежище. Таиров спускался последним. «Шел спектакль «Адмирал Нахимов», и зал был полон. Во время действия объявили тревогу. Таиров был обеспокоен: успеют ли гардеробщики одеть зрителей. Мы решили попросить актеров, которые были в костюмах и гриме, помочь гардеробщикам... От сильной бомбёжки все кругом гремело. Среди зрителей был генерал в полной форме, а рядом стоял актер Г. Петровский в гриме и костюме адмирала Нахимова. Увидев «адмирала», генерал громко воскликнул: «Товарищи! Не волнуйтесь! Нахимов с нами!» Петровский помог генералу надеть шинель. «Благодарю вас, ваше превосходительство», — поклонился ему генерал, и они крепко пожали друг другу руки. А через сорок минут тревогу отменили и спектакль продолжился¹.

Бомбёжки Москвы начались летом. 22 октября 1941 года в здание Большого театра попала 500-килограммовая бомба, пробила главный фасад и разрушила часть вестибюля, фойе, зрительного зала. Студия Евгения Вахтангова обосновалась еще в 1920-х годах в бывшем особняке В. П. Берга на Арбате. В ночь с 23 на 24 июля в театр попала бомба, от него остались руины. О разрушении театра сообщали скромно позднее, когда шли восстановительные работы. «Рваная зияющая рана Театра им. Вахтангова быстро затягивается свежей кирпичной

¹ Арье Элкан. Александр-Алиса-Камерный театр. Москва; Тель-Авив: Крук, 2009. С. 563.

кладкой. Вчера она достигла уровня третьего этажа. И театр, играющий сейчас в филиале Художественного, уже готовится к возвращению домой»¹.

Картины, эпизоды, явления сменяют друг друга без антрактов. Большая драма войны — это единый текст. В ней нет главных действующих лиц, нет статистов. В ее завязке и в узловых моментах — прозрение, осознание беды, нарастающая тревога, вера в победу и одновременно растерянность. В первые дни войны никто не знал, чем завершится день, что произойдет завтра. Эвакуацию театров очевидцы, как и все, кому пришлось в ту пору покидать свои дома, называли «войной одиссеей», нередко трагикомедией или фарсом, разыгрываемым в декорациях войны. Железнодорожные переезды, поезда, штурмовые пассажирами, толпы... У людей театра при всем отчаянии положения не исчезало «чувство сцены». Артисты Камерного театра, отставшие от поезда в Свердловске, по дороге к месту назначения в Казахстан ожидали приема начальника и, наблюдая за происходящим, вспоминали похожие сцены из многих спектаклей, но ни в одном из них не находили «такого общего нерва, таких тонких нюансов. Только подлинная, рожденная самой жизнью ситуация может создать такую напряженную атмосферу. И как по-разному, у каждого по-своему выражается, казалось бы, одинаковое для всех состояние. Как блестяще «играли» эти «неактеры» в этом натуральном «театре жизни!»²

В летнем сезоне — первом акте одиссеи 1941 года — многие театры, оказавшись на гастролях, сразу почти

¹ Московский большевик. 1941. № 29. 7 октября. С. 7.

² Хмельницкий Ю. О. Из записок актера тайровского театра. М.: ГИТИС, 2004. С. 173.

без пауз и приготовлений «переодевали» театральную публику в военную форму и переходили в эвакуационное скитальчество, одновременно мучительное и плодотворное. В июне 1941 года МХАТ начал свои гастроли в Минске¹. На сцене Дома Красной Армии выступали Иван Москвин, Михаил Тарханов, Борис Добронравов, Николай Хмелев, Алла Тарасова, Ольга Андровская, Павел Массальский, Михаил Яншин, Василий Топорков, Михаил Кедров и многие другие блистательные актеры... Вместе с режиссерами, художниками, музыкантами, костюмерами и прочим постановочным персоналом должно было приехать более ста человек.

Но эти гастроли оборвала война. Актерам пришлось пешком покидать горящий после жесточайших бомбежек Минск, а затем с немалыми трудностями добираться до Москвы...

Во вторник, 17 июня, МХАТ открыл гастроли пьесой М. Горького «На дне», которая шла на его сцене без малого уже 40 лет. На следующий день в связи с широко отмечавшимся тогда 5-летием со дня смерти Максима Горького спектакль повторили. 19 и 20 июня минский зритель восторженно принимал великолепную музыкальную комедию английского драматурга Ричарда Шеридана «Школа злословия» — на сцене блистали Михаил Яншин и Ольга Андровская... В субботу, 21 июня, мхатовцы показали свой третий спектакль, один из лучших, комедию Мольера «Тартюф, или Обманщик». Итак, 22 июня. «Помню, как сейчас, — пишет Массаль-

¹ Вербицкий В. А. МХАТ в Минске в первые дни Отечественной войны. Июнь 1941 года //Ежегодник Московского художественного театра. 1943. М., Музей Московского Худож. акад. театра СССР им. М. Горького, 1945. С. 727—742.

ский, — это было воскресенье. Мы играли утренний спектакль «Школа злословия». Шел первый акт, и вдруг прибегает кто-то из наших молодых актеров — бледный, взволнованный и говорит: «Война! Война с немцами! Сейчас слышал речь Молотова!»

В антракте и публика узнала о войне и вряд ли и нам, и зрителю было до спектакля. Как мы докончили спектакль — я не помню... Вечером у нас был опять спектакль, играли, кажется, «На дне». Большинство свободных от этого спектакля актеров, не сговариваясь, пришли в театр, хотелось быть всем вместе. Во всех углах шли взволнованные, но приглушенные разговоры, многие говорили, что надо скорее уезжать в Москву (впоследствии они оказались правы)».

Далее Массальский коротко излагает события второго дня войны. В тот день в городе началась мобилизация военнослужащих, впервые прозвучал сигнал воздушной тревоги. Во второй половине дня с разрешения Сталина началась эвакуация государственных ценностей и архивов.

«Кое-как мы закончили спектакль, — продолжает свой рассказ Павел Массальский. — В гостиницу возвращались по затемненным улицам, молчали, у каждого были свои думы, такие же беспокойные, как и свет от прожекторов в небе. Где-то далеко-далеко что-то бухало, будто кто-то выбивал ковры... В гостинице я всячески пытался заказать телефонный разговор с Москвой, но это было бесполезно...»

24 июня в результате нескольких массированных налетов гитлеровской авиации был варварски уничтожен почти весь центр города, погибли тысячи мирных жителей.

Во время одного из первых налетов бомба попала в ту часть здания Дома Красной Армии, где хранилось театральное имущество. Погибли все декорации и костюмы.

В гостиницу, вспоминает Массальский, после очередной бомбёжки приносили раненых — мирных жителей.

Обязанности руководителя по эвакуации группы добровольно взял на себя старейший и самый знаменитый актер МХАТа Иван Михайлович Москвин. Ему помогал Михаил Яншин, который, как сам вспоминал впоследствии, был у Москвина «кем-то вроде адъютанта, младшего помощника на посылках».

В этом путешествии, пишет Яншин в своих заметках «Из пережитого», «великий актер Москвин, с которым я рядом проработал много лет, открылся для меня совсем в новом качестве. Я не раз убеждался и прежде в том, что Иван Михайлович был человеком внимательным и чутким к окружающим. Но его организационный дар, самообладание, умение собрать вокруг себя людей и подчинить своему авторитету поразили меня. Судя по себе, не думаю, чтобы он не испытывал никакого чувства страха перед нависшей опасностью. Всем было страшно. Просто в Москвине в полную меру обнаружилась великая русская способность к самопожертвованию...

Долго бегали мы с Москвиным по городу в поисках какого-либо транспорта. Наконец обнаружили автобус с поломанной осью и грузовик. Пока ремонтировали автобус, по распоряжению Ивана Михайловича на грузовике вывезли за черту города первую партию актеров, главным образом женщин, на условленное место¹. Яншина дополняет Массальский:

¹ Яншин М. М. Статьи. Воспоминания. Письма. М.: Всероссийское театральное общество, 1984. С. 49.

«В час ночи машина отошла от гостиницы, а через несколько минут мы, взволнованные, неорганизованные, покинули гостиницу. Никто из нас не знал точно, куда идти... Идти было чрезвычайно трудно... Улицы с двух сторон полыхали огнем. Высокие здания магазинов того и гляди должны были рухнуть. Трамвайные и телефонные провода, спутавшиеся, валялись на мостовой. Неубранные трупы людей, воронка от бомб, зловещее шипение догоравших зданий, накаленный воздух, летящие искры, автомобиль, висящий на лестнице высокого здания, — и человек, хорошо одетый человек, стоявший в витрине разрушенного магазина. Человек смотрел на все окружающее пустыми, ничего не видящими глазами и кому-то улыбался. Это был манекен... Глаза живых, окружавших меня людей, были такими же страшными, как глаза манекена. Разница была только в том, что глаза манекена были более естественными, чем глаза людей...»¹

Мхатовцам удалось выбраться из горящего Минска. В те июньские дни стояла нестерпимая жара.

29 июня коллектив театра добрался до Москвы. В те тяжелые времена естественно раскрывались характеры людей, обнажалась сущность каждого. Михаил Москвин, депутат Верховного Совета, рисковал, принимая самостоятельное решение о возвращении вопреки приказам, поступавшим из Комитета по делам искусств. За этот героический выход из-под пуль в Минске Москвина прозвали маршалом МХАТа...

Пик военной одиссеи приходится на конец театров — конец 1941—1942 гг. Документы, рассредоточенные сейчас в самых разных изданиях и архивах, бесценны:

¹ Павел Массальский. Документы. Статьи. Воспоминания. М.: Все-российское театральное общество, 1985. С. 78—91.

они рисуют живое театральное закулисье. Легенды, анекдоты, байки... Без этих «мелочей» военная пора, масштаб и контекст крупных планов неполны. Вернувшись из Минска в Москву, МХАТ, «Советский театр номер первый», стал готовиться к эвакуации, согласно предписаниям и установленной внутренней иерархии разделившись на два состава. «Золотой фонд» театра, куда входили многие старейшие актеры, уехал в Тбилиси, а остальные получили приказ двинуться в Саратов (Театр пробыл там с 11 ноября 1941 по 15 июля 1942 года, занимал здание ТЮЗа).

Немирович-Данченко назначил Хмелева заведующим труппой, а Москвин стал директором театра. «В Саратове нас поселили в гостинице «Европа». Мест, разумеется, не хватало, поэтому в двухместных номерах жило по шесть или семь человек... Периодически к нам подселяли еще кого-то... В свободные от репетиций дни актеры собирались возле радиоточки. Черные тарелки висели на улице и в театре... С жильем труднее всего приходилось артистам массовки. В гостинице для них не было мест, и они спали на полу в костюмерных или в гримерках... В июле 1942 года, когда стали бомбить и Саратов, Алла Константиновна Тарасова добилась того, чтобы МХАТ покинул город. Нам выписали билеты на пароход, и мы со своими пожитками потащились к пристани...»¹

Мемуары — дальняя оптика. Газетные очерки — близкая. Словно сквозь театральный бинокль, фокусирует военную жизнь Валентин Катаев, навестивший мхатовцев. В его зарисовке Саратов — это уютный и сказочный зимний город небольших деревянных особняков, тесовых заборов, кирпичных труб с затейливыми

¹ Кира Головко. Адмиральша. М.: Искусство — XXI век, 2012. С. 56.

украшениями из кованого железа, город, покрытый голубым снежным покровом, озаренный розовым морозным солнцем, оживленный скрипом полозьев и криками мальчишек, бегающих на коньках по замерзшим тротуарам. А волшебная сказка гостиница «Европа» — старинная, солидная, с толстыми стенами и медными овальными табличками номеров на дверях. Этот город тоже стал частью мхатовского репертуара и преображен присутствием театра. Так видит В. Катаев, повсюду обнаруживая, мхатовские декорации, мхатовский стиль, как бы «по-домашнему» побеждающий войну. Над конторкой портье, возле старомодного телефона, множество приколотых к стене бумажек. Это вывешен репертуар, вызовы на репетиции, приказы по театру. Совсем как в комнате администратора в Камергерском переулке, ныне — проезде Художественного театра.

МХАТ играет в помещении Театра юных зрителей. Уютный зрительный зал вмещает всего 500 человек, но играть здесь очень удобно...

Вечером шли «Три сестры»... Публика сидела, затаив дыхание. Знакомый оливковый занавес со скромной эмблемой белой чайки отделял партер от сцены. Оказывается, театр привез его с собой из Москвы.

После спектакля посиделки до утра в номере Бориса Ливанова. «В маленький номер набилась масса народа. Все курили. Все спорили об искусстве, о Станиславском, о Гордоне Крэге. Делились творческими планами. В двадцатых числах января театр покажет премьеру — «Кремлевские куранты». Сейчас идет работа над «Гамлетом». Гамлета будет играть Ливанов. У него на туалетном столе — томик Шекспира, испещренный пометками на полях. Ливанов влюблен в образ благородного

принца. В образе Гамлете Ливанов видит черты великолепного свободолюбца и гуманиста, свойственные всему прогрессивному человечеству, вступившему в смертельный бой с мрачным миром фашизма.

Помимо своей повседневной работы в театре, художественники ежедневно выступают с концертами в частях Красной Армии, на заводах, фабриках, в госпиталях. Они живут полной, содержательной жизнью советских патриотов.

Их скромный занавес с маленькой белой чайкой развеивается, как знамя, как символ воли к напряженной творческой работе»¹. Следующий этап эвакуации мхатовцев — Свердловск. Характерный хаос и неразбериха военного времени, по-своему театрального. Большая война порождала войны маленькие, внутренние конфликты, столкновения смешные и серьезные. Комитет по делам искусств при СНК СССР выделил мхатовцам сцену Оперного театра. Худрук Н. П. Хмелев начал работу над пьесами «Русские люди» и «Фронт». Но к сентябрю 1942 года Свердловск был перенаселен. Среди 150 тысяч эвакуированных оказалась и труппа Кировского театра оперы и балета. Получилось так, что на сцене оперного театра, как на железнодорожном пересадочном пункте, столкнулись потоки «транзитных пассажиров» — на оперную сцену вместе с хозяевами вынужденно претендовали два эвакуированных театра. И все одновременно вели подготовку к открытию сезона. Началась жесткая борьба за театральные площади и пространство. Репетиционных помещений и сце-

¹ В. Катаев. В Художественном театре // Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1919—1943. Ч. 2: 1930—1943. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010. С. 502—504.

ны для демонстрации спектаклей катастрофически не хватало. Тем не менее МХАТ представил в Свердловске «Царя Феодора Иоанновича», «Горячее сердце», «Школу злословия» (за месяц с небольшим на разных площадках сыграно было более 70 аншлаговых спектаклей!). Публика заранее раскупала все билеты¹.

1942-й и 1943 годы — два поворотных сюжета в этом пятиактном сценарии войны. В 1942-м есть своя внутренняя тема, сюжетный контрапункт — 25-летие революции как расцвет жизни, искусства и театра, расцвет вопреки... Советские юбилеи, отмечавшиеся в годы войны, обретали двойное символическое значение и «утверждали новый порядок, новую праздничную точку отсчета в истории. Зрителю нужен праздник, наглядный и убедительный. И кто, как не театр, может его создавать прямо сейчас. «Теперь как никогда театр должен сделать все, чтобы защитить нашу много вековую культуру, придать ей силы, сломать условные границы между сценой и зрительным залом», — заклинал аудиторию народный артист СССР Пров Садовский в программной статье «Четверть века»². И главное слово, которое он настойчиво повторял: театр способен совершить чудо, когда среди надвигающейся тьмы и холода вдруг засияет волшебный свет и начнется весна. «Так и будет!» — меньше чем через три месяца после выступления Садовского 2 февраля 1943 года грандиозное сражение на Волге закончилось полным разгромом и пленением 330-тысячной группировки противника.

¹ «МХАТ сердится». К истории пребывания театра в Свердловске в 1942 году//Урал. 2015. № 5. С. 84—97.

² Пров Садовский. Четверть века — это расцвет // Литература и искусство. 1942. 7 ноября. № 45. С. 3.

Инициатива военных действий прочно перешла советским войскам.

Предельная концентрация всех национальных сил в крайних обстоятельствах породила расцвет театрального искусства и дала жизнь новому языку театра, новым формам, не столь очевидным в обычное мирное время. Военные театры, театральные бригады. Конечно, такой опыт уже был. О нем знали и в Первую мировую, и в Гражданскую. Но Отечественная война дала беспримерную вспышку и преображение профессиональных театральных коллективов, регулярно выезжавших на фронт и в прифронтовые районы, госпитали. Трудно опираться на какую-либо точную статистику и подсчитать количество выступлений. В разных источниках приводятся разные цифры. За год до окончания войны газеты, подводя итоги, публиковали сведения о 123 000 спектаклей и концертов в частях действующей армии¹. Театральный фронт принимал на себя удары, актеры приравнивались к бойцам, участникам сражений, и они прошли весь путь вместе с военными частями. Не только корифеи Вахтанговского, Малого, Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина, Ленинградского Большого драматического театра им. М. Горького вошли в состав фронтовых филиалов, но и артисты всех поколений, работавших в самых разных жанрах. Срок жизни и судьба фронтовой бригады или фронтового театра — этих детей войны — ярки и скоротечны. Игра со смертью, риск всерьез, выступления в любых условиях — совсем близко от передовой, на палубах военных кораблей, под открытым небом, в землянках, в блиндажах, на вокзалах, в медсанбатах, на лесных полянах, в оврагах. Порядок

¹ Артисты на фронте//Красная звезда. 1944. 22 февраля. № 46. С. 3.

и стихия, самодеятельность высшего качества и смысла проявлялась во всем — в создании этих бригад и временных театров, в характере репертуара. Есть и свои точки отсчета, вехи в этой короткой «бригадной истории» русского театра. 21 июня 1941 года артисты Малого театра под руководством Н. А. Анненкова выступали с шефским концертом в красноармейском гарнизоне под Ковелем, где 22-го уже шли бои, и актеры, продолжая работу в войсках, стали передвижной фронтовой бригадой. Малый театр фактически стал штаб-квартирой. Варвара Александровна Обухова, актриса Малого театра, возглавляла одну из них и оставила подневные точные записи: «5 ноября 1942. Сегодня нам предстоит сделать 4 концерта. В 9 часов утра у пехотинцев на передовой линии. В 12.00 у артиллеристов тоже на передовой. В 15.00 в Учебном батальоне и в 24.00 в штабе генерала К. — у него сегодня награждение орденами и праздничный митинг. Едем к передовой. Все время на крыле машины кто-нибудь следит за «воздухом». Едем без дороги, прямо по степи. Стоп. Дальше машине нельзя ехать. Команда «выходить». По одному, по цепочке, через интервалы, пригнувшись, бежим километра полтора к окопам.

Окопы. Бойцы стоят в окопах во весь рост, видно только полголовы из-под земли. Нас ждут, все в сборе. Сцена — естественная площадка перед окопами. Быстро начинаем концерт. Поёт Первиль, я читаю, Звягина и Хрусталёв танцуют чардаш. Отрывок из комедии «Хозяйка гостиницы» принимается взрывами смеха. Последним выступает quartet — поют казачью. Вдруг залп, свист и разрыв в метрах ста от нас. Миномётный обстрел, мне подают знак кончать концерт. Quartet заканчивает песню и я объявляю конец концерта. Второй залп. Свист и разрыв уже ближе. Особо отличившийся боец

говорит нам приветствие, благодарит. Звягина произносит горячие, прощальные слова. И опять по приказу, по цепочке, пригнувшись, направляемся к артиллеристам. Обстрел продолжается минут 30–40, разрывы совсем близко, рядом и через головы. Нас осыпает землём и пеплом. Наступает тишина... Все мы живы и не ранены»¹.

Регламент, порядок и стихия. Все технологии, организационные и репертуарные ресурсы сосредоточились в ВТО и распространялись через Центральный дом актера, при котором работала библиотека ВТО, где печатались стихотворения, рассказы, скетчи, пьесы для участников бригад и фронтовых театров. Программы фронтовых бригад монтировались как концертные коллажи. В дело шел любой материал — сценки, монологи, отрывки из драматических спектаклей, номера артистов цирка, сатирические скетчи, оперные арии, кукольники, чтецы, а иногда и публицистические тексты, партийные доклады, газетные передовицы, а также сводки Совинформбюро.

Быстрые динамичные средства, эстрада, «малые жанры», нередко сочинявшиеся бригадными актерами буквально на ходу перед выездом, были остро востребованы. «Вернуть память и опыт агиттеатра гражданской войны профессиональному театру»², — считал жизненно важным Александр Февральский, искусствовед и критик, автор книг о Мейерхольде и Маяковском.

Примечательны воспоминания Владимира Александровича Филиппова (1889—1965) — критика, историка

¹ В. Обухова. Из фронтового дневника // Талант и мужество: воспоминания, дневники, очерки. М: Искусство, 1967. Т. 1. С. 55—67.

² Февральский А. Театр военного времени //Советское искусство. 1941. 29 июня. № 26. С. 4.

театра, заслуженного деятеля искусств РСФСР, автора монографий и исследований о театре и его людях. Скрупулезно обсуждался оптимальный хронометраж, уместность того или иного типа выступлений в зависимости от состава аудитории и обстоятельств. В годы Великой Отечественной войны В. А. Филиппов входил в состав Президиума ВТО, а также был заместителем директора Дома актера, занимался вопросами фронтовых бригад и театров. Вот какой портретный срез фронтовых бригад он оставил в своих «бригадных хрониках», написанных уже после войны в 1948 году.

«...Не считая одного скетча и водевилей, остальной репертуар тематически может быть сгруппирован следующим образом: героическому прошлому русского народа было посвящено 15 произведений, советской теме — 15, оборонной — 6, антифашистской — 6, жизни «зарубежной» — 5, жизни прошлой, изображенной в классике, — 22 и «переводных» было пять (монолог Генриха V из Шекспировской хроники, Франца из «Разбойников», сцены из «Трактирщицы» и два скетча «Волшебный пирог» и «Приятный вечерок»), остальные 68 — русских.

Помимо классики, всегда пользовавшейся успехом (за малым исключением, на чем мы выше останавливались), могут быть отмечены из водевилей: «Аз и Ферт» и «Бедовая бабушка»; из скетчей — «Воздушный пирог» (благодаря исполнению); из инсценировок и пьес советских драматургов: Ардова «Девушка с характером», Галицкого «Честь», Минина «Никита Бойцов», Эрдмана «Рядовой Шульц» и Квасницкого «Нос с горбинкой». Последняя пьеса, дающая в юмористических тонах «расловую теорию», вызывала со стороны политкомиссаров всегда особое признание. Являясь «развлекательной», она вместе с тем давала «наглядное» понятие о существенной стороне гитлеризма, что, помимо многочислен-

ных высказываний в устных беседах, нашло себе отображение и в одном из письменных отзывов. Так старший политрук одной из воинских частей пишет: «Концерт (бригады № 3) идеологически выдержан, политически заострен, мобилизует на разгром родины фашистов. Номер в исполнении артистов (Измайловой, Савича, Гурова) «Нос с горбинкой» — по своей выразительности и доходчивости до красноармейцев стоит двухчасовых политических занятий по этому вопросу». <...> «Часто концертные выступления заканчивались митингом, на котором бойцы давали клятву своим шефам беспощадно истреблять врага, что с честью и выполняли».

Художественное слово, песни, музыка, пляска и другие виды искусства, которые несли артисты, вдохновляли красноармейские массы на новые победы».

«...вспоминается следующий эпизод: во время показа работы (бригада № 2), происходившей в шестом, верхнем этаже ВТО, была объявлена воздушная тревога; вопреки желанию коллектива, предложено ему было спуститься в убежище. Артисты просили разрешения продолжать здесь показ. Кто-то из собравшихся в убежище граждан, узнав о присутствии артистов, обратился к коменданту от имени присутствующих, прося их выступать. В длинном и узком подвале, со всех сторон окруженные публикой, под звуки разрывающихся бомб и дребезжащих оконных стекол, бригада стала давать свой «концерт». При этом небезынтересно отметить, что после того, как был дан «отбой», значительная часть спасавшихся в бомбоубежище не разошлась, а просила закончить программу (что и было исполнено)¹. Любопытно, насколько очевидна для мемуариста неповторимость

¹ Воспоминания Владимира Филиппова// ВТО. Театр и война. 2015. № 9—10. С. 179—180. Публикация Людмилы Сидоренко.

бригадного артистического феномена ВТО по сравнению с аналогами времен Гражданской войны. Несмотря на очевидное сходство, попытки вторжения театра в военную сферу в 1917—1918 гг. вызывали нередко непонимание. Прошло всего лишь два с половиной десятилетия, и театр на войне стал «аргументом жизни»¹, не просто желанным и ожидаемым, но необходимым. Такой театр рождал другого зрителя, которого не было в довоенную пору². Этот зритель желал не просто быть «по ту сторону» сцены, пусть и сопереживающим, но молчаливым наблюдателем. Нет, зрителю важен был продолжающийся разговор.

Фронтовой театр и зритель важны друг для друга, в каком-то смысле составляют одно целое. Нередки случаи, когда актеры и зрители менялись местами. Об этом свидетельствуют участники фронтового театра ГИТИС, сформированный из выпускников актерского и режиссерского факультетов летом 1942 года в г. Саратове. Театр выступал под Москвой, на Калининском, Волховском, Карельском, Первом Прибалтийском, Первом Белорусском, Втором Белорусском фронтах, сыграв 146 раз пьесу «Парень из нашего города», 160 — «Ночь ошибок», 47 — композицию, специально сделанную по пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем», 139 — «Свадебное путешествие», 56 — «Женитьбу Бальзаминова», 34 — «Так и будет», тысячи раз — водевили, скетчи, постоянно обновлявшиеся концертные программы³. Об органике «срастания» со

¹ Ендражевский В. Артистические бригады на фронте//Вечерняя Москва, 1943. 11 сентября. № 65. С. 2.

² Рубан Н. О. Всю войну на колесах: Воспоминания о прифронтовом театре. Петрозаводск: Карелия, 1983.

³ Никитин Е. Фронтовой театр ГИТИСа//Вопросы театрального искусства: Сборник научных статей. М. ГИТИС, 1978. С. 46—65.

зрителем, о единении и единстве с военной аудиторией, о прочных связях, которые возникали между слушателями и исполнителями, рассказывают фронтовые дневники молодого актера В. Каплина, выпускника ГИТИСа¹. Поэтому столь ценна и выразительна театральная переписка артистов с фронтовиками, сохранившая порой слова, написанные перед близкой смертью.

Ноябрь 1943 г.

Добрый день, уважаемые товарищи!

В дни, когда страна встречает праздник Октября, это письмо мы пишем в часы затаинья из лесов Белоруссии на берегу реки Пронь, с участка передовых позиций, где мы стояли насмерть, защищали свою землю. Сегодня 5 ноября 1943 года. Мы собрались в землянке разобрать итоги боевых действий своей батареи и кратенько заслушать доклад об Октябре, который сделал командир батареи лейтенант Веселюк. По окончании доклада бойцы долго дискусионировали о прошлых торжествах, которые проводили в период мирной обстановки. Короче говоря, один из бойцов, ефрейтор Искаков, задал такой вопрос: почему мы ни единого раза не видели в период боевой обстановки хорошо исполненной вещи? Вот тут-то в процессе своих споров весь состав батареи постановил написать письмо в Московский ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Художественный академический театр СССР им. М. Горького и просить дирекцию удовлетворить нашу просьбу — приехать к нам показать свои работы, которые мы сделали в период Отечественной войны. Это вас просят люди, по национальности удмурты, татары, украинцы, русские, белорусы, которые

¹ Каплин В. М. Театр военных действий. М.: Издательство «ГИТИС», 2005.

имеют на своем боевом пути большой, трудный, но упорный путь борьбы с врагами нашей родины. Желательно, чтобы на наше письмо был ответ в срок.

Привет от всех бойцов и командиров нашей части народным артистам РСФСР М. П. Лилиной, А. П. Зуевой, артистке Е. Г. Цыгановой, народным артистам Топоркову и Вербицкому, всем, всем.

Пишите обо всем, о работе, об успехах.

По поручению собрания письмо составили — ефрейтор Джуган Б. Ф., красноармеец Кашевский, старшина Шейдулин, ефрейторы Степечев, Исаков.

Жмем ваши руки и поздравляем с праздником Октября.

Б. Ф. Джуган

Полевая почта 95851-Я

*19 декабря 1943 г.
Пол. почта 95851-Я
Б. Ф. Джугану*

Дорогие иуважаемые товарищи!

Мы получили ваше дружеское письмо, перепечатали и повесили на доске за кулисами нашего театра, чтобы все наши актеры могли прочитать его, и теперь шлем вам благодарность за ваше дружелюбие к нам и приглашение приехать. Это последнее — не от нас зависит: мы не выбираем воинские части, в которые направляются наши фронтовые бригады, мы едем туда, куда нам дают направление. Многие наши актеры уже побывали с концертами на фронте, некоторые даже по нескольку раз. Все, кто побывал там, рассказывают много и с увлечением, с глубоким волнением о том, что видели, о людях, с которыми повстречались. Если судьба приведет

нас к встрече с вами, будем очень рады и постараемся доставить удовольствие своим исполнением.

Мы много работаем и у себя в театре — за этот год у нас вышли три новых спектакля: «Последние дни» (или «Пушкин»), «Глубокая разведка» и «Русские люди» — и по линии военно-шефской работы, выступая с концертами и в московских частях и в госпиталях, и участвуя в наши выходные дни в спектаклях, которые мы даем для бойцов и командиров Красной Армии и Флота. Репетируем пьесы («Последняя жертва» Островского и «Гамлет» Шекспира), которые выпустим в следующем году. Наша работа актерская, захватывающая и ум наш, и сердце, и фантазию, занимает нас крепко — и так же крепко прикованы все наши мысли, волнения, надежды и уверенность в победе к делам, творящимся на фронте героической нашей Красной Армией. О всех вас, с таким непревзойденным мужеством отстаивающих нашу Родину, нашу советскую культуру от проклятого врага, мы думаем с гордостью, с восхищением, с великой благодарностью. Честь вам и слава!

Шлем самый сердечный, душевный привет вам, товарищам, участвовавшим в составлении письма, всем вашим товарищам по части и желаем удачи, успеха, здоровья, сил!

*Пилявская, Станицын,
Боголюбов, Вербицкий¹*

В стремительной вездесущности фронтовых бригад пропадала природная магия театра, архаическая родословная бродячих театральных трупп. Эстетический и этический потенциал театра военной эпохи не осмыслен

¹ Московский Художественный театр в советскую эпоху: Материалы и документы. М.: Искусство, 1962. С. 180—182.

до конца, а художественные находки, содержательные прорывы, открытия прорастали совершенно в иную эпоху, в другом измерении и в других системах политических и культурных координат. Так, катастрофические обстоятельства внезапно оборачивались изысканным декорационным решением. Здесь возможны совпадения. Те, кто был вовлечен в театральные скитальчества 1941—1945-го, не раз вспоминают аварийные эпизоды, когда, к примеру, после разрыва фугаски, гасло электричество. Как только наступала темнота, десятки рук с карманными электрическими фонариками протягивались к тому месту, где выступали артисты, и, образуя своеобразную рампу, освещали исполнителей. И наоборот, сами актеры уже осознанно использовали этот кинематографический прием, освещая друг друга на сцене заготовленными фонариками. В этих своеобразных спектаклях рождались неожиданные, новаторские сценические эффекты, обаяние которых чувствовали не только искушенные зрители, но и те, кто, может быть, впервые видел театр.

Блокадный быт Ленинграда, наверное, не под силу описать никому. Театры работали! 18 октября 1942 года открылся Театр имени В. Ф. Комиссаржевской.

В это время в городе ежедневно рвались снаряды, люди умирали от голода. Однако бороться продолжали все. В том числе театралы, которые считали, что жителей необходимо поддерживать всеми силами. Так в театре стартовал первый сезон, были поставлены спектакли «Русские люди», «Фронт», «Нашествие». В период артобстрелов и бомбежек зрители спускались в бомбоубежище, а артисты отправлялись на службу — на крыше они несли вахту. Ленинградцы называли этот театр Блокадным.

Хотя большую часть учреждений культуры эвакуировали, в городе продолжал действовать Театр музыкальной комедии. Еще в начале блокады здание, в котором располагался театр, пострадало в результате бомбёжки, тогда коллектив принял решение выступать на сцене Театра драмы имени А.С. Пушкина и для поддержания духа голодным блокадникам демонстрировал новые постановки. «Лесная быль», «Раскинулось море широко» собирали аншлаги. Артисты позже вспоминали: зимой в театре было минус восемь градусов, здание совершенно не отапливалось, располагались в маленьких комнатах по несколько человек — так было теплее и была возможность разогреть грим, прижимались друг к другу, чтобы самим не замерзнуть в невыносимых помещениях. Единственным обогревателем тогда были лампочки. Музыканты на скрипках играли музыку в перчатках. Грелись как могли... А когда на сцене гасло электричество, в зале зажигались десятки карманных фонариков. Часто после спектакля бойцы шли на передовую. Театр в каком-то смысле стал тем центром, тем храмом, где сохранялась жизнь.

«Нигде не значило радио так много, как в нашем городе во время войны». Ольга Берггольц.

Слова: «Внимание, говорит Ленинград!» — с самых первых дней войны стали зерном драмы, ее позывными. И 1 июля 1941 года появился новый выпуск «Радиохроника» — звуковой театр, спутник ленинградцев на блокадном пути. В дни войны и блокады вышло около пятисот номеров «Радиохроники».

Говорит Ленинград! «Радиохроника». У микрофона — Николай Павлович Акимов. Главный режиссер Театра комедии делится своими планами.

«Ведущий, критик С. Цимбал, спросил Акимова, не должен ли Театр комедии в условиях почти фронтовых, в обстановке напряженной и героической борьбы народа, из театра комедии превратиться в театр героической драмы? Нет, Акимов думает иначе. Акимов уверен, что смех — это сила, это зарядка на новые подвиги. Чем труднее условия, чем напряженнее борьба, тем больше места жизнеутверждающему смеху как признаку нашей твердой уверенности в победе. Театр комедии заканчивает постановку героической комедии «Питомцы славы». В ней много веселья и смеха. Написана она в стихотворной форме. В своей комедии Александр Гладков показывает русское общество в эпоху Отечественной войны двенадцатого года. За исключением фельдмаршала Кутузова, в пьесе нет исторических персонажей, однако все образы спектакля навеяны историей.

Планы Акимова осуществились. Премьера спектакля «Питомцы славы» состоялась 7 ноября сорок первого года¹. Голоса ленинградцев — зрителей, актеров, режиссеров, драматургов — словно бы сливаются в единый хор, и сквозь обыденные слова слышится звук невероятной силы и чистоты, звук мужества. Итак, поражает подневная блокадная хроника. В самый жуткий первый блокадный год каждый день идут два спектакля в театре музкомедии. Параллельно идет хроника смертей работников театра. Разнообразие постановок с трудом поддается описанию. Тут и Обер, и Оффенбах. Вообще судьба легкого жанра в войну очень интересна. Второй театр, оставшийся на время в блокаду, был Театр комедии. И что ставят помимо нескольких

¹ Алянский Юрий. Театр в квадрате обстрела. Л.—М.: Искусство, 1967. С. 79.

актуальных вещей? Вечер водевилей Лабиша. «Питомцы славы». В эвакуации, конечно, «Дракон», любимейшая «Актриса» по сценарию Эрдмана и Вольпина, но кроме того «Пигмалион», «Подсвечник» Мюссе, «Свадьба Кречинского» в 1943-м. В 1945 году Пристли, «Лев Гурыч Синичкин». Пьеса «Весна в Москве» (1941) Виктора Гусева превратилась благодаря Николаю Акимову в первый российский мюзикл и после войны шла с бешеным успехом в Театре Ленсовета. Люди хотели радости.

Сергей Радлов, режиссер, педагог, историк и теоретик театра, в 1910-х годах сотрудничавший с Мейерхольдом, возглавлял «Молодой театр», полностью им придуманный. В 1939—1942 гг. — это театр имени Ленинградского совета, где ставили в основном Шекспира. Перед эвакуацией в Пятигорск в марте 1942-го Радлов опубликовал прощание. Текст пронзительный в своей неподдельной спокойной силе. В нем захватывает подлинность простоты описаний той театральной жизни, опустошенной, выжженной, изуродованной, как и весь город, но живой. Театр — это та же передовая, линия фронта, по мысли Сергея Радлова. Когда выходит из строя один, его место занимает другой. Нет плотников, осветителей, рабочих сцены. Те, кто разбирался в электротехнике, сели за реостат — управлять системой рампы и софитов, или в ложи к прожекторам — направлять их лучи на лица играющих сегодня товарищей.

Необходимо сохранить жесткий ритм и не задержать антракт ни на минуту, чтобы «обмануть» воздушную тревогу. В темные осенние вечера фашисты прорывались к городу в одно и то же время — около 7 часов вечера. Нужно было успеть доиграть спектакль, чтобы зрители смогли разойтись по домам. За кулисами это называлось — «обогнать Гитлера». Спектакль «Отелло»

обрывает звук сирены. Зрители требуют продолжения, потому что прерван диалог с Шекспиром. Шекспир принадлежит военному миру 1940-х. Люди театра, не сговариваясь, отмечают новую черту в блокадном зрителе: небывалая ранее интенсивность восприятия. Это поистине новый Зритель, который через час после бомбежки, по улицам, засыпанным осколками стекол, шел в театр¹. Военное время становится и редактором, и соавтором режиссера. Легкая комедия драматурга В. Дыховичного о счастливой молодежи приобрела неожиданно новую тональность — показа той радостной утраченной жизни, ценность которой так остро осознана, суровость тираноборчества звучит лейтмотивом в лессинговой «Эмилии Галотти». «Дама с камелиями», поставленная в самые холодные и жестокие дни, воспринималась не как сентиментальная книжная мелодрама, а как рассказ о страстной попытке человека сберечь свое право чувствовать и любить². «Радиохроника» сохранила сводки о том, что не просто опустевшие ряды замещаются теми, кто может встать в строй, а взаимопомощь театров, содружество и сотрудничество создают картину какой-то неразрываемой цепи. Театр Ленинского комсомола, Театр музыкальной комедии. Когда не было возможности довершить спектакль в одном театре, его подхватывал другой, или на следующий день он транслировался в радиотеатре. Интенсивность переживания ни с чем не сопоставима. За полтора-два года прожито столько, что хватило бы на несколько жизней. И сквозь театры проходила эта «ли-

¹ Рыков А. В. Письма из осажденного города//Золотницкий Д.И. В спорах о театре: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: РИИИ, 1992. С. 98—112.

² Сергей Радлов. Великий город // Литература и искусство. 1942. 1 мая. № 18. С. 4.

ния огня», проложена «дорога жизни». Никогда еще этот блокадный театральный мир не существовал так больно и ослепительно под знаком трагического праздника. Никогда не переживался актерами такой подъем и единение со зрителем, как при показе пьесы Константина Симонова «Парень из нашего города» для вернувшегося в город экипажа подводной лодки.

Блокада Ленинграда — это одна из самых мощных кульминаций драмы 1941—1945 гг.

Как это ни кощунственно звучит, война «открыла шлюзы», реабилитируя человеческое — все то, что упорно и последовательно девальвировалось и загонялось в железо 1920—1930-х, а в 1940-х подвергалось истреблению. Недаром у Ходасевича в стихотворении «Сквозь облака фабричной гари...» есть емкая характеристика эпохи, подготовившей войну: «Раз: победителей не славить. Два: побежденных не жалеть». Как извлекалось человечное из под завалов в самую бесчеловечную пору? Театр в силу своей зрелицкой убедительности и способности разом собрать массы — десятки, сотни людей, чтобы вместе пройти испытание, театр активней других видов искусства готов на эту хирургическую операцию, расчистку того, что еще осталось и не подверглось уничтожению.

Как и положено «хорошо сделанной пьесе», весь трудный исторический сценарий 1941—1945 гг. несет печать мощного катарсиса и крепкой подлинности строения.

Юрий Завадский, режиссер театра Моссовета, выступил со статьей, название которой повторяло знаменитую статью Евгения Вахтангова «С художника спросится!» и стало девизом Вахтанговского театра. Завадский продолжает мысль Вахтангова о том, что революция разделила мир на «старое» и «новое». Нет такого уголка жизни челове-

ческой, где не прошла бы эта линия, и нет такого человека, который так или иначе не почувствовал бы ее. Так и война разрубила жизнь на «до» и «после». Завадский повторяет вахтанговские метафоры. Война выжигает следами своих ураганных шагов линию, за которой осталось мирное «вчера». И на этой передовой фронта находится художник. Театр в ответе за то, чтобы эта линия стала зерном для каждого. Материальная, духовная, душевная, интеллектуальная — все стороны жизни человеческой взорваны ураганом войны. Военный вихрь все дальше и дальше раскидывает истребительный огонь, сжигающий все наносное. И художник — будь то драматург, режиссер или актер — главный ответчик за то, чтобы создать новый репертуар и новое слово о роковом рубеже, на котором стоит страна¹.

Многие писатели откликнулись на призыв и обратились к драматической форме, потому что театр живее, нагляднее, агитационнее прозы, работа для него — посильное участие в обороне. Нужна не только классика.

Первый год войны ознаменовался множеством оперативно написанных пьес — «Фронт» Корнейчука, опубликованный в «Правде», «Нашествие» Леонова, «Русские люди» Симонова, «Давным-давно» Гладкова, «Накануне» Афиногенова, «Испытание чувств» Федина. Пастернак начинает и не заканчивает трагедию «Этот свет». Она несколько раз меняла название, и от нее уцелело немногое. Первоначальный замысел сводился к тому, что в старой усадьбе встречаются люди сороковых годов и размышляют о России и русском, о том, как их всколыхнула война, очистила воздух; главная пружина

¹ Завадский Ю. С художника спросится//Советское искусство. М. 1941. № 35. 4 сентября. С. 3.

драматического напряжения — близость фронта и перспектива сдачи города, в котором происходит действие. Это сюжетное ядро в разных вариантах так или иначе прослеживается во многих пьесах.

Каждый год возрастает количество пьес о современности примерно в полтора-два раза¹. Драматурги берут обязательства, выполняют заказ, умножая трафаретные черты «пьесы о войне», предполагающей, к примеру, сочетание ораторского пафоса и бытовой приземленности, приправленной цветистыми репликами персонажа «из народа» в псевдопростонародном стиле.

Несмотря на такой драматургический бум, театр испытывает голод. Знаменательны в этой связи дискуссии о кризисе театрального цеха к концу войны. 1 июля 1945 года в «Комсомолке» была напечатана статья, посвященная итогам минувшего театрального сезона. Статья вызвала шквал откликов, и редакция созвала совещание работников искусств, где обсуждались основные положения статьи. Подборка «Героя современности — на сцену!» поучительна. Выступающие открыто и достаточно свободно называют болевые точки театральной жизни военных лет.

На газетной «сцене» — в формате большого разворота «Комсомолки» — собирались все ведущие силы советского театрального мира. Каждый оратор, «народный» и «заслуженный», «выходит к газетной рампе» и произносит фактурный монолог. По мысли Николая Петрова, в те годы главного режиссера Московского театра транспорта, театр подошел к своему рубежу, к тому пограничью, где решается вопрос жизни, потому что театр — это не

¹ Сила искусства. Научно-творческая сессия, посвященная 25-летию советского театра // Литература и искусство. 1942. 28 октября. № 47. С. 2—3.

только производство и плановое хозяйство, но искусство, требующее тонкой и сложной работы с современным материалом, вызывающим на поверку снисходительное и высокомерное отношение, а нередко и препятствия со стороны критики и руководства. Выступление Сергея Образцова, руководителя московского Центрального театра кукол, «Невыполненные обещания» содержит прямые указания на то, что самому существованию театра угрожают три вещи: монополия привилегий, сложившаяся в театрах-грандах, привилегий прежде всего в репертуарной политике и в поведении «звезд», в невозможности здорового диалога и соревнования между театрами и внутреннем организационном хаосе, когда худрук и директор фактически бесправны и лишены каких-либо средств воздействия на изменения в репертуаре и творческой среде, а в театре в отличие от производства нет хозяина, отвечающего за выпуск качественной продукции. Стая трактовка «Гамлета» не изменит ситуацию и не поможет пробиться современности на сцену. Для того чтобы возникла потребность писать свежие пьесы, выпускать премьеры, нужно создать не только экономические условия, необходимы общественные и гражданские. И тогда начнется большое цветение искусства. О пагубности соревнований и «забегов» на короткие дистанции, о «загнанности театров», о непрофессионализме критиков, способствующих тому, что «театры разминулись с современностью», говорил Николай Акимов, художественный руководитель Ленинградского театра комедии. Примечательно выступление Виктора Шкловского, филолога, сценариста, киноведа, критика. Его реплика называется «О способности удивляться новому». Шкловский выступает в своей привычной писательской роли и представляет авторский цех, описывая анекдотические картины одна другой абсурдней, когда

для того, чтобы принять решение о постановке пьесы «Багратион», театру Моссовета вменяют в обязанность пригласить шесть генералов для вынесения вердикта о пригодности пьесы. Генералы шесть часов в целом доброжелательно обсуждали пьесу, после чего Комитет по делам искусств вынес отрицательный вердикт. Все хотят классики, но никто не знает, где живой классик. Директор театра умеет разговаривать с Шекспиром и Островским, потому что он их знает и уверен, что не подведет. Но руководитель театра пребывает в полной растерянности, когда к нему приходит современник и предлагает свое творение. Он не знает, как и о чем говорить с современником, а помочи ждать неоткуда. Писатель видел столько, что имеет потребность учить, и как учитель жизни готов говорить с людьми всерьез, умеет и хочет делиться своим опытом с читателем и зрителем. И в finale Шкловский формулирует свое программное кредо. Для того чтобы уважать искусство, надо не потерять способности каждый раз удивляться новому его явлению. Когда новые пьесы попадают в театры, им не удивляются, а огорчаются, что они не похожи на Шекспира или братьев Тур. «Я совершенно убежден, что мы, видевшие Горького, Маяковского, Блока, присутствуем при великом цветении искусства, но не всегда это сами понимаем, а понять это — самое трудное и нужное», — заканчивает свою «речь» Виктор Шкловский¹.

«Способность удивляться новому»... Накал газетной дискуссии показал, насколько остро стоит в театральной повестке к концу военной эпохи вопрос об исчерпанности репертуара, о поиске нового языка, новых прин-

¹ О задачах работы театров. К итогам театрального сезона 1944/1945 гг. // Комсомольская правда. 1945. 8 августа. № 185. С. 3.

ципов работы театра, о соотнесении традиционного и современного. Одна из реплик в тогдашних спорах так и называлась — «Осторожно, современность!». Современность непокорна. В военное время этот риск, взрывоопасность обращения с современным материалом многократно возрастает.

Каждая эпоха создает свой действующий канон. Канон — это свод зрительских ожиданий и реакций на то, что мы предполагаем увидеть. Канон — это фильтр, список имен и система регламентов, предписаний внешних и внутренних, структурных. Канон — это наши очки.

В 1941—1945 гг. в драматургии сложился свой диктат, своя система правил, намеченных еще в предвоенную эпоху. В конце 1920-х - начале 1930-х годов сложилась так называемая "советская пьеса", в которой средствами театра — словесными и визуальными — организовывалась новая реальность, новый герой — его словесная фактура, идеология, стиль поведения. В предвоенное время драма становится главным жанром эпохи, способным представить панорамную модель мира. Тотальный контроль и политические перемены во многом затронули театр, и в 1930-е годы драма утрачивает мировоззренческий полифонизм тональностей, интонаций, точек зрения на советскую реальность, выражаемых персонажами, отказывается от того многообразия эстетических средств, еще возможных в предыдущее десятилетие. Драматургия как никакой другой вид искусства дает возможность увидеть, как аудитория проходит ту самую школу «моральной перековки», по каким социальным шаблонам интерпретируется история, культура, частная жизнь и события современности, как регулируется оптика и совершаются манипуляции очевидным, личный опыт все больше подчиняется общей идеологической дисциплине,

санкционированной авторитетными органами¹. В данной подборке наряду с пьесами и авторами, которые полно-правно занимают достойное место в канонической системе драматургии о войне, соседствуют и те, кто забыт или малоизвестен, но его отсутствие — лакуна в нашей театральной памяти. Состав драматургического репертуара в данном томе разнообразен.

Авторы известные и малоизвестные составили общий ряд.

В 1941—1945 годах публиковались сотни пьес. Но мы отобрали те, в которых герои так или иначе совершают свой личный выбор, а жизнь в условиях катастрофы становится понятнее и проще. Именно этот момент частного выбора, внутреннего решения так или иначе объединяют совсем разные пьесы, а картина военных лет приобретает оттенки, усложняется и оживает. Различима разноголосица, полемика в пьесах, словно бы возвращающая нас к живому многоцветному прошлому советского театра 1920-х годов, через открытые шлюзы военного лихолетья возрожденная в период оттепели 1960-х.

Один из «входов» в этот военный театр — пьеса Виталия Кvasницкого «После боя». Короткая насыщенная биография Кvasницкого, как у многих родившихся в самом конце XIX века и погибших на фронте... Бесконечные переезды, смена занятий, лихорадочный темп работы. Родился в Белоруссии под Минском, затем оказался в Петербурге, поступил на физико-математический факультет, бросил с первого курса, метался в 1919 году между белыми и красными, партизанил, был подполь-

¹ В. В. Гудкова. Рождение советских сюжетов: Типология отечественной драмы 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

щиком в тылу белых. В 1920—1930-х занимался политработой на Дальнем Востоке в военном округе, включился в бешеный газетный круговорот на Восточном фронте. Его называли «королем малых жанров», которыми виртуозно владел Виталий Квасницкий, создавший множество искрометных «театральных фельетонов», сценок и скетчей, миниатюр. «Обаятельный многостаночник-стахановец»¹, так называл его соавтор Типот Виктор Яковлевич (драматург, основатель Московского театра сатиры, родной брат Лидии Гинзбург). Вместе с В. Я. Типотом Виталий Квасницкий написал в 1933 году острумный скетч в 4 эпизодах «Уставом не предусмотрено»². Вместе с Виктором Яковлевым и Львом Ошаниным увлекались музыкальным легким жанром и писали либретто. Одноактные оперетты в конце 1930-х были очень популярны, а опереточные номера нередко входили в репертуар фронтовых бригад. Особенным успехом пользовались «Палки в колеса», либретто, написанное Квасницким вместе с Виктором Яковлевым на музыку композитора-песенника Юрия Слонова. Сочетание спортивной и любовной темы гарантировало удачу и симпатии зрителей, и «Палки в колеса» стойко держались в репертуаре Театра эстрады, а в 1940-м по заказу Всесоюзного радио Квасницкий с соавторами сочинил «Любовь и спорт», легкое романтическое переложение «Палок в колеса». В самом начале войны Квасницкий вступил в народное ополчение, воевал в составе писательской роты и в октябре 1941 года пропал без вести в окружении под Вязьмой. Почти ровесник века, ему

¹ В. Я. Типот. Записные книжки 1930-х гг. // РГАЛИ. Ф. 2897. Оп.1, ед. хр. 17.

² Квасницкий В. И., Типот В. «Уставом не предусмотрено» // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1, ед. хр. 1392.

было 43 года. Пьеса в одном действии «После боя» — результат участия Виталия Квасницкого зимой 1939 года на востоке Карельского перешейка в работе группы военных корреспондентов. В компании с Евгением Долматовским, Александром Твардовским, Николаем Тихоновым и другими Квасницкий провел несколько месяцев. «После боя» — в сущности единственная пьеса о советско-финской или «Зимней войне» 1939—1940 гг. И читается она как разминка, тренировка, репетиция Большой войны. Действие и интрига незатейливы и плотно упакованы вокруг двух групп персонажей. С одной стороны, финны, отец и сын, директор завода, управляющий, инженер. Наступление красноармейцев заставляет управляющего конторой завода и весь немногочисленный персонал готовиться к бегству, а перед этим заминировать завод. Советский капитан, старшина и ротный санитар Трофимчук раскрыли заговор финнов и спасли всех. Есть предатели, перебежчики, смерть мнимая, комическая и гибель подлинная. Немало трогательных, тонких, гротескных сцен, как бусины, нанизанных на общий стержень. Почти отсутствуют ремарки. В динамичности живых диалогов виден легкий почерк автора эстрадно-концертных сочинений и детских пьес для кукольного театра. Капитан и старшина вспоминают гибель товарища Сергея Дорошенко. Один из неразрешимых вопросов, который занимает их, — как рассказать о смерти человека, который только вчера был рядом? Как объяснить самим себе и родным этот стремительный переход? Может быть, впервые в таком легком жанре поднимается тема обыденности гибели, для описания которой надо подбирать специальные слова. Кроме Виталия Квасницкого о финской войне собирался писать для театра Леонид Соболев, но замысел так и остался неосуществленным, что подтверждают его

дневники¹. В целом «После боя» сохраняет свою тематическую уникальность.

Суть одной из самых первых пьес о войне «Накануне» Александр Афиногенов сформулировал в заявке, отправленной в Комитет по делам искусств 10 декабря 1940 года. «Мы накануне... Вот почему все наносное, мелкое, загромождающее жизнь сейчас очищается суровым ветром надвигающихся событий... Все мы сейчас должны быть готовы. К чему именно? Сейчас еще нам знать не дано. Но чем менее нам дано знать сроки времени и поворот событий, тем большее значение приобретает какая-то всесторонняя готовность, какая-то внутренняя мобилизация всех лучших сторон человеческого «я», обобщенное, философское пророчество грядущего... И для этого нужен такой подъем душевных сил, который помогает и в личной тяжелой драме установить правильные масштаб и перспективу. Помогает эту драму преодолеть. Наше время — время крутых поворотов. Есть и очищающее время, время больших чувств, настоящих людей, громадных дел»². Пьеса о начале войны Афиногенова прорастала исподволь задолго до того, как у него сложился замысел. Она органично собрала многие мысли, сюжетные повороты, что уже были намечены в драме «Далекое», пьесе «Москва, Кремль», написанной в год Мюнхенского соглашения, «Мать своих детей», драме, навеянной событиями на озере Хасан и у реки Халхин-Гол. Афиногенов писал ночами в августе 1941 года и к осени «Накануне» завершил. Работал лихорадочно. Может быть, поэтому

¹ Леонид Соболев. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Советская Россия, 1987. Т. 5. С. 457—459.

² Цит. по: Караганов А. В. Жизнь драматурга: Творческий путь А. Афиногенова. М.: Сов. писатель, 1964. С. 505—506.

пьеса получилась эскизной, оставляла ощущение неоконченности. Замысел менялся, и если в 1940 году «Накануне» звучало лишь как предчувствие войны, то к моменту завершения пьесы главное слово получило совсем другое наполнение: предчувствия общей беды сбылись, и «Накануне» прочитывается заново как вера в победу, вера, объединяющая и очищающая людей от всего наносного, лжи и фальши. Отсюда такая сильная концентрация лиризма, обращение к толстовскому роману «Война и мир», открывающее героям сложное устройство мира, вторжение чеховских, лермонтовских мотивов (актриса Софья Павловна Гараева читает поэму «Мцыри»), персонажи вспоминают «Трех сестер», и Софья Павловна откликается монологом Ольги: «Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас...» Литературные метафоры звучат щемящие, словно бы проверяя собственную прочность грубой повседневностью войны. И отзыается Иван, сын старого литейщика Завьялова, генерал-майор, отступающий вместе со своей дивизией: «Ну! Выше головы. Головы выше, друзья. Надо смотреть в лицо войне смело и весело. Да, весело, чорт возьми! Ведь и в бою есть радость для нас. Потому что бьемся мы за нашу землю, за наших людей... Заранее говорю — жарко будет. Не выгодно город лег. Но и немца тут ляжет столько, что река побуреет... И сколько бы ни гнал он на нас дивизий, — все тут лягут...» Афиногенову, его персонажам необходима такая густая литературная концентрация. Оборона рубежей, защитные силы русской классики, слово Лермонтова, Толстого, Чехова присутствует, органично включаясь в диалоги персонажей и придавая

вая происходящему вневременное измерение. Многое в пьесе «Накануне» перекликается с дневниками записями Афиногенова той поры. Предчувствие близкой смерти не покидало его¹. Об этом он говорил спокойно, трезво. Приписанного к московскому отделению СССР Информбюро, его эвакуировали в Куйбышев вместе с членами ЦК. Из дневника: «В полной темноте сажались в дачные вагоны. Классных не оказалось. Спать невозможно — слишком коротки лавки. ... Ранги, чины, все смешалось — все равны перед самым трагическим, что свершилось за четыре месяца войны». Но неожиданно план изменился — вместе с женой, американкой, его решили отправить в США для проведения агитации в связи с открытием второго фронта. Из Куйбышева Афиногенов вернулся в Москву 29 октября и, собираясь в поездку, зашел на Старую площадь, где размещалось Информбюро. Во время воздушного налета он был убит случайным осколком бомбы, так и не увидев премьеру «Накануне». Она состоялась на московской сцене в марте 1942 года в Первом областном художественном театре. Зрители прямо из театра после окончания спектакля уходили на фронт. По затемненным улицам медленно двигались войска, танки, бронемашины. В 1946 году на вечере памяти Афиногенова Пастернак говорил о его человеческих качествах: «Это лицо бесстрашной чистоты». В пьесе «Накануне» эта «бесстрашная чистота» передана в полной мере.

Блокадные дневники Ольги Бергольц — одни из самых страшных и пронзительных документов той травмы, что пережили люди, глубокого унижения человеческой природы вообще и одновременно свидетельства ее

¹ Илья Венявкин. Чернильница хозяина: Советский писатель внутри Большого террора. М.: Самиздат, 2017.

стойкости и неколебимости. «Небывалый опыт человечества», — скажет она о блокадной трагедии¹.

Опыт существования в блокадном городе отражен в драме. Изначально задуманная как киносценарий, пьеса о комсомольцах в блокадном Ленинграде создавалась в 1944 году Ольгой Берггольц в соавторстве с Георгием Макогоненко.

Берггольц всю блокаду провела в Ленинграде, в июне—июле 1942 г. она написала «Ленинградскую поэму», получившую сразу широкую известность. И позднее она видела свою миссию в том, чтобы сохранить память об этом блокадном времени², достоверно без сглаживания и прикрас передать «небывалый опыт человечества». «Они жили в Ленинграде» — драма, построенная на подлинных документах, собранных Ольгой Берггольц, — письмах, комсомольских отчетах, дневниках блокадников. Действие пьесы начинается в самый трагический период блокадной истории: замкнулось второе кольцо блокады после того, как немцы захватили Тихвин, сократились до предельного минимума хлебные нормы. И в этих условиях в городе начинают действовать так называемые бытовые комсомольские отряды спасателей. Они обходили самые «дикие безнадежные места», помогали тем, кто уже не мог двигаться самостоятельно, и спасли сотни жизней. Пьеса к зрителю пробивалась с трудом, преодолевая идеологические и психологические препятствия: слишком болезненна травма, слишком сложно передать подлинность страшных картин осажден-

¹ Берггольц О. Ф. "Ольга. Запретный дневник". М: Азбука-Аттикус, 2011.

² Громова Н. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2018.

ногого города, смерть и голод. Тем не менее удалось обойти барьеры, и пьеса была поставлена в феврале 1945 года в Московском театре санитарного просвещения. Знаменательно, что ноябрьская премьера в Камерном театре в 1945 году объявлена под другим названием. «Верные сердца» — это уже другая тональность, смягчающая обнаженную героику и мученичество обычных людей, уцелевших блокадников. Александр Таиров в докладной записке в Комитет по делам искусств в 1945 году точно сформулировал ключевую идею пьесы и спектакля: ленинградские блокадные дни и месяцы — это не смерть, а новое рождение. Сразу после Победы, в 1946 году тема блокады оказалась табуированной, и в Ленинграде ни один театр не брался за постановку.

Блокада, эвакуация, тыл и фронт, разоренные города, беженцы, неизвестность... Война перекраивает географию, карту обыденной жизни, открывает новые стороны бытия, нового героя.

Евгений Шварц пережил наиболее тяжелые месяцы ленинградской блокады. Запрещенная пьеса «Одна ночь» написана в эвакуации в Кирове и не вошла в данную книгу, но ее нельзя не вспомнить. Цензура отметила отсутствие героического начала. «Одна ночь» — это очень сильное, короткое трагедийное, романтическое высказывание Шварца о том, как губительна война для нормальных людей. В пьесе нет положительных и отрицательных персонажей и ни одного громкого, пафосного слова, героического монолога. Речь персонажей предельно выверена, достоверна и правдива. В начале и в конце реплики жактовского монтера Лагутина закольцовывают сюжет: «Эх, праздничка, праздничка хочется. Ох, сестрицы, братцы золотые, дорогие, как праздничка хочется! Чтобы лег я веселый, а встал лег-

кий! Праздничка, праздничка, праздничка бы мне!» И это в декабре-то 1941 года! «Ничего. Ничего. Будет праздник. Доживем мы до радости. А если не доживем, умрем — пусть забудут, пусть простят неумелость, нескладность, суетность нашу. И пусть приласкают за силу, за терпение, за веру, за твердость, за верность».

Там же в Кирове Евгений Шварц написал пьесу «Далекий край» о детском доме, детях, эвакуированных из Ленинграда, о людях, пусть даже маленьких, о том, как война прошла через их жизни, характеры, как вызванные ею трудности способствовали их человеческому становлению. Шварц впервые много ездил летом 1942-го, собирая материалы для пьесы в Котельниче, Верхосунье, Демьянске, Орицах, Шипицыне, записывал разговоры. В пьесе дети работали в поле и огороде, тосковали по близким, рвались на войну, дружили, ссорились, убегали, возвращались, решали важный вопрос о дисциплине и о том, что фронт везде, а быть бойцом можно и в далеком краю.

Недаром в finale поют песню, Ленинградскую: «В далекий край ребята уезжают, Родные папа с мамой вслед глядят. Любимый город в дымке исчезает, Знакомый дом, зеленый сад и мамин взгляд». Это переделка известной песни «Любимый город» из кинофильма «Истребители» (1939). Ее парофраз в пьесе Шварца «Далекий край» неслучаен: он тоже сближает две реальности — войны ожидаемой и войны наступившей.

«Далекий край» поставили почти одновременно сразу два детских театра в 1944-м — МТЮЗ и ЦДТ. Получилась единственная в Москве постановка на современную тему для подростков. Но трактовки по стилю, расстановке акцентов, прочтению сильно различаются. Простота

и камерность спектакля в Центральном детском театре подтверждается каждой деталью. Густой лес, скромный деревянный домик, светлая, скромно обставленная комната. Нет музыки, нет эффектов. «И бесспорный центр этого спектакля — образ Лени (артистка Сперантова, раскрывшая драматическую борьбу в душе Лени между любовью к товарищам, братишке Мише и неизменно берущим верх стремлением быть на фронте). В отличие от лаконичного оформления в Центральном детском театре, спектакль ТЮЗа внешне оригинал и праздничен. Постановщик и художник попытались сделать зримым присутствие Ленинграда в далеком краю. Два небольших экранчика помещены по бокам сцены. Эрмитаж, граниты Невы, памятник Петру, петергофские дворцы проплывают в экранной неясной дымке детского воображения. Ленинград присутствует в спектакле как победитель. Пьесу театр показал так, что зритель чувствует торжество любимого города. В этом также состоит отличие спектакля ТЮЗа от спектакля в Центральном детском театре, более драматичного, где тоска и боль за родной Ленинград является ведущей темой»¹.

Евгений Шварц с июля по декабрь 1941 года вел передачи в Радиоцентре. «Сам себе артистическая бригада», он десятки раз выступал на призывных пунктах, писал антигитлеровские скетчи, сатирические обозрения, сценарии. Но вот Театр комедии оставлен в городе, и режиссер Николай Акимов заказал Шварцу и Зощенко пьесу «Под липами Берлина»². Получилась сатирическая

¹ Т. Бачелис, А. Образцова. О пьесе Евгения Шварца «Далекий край» // Литература и искусство. 1944. 3 июня. № 56. С. 4.

² Е. И. Исаева. Евгений Шварц и Михаил Зощенко. К истории творческих контактов // Альманах «XX век». Выпуск 4. СПб.: Островитянин, 2012. С. 17.

панорама, обыгрывавшая берлинскую топонимику (это перевод названия центральной улицы города Унтерден-Линден). Пролог объяснял языковую игру: липы Берлина — это «липовая», фальшивая природа самого фюрера и его окружения. Акимов рассказал о замысле: «Помимо основного репертуара хотелось, естественно, играть то, что отвечало бы переживаемым событиям. Такую пьесу можно было только написать, потому что в готовом виде ее не было. Я обратился к двум любимым моим драматургам — Евгению Шварцу и Михаилу Зощенко — с призывом оперативно создать произведение, поднимающее дух зрителя. После кратких обсуждений они оба решили писать вместе, разделив между собою сцены совместно придуманного сценария. Работа театра и драматургов протекала в лихорадочном темпе, написанные сцены репетировались еще до окончания всей пьесы, и через месяц с небольшим родился отчаянный спектакль (иначе я его назвать не могу) — гротесковое представление «Под липами Берлина». В нем действовали Гитлер и его окружение, которым предсказывался очень быстрый крах, — значительно более быстрый, чем это оказалось на самом деле»¹. Изначально преобладало слово Шварца, сразу узнаваем его почерк и стиль. Все политические мотивы, волнующие Шварца и обозначенные в его творчестве, начиная со сказки «Голый король», вошли в этот скетч, а потом перекочевали в отдельные эпизоды пьесы «Дракон».

«Под липами Берлина» — это балаган, фольклорный театр, в котором представляется анекдот о правителе, инкогнито отправляющемся в народ. Персонажи — куклы, марионетки, маски — смешат зрителя шутка-

¹ Мы знали Евгения Шварца. М.; Л. Искусство, 1966. С. 179.

ми, газетными цитатами, узнаваемой языковой игрой, остротами, вполне пригодными для театрального багажа фронтовых актерских бригад. Буффонные сцены — у крестьян, в сумасшедшем доме, обитатели которого оказываются единственными счастливыми людьми в стране, в лаборатории профессора, совершающего опыты над «подопытным дураком», — объединяются общим сюжетным каркасом. Выразительна и современна сцена в доме крестьян, где родители, Петер и Марта, и дети, Ганс и Гретель, взаимно подозревают друг друга и боятся доносов. «ПЕТЕР. Дети, мы боялись вас, а вы нас... Марта — это наша дочь! Гретель — это я. Ганс, славный бурш, дай лапу». В finale враги терпят поражение, панически бегут пособники фюрера. Пьеса опережала время, может быть, поэтому она столь быстро ушла из репертуара. Шварц любил только счастливые финалы. Не случайно смех, шуточная сказка в каком-то смысле открывает занавес этой книги.

Драматургия 1941—1945 годов. Невозможно охватить весь ее ландшафт. Но театр «расчищал человеческие завалы», пробиваясь и наглядно показывая путь к живому, он обнажал в зрителе то, что так безжалостно проявила гигантская химия войны, активизирующая политические и культурные процессы. На протяжении военных лет театр был камертоном, компасом, настоящей «дорогой жизни». Именно к катализатору человеческого начала обратятся режиссеры и драматурги в поствоенную эпоху и на этом фундаменте будут строить свое творчество.

Елена Пенская

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ¹, МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

Михаил Михайлович Зощенко (28 июля 1894 — 22 июля 1958) — писатель, драматург, сценарист и переводчик. Воевал в Первой мировой войне. Получил ранение. Демобилизовался в 1917 году. В тот же год Зощенко был назначен начальником почт и телеграфов и комендантом почтамта Петрограда. В сентябре командирован в Архангельск. Позже (при советской власти) работал секретарем суда, инструктором по кролиководству и куроводству в Смоленской губернии. В начале 1919 года, несмотря на то, что был освобожден от военной службы по состоянию здоровья, добровольно поступил в действующую часть Красной армии. По состоянию здоровья освобожден от военной службы. Однако поступил телефонистом в пограничную стражу. С 1920 по 1922 год Зощенко сменил множество профессий: был агентом уголовного розыска, делопроизводителем Петроградского военного порта, столяром, сапожником и т. д. В это время он посещал литературную студию при издательстве «Всемирная литература». В печати дебютировал в 1922 году. Принадлежал к литературной группе «Серапионовы братья». В 1930-е годы он больше работал в крупной форме: «Возвращенная молодость», «Голубая книга» и др. Начинает повесть «Перед восходом солнца». Его повесть «История одной перековки» вошла в книгу «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934). В 1920—1930-е годы книги Зощенко издаются и переиздаются огромными тиражами, писатель ездит с выступлениями по стране. В 1940 году написал книгу для детей «Рассказы о Ленине».

¹ Сведения об авторе представлены в биографической аннотации к пьесе «Далекий край» на с. 318 данного тома.

Во время войны пишет антифашистские фельетоны для публикации в газетах и на радио. По предложению главного режиссера Ленинградского театра комедии Н. П. Акимова Зощенко и Шварц берутся за написание пьесы «Под липами Берлина»¹. В эвакуации в Алма-Ате Зощенко работает в сценарном отделе киностудии «Мультфильм» и пишет серию военных рассказов, продолжает работу над повестью «Перед восходом солнца», создает несколько антифашистских фельетонов, а также сценарии к фильмам «Солдатское счастье» и «Опавшие листья». В апреле 1943 года Зощенко вернулся в Москву, был членом редколлегии журнала «Крокодил». В 1944—1946 гг. много работал для театров. Две его комедии были поставлены в Ленинградском драматическом театре, одна из которых, «Парусиновый портфель», выдержала 200 представлений за год. Начиная с августа 1943 года журнал «Октябрь» успел опубликовать первые главы «Перед восходом солнца». 14 августа 1946 года выходит Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о запрете публиковать произведения Зощенко и Ахматовой. Последние годы жизни работал как переводчик.

¹ Исаева Е. И. Евгений Шварц и Михаил Зощенко. К истории творческих контактов/// Альманах «XX век». Выпуск 4. СПб.: Островитянин, 2012. С. 10—21.

ПОД ЛИПАМИ БЕРЛИНА¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ведущий.	Декан.
Гитлер.	Профес sor.
Дежурный генерал.	Ассистентка.
Министр пропаганды.	Дурак.
Шутт — астролог и лицо, приближенное к Гитлеру.	Доктор.
Дежурный офицер.	Сумасшедшие.
Минна Гретхен Лотхен	Статс-дамы.
Старик Петер Марта Гретель Ганс	Крестьяне.
Nаполеон Нерон Фридрих Александр Македонский	Императоры.
Полицейские.	

¹ Пьеса о Гитлере «Под липами Берлина» написана за две-три недели по настойчивому предложению Н. П. Акимова в самом начале войны Евгением Шварцем совместно с Михаилом Зощенко (каждый писал по акту). Премьера состоялась 12 августа 1941 г. и после этого сыграна 15 раз на сцене Театра комедии (репетировали с листа). Пьесу сняли с репертуара в сентябре 1941 г. в связи с тяжелым положением на фронтах. Целостный текст пьесы не сохранился. По рабочему экземпляру режиссера Николая Акимова, дополненному другими экземплярами, исследователь творчества Шварца Андрей Богданов в 1974 г. реконструировал каркас пьесы, сверяясь с версией, хранящейся в РГАЛИ в фонде Евгения Шварца. И в 1987 г. восстановленный текст был опубликован: «Под липами Берлина» //Театр. 1987. № 5. С. 170—190.

Пролог

В городе Берлине, товарищи, очень много липы. Там даже целая улица есть, которая называется «Унтер-ден-Линден», что значит «Под липами». Всей берлинской липы не опишешь в одной только пьесе, и поэтому изобразили мы пока что основную, известнейшую, самую, так сказать, явную липу. Один очень крупный бандит захватил в Берлине власть. И сразу он поднял такой шум, что даже люди неглупые растерялись. Воплями, барабанным боем, ложью и казнями оглушил и отуманил бандит несчастную Германию. И потащил ее за собой в разные бандитские предприятия. Но его рекламные штучки подействовали мало на нас лично. Мы-то видим его как облупленного. Этот страшный великан — не железный, а липовый. Жестокость его, правда, огромна. Лживость — тоже незаурядна. Но в основном этот полуграмотный крикун — просто человек с мелкой душонкой. Для нас он — не великий канцлер Адольф Гитлер. Не Наполеон — хорош Наполеон, который даже ротой в жизни своей не командовал! Для нас он просто зарвавшийся аферист. Адольф Иванович. Для ясности мы его так и называем иногда. Мы знаем, что в наших условиях слава его не пошла бы дальше народного суда... (За занавес.) Ну что там, одели Гитлера?

Голос. Да нет еще...

Ведущий. Почему?

Голос. Да дрыхнет он еще. Просыпаться ему не хочется...

Ведущий. Все равно давайте занавес! Показывайте его таким, как он есть.

Действие первое

Спальня Гитлера.

Дежурный офицер. Ать-два, ать-два... Стой... Тише, господа, разбудите нашего ангела. На цыпочках, на согнутых коленях шагом арш... Стой... Военно-колыбельную песню начинай...

Караул поет военно-колыбельную песню.

Гитлер (*звонит*). Дежурного генерала! Астролога! Завтрак подать.

Входит дежурный генерал. За ним Шутт.

Генерал. Мой фюрер, дежурный генерал честь имеет явиться.

Гитлер (*генералу*). Где Шутт?

Шутт. Доброе утро, мой фюрер! Прикажете завтрак подать? (*Звонит*) С пяти утра наблюдаю за небом по вашему приказанию.

Гитлер. Ну и что же планеты говорят?

Шутт. Планета Марс без перемен. Юпитер как с ума сошел — еще быстрее поворачивается вокруг своей оси...

Гитлер. Вот как! Это о чем говорит?

Шутт. Это предсказывает день удач. Все, за что вы сегодня возьметесь, мой фюрер, будет исключительно удаваться...

Генерал улыбается — он скептик.

Гитлер. Ну, а более подробно, мой друг.

Шутт. Более подробно... Некоторое... что ли...

Гитлер. Ну, я слушаю. Что говорят планеты?

Шутт. А более подробно... Ну, во-первых... (*Смотрит, как Гитлер ест.*) Некоторое отсутствие аппетита у вас будет наблюдаться сегодня...

Гитлер. Да, ты прав. Что-то я сегодня не особенно.

Шутт. Засим... (*Прислушивается к шуму улицы.*) Восторженные овации со стороны народа...

Генерал. Ну так ясно — с утра народ под балконом...

Шутт. Не знаю, генерал, я говорю то, что мной прочитано на языке звезд...

Гитлер. Не мешайте ему.

Шутт. Генерал, не мешайте мне сосредоточиться... Далее — какой-то сюрприз или приятное известие...

Гитлер. А, вероятно, с Восточного фронта.

Шутт. Совершенно верно, с Восточного фронта, поскольку звезды — не скажу были на востоке, но вроде того. Далее — удача в научных или в коммерческих делах. Поводное времяпровождение в семейном кругу... И так далее...

Гитлер. Ну, благодарю, мой друг. Сегодня у нас деловой день, и удача мне весьма желательна. Генерал, огласите вопросы. (*Подает блокнот.*)

Генерал (*читает*). «Первый вопрос. Проблема увеличения народонаселения Германии за счет собственных ресурсов».

Г и т л е р . По этому вопросу пригласить фрау Минну и ее секретарей на двенадцать часов тридцать шесть минут.

Г е н е р а л . Есть. «Второй вопрос. Научное оглушение человека без потери боеспособности».

Г и т л е р . Пригласить ученого, ведающего этим вопросом, на одиннадцать часов шестьдесят восемь минут...
(Неожиданно выкрикивает.) Интеллигенция — это отбросы нации!

Молчание.

Г е н е р а л . Разрешите продолжить?.. «Третий вопрос. Снижение срока беременности в военное время».

Г и т л е р . Этот вопрос надо еще проработать...

Ш у т т . Я проработаю, Адольф Иванович.

Г и т л е р . Ну, проработай. Поговори с врачами — может быть, они найдут возможным убавить этот срок хотя бы до пяти месяцев.

Ш у т т . Путем гипноза или что-нибудь в этом духе...

Г и т л е р *(генералу)*. И все?

Г е н е р а л . Еще имеется «разное». *(Читает.)* «Несговорчивость Швеции. Нетактичное поведение Америки...»

Входит министр пропаганды.

(Докладывает.) Министр пропаганды.

М и н и с т р . Хайль Гитлер. Экстренное сообщение, господа.

Г и т л е р. Ну?

Ш у т т. Не томите...

М и н и с т р. Гениальное открытие. Блестящий научный опыт... Престарелый ученый... Выживший из ума... Кто бы мог думать...

Г и т л е р. А что он сделал?

М и н и с т р. Он выкачивал кровь из лица неарийского происхождения и вил в него кровь арийца. Правда, и тот и другой умерли. Но они могли бы и не умереть. И тогда неариец стал бы арийцем. А ариец...

Г е н е р а л. Неарийцем...

М и н и с т р. А ариец остался бы арийцем в силу своего арийского происхождения...

Г и т л е р. Гениально. Главное, мне нравится, что они оба умерли арийцами. Сделайте доклад в институте «Чистота расы».

М и н и с т р. Есть. В каком плане вести дальнейший поиск?

Ш у т т. Разрешите предложить... «Выкачивание неарийской крови из лиц наполовину арийского происхождения без особого вреда для человека».

Г и т л е р. Ну это на вечер, господа... Кто там? Войдите...

Входят фрау Минна, фрау Лотхен и фрау Гретхен.

Д а м ы (*хором приветствуют*). Хайль Гитлер!

Г и т л е р (*потирая лоб*). Зачем я их пригласил? Не помню...

Г е н е р а л. Проблема увеличения народонаселения Германии за счет собственных ресурсов.

Г и т л е р. Ах да... Ну как, фрау Минна? Как наши брачные пункты? Организовали?

М и н н а. Так точно, мой фюрер. Пункты организованы.

Г и т л е р. Превосходно... Ах да, господа. Вы же не в курсе дела... Мне пришла блестящая мысль... Германия спасена. Фрау Минна, дождите собравшимся.

М и н н а (*смузенено*). Так что вот... Мой фюрер приказал организовать... Эти, как их... встречи. Для того чтобы, так сказать... Ну, сами понимаете, господа...

Г и т л е р. Господа! Солдаты оторваны от семьи. Дети почти не рождаются. Война и реформы усугубляют дело. Государство не может равнодушно смотреть на гибель нации. И вот я приказал ей...

М и н н а (*по-солдатски*). Организовать районные брачные пункты.

В с е. Блестяще, изумительно... Гениальный полет мысли...

Г и т л е р. Фрау Минна, дождите, как идут дела на брачных пунктах...

М и н н а (*мнется*). Дела идут отлично. Мужчины и особенно подростки с утра торчат у подъездов...

Г и т л е р. А дамы?

М и н н а (*с улыбкой*). Ну, с этой стороны не предвижу затруднений... Не знаю, как другие... А лично я уже записалась. Так сказать, подала личный пример.

Лотхен и Гретхен. И мы тоже.

Гитлер. Благодарю вас от имени нации.

Дамы (*хором*). Рады стараться, мой фюрер.

Офицер (*входит*). Разрешите войти... Хайль Гитлер!.. Войска желают попрощаться с вами. Горят желанием увидеть вас..

Гитлер. Ай, я еще не одет.

Генерал. Надо выйти. Ваш вид вдохновит войска на новые победы...

Гитлер. А где там у вас эти войска?

Офицер. Со вчерашнего вечера неподвижно стоят под вашим балконом.

Гитлер. Подать мундир!

Минна. Разрешите уйти?

Гитлер. Смирно! Всем оставаться на своих местах. (*Надевает мундир. Выходит на балкон. Раздается нечто вроде лая.*) Зольдатен. Дас фенстер ист вайс. Дер тыш ист браун. Хойте ин ди шуле геен да зо шоне веттер ист. Найн. Вонцу ден иммер лернен вас ман шпетер дох фергис. Гинденбург. Бисмарк. Мольтке. Блют. Блю. Ист рот. Хаймат. Дойчланд. Хаймат. Хаймат. Гау... гау... гау...

Гремит музыка. Гитлер возвращается.

Генерал. Народ прямо обожает вас...

Шутт. И, главное, непонятно, за что... То есть пардон... Понятно, но неестественно... Извиняюсь, сбился с интересной мысли... Потом доскажу...

Гитлер (*принимает позу*). Ну, а как вы вообще нашли мой выход?

Генерал. Изумительно.

Шутт. Как Юлий Цезарь.

Гитлер. Вот только, господа, не знаю, как лучше руки держать... Так — Наполеон держал. Так — Фридрих Великий... А для меня решительно ничего не остается...

Шутт. А если так? (*Показывает*.)

Гитлер. Я и то — иногда так. А некоторые смеются, думают, что живот болит... (*Офицеру*.) Что еще?

Офицер. Честь имею доложить — принесли военную сводку с Восточного фронта.

Шутт. Вот я говорил вам, Адольф Иванович, — сюрприз или приятное известие...

Офицер. Разрешите сводку отправить в печать?

Гитлер. Э, нет... Дай сюда эту сводку. Отныне я сам решил ее проверять... Отойдите дальше, господа, мы с генералом посмотрим.

Генерал. Есть.

Гитлер (*читает*). Не может быть! Сколько, сколько? За один день мы потеряли четыреста тридцать танков... Ай, это много, генерал...

Генерал. А вы первую четверочку скиньте. Вот оно и будет в самый раз.

Гитлер. И то правда. (*Исправляет*.) Значит, мы потеряли тридцать танков... А не много ли мы потеряли, генерал?

Генерал. И то много.

Гитлер. Вы находите? Тогда нолик сократим. Он в математике ничего не выражает... Ноль — ноль и есть... Итого — мы потеряли три танка. (*Исправляет.*) Вот теперь бери сводку, пусть печатают. (*Дает офицеру.*) Погоди-погоди... Ну куда бежишь? Государственное дело, а он бежит. (*Генералу.*) Может, лучше не мы потеряли три танка, а они?

Генерал. А в самом деле, мой фюрер, пусть это они три танка потеряли. Что же нам с противником церемониться.

Гитлер. Правильно. Так им. (*Исправляет.*) На сводку, бери. Погоди-погоди... (*Генералу.*) Слушайте, они потеряли только три танка. Как вы это находите?

Генерал. Это они мало потеряли. Не прибавить ли нам нолик?

Гитлер. Правильно, прибавим нолик. Потеряли они, значит, тридцать танков.

Генерал. Если бы они, мой фюрер, еще больше потеряли — это вдохновило бы армию.

Гитлер. Тогда прибавим впереди единичку... Сто тридцать танков потерял противник.

Генерал. Тогда уж лучше первоначальную цифру оставить. Зачем же нам искажать действительность?

Гитлер. Да уж, искажать действительность нехорошо... Поправим... Итого противник потерял четыреста тридцать танков. На, бери сводку.

Офицер уходит.

Генерал. И правильная цифра сохранилась. И авторитет не нарушен.

Шутт. Я же говорил: будет приятный сюрприз с Восточного фронта.

Шорох за дверью.

Гитлер. Войдите. Кто там?

Генерал. Это прибыл ученый по второму вопросу нашей повестки дня.

Входит профессор.

Гитлер. Здравствуйте, профессор.

Профессор. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Гитлер. Ну как ваш опыт?

Профессор. Осмелюсь доложить, операция прошла удачно. В настоящее время подопытный субъект имеет великолепное самочувствие, ходит, кушает...

Гитлер. Ну, а вообще — он воевать может?

Профессор. И воевать может, и приказания слушает... Только что дурак, кретин. А так он все может.

Гитлер. Ну, если так — поздравляю с великой победой. (Кричит.) Сознание принесло людям неисчислимые беды! (Спокойно.) Ваши заслуги перед человечеством будут оценены. В дальнейшем... сознание не будет больше бедствием для человечества.

Министр. Скажите, а массовое, серийное производство операций возможно?

Профессор. Полагаю, что вполне.

Г и т л е р. Интересно посмотреть вашего дурака.

Пр о ф е с с о р. Он здесь. Внизу... в машине.

В с е. Приведите... Интересно...

Профес sor уходит.

Ш у т т. Только не думаю, чтобы его дурак был глупей, чем обычно. Наверное, как и все мы...

Л о т х е н. Интересно, что он женщинам будет говорить?

Г р е т х е н. Наверное, то же, что и все.

М и н и с т р. В крайнем случае полицию можно будет распустить — не нужна будет, если все дураки...

Пр о ф е с с о р (*входит со своим подопытным дураком*). Имею честь представить моего подопытного субъекта.

Д у р а к (*смеется*). Хы-и...

Г и т л е р. Здорово, дурак...

Д у р а к. А, здравствуйте...

Г и т л е р (*недовольно*). Как-то он у вас равнодушно отвечает. Все-таки видит перед собой такое лицо, а он еле цедит. Объясните ему научно, что я — это я...

Пр о ф е с с о р (*дураку*). Это Гитлер... Надо ему отвечать как следует. Громко — «Хайль Гитлер!»

Д у р а к (*посматривая на Лотхен*). Ну, ладно... Чего пристаете...

Г и т л е р. Здорово, дурак!

Д у р а к (*равнодушно*). Хайль Гитлер...

Г и т л е р. Дурак, может быть, и хорош, но я у него чувства не вижу.

П р о ф е с с о р. Да, чувства у него притуплены, естественно — дурак.

Г и т л е р. Если у него нет энтузиазма при виде меня, то у него нет и ярости к врагу.

П р о ф е с с о р. Да уж, конечно. Ну, дурак, что с него взять.

Г и т л е р. Э, нет. Такой дурак мне не годится. Вы мне дайте дурака со всеми чувствами.

П р о ф е с с о р. Помилуйте, это же совершенно невозможно. Вырезается часть мозга, где сосредоточены некоторые жизненные центры.

Г и т л е р. Какое мне дело, что там вырезается. Мне нужен солдат.

Г е н е р а л. А мне так нравится дурак... А что, он у вас щекотки боится? (*Щекочет дурака.*)

Д у р а к. Ну, ты, как ахну тебя.

Ш у т т. Видите — некоторые чувства он проявляет.

П р о ф е с с о р. Это когда касается его.

Г и т л е р. Эй ты, оболтус...

Д у р а к (*кокетничая с Гретхен*). Да отвяжитесь вы. У меня тут поважней дела...

Г и т л е р. С таким дураком мы еще больше зашьемся.

Л о т х е н. Мне тоже дурак не нравится. Сначала на меня смотрел, а теперь с Гретхен флиртует.

Гретхен. А по-моему — дурак хоть куда.

Гитлер. Вот мы и поженим тебя с дураком.

Дурак. Э, нет. Жениться я на ней не буду. Она, я так думаю, с генералом живет.

Министр. Нет, по-моему, он не дурак..

Генерал. Нахал какой.

Дурак. Сам нахал.

Гретхен. Ужасно.

Профессор. Лучше я его уведу, а то он наговорит лишнего.

Дурак. Да уж, сейчас я тут наговорю..

Министр. Уберите, уберите его...

Профессор. Ну, пойдем, что ли...

Дурак. Ну, пойдем. А то они кушать не дают... И девицы надоели мне — какие-то посредственные...

Генерал. Нахал какой...

Дурак. От нахала слышу.

Гитлер (*professory*). Так, извольте продолжать опыт. Такой вялый мне не годится.

Дурак. Ну, пойдем... Надоело их чепуху слушать.

Профессор (*Гитлеру*). Попробую, ваше превосходительство. (*Дураку*.) Идем!

Профессор и дурак уходят. За ними Минна. Лотхен и Гретхен.

Г и т л е р . А ты говоришь — научный сюрприз. Опыт неудачный.

М и н и с т р . Да уж, знаете ли...

Г е н е р а л . Дурак просто. Дурак. Не знаю, господа. Я знал дураков...

Ш у т т *(в тон)*. И сам дурак...

Г е н е р а л . Но, честно говоря, этот дурак меня не совсем удовлетворяет.

Ш у т т . Про себя скажи.

Г е н е р а л . Я про себя и говорю... То есть, pardon, с таким дураком, говорю, — намучаешься...

Ш у т т . Адольф Иванович, извините за нескромный вопрос. Так сказать, горю желанием вам помочь. А какие именно дураки вам желательны?

Г и т л е р . Современное человечество меня не удовлетворяет. Оно мыслит, рассуждает... Министр пропаганды, да объясните же ему, какие мне нужны дураки.

М и н и с т р . Ну, вроде генерала.

Г е н е р а л . Опять меня задевает.

М и н и с т р . Пардон, нечаянно. Нужны дураки этакие...

Ш у т т . Темпераментные?

М и н и с т р . Темпераментные... Чтобы драться лезли. Чтоб из них бойцы были этакие... для войны...

Г и т л е р . И вместе с тем, чтоб они... что?

М и н и с т р . И вместе с тем, чтоб они... что... Полное послушание. И чтоб...

Шутт. И тогда...

Министр. И тогда по их образцу оперировать все население.

Шутт. И генерала?

Генерал. Нет, я и так в норме.

Гитлер (*мечтательно*). А потом весь мир оперировать. И тогда уж я буду...

Шутт. Господином всего мира... А то у нас с вами без этого что-то не получается мировое господство.

На улице крики: «Хайль Гитлер!»

Генерал. Внизу собрался народ. Требует вас. Покажитесь им, мой фюрер. Это вдохновит народ на новые жертвы.

Министр. Слышите? Видите? Вот вам народ... А вы меня браните. Подозревали, что народ мыслит, критикует... Народ критикует? Он безропотный ягненок. Он с обожанием взирает на пустой балкон. Из вашего народа вы можете веревки вить.

Гитлер. Благодарю. Я ошибался... Теперь вижу...
(Идет на балкон.)

Крики усиливаются. На балкон и в комнату летят букеты цветов. Один из букетов с силой ударяется об Гитлера. Фюрер хватается за голову, возвращается в комнату, покачиваясь.

Генерал. Что с вами, мой фюрер?

Гитлер. Букет... в голову попал. Ошеломило немножко...

Генерал. Ого... Изрядный букетик.

Шутт. Адольф Иванович, я всегда говорил, что у вас слабая голова.

Генерал. Однако, господа... В букете булыжник.

Министр. Молчите!

Шутт. Боже мой... Камешек кило два весом... Немудрено, что вы закачались, Адольф Иванович...

Гитлер. Мой народ не мог в меня кинуть... Это...

Министр. Недоразумение...

Шутт. Хорошенькое недоразумение — камешек-то кило два весом.

Гитлер (*министру*). Это что значит, любезный? Критикуют?

Министр. Не могу знать. Чистая случайность. Народ в порядке... помалкивает.

Гитлер. Враньем занимаетесь. Лакируете действительность. Что же это, я сам должен проверкой заниматься?

Шутт (*министру*). Что же. Адольф Иванович сам должен, что ли...

Гитлер. Хорошо-с... Я сам, как Гарун аль Рашид, пойду сейчас к моему народу. Удостоверюсь...

Министр. Ну уж это лишнее..

Генерал поддакивает.

Гитлер. Ваши слова меня еще более убеждают, как мне поступить... И если я найду, что народ по-прежнему

мыслит... Ну, тогда держись... Мне надо помыться. Отведите меня в ванну.

Шутт. Идемте, Адольф Иванович.

Шутт под руку уходит с Гитлером.

Министр. Ну, кажется, я пропал..

Генерал. Надо выяснить, куда он поедет. И надо будет вперед него и натаскать население. Указать, как им отвечать на вопросы.

Министр. Вы — мой спаситель. Правильно. Но как выяснить его маршрут?

Входит Минна.

Генерал. Минна, надо срочно выяснить, куда едет фюрер. После все объясним...

Министр. Умоляю, господа, спасите дело.

Минна. Постараюсь.

Министр. Господа, у меня к вам нижайшая просьба. Давайте всей бригадой поедем вперед и на месте проинструктируем население...

Генерал. Мы согласны.

Министр. Тсс... Идет...

Входят Гитлер и Шутт.

Мой фюрер, мы хотели погулять по саду. Мы вам не нужны?

Гитлер. Вы все свободны, господа. Кроме моего личного астролога и вас, фрау Минна, с которой я хотел еще иметь короткую беседу.

Министр и генерал уходят.

(Минне.) Милейшая, мы уезжаем в Гарт. К вечеру извольте окончательно наладить брачные пункты.

М и н н а. Есть. (Уходит.)

Г и т л е р. Надену штатское платье. В таком виде меня никто не узнает...

Ш у т т. И уж тогда, Адольф Иванович, мы все узнаем.

ЗАНАВЕС

Действие второе

1

Комната в крестьянском доме.

П е т е р. Марта, слышишь? Иди сюда, старушка. Скорей. Скорей.

Выходит М а р т а.

М а р т а. Хайль...

П е т е р. Не надо, старушка, не надо. Можно говорить по-человечески.

М а р т а. А Гретель где?

П е т е р. Вон она, бедная, стоит со своим женихом... у ворот.

М а р т а. А он вытянулся, как палка, бедный дурачок.

П е т е р. Садись, старушка, у окошка в кресло, а я сяду напротив, закурю трубку, и мы поболтаем, мирно-мирно, как в старые добрые времена...

Марта. А дедушка? Может быть, дедушка дома.

Петр. Нет, я заглядывал к нему. Ушел наводить страх на всю округу...

Марта. Ах, бедный, бедный дедушка. Что они с ним сделали!

Петр. Да. Был разумен, честен, прост, добр, как и мы с тобою...

Марта. А теперь смотрит волком.

Петр. И рявкает каждые пять минут: «Бисмарк»...

Марта. Правда, они дедушку за это любят. А нам-то каково? Вдруг среди ночи рев: «Бисмарк...» И без того жить страшно, а тут еще Бисмарк...

Петр. Ну, господь с ним. Старику восемьдесят один год. А вот дети, дети...

Марта. Страшно признаться, но вбили они, вбили в наших детей что-то свое... зверское.

Петр. Марта, ведь мы одни. Зачем же ты бодро улыбаешься?

Марта. Разве? Ну, значит, и в меня что-то вбили. Да и ты, старик, скалишь зубы, как Ганс Вурст. Говоришь грустно, а глядишь бодро.

Петр. Довели. Отца-старика боимся, дочки родной боимся, жениха ее боимся. Зубы скалим, как куклы. А бывало...

Марта. Бывало, в певческом ферейне ты, чуть что не так, подымаешь спор. Ты не глядел, кто неправ — бака-

лейщик, или пастор, или даже сам господин обер-кондуктор королевской железной дороги.

Петр. Хе-хе...

Марта. Я помню: стоит он, синий от злости, подбородок выпятил, и ты ему режешь прямо в глаза: «Вы ошибаетесь, господин обер-кондуктор королевской железной дороги».

Петр. Хе-хе...

Марта. «Я — это ты так ему режешь — если вижу, что в нотах bemоль, то и говорю bemоль. И буду говорить, что bemоль, хотя бы мне возражал сам начальник станции».

Петр. А он говорит: «А если кайзер будет возражать?»

Марта. А ты отвечаешь: «В нотах я не уступлю самому Фридриху Великому, господин обер-кондуктор».

Петр. Хе-хе...

Марта. Вот тогда я тебя и полюбила, мой старичок, на всю жизнь... А господин обер-кондуктор королевской железной дороги вышел из ферейна.

Петр. Но зато он теперь директор Берлинской консерватории. И если он говорит диез там, где стоит bemоль, то все профессора отвечают ему: «Хайль Гитлер», и наш лучший в мире оркестр фальшивит во славу старого дурака обер-кондуктора. Обезобразили, изуродовали, искалечили добрую, честную, трудолюбивую родину.

Марта. Тихонечко, тихонечко. Давай отдохнем, старичок...

Петр. Ну давай, старушка...

М а р т а. Конечно, это тяжело. Добрый человек живет себе, и вдруг влезают в его жизнь большие деревянные куклы. И в руках у них оружие... Но мы тоже себе на уме, милый мой Петер. Хоть минутку в день мы урываем, чтобы вздохнуть...

П е т е р. Подумать, подумать, подумать...

М а р т а. Вспомнить, что мы люди... И почему это подлецы всегда берут над людьми верх?

П е т е р. А потому, что они проще. И дела себе берут попроще... Вырастить хлеб, построить машину — трудно. А отнять хлеб, захватить машину, дать по зубам — дело простое. Марта...

М а р т а. Что, Петер?

П е т е р. Я тихонько-тихонько спою. Ты смеяться не позволишь себе?

М а р т а. Петер...

П е т е р. Голос-то у меня ведь уже старческий.

М а р т а. Что ты. У тебя был драматический тенор, а теперь стал такой лирический-лирический...

П е т е р. Когда вот так ходишь и думаешь, то начинаешь сочинять. Ну вот... Кхы... кхы... Если будет почему-либо неприятно мое пение, то ты прерви меня.

М а р т а. Петер...

П е т е р. Ну... Так, значит, я начинаю. Вот это... Название... Ну, названия нету. Это в тоне а моль, Марта. Ничего.

М а р т а. А моль — я обожаю с детства.

П е т е р. Ну, хорошо. Кгм... Кхе... (*Поет тихо-тихо, старчески, но приятным голосом.*)

Ах, я мечтаю стать цветком:
Кивает он головкой,
Благословляет все кругом
И не грозит винтовкой.

Ах, я мечтаю птичкой быть:
Она щебечет звонко,
И ей не повелят убить
Невинного ребенка.

Я ручейком бы стать хотел:
Он никого не губит.
Но немцем быть мне бог велел —
Никто меня не любит.

М а р т а (*после песни, сквозь слезы*). Послушала бы тебя наша молодежь, Петер.

П е т е р (*сквозь слезы, мягко*). Она сразу засадила бы меня в гестапо, Марта.

М а р т а (*вскрикивает*). Ой... Дочка идет сюда.

П е т е р. Ах, горе, горе... Родной дочки пугаемся, как жандарма. Надоело... Я сейчас ей все скажу. Нет, не скажу. Не могу. Идем...

М а р т а. Идем, дружок. Посидим наверху, на балкончике.

П е т е р. Как ты думаешь, они не слышали?

М а р т а. Нет, что ты... Ты ведь пел так осторожно. Идем, идем...

Входят Ганс и Гретель.

Ганс и Гретель. Хайль Гитлер.

Петер и Марта. Хайль Гитлер. (*Уходят.*)

Пауза.

Ганс. Что они — совсем ушли?

Гретель (*выглядывает в окно*). Да, их уже не видно. Ганс. Они пошли в садик, наверное...

Ганс. Тогда будь так добра, сядь у окна, в кресло, а я сяду здесь так, чтобы никто меня не видел. Ты понимаешь, зачем?

Гретель. Конечно, Ганс. Ты хочешь отдохнуть.

Ганс. Я хочу снять маску и стать человеком.

Гретель. Я понимаю тебя.

Ганс. Как мне надоело тянуться, притворяться, играть дурака... Думаешь, мне легко? Разве мне легко говорить с тобой, как с дурочкой...

Гретель. Ганс...

Ганс. Не смотри на меня и слушай. Я не по правилам люблю тебя. Не по их чертовым правилам. Я не могу больше покрикивать на тебя, как подобает каждому северогерманскому идиоту. Ты моя маленькая, умная, славная Гретель...

Гретель. Говори, говори еще об этом. Только подробнее.

Ганс. О, мы несчастные добрые, послушные, мечтательные немцы. Я думал: чтобы учиться, чтобы жить — я буду внешне послужен. Я разделил жизнь на две ча-

сти: в одной я молчал, не разговаривал и только кричал, когда требуется, «Хайль Гитлер». Я думал — другая половина жизни будет моя, совсем моя. Но это не так. Меня затянуло в рабство, как в машину, когда туда попадает часть одежды.

Гретель. Не надо волноваться, Ганс. Ты отдохай.

Ганс. Я смеялся над моими товарищами коммунистами. Мне казалось, что наука, которую я, крестьянский парень, обожествлял, — выше всякой политики. О, я дурак! Политика — все. И вот теперь я одинок. Я хожу, не снимая маски. Мой бедный профессор занимается тем, что приготовляет искусственного дурака для нашего проклятого автомата-фюрера. Я не смею жениться на тебе, не смею говорить с тобой по-человечески, скалю зубы, хороню убитых товарищей, кричу «хайль» автомата и сам превращаюсь в автомат.

Гретель. Не надо так говорить, Ганс. Ты был в школе славным, добрым мальчиком, таким ты остался до сих пор.

Ганс. Я тебя очень люблю.

Гретель. Да, ты меня очень любишь. И сейчас я почти счастлива. Трудно быть совсем счастливой, когда знаешь, что по нашей вине столько несчастий совершается каждую минуту.

Ганс. Да.

Гретель. Мы молчим, а сколько слез по всему миру. Из-за того, что мы молчим, сколько умирает, сколько...

Ганс. Да. Не будем об этом говорить больше... (Вскакивает.) Что там славно, так бодро шуршит, невеста?

Гретель. Там никого нет, Ганс.. Это кошка.

Ганс. Погляди методично, аккуратно, точно, как подобает женщине северной расы... Что ты плачешь?

Гретель. Ах, Ганс! Только что ты разговаривал со мной, как человек..

Ганс. Гретель...

Гретель. Ты был такой храбрый мальчик. Когда бык погнался за рыжей Магдой, ты, крошечный — ведь тебе было только двенадцать лет, — как храбро ты бросился прямо к быку... Пыль, крик, шум... Ах, как я помню это... Бык ударяет тебя в плечо, но ты молчишь и отбиваешься ногами. Все девчонки влюбились тогда в тебя. Но я куда больше других...

Ганс (улыбаясь). Нет.

Гретель. Ганс?

Ганс. Уверяю тебя — нет. Магда влюбилась больше...

Гретель. Ганс, но ведь она рыжая!

Ганс. Мало ли что... Но... Ты уверена, что это была кошка, а не твои родители?

Гретель. Ах, Ганс. Какие это были славные, добрые старики. Но когда я приехала из Берлина, они хором сказали мне: «Хайль Гитлер». На добром папином лице появилась страшная каменная улыбка.. Мама пробует маршировать... Ганс, моя мама шагает, как солдатик. Ах..

За окном вырастают Петер и Марта. Ганс отшатывается.
Гретель закрывает лицо руками.

Петр. Дети, спокойно.

Марта. Девочка, это я.

Родители скрываются.

Гретель. Куда они побежали?

Ганс. Надеюсь, что не в гестапо.

Вбегают Петр и Марта.

Петр. Дети, ни с места. Дайте мне собрать мысли. Дети, мы сидели на балкончике и все слышали. Дети, мы боялись вас... А вы нас... Марта — это наша дочь! Гретель — это я. Ганс, славный бурш, дай лапу. Дай левую — ведь правая у тебя слаба и не может сильно пощечинить мне руку. Твоя бедная правая пострадала, когда ты спасал от смерти девочку... Значит, мы не одни. Дети...

Обнимаются. С шумом распахивается дверь. Все застывают в страхе. Входит высокий, белый как снег, суровый старик.

Старик (*резко, холодно*). Бисмарк.

Петр. Что ты сердишься, отец? Ведь мы ничего худого не сделали.

Старик. Бисмарк... (*Грозно*) Бисмарк. (*Грозит кулаком. Уходит*.)

Петр. Ганс. Ну, пусть отец неисправим, но зато мы... Мы все вместе... Вот что... Позовите господина декана.

Марта. Петер, но ведь отец может услышать...

Петр. Ничего. Этот несчастный, выгнанный из Берлина, доставшийся нам по разверстке, живущий в ковровнике, — камнем лежит на моей совести. Я из-за вас

не смел ему слова сказать. (*Кричит.*) Господин декан, идите сюда!

М а р т а. Я запру дверь к отцу.

Г а н с. Вот он идет.

Входит почтенный, высоколобый, седой старик в очках — д е -
ка н. Он одет в обтрепанный, но опрятный костюм. Вниматель-
но оглядывает всех.

Здравствуйте, господин декан.

Д е ка н. Декан? Ведь я уволен с должности декана. Как
неариец. (*Еще внимательнее оглядывает всех.*) Я понял,
что здесь произошло.

П е т е р. Ну? Быть этого не может.

Д е ка н. У вас случайно свалились маски, которые на-
цепил нам наш великий фюрер. И все вдруг увидели,
что вы славные люди.

П е т е р. Вы правы. Вы иностранец, а все поняли.

Д е ка н. Я немец, друг мой. Много веков предки мои
прожили в Германии. Я думал, как немец, поступал, как
немец, и дал кое-что немецкой науке. Вот этот бывший
студент может подтвердить, что бывший его декан был
добросовестным медиком.

Г а н с. Еще бы.

Д е ка н. То, что случилось сегодня в вашей семье, слу-
чится скоро во всей стране.

Г р е т е л ь. Ах, скорее бы, господин декан.

Д е ка н. Видите ли... Я, конечно, несправедливо и не-
лепо лишен должности декана. Но бумажка пришла из

министерства, все было сделано в законных формах, и мне теперь искренне неудобно, когда меня называют деканом. Однако простите, меня ждут пациенты.

Петр. Какие пациенты?

Декан. Односельчане ваши проведали, что я врач. Они осторожно, поодиночке пробираются ко мне, точнее — к вам, в коровник. Чуть стемнеет — целая очередь выстраивается у коровника. И какая своеобразная очередь! Все глядят в разные стороны. Кто на звезды. Кто как бы собирает цветы. Кто будто бы гоняется за бабочками. Особенно почему-то это охотно делают ревматики.

Петр. А я-то думал, что односельчане собираются, чтобы следить за моим поведением.

Марта. О! Принимать больных в коровнике. Мне так неловко...

Декан. Напрасно. У вас в коровнике такая образцовая чистота. К тому же мне никто не мешает, так что я не испытываю никаких неудобств.

Петр. Хе-хе...

Марта (*вскрикивает*). Бог мой!

Гретель. Шпоры звенят...

Ганс. Это за мной.

Декан (*спокойно*). Нет, студент, это за мной. Кто-то из пациентов донес на меня.

Марта. О, Петер. Это, наверное, за тобой.

Распахивается дверь. Входят строем министр пропаганды, дежурный генерал, Минна, Лотхен, Гретхен.

Прибывшие. Хайль Гитлер!

Все остальные. Хайль Гитлер!

Генерал. Здорово, славные земледельцы!

Все. Здравия желаем, ваше превосходительство.

Генерал. Сейчас министр пропаганды объяснит вам, что от вас ждет родина. А я с дамами осмотрю местность. (Командует дамам.) Шаг-о-ом марш!

Генерал уходит, сопровождаемый Минной, Лотхен и Гретхен.

Министр. Слушайте меня внимательно. Я скажу речь. Сам все объясню. Я говорю, не думая. Я отдаюсь бурному потоку истинно германских чувств. И этот поток всегда сам выносит меня на берег. Я начинаю. Вот... (Дико орет.) Немцы! Бах-бах... бум-бум. Пу-у. Бей. Бей. Бей! Все духовное нам опостылело. Галлы — нахалы. Французы — толстопузы. Голландцы — оборванцы. Американцы — евреев новобранцы. Бритты — ядовиты. Индусы — трусы. Арабы — слабы. Греки — калеки. Шведы — дармоеды. Все народы подлецы, а мы, тевтоны, молодцы. Аминь. Поняли вы меня?

Все (*кроме декана, который стоит отвернувшись*). Так точно, поняли, ваше превосходительство.

Министр. Умом или сердцем?

Все. Чем прикажете, ваше превосходительство.

Министр. Приказываю сердцем.

Все. Ну тогда сердцем, ваше превосходительство.

Министр. Ну-ну. Неплохо отвечаете. Можно объяснить дальше. (Замечает декана.) А это что за интеллигентная фигура? (Кричит.) Интеллигенция — это отбросы нации...

Петр. Это, извините, декан.

Министр. Ну? Вот гадость какая! До чего я их ненавижу, это уму непостижимо. Как он сюда попал?

Петр. Выгнан из Берлина. Приказано отвести ему место в коровнике.

Министр. Эй, ты! Проклятый интеллигент. Повернись ко мне!

Декан выполняет приказание. Лицо его суворо и спокойно.

(Издает странный вопль, полный ужаса и тревоги.) У-у-у... (Приходит в себя.) Поселяне! Сейчас я скажу речь этому отщепенцу. Выходите отсюда. Скорей, а то я начну. Бах-бах, бум-бум, пу-у-у...

Все, кроме декана, выбегают прочь. Пауза.

Здравствуйте, господин декан.

Декан. Я не декан больше.

Министр. Я в этом не виноват.

Декан. Будто?

Министр. Честное слово. Я как раз уезжал из города. В командировку. Скажите... Это у вас?

Декан. Что «это»?

Министр. Ну, вы знаете...

Декан. Ваш матрикул, в котором двойку, поставленную мной, вы переделали на пятерку?

Министр. Тсс... Это была юношеская проделка.

Декан. Нет, это был подлог.

Министр. Но вы тогда простили меня.

Декан. Я не выношу слез. А кроме того, я надеялся, что из вас выйдет честный человек.

Министр. Ну вот, из меня и вышел министр.

Декан. Да, мои надежды не сбылись.

Министр. Слушайте, продайте мне этот матрикул.

Декан. Я сжег его.

Министр. У, хитрая нация. Я с немецкой прямотой заменил двойку пятеркой. А вы теперь душите меня с еврейской ловкостью.

Декан. Даю вам слово — матрикул сожжен.

Министр. У-у, ловкач. Кто вам поверит? Слушайте, хотите в арийцы?

Декан. Нет.

Министр. Напрасно. Фюрер всех нужных ему евреев обращает в почетных арийцев. Я вам устрою такие документы, что вы сами поверите в то, что вы настоящий немец.

Декан. Я и так верю в это.

Министр. Так не идете в арийцы?

Декан. Нет, лучше умереть.

Министр. Я устроил бы вам это, если бы верил, что документ сожжен. Возьмите деньги. Продайте документик.

Декан. Пустите меня. Мне душно с вами.

Министр. Хорошо, хорошо, не будем ссориться. А скажите, декан, как относятся к вам здешние крестьяне?

Декан. Как приказано. Разрешите... (Уходит.)

Министр. Вот история... Нельзя, нельзя фюрера допускать до разговора с этими поселянами. Подлог он простил бы, подумаешь тоже. Но он не простит, что я когда-то учился в университете. Правда, в последнее время любимое правило фюрера: не вглядывайся, не расспрашивай, не вникай, а то опомнишься. Однако...

Возвращается дежурный генерал со своей свитой.

Ну что?

Генерал. Зажиточные мужики. Хлеба, правда, нет.

Минна. Но амбар очень чистенький.

Генерал. Свиней тоже нет.

Лотхен. Но хлев очень уютный.

Генерал. В погребе у них совершенно пусто.

Гретхен. Но зато сухо.

Министр. Все это нехорошо. Они, наверно, настроены критически.

Генерал. Ничего подобного. Все это доказывает, что они лояльные поселяне. Все фюреру отдали, а себе ничего не оставили.

Министр. Но...

Генерал. Кроме того, нам доложили, что отец поселянина — лихой старик. Чуть что — орет: «Бисмарк!»

За дверью вопль: «Бисмарк!»

Министр. Ого, верно. И больше ничего?

Генерал. Ни-ни.

Министр. Проверим. Поселяне — бегом сюда!

Входят Петер, Марта, Ганс, Гретель.

Правда, что ваш дедушка только одно слово и говорит?

Петр. Правда, ваше превосходительство.

Министр. И больше ни-ни?

Петр. Ни-ни, ваше превосходительство.

Министр. Ввести его сюда!

Петр выходит и тут же приводит старика.

(Задумчиво.) Ничего стариан. А?

Генерал. Пистолет.

Старик. Бисмарк..

Генерал. Отчетливо говорит.

Старик. Бисмарк.

Л о т х е н. Обаятельный старичок.

С т а р и к. Бисмарк!

М и н и н а. Все Бисмарк, Бисмарк, Бисмарк... Право, в его упорстве есть что-то волнующее.

С т а р и к (*яростно напирая на ministra*). Бисмарк... Бисмарк!

М и н и с т р. Ой, он, кажется, хочет что-то добавить...

С т а р и к. Бисмарк... Бисмарк был подлец, а ваш Гитлер и того хуже. Вот вам... Давно собирался сказать, да не смел, а теперь нате, нате, нате...

М и н и с т р. Уведите их. Они довольны — смотрите, они довольны тем, что старик заговорил...

Автомобильный сигнал.

Бандит приехал... То есть что это я говорю? Бах-бах... бум-бум... Пу-у... Идите спрячьте настоящих крестьян. Переоденьтесь в их одежду... и возвращайтесь. Аvosь фюрер не вникнет. Я его задержу...

Все уходят.

Ах, что будет, что будет?

Дверь широко распахивается. Входят Г и т л е р и Ш у т т. Гитлер угрюм. Садится за стол, не поднимая глаз.

Г и т л е р. Здравствуйте, мои добрые крестьяне.

М и н и с т р. Хайль Гитлер!

Г и т л е р. Что такое? Почему такой знакомый голос? Шутт, пойдите разберитесь...

Шутт. Да все в порядке, ваше превосходительство.
Крестьян тут нет. Один министр пропаганды.

Гитлер. Зачем?

Шутт. А это вы у него спросите.

Гитлер (*подымает глаза*). Эй ты! Где крестьяне? Чего ты молчишь?

Шутт. А он, наверное, их речами своими загнал по дальше...

Гитлер. Ну, я жду ответа, министр.

Министр. Хайль Гитлер.

Гитлер. Допустим. Дальше.

Министр. Желтый цвет.

Гитлер. Чего?

Министр. Желтый цвет — к разлуке.

Гитлер. Это что же, примета такая?

Министр. Да.

Гитлер. Верная?

Министр. Вернее некуда. А крестьяне, как на грех, все были одеты в желтую одежду. Встретить фюрера впервые в жизни в платье, предвещающем разлуку...

Шутт. Действительно, безобразие...

Министр. И я приказал им всем переодеться.

Гитлер. Молодец. (*Записывает в записную книжку*.) Примета номер двести сороковая: желтый цвет — к разлуке.

Шутт. Ох, до чего же удивительно, до чего гениально! Двести сорок примет — и мы в них не запутываемся. Хорошо еще, что войной у нас занимаются военные профессора...

Гитлер. Вы что сказали?

Шутт. Не слушайте. Забудьте скорей.

Гитлер. Почему?

Шутт. Я сказал неприятность, а сегодня четверг.

Гитлер. Ну и что?

Шутт. А кто в четверг после обеда слушает неприятности и за это наказывает, у того бывает воспаление.

Гитлер. Чего?

Шутт. Чего попало.

Гитлер. Врешь, наверное...

Шутт. В жизни еще не врал. Самая верная примета.

Гитлер (*достает записную книжку*). Запишем. Чего зубы скалишь, дурак? Заберись-ка ты на такую высоту, как я.

Шутт. Боже избави!

Гитлер. Вот то-то и есть... На такой высоте, брат... Это высота, брат...

Шутт. Да уж, на такой высоте приходится не думать, а гадать. Это прежде надо было думать...

Гитлер. Прежде, прежде... Почем же я знал.. Я думал: я ее начну, я ее и кончу.

Шутт. Это кого же «кончу»? Германию, что ли?

Гитлер. Да нет, болван. Войну. А она, проклятая, не кончается, и все тут. Не мирится. Уж я их и бомбами, и расстрелами, и пожарами — и ничего. Ты знаешь, во сколько мне каждая бомба обходится? Я буквально никаких средств на них не жалею... А враги только озлобляются.

Шутт. Неблагодарные.

Гитлер. А все потому, что думают больно много. Даже там, где поздно думать. Дания, например. Зажата как мышь. Уж кажется — чего тут думать? А она все думает освободиться.

Шутт. Дура такая.

Гитлер. Или Болгария там. Греция... Норвегия тоже... И на фронтах напирают... Вот ты говоришь, у меня ученые профессора фронтами командуют. Верно... Это так... Но если бы ты знал, какие они грубые. Их торопишь, а они: «Не болтайся под ногами. Заварил кашу, а нам расхлевывать. Иди, говорят, ты солдатам речи говорить, а нам, говорят, ты ни к чему», Вон какие слова себе позволяют. А еще образованные, в очках. Тут, брат, погадаешь.

Министр. Разрешите для утешения позвать крестьян, я так полагаю, что они уже переоделись.

Гитлер. Зови. Утешай меня.

Министр. Крестьяне!

Голос генерала. Мы тут, ваша милость.

Гитлер. Какой знакомый голос.

М и н и с т р. Ну? Я лично не узнаю.

Ш у т т. Вот потеха-то...

М и н и с т р. В комнату сюда — шагом марш!

Г и т л е р (*опускает глаза*). Не вдумывайся, не взглядывайся, утешайся.

Входят переодетые крестьянами дежурный генерал.
Лотхен, Гретхен.

В с е. Хайль Гитлер!

Г и т л е р. Ладно, ладно...

М и н и на. Ах, боже мой! Кто же это сидит за нашим столом? Муженек? Нет-нет. Это, конечно, сон.

Г е н е р а л. Мамочка, фюрер!

Л о т х е н. Душечка...

Г р е т х е н. Поцеловала бы, но природная скромность немецкой девушки заставляет меня наотрез отказаться от этой мысли.

Г и т л е р. Ничего... Они ничего себе говорят, министр.

М и н и с т р. Ну так ведь. Делаем, что можем.

Г е н е р а л. Фюрер! Я лично как крестьянин в восторге.

Г и т л е р. От чего?

Г е н е р а л. Буквально от всего.

Ш у т т. Борода отклеилась.

Г е н е р а л. Я тебе сейчас... Гхм.. Кха.. Я тебе, фюрер, по-простому, патриархальному, старонемецкому скажу: я счастлив.

Г и т л е р. Ну, а мысли у тебя в голове не копошатся?

Г е н е р а л. Обижаете, ваша честь.

М и н н а. С неделю назад, фюрер, я так испугалась. Он сидел, сидел, да ка-а-ак задумается. Оказалось, что задумался-то он о том, как он счастлив.

Г и т л е р. Ну, это ничего. Ты с него за это не взыскивай. Ну, а еще. Если я, скажем, прикажу умереть за меня?

Г е н е р а л. Марта, принеси сюда ножик. До свидания, дети, сейчас я зарежусь во славу фюрера.

Ш у т т. Не надо, Марта.

Г е н е р а л. Нет, отчего же?

Ш у т т. Вот мой перочинный, острый, как бритва. На. Нет, режься, режься, дядя.

Г и т л е р. Да ладно уж, не надо.

Г е н е р а л. Нет, отчего же?

Ш у т т. Ох, фюрер, пусть он лучше зарежется.

Г и т л е р. А что?

Ш у т т. Есть такая примета.

Г е н е р а л. Врешь, нет такой приметы.

Ш у т т. А н есть.

Г и т л е р. Смирно! А какая примета?

Ш у т т. Если хозяин обещал зарезаться да раздумал — гости к вечеру помрут.

Генерал. Фюрер, ну что он выдумывает...

Гитлер. Подожди, мужичок, не мешай. (Записывает.) Так. Я тебя хотел только испытать, крестьянин.

Генерал. Нет, отчего же.

Гитлер. Но постольку-поскольку есть такая примета, то придется тебе зарезаться. Бог предназначил меня спасти Германию. Сам посуди — не могу же я ее бросить на kraю гибели. Прощай, герой!

Генерал. Вот история-то... Ну, ладно. (Хватает Шутта, выталкивает его за дверь.) Прощайте, землячки. Чик! (Проводит тупой стороной ножа по горлу.) Хайль Гитлер! (Падает, шепчет женщинам.) Уносите живее, дурищи.

Женщины волокут генерала прочь.

Гитлер. Симпатичный старик. А?

Министр. Ну так ведь. Обработали все-таки...

Гитлер. Фу-у! Как-то легче стало на душе. Женщины, вы расстроились?

Минна. Я? Я лично в восторге. Умереть для славы фюрера — хе-хе — все соседи лопнут от зависти.

Гретхен. Мы так рады.

Лотхен. Мы, как и все без исключения немецкие девушки, готовы свою жизнь отдать за фюрера, не говоря уже о жизни наших родственников.

Гитлер. Молодцы!

Дверь с грохотом распахивается. Влетает генерал, одетый крестьянином. За ним Шутт.

Генерал. Ой, ха-ха-ха, спасите. Ой, ха-ха-ха... Умортит... (Визжит.) Щекочет он меня.

Гитлер. Ты жив? Негодяй! (Хватает генерала за приклеенную бороду, которая остается у него в руках.) Генерал!..

Генерал. Если бы вы знали, как я счастлив, дорогой фюрер, видеть вас, так сказать... Того этого...

Гитлер. Министр, что это значит?

Министр. Не сойти мне с этого места.

Гитлер. Ну, ладно. Введите сюда настоящих крестьян.

Шутт. А их след простыл, фюрер...

Гитлер. Дьяволы! Лжецы! Я из-за вас не мог поговорить с моим народом. Идем, друг мой. Войдем в первую попавшуюся дверь... Там нас не ждут и не надуют. Уу-у, я еще до вас доберусь.

ЗАНАВЕС

2

Просторная и по-немецки уютная комната. Мягкая мебель. На стенах салфетки. На салфеточках вышитые готическими буквами изречения: «У кого совесть чиста, для того жизнь проста», «Кухня да дети — жене милей всего на свете», «Культура — дура, а танк — молодец». За столами и на диванах компания веселых, жизнерадостных людей. Поют негромко и мечтательно:

«Еловый лес,
Еловый лес,
Как твой наряд прекрасен.

*Свою елкой
В Рождество
Ты доставлял нам
Торжество.
Еловый лес.
Еловый лес,
Как твой наряд прекрасен».*

Первая дама (после паузы). Очень трогательная, очень милая песенка. Я, правда, больше люблю солдатские песни, но иногда вечерком не прочь послушать и что-нибудь такое... философское. (Задумчиво.) «Свою елкой в Рождество ты доставлял нам торжество...»

Первый мужчина. Да, вы правы... Солдатские песни хороши. Особенно кавалерийские.

Вторая дама. Или матрёсские.

Третья дама. Ах, все хорошо в нашей мужественной стране. Как писал любимый поэт нашего фюрера:

Как хорошо в краю мужчин,
Имеющих военный чин...
Пиф-паф. Пиф-паф...

Второй мужчина. Глубокие стихи. Пиф-паф — это, правда, несколько старомодно. Лучше та-та-та... Та-та-та... Пиф-паф — так говорит винтовка. Язык пулемета энергичнее.

Четвертая дама. Не будем критиковать...

Пятая дама. Будем радоваться.

Первая дама. Вы правы.

Стук в дверь.

Войдите.

Входят Гитлер и Шутт.

Все. Хайль Гитлер!

Гитлер. Здравствуйте.

Шутт. Простите, здесь живет господин фон дер Штуббе?..

Третья дама. Нам очень грустно, но здесь нет такого, дорогой друг.

Шутт. Ах, ах, до чего же это ужасно — вы не представляете себе. Нам, значит, дали неверный адрес... Мы надеялись провести вечер в кругу друзей.

Первая дама. Вы арийцы, господа?

Гитлер. Ого!

Первая дама. Какого сорта?

Шутт. Люкс.

Вторая дама. Ну, тогда посидите с нами. Здесь собрались все старые друзья...

Шутт. Ах, нам совестно. Мы ворвались в тесный семейный круг...

Третья дама. Но разве истинные немцы не одна тесная семья? А?

Шутт. Ну, конечно, разумеется, правильно. Тогда, с вашего позволения, мы отдохнем тут немного.

Четвертая дама. Милости просим.

Гитлер. Спасибо, господа. (Усаживается.)

П е р в а я д а м а (*Гитлеру*). Скажите, почему вы не на фронте?

Г и т л е р . Я в отпуску.

П е р в а я д а м а . Воображаю, как вы скучаете без свиста пуль.

Ш у т т . Это трудно даже вообразить.

П е р в а я д а м а . Люблю войну.

В т о р а я д а м а . Скажите, пожалуйста, неужели вы расстроены?

Г и т л е р . Кто, я? Какая вы странная... Я совершенно великолепно себя чувствую...

П е р в ы й м у ж ч и н а . Да иначе и быть не может, конечно. Я не могу себе представить человека, который у нас в Германии был бы несчастен.

Ш у т т . Да уж, действительно.

В т о р о й м у ж ч и н а . Первая раса на всем земном шаре. «Та-та-та — говорит пулемет».

П е р в ы й м у ж ч и н а . «Иго-го-го-го — кричат кони».

В т о р о й м у ж ч и н а . И мы побеждаем.

Г и т л е р (*Шутту*). Видал...

Ш у т т . Интересно, как это они нас обогнали?

Г и т л е р . Кто?

Ш у т т . Генерал да министр.

Г и т л е р . Кто?..

Шутт. Генерал да министр.

Гитлер. С чего ты взял, что нас обогнали?

Шутт. Да уж больно народ тут от всего в восторге, не иначе предупрежден.

Гитлер. Да ведь мы вошли в первую попавшуюся дверь.

Шутт. Эх, фюрер. Мало ли до чего доходит немецкая техника. Может, по телефону их напугали. Или сигналами какими.

Гитлер. Молчи!

Шутт. Пожалуйста! Я же для вас стараюсь. Хочу, чтобы все было понятно.

Гитлер. Так, по-твоему, это непонятно, когда народ ликует?

Шутт. Вполне понятно, если этот народ предварительно кто-то тюк-тюк по шейке...

Гитлер. Молчи, подлец...

Первая дама. Простите меня за солдатскую немецкую прямоту. Нам грустно, что вы шепчетесь о чем-то. Вы скрываете что-то от нас.

Гитлер. Дамы и господа. Я хочу порадовать вас, сказать, кто я такой. Я — Гитлер.

Пауза. Затем восторженные крики: «Как? Хайль Гитлер! Ура!» Гитлера целуют. Обнимают. Качают.

(*Освобождаясь.*) Ну, молодцы, просто молодцы. Если бы не женщины, так я мог бы подумать, что принимаю парад. Вольно... Оправиться. Можно покурить.

Шутт заглядывает под столы, диваны, кресла.

Садитесь, господа. Милая дама, подойдите сюда.

Первая дама. Хайль Гитлер!

Гитлер. Благодарю вас. Вы счастливы?

Первая дама. О, еще бы, еще бы...

Гитлер. Прекрасно. И вы послушны?

Первая дама. Конечно. Тот, кто приказывает, должен уметь повиноваться.

Гитлер. А вы приказываете?.. Не женское дело. Что же, занимаете какую-нибудь должность?

Первая дама (*скромно*). Я генерал, фюрер.

Гитлер. Что такое?

Первая дама. Я генерал.

Гитлер. Но это невозможно!

Первая дама. Это трудновато, фюрер, но возможно. Прежде мне было куда трудней.

Гитлер. Когда прежде?

Первая дама. Когда я, как все истинные германские женщины, занималась хозяйством. Я просто чуть с ума не сошла. Но тут, к счастью, пришел ваш приказ о назначении меня генералом, и я спаслась от безумия. Хайль Гитлер!

Гитлер. Дорогая дама, вы послушны, милы, но одно мне что-то не нравится. Зачем вы утверждаете, что вы генерал?

П е р в а я д а м а . А в ч е м д е л о ?

Г и т л е р . Н е х о ч у в н и к а ть , н о м н е э т о н е н р а в и т с я .

Ш у т т . М н е т о ж е . О н а з л и т с я , ф ю р е р .

Г и т л е р . Л ад н о . В ы к т о ?

П е р в ы й м у ж ч и н а . Л о ш а д ь . Х айль Г и т л е р !

Г и т л е р . Н и ч е г о п o д o б н o г o .

П e r v y i m u j c h i n a . A w o t j a t e b j a l j a g n u , t o g d a u z -
n a e s h y .

Ш у т т . Т p r r r y ...

П e r v y i m u j c h i n a . И г o - г o - г o ... (Успокаивается.)

Г и т л е р . В ы к т о ?

Т р e т ь я д а м а . Я — ф r a u Mюllер .

Г и т л е r . Н а к о н е ц - т о ... В о т ... З н а ч и т , е с т ь т у т в с e - т a k i
п o н y т n y e л y u d i . Н e л o ш a d i ...

Т r e t'ya dama. Ч т o в y , ф ю r e r ...

Г и т л е r . И н e г e n e r a l ...

Т r e t'ya dama. Э т o н e ж e n с k o e д e л o , ф ю r e r ...

Г и т л е r . М o l o d e c !

Т r e t'ya dama. С п a c i b o , м i l y i y . К o g d a j e в y p r i d e t e
v z g l i a n u t y n a n aш e гo В i l l i , ф ю r e r ?

Г и т л e r . A ч т o э т o т a k o e ? ..

Т r e t'ya dama. Э т o н aш c в a m i с y n o k , k o t o r o g o м y
c в a m i н a z v a l i в ч e с t y k a y z e r a В i l y g e l y m a — В i l l i .

Шутт. Вот тебе и на! Наследничка бог послал нам. Поздравляю, фюрер. Как это вы вдруг ухитрились?

Гитлер. Молчи, дурак. Фрау Мюллер, это недоразумение. Я вас вижу первый раз в жизни.

Третья дама. Адольф, милый. Ведь у нас с вами сорок сыновей.

Шутт. Многовато...

Гитлер. У нас с вами нет сыновей, фрау Мюллер. Приказываю вам усвоить это.

Третья дама. Обманщик... соблазнитель... негодяй...

Шутт. Тише, фрау Мюллер. Папа только шутит.

Гитлер. Черт знает что такое... Вы кто?

Второй мужчина. Пулемет.

Гитлер. Не буду с вами спорить. Все-таки оружие... А вы...

Четвертая дама. После того как вы отрубили папе голову — я просто серая мышка, фюрер.

Гитлер. А вы кто?

Вторая дама. Я — подводная лодка, фюрер. Только я затонула в прошлом году у берегов Англии.

Гитлер. А почему же вы тут сидите?

Вторая дама. Официальное сообщение о моей гибели еще не появилось, фюрер.

Шутт. Да, это бывает.

Гитлер. А вы...

Пятая дама (*тихо*). Я здесь от гестапо, чтобы следить за поведением окружающих...

Гитлер. Они ведут себя странно...

Пятая дама. Нет, в будни — ничего. Только по воскресеньям они обращаются в ангелов и летают в Америку слушать антифашистские передачи.

Гитлер (*огрет*). Прекратить безобразие!.. С кем вы говорите!.. Знаете, что я последнее время расстраиваюсь, и хотите меня с толку сбить. Не съвете. Я знаю, знаю, знаю, что женщины не бывают подводными лодками.

Первая дама. Смирно!

Гитлер. Нечего, нечего... Ты не из главного штаба, чтобы орать на меня.

Первая дама. Немцы! Этот субъект — марксист!

Шутт. Догулялись...

Первая дама. Он нарушил великий принцип Гитлера: сознание — бич человечества.

Первый мужчина. Иго-го-го...

Первая дама. Он пробует анализировать, он ученый.

Шутт. Да бросьте вы, он и среднего образования не имеет.

Второй мужчина. Тра-та-та... тра-та-та...

Первая дама. Бей его!

Вопли: «Бей!.. Ура!..» Все двигаются на Гитлера.

Г и т л е р . Шутт, прикрывай отступление. (*Бросается к окну, распахивает штору.*)

На окнах решетки.

Решетки... Я в ловушке... Помогите!..

Ш у т т . Помогите!

Вбегают д о к т о р , две сиделки, санитар.

Д о к т о р . Что здесь за шум? Смирно.

Ш у т т . Хозяин, это Гитлер.

Д о к т о р . Да. Серьезный случай. Когда сходят с ума из-за Гитлера, я понимаю, но помешаться на том, что ты Гитлер, — это уже верх сумасшествия. Но вы не отчайвайтесь. Господа, оставьте меня на минутку с этими людьми. (*Сиделкам исмотрителю.*) Стойте за дверью, наготове. Если поднимется крик — вы знаете, что делать.

Все уходят, кроме Гитлера и Шутта.

Как это вы попали сюда без звонка?

Ш у т т . Дверь была не заперта.

Д о к т о р . Ну... Я в последнее время рассеян до ужаса. Впрочем, к черту, займемся делом. Встаньте в сторонке.

Ш у т т . Хозяин, напоминаю вам, я привел к вам Гитлера.

Г и т л е р . Тут все такие странные, что я ничего уж не соображаю.

Д о к т о р . Ладно. (*Подходит к Гитлеру.*) Ах, кого я вижу, да ведь это, кажется, сам Гитлер!

Г и т л е р. Узнал?

Д о к т о р. Ну как же можно не узнать... Такое лицо...

Г и т л е р (*усаживается в кресло*). Ну-ну, а еще что?

Д о к т о р. Взгляд...

Г и т л е р. Да уж, взгляд у меня действительно исключительный. А еще...

Д о к т о р. Да мало ли симптомов...

Г и т л е р. Постой, постой... ты тоже что-то странно на меня смотришь...

Д о к т о р. Нет, что вы... Это я просто ошеломлен. Такая честь...

Г и т л е р. А, ну это другое дело. Ты кто?

Д о к т о р. Доктор медицины.

Г и т л е р. Всем довольны?

Д о к т о р. Просто до сумасшествия. (*Внезапно ударяет Гитлера по коленке.*)

Нога Гитлера взлетает высоко вверх.

Г и т л е р (*шепотом*). Ты что?

Д о к т о р. Ничего... не обращайте внимания, фюрер.

Г и т л е р. Нет, ты что сделал?

Д о к т о р. Ничего особенного.

Г и т л е р (*шепотом Шутту*). Ты куда меня привел, скотина?

Шутт. Ваше высокопревосходительство, вы сами выбрали. Первая попавшаяся дверь.

Гитлер. Вот я вас сейчас обоих. (*Вскакивает. Идет на доктора, вытянув руки.*)

Доктор. Рубашку!

Вбегают смотритель и сиделка. Набрасывают на Гитлера смирительную рубашку.

Гитлер. Это что же... бунт? Шутт, на помощь!

Шутт. Сию минутку. (*Шепотом доктору.*) Гражданин, а гражданин... Вы меня не трогайте. Я ведь у него на службе, вроде бы как мобилизованный.

Гитлер. Беги в гестапо.

Шутт. Да, беги. Они и меня тоже свяжут.

Гитлер. Что вы собираетесь делать?..

Доктор. Лечить. У нас лучший сумасшедший дом в Берлине.

Гитлер. Что?!

Шутт. Так вот мы куда попали! (*Хохочет.*) Матушки-батюшки, отлегло.

Гитлер. Объясни им сейчас же все.

Шутт. Сейчас. Дайте полюбоваться.

Входит вторая сиделка.

Вторая сиделка. Камера готова.

Шутт. Господа и госпожи! Сейчас вы увидите маленький фокус. Удостоверение личности при вас, фюрер?

Гитлер. А как же. В боковом кармане.

Шутт. Один момент. (*Достает удостоверение.*) А теперь, как говорят арийцы, ейн, цвей, дрей — читайте. (*Протягивает доктору удостоверение.*)

Доктор (*прочитав*). Ку-ка-реку...

Первая сиделка. Ну, вот...

Доктор. Ку-ка-реку...

Шутт. Чего это он петушится?

Доктор. Ку-ка-реку...

Вторая сиделка. Капель, капель выпейте.

Доктор. Ку-ка-реку... (*Пьет капли.*) Ку-ка-реку... Это действительно фюрер. Ура.. Хайль Гитлер!

Первая сиделка. А вы, доктор, того... часом, не рехнулись ли сами? У вас давно были признаки...

Вторая сиделка. С психиатрами это сплошь да рядом.

Первая сиделка. Я в газете видела портрет фюрера.

Вторая сиделка. И я тоже. Он там куда красивее.

Гитлер. Дуры... Мало ли что в газетах бывает — куда красивее! Доктор! Покажите им мое удостоверение. Я приказываю.

Доктор. Читайте, несчастные. (*Протягивает им удостоверение.*) Видите? Предъявитель сего есть действительно Гитлер, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Первая сиделка. Пропала моя головушка! (*Рыдает.*)

Вторая сиделка. Ох, казнит! (*Рыдает.*)

Смотритель. Бедная моя мама...

Доктор. Ку-ка-реку...

Гитлер. Ну, довольно вам психовать. Развяжите же меня, наконец. Черт знает что! (*Смотрителю.*) А ты на чем помешан?.. Экая морда...

Смотритель. А я смотритель. Нормальный.

Гитлер. Ну, черт с тобой. Что... Что уставились? Думаете, у меня неудача. Думаете — неудачную прогулочку совершил фюрер. Так знайте — завтра же мой министр пропаганды так ее распишет, что мы сами поверим в полную удачу нашего путешествия.

Шутт. Конечно, поверим. Мы забудем, что крестьян нам подсунули липовых, что на улице мы затыкали уши, дабы не вникать в разговоры прохожих, что единственно счастливые люди, которых мы встретили, — были сумасшедшие, да и тех мы довели до буйного припадка.

Гитлер. Ты что-то сильно красноречиво заговорил, негодяй.

Шутт. Понятно. С кем поведешься...

Гитлер. Замолчи! Я вам всем еще покажу. Вы у меня еще попрыгаете. Забыть все, что было! Изъять из мозгов. За мной, Шутт. Не смей кукарекать, доктор.

Гитлер и Шутт уходят.

Доктор (*кудахчет жалобно*). Куд-кудах-такс-такс...

ЗАНАВЕС

Действие третье

1

Лаборатория профессора. На операционном столе — подопытный дурак. У стола профессор, Ганс и ассистентка. Они в белых халатах.

Профес sor. Не скрою от вас, молодые друзья, — я волнуюсь... Позвольте, я сяду в кресло...

Ганс. Опыт закончился?

Профес sor. Сейчас мы увидим результаты... Пульс?

Ганс (*трогает руку дурака*). Нормальный.

Профес sor. Реакция на свет?

Ганс (*зажигает спичку, проводит перед глазами дурака*). Реагирует...

Профес sor. Раздражители?

Ганс. Муха села на нос... Гримаса весьма явственная. Дергает головой. Гм... простите, профессор, он ругается.

Ассистентка (*шепотом*). Лично я почти ничего не слышала.

Профес sor. Ах, даже ругается? Отлично. Это меня радует... Я боялся, что будет субъект со слабо выраженным темпераментом. Именно за это фюрер и сделал нам замечание.

Ассистентка. Ого, опять выругался.

Ганс. Убил муху и сказал: «Вот я тебе...»

Профес sor. Отлично. Значит, имеются признаки раздражения и гнева.

Ассистентка. Ай, кажется, он хочет встать.

Профес sor. Ганс, положите ему на лицо марлю, смоченную перекисью водорода. Несколько минут он должен спокойно полежать.

Ганс. Есть...

Дурак. Господа, что вы мне мокрую тряпку прямо на физиономию... Ну это же хамство, господа.

Ганс. Сбрасывает, господин профессор.

Профес sor. Несколько капель эфира на марлю.

Ассистентка. Есть.

Дурак. Господа, это не чутко... Ну зачем же вы мне...

Профес sor. Спокойно, мой друг.

Дурак. Позвольте, на каком основании вы мне... Я вам, черт возьми.. Все ваши банки-склянки..

Профес sor. Успокойтесь. Так, отлично. Пусть полежит. Опыт, кажется, весьма удачен. Признаки гнева просто великолепны!

Ассистентка. Я прошу извинить, господин профессор. Я считала нескромным спрашивать вас.. Но сейчас когда опыт закончился, я хотела...

Профес sor. Вы хотели узнать, дитя мое, зачем нам этот дьявольский опыт. Разве Ганс вам не рассказывал? Это опыт по оглуплению человека. Сознание создает

нелояльных людей, как сказал Геббельс. Мыслящие люди — это лишний балласт для государства. И вот господин фюрер дал мне задание — освободить человека от высокого сознания. Для того, чтобы по образу и подобию такого человека оперировать все человечество.

Ассистентка. И вы согласились?

Профес sor. Дитя мое... Наука больше не принадлежит ученым. Наука на службе у государства. Нам, как и солдатам, не велено много рассуждать, а велено делать. Опыт есть опыт. Он позволяет мне заниматься наукой в адских условиях нашего времени. Я не вижу пользы вставать в романтическую позу... А практическое внедрение нашего опыта — это же чистый бред. Это фантазия больного мозга.

Ганс. Значит, вы думаете, что наш фюрер...

Ассистентка. Что он...

Профес sor. Я этого не сказал, господа. Но наука считает, что страх перед сознанием — это первый признак безумия. Человек, который хочет освободить людей от сознания, скорей всего освободится от него сам... Впрочем, забудем, что я говорил, — перейдем к нашей ближайшей задаче... Мой первый опыт, господа, был признан неудачным. Я создал кретина, а надо было...

Ганс. Просто дурака.

Профес sor. Вот тут и был мой промах... Я пошел по другому пути. Я изучил сочинения господина фюрера — то есть все его отдельные высказывания и возгласы как с балкона, так и произнесенные за столом за бокалом пива. И я понял, что хотелось бы фюреру. Ему

нужен человек, возвращенный к степени варварства...
Я это сделал, господа.

Ганс. Но как, господин профессор?

Профессор. В коре мозга лежат все навыки и все рефлексы, приобретенные за тысячи лет культурной цивилизованной жизни... И все это убрал ланцет!

Ганс. И теперь он возвращен вами на самую низшую ступень?

Профессор. Вот этого, дорогой мой, я еще не знаю... Сейчас мы его поднимем и по его поведению увидим, сколько тысячелетий с него снято.

Ассистентка. Я боюсь, господин профессор... Он будет бросаться... Я ведь женщина.

Профессор. Вот и отлично, что вы женщина. По его поведению мы и увидим его звериные инстинкты.

Ганс. Прикажете снять марлю?

Ассистентка. Минуточку, господа... Я приведу себя в порядок. (*Поправляет прическу.*)

Профессор. Снимите марлю. Так...

Ганс. Вздыхает.

Ассистентка. Да погодите же, господа. Ну что вы, в самом деле, торопитесь. (*Пудрится.*)

Профессор. Ну как, мой друг?

Дурак. Что как... Положили мокрую тряпку на лицо, а потом спрашиваете как. Естественно, неприятно. Вот возьму сейчас эту тряпку и всех вас тут...

Профессор и ассистенты прячутся за стулья.

Профессор. Осторожней, господа. Это пещерный житель. Шесть тысяч лет — не меньше.

Дурак. Ну ладно, ладно, пошутил я, господа. Ну, куда вы попрятались. Что вы, шуток не понимаете?

Профессор. Пошутили?

Дурак. Просто пошутил... Ах да, кстати, чего же я на стол взобрался. (*Смеется.*) Лежу на столе — боже мой...

Профессор. А вы небось привыкли лежать, грубо говоря, прямо на... траве?

Дурак. На траве, на софе, на оттоманке...

Ганс. Пожалуй, шести тысяч лет не будет, господин профессор.

Профессор. Похоже на то, что немножко меньше... Впрочем, речь не показательна. Обнажены только инстинкты... (*Ассистентке.*) Душечка, пройдите мимо него.

Дурак. Ах, вот как — среди нас находится женщина... Батюшки-светы, а я без галстука.

Профессор. Смотрите — сейчас он ее схватит.

Дурак. Мадам, глубоко извиняюсь... Я не совсем одет. Где мой бант? А.. великолепно. (*Смеется.*)

Профессор. Ничего не понимаю... Операция была правильная.

Ганс. Тогда дурак хоть сердитый был, а теперь он все время смеется.

Профessor. Покажите ему еду... Делайте вид, что кушаете... О, сейчас он вцепится в горло...

Dурак. Кажется, еда, господа?

Профessor. Еда, еда. Сейчас мы все съедим. А уж вам — извините...

Dурак. Это же нечестно, господа. Сами едите, а другие смотрят. Надо разделить... Прямо противно смотреть на вас. (*Отворачивается.*)

Профessor. Мы пропали. Операция дала какие-то обратные результаты.

Ганс. Может быть, вы ему не то вырезали?

Ассистентка. А может, в то время такие и были люди... симпатичные.

Профessor. Возможно... возможно, из коры головного мозга я ему вырезал те чувства и рефлексы, которые образовались за последние годы... А ведь в то время не было...

Ганс. Фашизма.

Ассистентка. Министерства пропаганды.

Профessor. Не было фюрера... Попробуем задать ему два-три вопроса. И если он ответит неудовлетворительно — надо бежать, пока не пришел фюрер... Послушай-ка.

Dурак. Вы мне?

Профessor. Тебе, тебе... Слушай, дружок, хочешь служить у господина фюрера?

Дурак. А что мне это даст?

Профес sor. Ну, даст известные блага — еду, жалованье...

Дурак. А что надо делать?

Профес sor. Воевать.

Дурак. А с кем? Для чего? Какие цели войны?

Профес sor. Мы пропали, господа. (*Лихорадочно собирает вещи в чемодан.*)

Дурак. Я привык, господа, знать, прежде чем с кем-нибудь драться... Зачем же я пойду воевать? Это только разбойники...

Профес sor. Бежать... бежать...

Ганс. Может быть, подкупить его можно. Чтоб он при фюрере не ляпнул чего лишнего.

Профес sor. Послушай, дружок, на вот тебе конфетку. Сейчас придет фюрер. И я дам тебе целую коробку леденцов, если ты... будешь немножко другим. Бросайся на всех, слушай приказания, ори...

Дурак. Для чего?

Профес sor. Для чего... Ну для того, чтобы ты понравился фюреру... Вот дурак!

Дурак. Ах, нет, господа, это неудобно... Это же обман... Нет, ну что вы меня смущаете. Я люблю пошутить, но на обман, господа... Нет, я отказываюсь.

Ассистентка. Подъехала машина фюрера.

Профес sor. Он меня повесит...

Ганс. В таком случае, я буду ваш подопытный. (*Ложится на операционный стол.*)

Дурак. Смотрите, и этот лег...

Входят Гитлер и Шутт.

Шутт. Смирно! Равнение на середину, господа ученые.

Гитлер. Вольно... Ну как, господин профессор?

Шутт (*профессору*). На вас, как говорится, вся Европа смотрит... А то нам тут с Адольфом Ивановичем поднесли дулю... со стороны народа. Теперь осталась единственная возможность — ваш научный опыт.

Гитлер. Да перестань ты трещать.

Профес sor. Вот ваш подопытный.

Гитлер. А эти?

Профес sor. Мои ассистенты, ваше превосходительство.

Дурак. Ну какой же я ассистент... Ах так, шутки ради... Я люблю пошутить. (*Незаметно хлопает по затылку Шутта.*)

Тот думает, что его хлопнул ученый. Свирепо смотрит на ученого. И в свою очередь незаметно хлопает ученого. А тот усталился на Гитлера.

Гитлер. Ну так покажите нам вашего субъекта. Как он — подходит теперь, по вашему мнению?

Профес sor. Затрудняюсь еще сказать. Ваши требования к человеку...

Г и т л е р. Требования простые. Полное и беспрекословное послушание. Отсутствие мыслей и тем более критики. Любовь ко мне. Ненависть к врагу. Автоматизм действия. Все.

П р о ф е с с о р (*Гансу*). Слышали? Встаньте...

Г и т л е р. Позвольте, я сам хочу...

Дурак снова незаметно хлопает по затылку Шутта. Тот думает, что его хлопнул Гитлер. В свою очередь хлопает Гитлера. Гитлер хлопает ученого.

П р о ф е с с о р (*Гансу*). Вы видите перед собой Гитлера.

Г а н с. Хайль Гитлер!

Г и т л е р. Приказываю вам... Ну, что бы, господа, ему приказать?

Ш у т т. Да вот окно... Пусть он в окно сиганет.

П р о ф е с с о р (*тихо Гансу*). В последний момент я задержу вас. Не бойтесь.

Г и т л е р. Правильно. Эй, ты... Из любви ко мне — прыгай в окно.

Г а н с. Есть. (*Бежит к окну.*)

Д у р а к (*лишается чувств*). Ах...

П р о ф е с с о р (*задерживает Ганса у окна*). Браво!..

Г и т л е р. Ну зачем вы его задержали?.. Так бы интересно — нырнул бы туда...

П р о ф е с с о р. Единственный экземпляр...

Ш у т т. А что там у вас... слабонервный ассистент... никак в обморок грохнулся.

Дурак (*приходит в себя*). Можно ли так пугать меня.

Гитлер. Дурак, кажется, хорош... (*Гансу.*) Эй, ты...
Хватай его. (*Показывает на дурака.*)

Ганс. Сейчас. (*Бросается на дурака.*)

Дурак. Караул!

Гитлер. Дурак мне просто нравится. Меня подкупа-
ет автоматизм его действий... Ну, что бы, господа, еще
придумать?

Шутт. Сейчас я придумаю, Адольф Иванович. Не пуг-
ливый ли он. (*Посмотрев в окно, орет.*) Идут советские
танки!..

Гитлер вскакивает и прячется за шкаф. Все смеются.

Дурак. Да это он нарочно, господа.

Гитлер. Ну можно ли так пугать...

Дурак снова хлопает Гитлера по затылку. Тот хватает его за руку.

Дурак. Это я пошутил...

Гитлер. Однако... ваш ассистент осмелился меня...

Профессор. Умоляю вас... это не ассистент, это подо-
пытный дурак. Он не отвечает за свои действия.

Гитлер. Позвольте... Это — дурак. А это?..

Шутт. По-моему, это липа. Я же, Адольф Иванович,
сразу увидел, что тут дело нечисто. Разве бывают такие
дураки?

Гитлер (*профессору*). Что это значит? Объясните.

Профес sor. Чистое недоразумение, мой фюрер...
Вот он, дурак. Вторично оперировали его... опыт удался... Но не смели демонстрировать его... Заменили в последний момент.

Гитлер. Отчего же?

Профес sor. Неукротим. Совершает рискованные поступки... Мыслит. Еще более опасен, чем кто-либо другой...

Гитлер (*дураку*). Ты что же это, каналья?

Дурак. Сударь, прошу повежливее выражаться. Вы не в трактире.

Шутт. Боже мой, Адольф Иванович...

Гитлер. Да я тебя вместе с твоим профессором!..

Профес sor. Умоляю, не сердите его. Это же первобытный житель. И кроме того... он не привык к нашему режиму.

Гитлер. А вот я этого первобытного жителя...

Дурак (*Гитлеру и Шутту*). А ну оба... отсюда... в два счета.

Гитлер. Арестовать их. Всех. Немедленно в гестапо!

Дурак (*берет за шиворот того и другого, сталкивает их друг с другом, тянет к выходу*). А ну моментально, или я вас...

Шутт. Каравул!!!

Гитлер. Господа, что же это... Полицию!!!

Дурак выталкивает обоих за дверь и сам выбегает на лестницу.
На лестнице раздается шум, звон, треск, крики.

Профес sor. Боже мой... Он там их. Это же дикарь...

Ганс. Вот теперь я вижу — надо бежать. (*Садится без сил.*)

Вновь появляется дурак. Он спокоен. На его лице улыбка, в руках у него шапка Шутта и плащ Гитлера. Дурак небрежно бросает эти вещи в кресло.

Дурак. Пардон, господа. Кажется, я немножко погорячился. Но очень не люблю негодяев. Я их всегда одергиваю...

Ассистентка. Он был великолепен. Я вышла на лестницу и видела, как он их...

Профес sor. Фюрера? (*Падает в обморок.*)

Ганс. Сейчас могут прийти за нами. (*Расталкивает профессора.*)

Профес sor и ассистенты с чемоданами в руках бегут к выходу.
Ассистентка задерживается в комнате.

Ассистентка. Я хотела вам сказать... что вы... что я.. Вы мне нравитесь.

Дурак. Я счастлив услышать эти слова.

Громкий стук в дверь. На пороге полиция.

Полицейский. Вы арестованы, господа.

Дурак. Сомневаюсь. (*Расталкивает полицейских так, что те падают.*) Мадмуазель, вашу руку!

Схватив девушку за руку, дурак убегает с ней. Захлопывает дверь так, что полиция не сразу открывает.

Полицейский (*свистит*). В погоню!

2

Вечер. Снова комната Гитлера. Открывается дверь, и на пороге появляются Гитлер и Шутт. Оба в весьма растерзанном виде. Идут, пошатываясь, поддерживая друг друга.

Шутт. Ать-два, ать-два, левой, левой. Вот и дошел до комнатки.

Гитлер. Фу, ноги подгибаются.

Шутт. Еще бы им не подгибаться. Шутка ли — человека с лестницы ссыпали. Вот вам и научный опыт.

Гитлер. Ну, я этого ученого непременно расстреляю.

Шутт. А вы, Адольф Иванович, сами виноваты. Напросились... Психические вам не годятся. Обыкновенные дураки вам тоже не нравятся. Ну чем вам генерал не по душе? Так нет — вот вынь и положь ему дурака искусственного. Вот и схлопотали.

Гитлер. Прямо все болит, и спина ноет.

Шутт. Еще скажите спасибо, что ноги унесли. Ведь он, Адольф Иванович, сначала на меня бросился. Я прямо его как... Не знаю, остался ли он жив. А уж потом он кинулся на вас... Да уж, денек нам выпал...

Гитлер. Да уж, денек... Ох, спина...

Шутт. Полное крушение надежд. А утром-то вас еще камнем подбили. Выдумали же, честное слово, камень в цветы запихнули. И шлеп по лбу! Покажите ваш лобик. Ого... Ух ты, черт, какая шишка... синяя даже... Дайте, я вам примочку сделаю.

Гитлер. И что, заметно?

Шутт. Не только заметно — фонарь. Снимите брючки и ложитесь — я вам компресс поставлю. (*Ставит компресс.*) Да-с, это со стороны народа некрасиво, Адольф Иванович, камнями швыряться.

Гитлер. Ну, может быть, это так, чисто случайно...

Шутт. То есть как это «чисто случайно»? В деревню приехали — недовольство. В городе — эвон как разукрасили вас. Где же случайно?

Гитлер. Ну, ты вечно меня расстроишь...

Шутт. А зато у вас утешение, Адольф Иванович. Уж высоко стоите — дух захватывает.

Гитлер (*радостно*). Да уж стою я... Мало кому этак высоко удавалось... А?

Шутт. Да и нет никого, чтобы так высоко... Наполеон да вы...

Гитлер. А что, действительно, я... ты думаешь... Если историю посмотреть... Я и...

Шутт. Вы и Наполеон. Как сказал поэт: «Вам стоять почти с ним рядом — он на «эн», а вы на «ге»... Только двое вас и есть. А с другой стороны, Адольф Иванович, я извиняюсь, конечно, многие вас почему-то не считают великим.

Гитлер. Ну кто же меня не считает — враги?

Шутт. И враги и многие другие... разные. А вы не отчаивайтесь. Современники обычно не признают своих. А вот, дай бог, умрете... Шутка ли, столько делов наделали. Города разбили, деревни сожгли... Ну, спите,

спите. Эвон, совсем разгулялись... Признают, признают, успокойтесь...

Гитлер (*встает*). Погоди, не уходи...

Шутт. Ну что вы еще... Великий человек, а без кальсон вскакиваете...

Гитлер. Умру — пропадет интересная мысль.

Шутт. Лягте и успокойтесь. Ведь каждый день из пустого в порожнее. Говорю вам, признают. Они скорей Наполеона не признают, а уж вас-то признают.

Гитлер. Ну, спасибо. Теперь я засну спокойно, а то прошлую ночь кошмары меня мучили...

Шутт. Закройте глазки и спите. И вместо кошмаров пусть вам приснятся ваши великие. И вы там во сне с ними договоритесь...

Гитлер. С великими я, конечно, договорюсь. Они меня сразу поймут. Погоди... А Нерон...

Шутт. Что — Нерон?

Гитлер. Нерон, говорю, великий?

Шутт. Великий, великий... Спите.

Гитлер. А этот... исторический деятель... Ну, длинный такой еще...

Шутт. И длинный такой — тоже великий. Чистое наказание мне с вами, Адольф Иванович.

Гитлер. Ну, если Нерон — великий, тогда уж я и по-давно. (*Засыпает*) А то он только Рим и сжег.

Шутт выходит из комнаты на цыпочках. Тотчас раздается храп фюрера.

Фюрер видит сон.

Комната наполняется людьми. Тут — сумасшедшие, доктор, старик крестьянин, подопытный дурак и профессор. Взявшись за руки, они распевают «Еловый лес»... Раздается барабанный бой. Все с визгом разбегаются.

На пороге появляется Наполеон. На его лице умильная улыбка. Он сконфуженно потирает руки. Откашливается. Одергивает свой сюртук. И, поглядывая в осколок зеркала, приводит в порядок свою прическу. К Наполеону подходит дежурный генерал.

Генерал. Что вам, любезный?

Наполеон (*робко*). Да вот... так сказать, с визитом...
Засвидетельствовать свое почтение... Не занят сам-то?

Генерал. Отдыхает.

Наполеон. Ах ты, боже мой, какая неувязка... Может, доложите, дескать, Наполеон заскочил... засвидетельствовать.

Генерал. Уж не знаю, уважаемый. Не велел будить.
(Сердито.) Вон как на полу наследили. Наш этого не любит.

Наполеон. Походные сапожки-с...

Генерал. Надо было в передней ожидать, а не лезть в чистые апартаменты.

Наполеон. Извиняюсь.

Гитлер. Там кто?

Наполеон (*робея*). Неужели сам?

Генерал. Наполеон тут. Просит принять, Адольф Иванович.

Гитлер (*томно*). Пусть войдет.

Генерал. Большая честь — запросто принимает. Пойдите прямо к кроватке.

Наполеон (*мнется*). Я извиняюсь... Я тут не один, ваше превосходительство.

Гитлер. А кто такие с вами?

Наполеон. Народ тихий... все императоры... Александр Македонский, значит, Фридрих Великий и этот, как его, — Нерон... В передней ожидают.

Гитлер. Пусть тоже войдут.

Наполеон (*открывает дверь*). Господа императоры, входите. Разрешил.

Входят три императора — Нерон, Фридрих, Александр Македонский.

Генерал. Ноги, ноги вытирайте, любезные.

Наполеон (*генералу*). Те двое у меня в сандалиях на босу ногу — так вы не сомневайтесь — это у них форма такая.

Гитлер. Здорово, господа императоры.

Императоры. Здравствуйте, ваше превосходительство.

Гитлер. Ну что скажете, почтеннейшие?

Наполеон. Да вот к вашей милости. (*Показывает на своих коллег*) Народ любознательный. Интересуется во-

енным делом. Хотели бы у вас поучиться. (*Спутникам.*)
Да кланяйтесь же, господа.

Александр. Уж не оставьте, поделитесь опытом.

Фридрих. Научите нас, дураков.

Нерон. Выведите из темноты...

Гитлер. А что именно, господа, вас интересует?

Наполеон. Да вот, ваша милость, хотели бы прикоснуться к секрету ваших успехов.

Гитлер. Ну, если в двух словах... Все дело в военной хитрости, господа.

Наполеон. Пардон?

Гитлер. Военная, говорю, хитрость — основной залог моего успеха... Сначала делаю вид, как будто я ничегон... Ну, дружба там, пятое-десятое... Потом — хлоп!

Наполеон. Скажите на милость...

Фридрих. А что те, которых «хлоп»?

Гитлер. Ну те — натурально теряются. Некоторые из них — да что скромничать, господа, — все не успевают. Вот я их и причесываю!

Александр. В мое время, ваше превосходительство, такая хитрость называлась несколько иначе.

Фридрих. И в мое время тоже.

Гитлер. А как же она называлась, а? Ну говорите же, господа... Хотя бы на какую букву это слово?

Александр. На «о».

Фридрих. Последняя буква «н».

Нерон. В середине «б» и «м».

Гитлер. О-бе-ме-н... Обмен... Не понимаю.

Наполеон. Почти что «обмен». Только другая гласная — «а».

Гитлер. О-ба-ма-н... нет, не понимаю. Ну, суть не в этом. Так что же вас еще интересует, господа?

Императоры шепчутся.

Наполеон. Вот Нерон интересуется... серьезный вопрос...

Гитлер. Не стесняйтесь, господа.

Нерон. А Рим вы сожгли?

Гитлер. Рим? Зачем же... союзники, в некотором роде... Нет, Рим я не сжигал.

Наполеон. Тогда плохо...

Гитлер. Господа, вы пугаете меня.

Императоры опять шепчутся.

Господа! Надеюсь, мне не надо подавать заявление о приеме меня в ряды великих завоевателей? По-моему, и так все ясно.

Наполеон. Теперь все ясно.

Нерон. Не принимаем того, кто Рим не сжигал.

Александр. Такое правило.

Фридрих. Закон истории.

Гитлер (*не выдерживает*). Ах так! Ну, так я же вас всех, черт возьми! Бомбами закидаю! Весь мир спалю...

один останусь, а докажу, что я — великий! Хайль! Хайль
Гитлер! Хайль! Хайль!

С криком просыпается. Бредит и снова засыпает.

(*Сквозь сон.*) Подумаешь — земной шар. Тоже мне пла-
нета... Весь земной шар сожгу... Эй, кто там... Прине-
сите мне бомб! Живенько...

Вбегает Шутт.

Рим! Завтра Рим сожгу! Бомбы мне!

Шутт. Матушки... На своих уж начал бросаться. Все
пропало. Вот и решай тут, как быть. Бежать... А вдруг
он еще не совсем погиб. Поймает и голову отрубит...
Оставаться... А вдруг он уже погиб... Тогда и меня вме-
сте с ним заметут. (*Гадает, закрыв глаза, сводя указа-
тельные пальцы.*) Бежать... не бежать...

Входит на цыпочках генерал.

Генерал. Что это он делает?

Шутт. Бежать — не бежать...

Генерал. Бежать собирается... Вот, все умные люди
укладываются уже, один я даже и билеты еще не заказал.

Шутт (*открывает глаза*). Выходит, что надо бежать...
(Замечает генерала.) Ты что?

Генерал. А ты что?

Шутт. Я ничего...

Генерал. Врешь, ты собираешься удратить.

Шутт. Какая нелепость!

Генерал. Брось, брось. (*Умоляет.*) Дорогой, если ты
узнал что-нибудь наверняка, то скажи.

Шутт. Да ничего я не знаю.

Генерал. Слушай, я могу тебе пригодиться. Купе могу в штабном вагоне устроить... Денщика пришлю, чемоданы нести. Скажи, что узнал?

Шутт (*тихо*). Он, понимаешь ли, Рим собирается сжечь.

Генерал. Врешь. Зачем?

Шутт. А кто его знает.

Генерал. Сам сказал?

Шутт. Сам.

Генерал. В бреду?

Шутт. А какая разница...

Генерал. Это верно, что никакой. Черт... Как же быть?

Шутт. Вот что надо сделать. Муссолини в Берлине?

Генерал. Да. Утром приехал. Сегодня ему зарплату выдают.

Шутт. Звони ему. Пусть приедет, попросит. Может, его фюрер и простит.

Генерал. Хорошо, действительно, если бы простил. Ну к чему нам еще один фронт. К чему? (*Звонит по телефону.*) Алло. Дайте мне меблированные комнаты «Победа». Это дуче? Немедленно бегите... Что... Алло... Верните его, я не договорил. Ташите его насильно к телефону. Убежал... Не так меня понял. Подумал, что вообще нужно бежать... (*Смотрит на Шутта.*) Да и нам пора...

Шутт. Карта железных дорог есть?

Генерал достает большую истрепанную карту и раскладывает на полу. Оба тихо совещаются, водя по карте пальцами. Входит министр пропаганды.

Министр. Ой! Карта железных дорог... Они собираются бежать. А я все медлю да медлю. Честность дурацкая одолела. (*Падает на колени.*) Братцы, возьмите меня с собой.

Шутт. А ну тебя.

Генерал. Сам посуди. Ведь ты лицо известное, вечно вылезаешь с речами... Ты нам не компания.

Шутт. Да и что с тебя толку...

Министр. А документы? Кто вам достанет документы? У меня есть такие специалисты...

Шутт. Вот разве что документы...

Генерал. Ну ладно, ладно... обсудим потом.

Министр. Только не тяните, братцы. Тут важно момент поймать.

Вбегаетдежурный офицер.

Офицер. Сводка генерального штаба германской армии.

Генерал. Давай сюда.

Офицер. Приказано в собственные руки фюрера.

Генерал. Спорить! Под расстрел захотелось. Давай сюда. Пошел вон!

Офицер уходит. Вбегает Минна.

Минна. Что за шум? Случилось...

Генерал. Вот что, господа. Что на самом деле творится на фронтах, знает только фюрер. Мы читаем ту сводку, которую фюрер выправил. А что, если... (*Показывает на папку.*)

Шутт. Заглянуть...

М и н а. Страшновато.

М и н и с т р. Но зато мы сразу узнаем — ехать или не ехать.

Г е н е р а л. Заглядываю. (*Заглянув, захлопывает папку.*)
Ух..

М и н и с т р. Что...

Г е н е р а л. Огромные потери.

М и н и с т р. У нас?

Г е н е р а л. Не смею прочесть.

Ш у т т. Да ну тебя, дьявол. Что ты из нас жили тянем? И без того тошно... Читай!

М и н а. Откуда сводка?

Г е н е р а л. С Восточного фронта. У нас...

Ш у т т. Чего у нас?

Г е н е р а л. Огромные потери... Они дерутся как бешеные.

М и н а. Вот отчаянные какие...

Проснулся Гитлер. Он подкрадывается к генералу и становится за его спиной.

Г е н е р а л. Партизаны с невероятным упорством бьются в тылу наших войск. Мы потеряли... Не могу больше читать. Голова кружится, перед глазами красные знамена, маршалы, летчики...

М и н а. Что же делать?.. Теперь все ясно. Куда ехать?.. Думайте же, господа, думайте.

Г и т л е р. Поздно... Слишком увязли. Чего смотрите? Думаете, я сумасшедший. Тем хуже для вас. Власть-то

у меня. Я — это я, и все оружие у меня. Тю-тю... куку... Пока я жив, не будет вам ни мига покоя. Допустили, дали силу — теперь идите со мной до самого последнего конца. Что...

В с е. Хайль Гитлер!

Г и т л е р. Еще раз!

В с е. Хайль Гитлер!

Ш у т т (*звонит*). Алло. Главного врача к телефону. Доктор, уходя, я записал ваш телефон на всякий случай. Нет, не надо кудахтать — это не Гитлер. Это его компаньон. Фюрер сошел... Понимаете — со-шел... Ну, с чего сходят... Ну, с ума он сошел... Не понимаете. Говорю по буквам: сумасшедший, умалишенный, мракобес, Адольф... Машинку бы за ним. Как это не пришлете? Вы не имеете права отказать в помощи всему миру. Как это мир сам справится? Ладно, отвезем на своей машине. Главный штаб? Срочно машину фюрера... Что? Бензина нет? Зайдите у летчиков. Что? И у летчиков нет? Господа, игра кончена.. Мы пропали.

Входит в е д у щ и й. Паника и замешательство.

В о з г л а с ы. Как! Уже? Красная Армия? Здесь?

В е д у щ и й. Пока еще нет... Но это вопрос времени.

В о з г л а с ы. Как вы смеете!

— Кто вам это сказал?

В е д у щ и й. Это сказали Красная Армия и весь советский народ. Ваша игра кончена.

А к т е р ы (*снимая парики*). Ах, игра кончена...

ЗАНЯТИЕ

ВИТАЛИЙ КВАСНИЦКИЙ

Виталий Иванович Квасницкий (1898—1941) — драматург, прозаик-юморист.

Родился в селе Слобода Игуменского уезда Минской области. В 1917 г. окончил 12-ю Петроградскую гимназию. В 1918 г. поступил на физико-математический факультет Петроградского университета. Окончив первый курс, уехал к отцу на станцию Эхо Китайско-Восточной железной дороги. В мае 1919 г. мобилизован в армию Колчака, служил рядовым в конно-егерском полку. В ноябре перешел в отряд красных партизан. После разгрома Колчака воевал на Дальнем Востоке в партизанском отряде, затем служил в частях Народно-революционной армии (комиссар эскадрона, дивизиона, штаба бригады, председатель комиссии по борьбе с дезертирством, редактор бюллетеня политотдела дивизии). По заданию Дальбюро занимался подпольной работой в тылу Белой армии. С 1922 по 1931 г. — инструктор Пуокра (политуправления военного округа), сотрудник газет Восточного фронта, ПОарма-2 (политотдела армии). В 1931 г. демобилизован. В литературе известен в первую очередь как мастер малой юмористической формы. Из-под пера Квасницкого вышло множество шуток, юмористических рассказов, сценок и скетчей, в том числе Берегитесь молнии: шутка в 1-м д. по одноименному рассказу Марка Твена. М.: Искусство, 1939; Режиссер Петушки: шутка в 3-х картах. // Сборник детских одноактных пьес. М.: Искусство, 1940; Служили два товарища: комедия-водевиль в 3-х д. 10 эпизодах. Москва: Цедрам, 1936; Петрушка-художник: кукольная пьеса, Красный Котелок // Петрушка в лагерях: сборник пьес из репертуара кукольного цеха театра Крас-

ной Армии, утвержденного АППО ПУРККА. М.; Ленинград: Воениздат, 1930; Клеймо: комедия в 1 д. // В помощь колхозной художественной самодеятельности: [сборник пьес, песен, стихов] / Областной Дом народного творчества, Театральный комбинат отдела искусств облисполкома. Архангельск: Правда Севера, 1940; В жестком вагоне: (миниатюрные сценки) // Ко Дню железнодорожника: сборник пьес. М.: Искусство, 1940; Подкидыш: шутка в 2 д.; Комитет по делам искусств при СНК СССР, Всесоюз. дом народ. творчества им. Н. К. Крупской. Москва: [б. и.], 1940; Служили два товарища [Текст]: комедия-водевиль в 3 д. и 10 эпизодах. Москва: Всекдрам, Отд. распространения, 1934: Четыре страницы: [сатирическая хроника в 2 д., 4 карт.]. Совместно с Виктором Типотом. Москва: Цедрам, 1936; Театр на эстраде: [сборник]. Москва; Ленинград: Искусство, 1940. Известен также опыт работы автора в качестве либреттиста: в конце 1940-х годов, вместе с Виктором Яковлевым и Львом Ошаниным им было написано либретто одноактной оперетты на музыку Юрия Слонова «Палки в колеса». Это произведение, посвященное спортивной жизни, было поставлено на сцене Театра эстрады.

Во время Великой Отечественной войны Квасницкий, вместе с другими советскими писателями, вступил в народное ополчение. Воевал в составе писательской роты 22-го стрелкового полка 8-й Краснопресненской дивизии. Пропал без вести в окружении под Вязьмой в октябре 1941 года.

ПОСЛЕ БОЯ¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Красноармеец Трофимчук — ротный санитар.

Капитан.

Старшина.

Коольмен — управляющий конторой завода.

Эрик — сын Коольмена, шюцкоровец².

Аксель — инженер.

Повар.

Кабинет директора завода. Три двери. Камин. Тяжелая мебель: диван, кресла. На первом плане большие часы. В кабинете полутьма, горит одна настольная лампа. На окне отблеск зарева. Управляющий рвет бумаги, бросает в камин, потом подходит к окну.

Управляющий. Горит Роленгейм, горят мызы... Пепел и кровь — моя Суоми... Но как они могли пройти так быстро лес у Суокалло? Кто бы мог подумать? (*Смотрит за окно.*) Лыжники... Лыжный отряд.

¹ Квасницкий, Виталий Иванович. После боя [Текст]: Пьеса в 1-м д. М.-Л: Искусство, 1941. Вошла также в сб. «Победа будет за нами». М.-Л: Искусство, 1941. переиздана: Пятигорск: Орджоникидзевское краев. изд-во, 1942. Рец.: Советское искусство. 1941. 13 июля. № 28. С. 4. Постановка: Вечер одноактных пьес в Драматическом театре им. А.М. Горького// Волжская коммуна. Куйбышев. 1941. 9 октября. № 239. С. 4.

² Шюцкор — существовавшая в 1917—1944 гг. финляндская полувоенная (с 1940 г. — часть вооруженных сил страны) организация-ополчение, задачей которой было повышение обороноспособности страны.

Входит Аксель.

Аксель. Вы меня звали, господин управляющий?
Управляющий. Подойдите сюда... ближе. У вас все готово?

Аксель. Нужно спаять провода, проверить механизм.
Потребуется время.

Управляющий. Поторопитесь, господин Аксель.
У нас мало времени.

Вбегает Эрик.

Эрик. Они оцепят завод!.. Ставят часовых... Сейчас начнется обыск.

Управляющий. Вы слыхали, господин Аксель? Вам остается полчаса, даже меньше.

Аксель. Но, господин Коольмен, мы не успеем...

Управляющий. Хорошо, — сорок минут. Проверьте ваши часы.

Аксель. Но здесь же рядом рабочие бараки... От них ничего не останется. Никто не уцелеет. Мы должны дать время, чтобы все успели уйти. Нужно предупредить!

Управляющий. Нам некого предупреждать. Все вчера ушли с армией.

Аксель. Все? Неправда! Многие уже вернулись. Я вам говорю, что в бараках остались люди. Я сам видел... Там женщины, дети... Никто не уцелеет. Я не могу!

Управляющий. У войны свои законы, господин Аксель.

Аксель. Я не воюю с детьми, господин Коольмен.

Управляющий. Вы отказываетесь?

Аксель. Да. (*Идет к двери.*)

Эрик готов броситься на него с револьвером в руке.

Управляющий (*Эрику*). Подожди! Инженер Аксель, где ваша семья?

Аксель. Вы же знаете, моя семья уехала в Або...

Управляющий. Ваша семья в лагере для беженцев. О том, как вы выполнили свой долг, завтра будут знать в Гельсинки. Не забывайте об этом. Подумайте о вашей семье, господин Аксель. Вы меня поняли?

Аксель (*после паузы*). Да, я вас понял.

Управляющий. Так вот: ровно в двенадцать. Идите... и поторопитесь.

Аксель уходит.

Через лаборатории выхода нет?

Эрик. Нет, я запер в подвале железную дверь. Ключи у меня. Он никуда не уйдет.

Управляющий. Да, этот швед должен уйти только вместе с нами, или... Ты ведь хороший стрелок.. Вот, возьми запасную обойму, у меня две. До города мы ночью не успеем добраться. В такой мороз не пройти сорок километров. Мы уйдем отдельно. Я буду ждать тебя на мызе Ролендорфа.

Эрик. Отец, мы выйдем вместе. Я не могу тебя оставить. Или уходи сейчас, первым.

Управляющий. Нет, я должен удостовериться, что все сделано. Но нам лучше не встречаться. Найдутся пре-

датели... Вас могут задержать вместе со мной. Вы выйдете из подвала через лабораторию. Я буду у себя. Нужно взять документы, деньги. Едва ли они сразу начнут обыскивать квартиры. Уйду по черной лестнице, там от склада — тропинка прямо к лесу. Встреча — у Ролендорфа. Если я не приду, ты сам знаешь, что делать. Береги себя. Прощай, мой мальчик. (*Целует Эрика в лоб.*)

Эрик. Прощай, отец.

Управляемый. Постой. Вот что... В подвале распределительный щит. Когда все будет готово, выключи два раза свет... Два раза подряд. Я буду знать, что это произойдет ровно в двенадцать и что мне пора уходить. (*Подходит к окну.*) Сюда идут. Пожми мне руку, Эрик. Крепче. Иди! (*Уходит направо.*)

Эрик уходит налево. Через некоторое время входят капитан, старшина и красноармеец-санитар Трофимчук. Все трое при оружии, в зимнем походном снаряжении. У капитана из под шапки видна белая марля бинта.

Капитан (*обращается, говорит за кулисы*). Выставите оцепление. За ворота никого не выпускать. Можете итти. (*Вместе со старшиной осматривает комнату. Трофимчуку.*) Располагайтесь здесь.

Трофимчук. Товарищ капитан, разрешите вам переменить перевязку.

Капитан. После.

Трофимчук. Разрешите доложить: может быть заряжение.

Капитан. Я вам сказал: после.

Трофимчук со вздохом отходит в сторону, достает из сумки бинты, склянки и т. д.

(Достает из полевой сумки бумагу, перечитывает донесение.) «... и к двадцати двум часам достигли завода... Приняты меры к охране... Засада противника в лесу, восточнее деревни Суокалло. Наши потери: легко раненных двое... убит один... Окруженный финнами и раненый красноармеец Сергей Дорошенко отказался сдаться и продолжал отстреливаться...» Дорошенко убит... Сережа Дорошенко! *(Пишет.)* «...февраля 1940 года... 23 часа 15 минут. Завод «Эрик и Лерхе»...» Товарищ старшина, отправьте донесение. Старшина... *(В сторону.)* Задремал стоя... Три ночи не спал. *(Кладет руку на плечо старшине, мягко.)* Товарищ Мейер!

Старшина. Виноват, товарищ капитан.

Капитан. Есть связь с батальоном?

Старшина. Обрыв, товарищ капитан. Все время портят линию.

Капитан. Отправьте донесение со связным. Выберите лучшего лыжника.

Трофимчук. Разрешите мне итти, товарищ капитан?

Капитан. Занимайтесь своим делом! *(Старшине.)* Что это у вас на лице? *(Снимает со старшины шапку.)* Обморозились?

Старшина. Ничего, товарищ капитан, пройдет.

Капитан. Пройдет? Надо было смазать вазелином. Я приказывал сразу же обращаться за помощью. Что же вы, товарищ старшина?

Старшина. Виноват, товарищ капитан: некогда было. Я думал — после...

К а п и т а н. Некогда... после... Пример должны показывать подчиненным. (*Подошедшему Трофимчуку.*) Вам что?

Т р о ф и м ч у к. Разрешите сменить перевязку, товарищ капитан?

К а п и т а н. Некогда. После!

Пауза.

Н-да. Хорошо, перевяжите. (*Старшине.*) Передайте лейтенанту Новаковскому, что, пока саперы не закончат работы, никого в помещения не впускать. Греться по очереди в сторожке. Никуда не выходить. Ничего не трогать. Понятно?

С т а р ш и н а. Понятно, товарищ капитан.

К а п и т а н. Можете итти.

Старшина уходит.

(*Трофимчуку.*) Документы товарища Дорошенко у вас?

Т р о ф и м ч у к. У меня, товарищ капитан.

К а п и т а н. Дайте. (*Садится, просматривает документы.*)

Трофимчук готовится к перевязке.

Комсомольский билет... Чернила... Нет, кровь. Письма... Моя рекомендация... «Члена ВЛКСМ Дорошенко Сергея... Заявление. Если убьют, прошу меня считать членом партии»... Фотография жены... «Милому, дорогому Сереже»... Совсем еще девочка...

Т р о ф и м ч у к (*начинает перевязку*). Товарищ капитан, разрешите к вам обратиться как к комсомольцу?

Капитан. В чем дело?

Трофим чук. Вот, Дорошенко убили. Третьего дня товарища Рубинчика тоже вот по-подлому: волчьей картежью из-за угла... У меня к вам имеется просьба.

Капитан. Какая просьба?

Трофим чук. Освободите меня, товарищ капитан.

Капитан. От чего вас освободить?

Трофим чук. От медицины освободите... Мне эта медицина, товарищ капитан, прямо всю инициативу подрывает. Где бы штук пять лишних гранат взять, а я должен с бинтами да склянками таскаться. Освободите, товарищ капитан.

Капитан. Вы же сами просились на санитарные курсы.

Трофим чук. Так это я, товарищ капитан, по мирному времени охоту имел, микробами интересовался. А тут на фронте... Скучное дело эта медицина, и характер у меня не такой. Ребята знают мой характер, ну, и пристают: «Товарищ профессор!», «гомеопатом» прозвали, «Скорой помощью».

Капитан. Гм... Разве это так обидно?

Трофим чук. Обидно, товарищ капитан. Могут еще подумать, что я от боя хочу уклониться.

Капитан. Так о чем вы все-таки просите?

Трофим чук. Мне бы пулеметчиком, товарищ капитан. Вот, товарищ Дорошенко убит. Мне бы на его место.

Капитан. Дорошенко погиб как герой. Он до конца оставался на месте, выполняя боевую задачу. Он был на своем месте у пулемета. Понятно?

Трофим чук. Понятно, товарищ капитан.

Капитан (*встает со стула*). Ну, так вот, оставайтесь и вы на своем месте. Пока что...

Трофимчук (*со вздохом*). Есть оставаться на своем месте. Бинт не мешает, товарищ капитан?

Капитан. Нет, ничего. Вы хорошо знали Дорошенко? У него что, большая семья?

Трофимчук. Жена и сестры еще, товарищ капитан.

Капитан. Я буду писать семье. Пусть и товарищи напишут.

Трофимчук. Весь взвод напишет, товарищ капитан. Тяжело такие письма писать. Надо уметь найти такие слова... задушевные...

Капитан. Да... такие слова надо найти... (*Подходит к двери, в которую ушел управляющий, пытается открыть.*) Закрыта...

Трофимчук. Прикажете открыть, товарищ капитан?

Капитан. Откроют саперы. Вот что. Вы здесь не очень располагайтесь. Быть при полной боевой.

Трофимчук. Есть!

Входит старшина.

Старшина. Разрешите доложить, товарищ капитан: линия исправлена. Есть связь с батальоном.

Капитан. Останьтесь на перевязку. Я буду возле главного корпуса...

Старшина. Есть!

Капитан уходит.

Трофимчук. Садитесь, товарищ старшина. Я сперва промою, а то могут быть микробы. Я, товарищ старшина, насчет Дорошенко хочу в газету написать.

Старшина. Газету завтра выпускаем.

Трофимчук. А как его, Сережу... убили? Я с третьим взводом тогда был. Мне нужно поподробней знать...

Старшина. Им задача была задержать финнов, пока мы высоту не зайдем. А тут так получилось, что Дорошенко с автоматом от своих отрезали... Один в окопчике на снегу остался. Окружило его человек не меньше тридцати. «Сдавайся!» — кричат. А Дорошенко в ответ огонь. Подпустит ближе, и очередь. Подпустит, и очередь. Задержал финнов. Только когда мы высоту заняли, дорошенкин пулемет замолчал. Подбегаем, а он лежит... Кругом стреляные гильзы... Ни одного патрона не осталось. А на лыжной палке — платок, весь красный от крови. Финны, видно, от него белого флага ждали. Только от нас не дождутся! Что это? Будто стучат.

Трофимчук (*прислушивается*). Стучат...

Старшина (*подходит к левой двери*). Там кто-то есть...

Трофимчук (*тихо*). Притаился... Разрешите: я его сейчас...

Старшина. Стойте здесь. (*Уходит за дверь, возвращается с поваром.*) Оружие есть? (*Обыскивает повара.*)

Повар (*поднимает руки вверх, испуганно*). Нету оружия. Я здешний... Вы не подумайте... Я — повар.

Старшина. Опустите руки. Почему вы там прятались?

Повар. Я не прятался... Я только войти не осмеливался.

Старшина. Вы что же, русский?

П о в а р. Православный. Владимирской губернии, Бого-любского уезда. Повар я. Там у нас кухня, так я, стало быть, при кухне.

Т р о ф и м ч у к (*тихо*). Как с ним быть, товарищ старшина?

С т а р ш и н а. Я доложу капитану. Пока что поглядывай-те. (*Уходит.*)

П о в а р. Служащие-то все разбежались. Я один остался. Может, что прикажете? Закусить или чайку?

Т р о ф и м ч у к. Ничего не надо.

П о в а р. Замерзли, наверно? Разрешите, я камин подто-плю. (*Возится возле камина, подкладывает дрова.*)

Т р о ф и м ч у к. Русский, говоришь? А как же ты, ста-рик, к финнам-то попал?

П о в а р. Превратности судьбы.

Т р о ф и м ч у к (*иронически*). Превратности? Ишь ты...

П о в а р. Я сам деревенский. Владимирской губернии, Боголюбского уезда. Меня мальчишкой в питерский трактир для обучения отдали. Ну, обучился и стал по кухням работать. Все губернии объездил. На этом заво-де я пятый год; холостым конторщикам и разной, зна-чит, заводской мелкоте обеды готовил. Нас тут двое по-варов было. Шеф-то повар вместе с директором сбежал.

Т р о ф и м ч у к. А ты, что же, не успел?

П о в а р. Я вовсе бежать не согласен. Тут у нас, как вой-ска отходили, полная эвакуация была. Насильно выгоня-ли. Пугали: дескать, красные придут — всех расстрели-

вать начнут. Очень уговаривали бежать. Которым финны даже штыками угрожали. Ну, только я этих штыков не испугался.

Трофим чук (*иронически*). Да ну?

Повар. Меня не запугаешь! У меня там в кухне дровяной чуланчик имеется. Я еще с вечера в этот чулан залез. Так всю эвакуацию в дровах и просидел. Я с финнами нипочем бежать не согласен.

Трофим чук. Что так?

Повар. Имею желание помереть на родине.

Трофим чук. Во Владимире, что ли?

Повар. В Боголюбове. Наша деревня возле самого Боголюбова.

Трофим чук. Бывал я у вас в Боголюбове. Город ничего, только блох много.

Повар. Климат такой.

Трофим чук. Климат? А по-моему, это монахи у вас там эту нечисть развели. Мне батька говорил: где монах, там и блоха. Такое уж сословие. Монастырей было в этом вашем Боголюбове!

Повар. Монастырь у нас действительно хватает. Разрешите узнать: обитель благоверного князя Андрея еще существует?

Трофим чук. Что ей делается!.. Каменная, — ну, и стоит.

Повар. А про игумена отца Виталия ничего не слыхали?

Трофимчук. Слыхал. Как монастырь закрыли, так и игумена турнули.

Повар. Турнули! Да он же, Виталий, архимандрит! Золотой крест ему царь пожаловал. Он же митрофорный! И такую особу... Неужели выгнали?

Трофимчук. Выгнали.

Повар. Вот за это спасибо. Этот Виталий у нашей деревни половину земли для монастыря оттягал. Наше семейство прямо форменно разорил. Из-за него, черта позолоченного, и меня по бедности в трактир отдали. Жизнь прожил по чужим кухням. (*Всхлипывает*.)

Трофимчук. Ты, папаша, над бинтами не очень плачь, отойди в сторону, потому микробы. Ты объясни, почему раньше-то на родину не просился?

Повар. Трудно было выехать. Да и, правду сказать, сомнения имел... Опасение было.

Трофимчук. А чего опасался?

Повар. Разные слухи былипущены. Говорили, что у вас с духовным сословием очень строго поступают.

Трофимчук. А ты что же, духовный?

Повар. Дядя у меня из духовного звания.

Трофимчук. И высокий, что ли, пост занимал?

Повар. Выше быть не может. В церковных сторожах состоял и на колокольне звонил. Лет тридцать тому назад благополучно скончался. Был на Пасхе выпивши и с колокольни, значит, свалился. Как вы полагаете: мне за этого дядю отвечать не придется?

Трофимчук *(усмехается)*. За что же отвечать? Дядя-то сам свалился?

Повар. Нет, я в смысле того, что у меня духовная, стало быть, родня. Полагаете, что дядя — это ничего? Да я и сам так думал. Но только все-таки сомнение имел. Конечно, много тут вранья былопущено. Вот еще говорили, что в колхозах был приказ все печки поломать и чтобы всем пищу принимать из одного котла...

Трофимчук. Чепуха! А ты поверил?

Повар. Нет, я не верил. Я только сомнение имел. Мне из котла питаться никак невозможно. У меня катар в желудке. Вот я вижу — вы по медицинской части, так позвольте вас спросить... финские врачи в русских болезнях плохо разбираются. А у меня ноги мозжат и под сердце подкатывает. Выпьешь стопочку, а оно и подкатит.

Трофимчук. Внутренних болезней я не касаюсь. Моя медицина наружная, без отрыва от винтовки. И что ты, папаша, меня спрашиваешь? Что я тебе — гомеопат? Иодом могу смазать.

Повар. За это вам сердечное спасибо. А еще позвольте вас спросить...

Трофимчук *(сматривает в окно)*. Зарево какое. Что это горит?

Повар. Это горит имение фон Трауберга.

Трофимчук. Сам, подлюга, поджег.

Повар. Так вы полагаете?

Трофимчук. А то как же? Но ведь они до чего, изверги ползучие, додумались. Заняли мы мызу возле

Суокалло, слышим — коровы в хлеву дуром ревут. Заходим. Хлев, ну, прямо дворец: кафелем выложен, электричество везде проведено... Глядим: коровы в крови, у всех соски отрезаны. А какие коровы! Породистые да гладкие. Таких бы нам на Кубань! Поймали мы после на чердаке какого-то белобрысого холуя. «Зачем коров испортил? Уж лучше бы убил. К чему скотину мучить?» Глазами, микроба, хлопает: «Владелец приказал». Нет хуже людей, чем барские холуи!

Повар (*испуганно*). Я за эти дела не ответчик. Мое дело — возле плиты.

Гаснет свет и вспыхивает вновь.

Трофимчук. Что это с электричеством?

Свет вновь гаснет.

Совсем, что ли, погасло?

Свет вспыхивает.

Трофимчук. А что, если потухнет? Свечи есть?

Повар. Имеются. Сейчас принесу. Самоварчик поставлю. Люди с дороги, замерзли. (*Уходит*.)

Трофимчук (*подходит к окну*). Как полыхает... большой, видно, пожар. А ночь темная, будто у нас на Кубани. Теперь месяц-другой, и у нас теплынь будет... Ляжешь на межу, от земли пар идет... Птицы над тобой летают... Небо голубое... Хорошо... Пахать скоро начнут. Сережка Дорошенко к нам после службы трактористом ехать собирался. Веселый человек был, песенник. Жизни в нем на троих было. И вот... убили... Отказался сдаться... до самого, значит, конца... Большую для этого надо силу иметь...

Входят Эрик и Аксель.

Эрик (*тихо*). Они закрыли запасный выход. Мы пройдем здесь. Идите. (*Проходя мимо Трофимчука, вежливо приподнимает шляпу.*)

Трофимчук. Служащие?.. Откуда они взялись?.. Задержать? Не было приказания. Часовой у ворот их не пропустит.

Эрик быстро проходит в дверь. Аксель с папиросой, оглядываясь, подходит к Трофимчуку.

Прикурить, что ли?

Аксель сует Трофимчуку записку.

Трофимчук. Это кому письмо?

Аксель тихо что-то говорит на ухо Трофимчуку.

Не понимаю.

Возвращается Эрик. Аксель встречается глазами с Эриком, роняет папируску, идет к дверям. Эрик пропускает его вперед. Оба уходят.

(*Разглядывает записку.*) Не по-нашему написано. Командиру передать или старшине? Старшина тоже пофински понимает.

За сценой выстрел.

(*Схватывает винтовку, бросается к окну.*) Бежит! Да это же... Он! Тот самый! Эй, уйдет!

Бегает старшина.

Старшина. Санитар! Быстро! Сюда! (*Смотрит в дверь.*)

Трофимчук уходит.

На порог положите. Шинель под голову. (*Берет со стола бинт, направляется к двери.*)

Входит Трофимчук.

Ну, как? Перевязать его надо.

Трофимчук. Что ж перевязывать. Наповал, в голову... Они, товарищ старшина, только что здесь были... Убитый еще у меня прикуривал... Мне записку оставил. Вот она, не по-нашему.

Быстро входит капитан.

Старшина. Товарищ капитан! Записка... По-фински... Мина...

Капитан. Переведите...

Старшина (*медленно переводит*). «В этом доме... заложена мина... сто кило тротила... часовой механизм... ровно в двенадцать взрыв... Верьте... Ровно в двенадцать... Спасайте людей... Бегите...»

Капитан. В двенадцать — взрыв. (*В сторону*.) Внизу — лаборатория... подвалы... (*Смотрит на часы*.) Без двадцати двенадцать... Товарищ старшина! Всех с завода вон! Без разговоров! Гоните в лес! Передайте — мой заместитель лейтенант Новаковский. Бегом!

Старшина. Есть! (*Убегает*.)

Трофимчук. Разрешите с вами, товарищ капитан!

Капитан. Останетесь здесь. Задерживайте всех. Всех, кто бы ни вошел. Я сам вас сменю. (*Уходит*.)

Трофимчук. Есть всех задерживать! (*Посыпает в ствол винтовочный патрон*.) Восемнадцать минут до двенад-

цати... Успеют ли? Найдут ли?.. Сто кило тротила! Взорвет... завод в щепки обратит... В сторожке в Суокалло тоже вот мина... троих на куски разорвало...

Входит повар, приносит свечу и скатерть, накрывает на стол.

Повар. Собственный самоварчик поставил. Из чайника я не уважаю. В чайнике — в нем души нет. (*В сторону.*) Сколько же стаканов подать? (*Трофимчуку.*) Разрешите спрятаться: сколько вас прибыло персон?

Трофимчук. Каких это персон? Кто это персона?

Повар. Это у нас, у поваров, так говорится. Сколько, значит, человек вас сюда прибыло?

Трофимчук. Сколько нас тут человек? Нас тут, народу... Приблизительно... и еще шестнадцать. (*Подозрительно.*) А зачем это нужно знать?

Повар. Это так, вообще... для интереса...

Трофимчук. Для интереса, говоришь?

Повар. Для сервировки. Стало быть, шестнадцать персон? Я сейчас стаканчики принесу. (*Хочет итти.*)

Трофимчук. Вот что. Присядьте-ка, посидите.

Повар. Извиняюсь, не могу. У меня там самовар.

Трофимчук. Садитесь... Садись!

Повар. Да я сейчас приду. (*Идет к двери.*)

Трофимчук (*берет винтовку на изготовку*). Стой! Назад!

Повар. Ох! Да вы что? Вы меня не пугайте! Фу... Вы с ружьем бросьте шутить.

Трофим чук. Я не шучу. Сядь здесь. Сиди!

Повар. Да я же...

Трофим чук. И молчи! Помолчи, старик!

Повар (*испуганно*). Молчу, молчу. (*В сторону.*) Это за что же меня?

Трофим чук (*в сторону*). Без пятнадцати...

Из правой двери входит управлющий, на нем полуушубок, теплая шапка.

Управлющий (*в сторону*). Черный ход закрыт. У дверей часовой. Я должен пройти здесь. (*Идет к двери.*)

Трофим чук (*загораживает дорогу*). Сюда нельзя.

Управлющий. Нельзя?

Трофим чук. Кто вы такой?

Управлющий. Я управляющий заводской конторой.

Трофим чук. Тоже русский?

Управлющий. Я жил в России и говорю по-русски. Я тут живу. Мне нужно пройти.

Трофим чук. Здесь выхода нет.

Управлющий (*пожимает плечами*). Слушаю... (*Идет к другой двери.*)

Трофим чук. Стойте! Нельзя!

Управлющий (*с деланным удивлением*). Тоже нельзя? (*Идет к той двери, из которой вышел.*)

Трофим чук. Останьтесь здесь!

Управляемый. Я арестован?

Трофимчук. Прошу оставаться на месте.

Управляемый. Я должен видеть вашего командира.
Пойдите доложите ему об этом.

Трофимчук. Подождите. Командир сейчас сам здесь
будет.

Управляемый. А! Отлично. (*Отходит в сторону*.)

Повар. И вас тоже, Август Христианович? В плен, ста-
ло быть, попали? (*Трофимчуку*.) Разрешите мне только
на кухню.

Трофимчук. Нельзя.

Повар. Да у меня же там самовар.

Трофимчук. Остаться на месте!

Повар (*испуганно*). Да я же...

Управляемый. Тебе сказано, старик: нельзя. (*В сто-
рону*.) Эрик дал сигнал... все готово... Через восемь ми-
нут взрыв...

Трофимчук (*в сторону*). Восемь минут... Если взор-
вет, так сразу и не почувствуешь...

Управляемый. Что же не идет ваш командир?

Трофимчук. Придет.

Управляемый. Позовите его.

Трофимчук. Не могу.

Управляемый. Но у меня очень важное сообщение.
Прошу меня пропустить.

Трофимчук. Не имею права. (*В сторону.*) Неужели не нашли?.. Неужели с жизнью прощаться? (*Управляющему.*) Отойдите от окна.

Управлющий. Зовите командира! Скорее!

Трофимчук. Назад!

Управлющий. Вы... вы за это ответите!

Трофимчук. Я знаю, за что мне отвечать.

Управляющий хочет открыть дверь.

(Берет винтовку на изготовку.) Назад!

Управлющий. Пять минут... Нет, меньше... (*Бросается к окну.*)

Трофимчук. Отойди от окна!.. (*После паузы, в сторону.*) В штабе есть мой адрес... Родным сообщат...

Управлющий (*идет к Трофимчуку.*) Под полом мина. Слышишь ты — мина! Сейчас взрыв! Беги!

Трофимчук. Где мина? Говори!

Управлющий. Там (*указывает на дверь.*) в подвале... Под полом. Беги!

Трофимчук. Веди! Иди вперед!

Управлющий. Поздно! Там кирпичи... цемент... Сейчас взрыв! Мы еще успеем! (*Бросается к двери.*)

Трофимчук. Назад!

Управлющий. Ты! Солдатское мясо! Это же смерть! Понимаешь — смерть!

Трофимчук. Стой! (*Встает у двери, стоит неподвижно, крепко сжав винтовку.*)

Пауза.

Управляющий отворачивается и выхватывает револьвер. Поняв опасность взрыва, повар бросился к дверям, потом к управляющему. Управляющий стреляет. Повар, сделав несколько шагов, падает на диван. Трофимчук чуть не выронил винтовку. Управляющий бросается на Трофимчука, но, сбитый с ног, падает, роняя револьвер. Часы медленно начинают бить двенадцать. Управляющий вновь бросается на Трофимчука. Входит капитан, за ним — старшина и арестованный Эрик. Управляющий отступает под дулом револьвера капитана.

Нашли, товарищ капитан?

Капитан. Нашли!

Трофимчук опускается на стул, не выпуская винтовки.

(Управляющему.) Вы командир шюцкора Коольмен?

Управляющий (чистит рукав полушибака). У меня нет желания разговаривать с вами.

Капитан. Уведите.

Управляющий кладет руку на плечо Эрика, смотрит на него. Старшина уводит обоих.

Трофимчук. Разрешите доложить, товарищ капитан... (Держится за голову.) Капитан. Вы ранены?

Трофимчук. Нет. Мимо. Просвистела... Обожгла. Только в ушах звенит. А вот старика... (Подходит к лежащему на диване повару.) Может, еще жив? (Поднимает повара.) Рана-то где? Без чувств... Валерьянки ему разве рюмку?

Повар (жалобно). Стопку... водки... Фу...

Трофимчук. Живой!

Капитан. Пахнет дымом. Что-то горит!

Повар (*вскакивает с дивана*). Самовар распаялся... Фу... Придется, значит, из чайника... Фу... Ну и ну! (*Уходит.*)

Капитан. Товарищ Трофимчук! За задержание диверсанта объявляю вам благодарность. Представляю вас к награждению. Будет объявлено в приказе. Гм... Как это вы сказали давеча?.. Медицина у вас инициативу подрывает? Так, кажется?

Трофимчук. Разрешите доложить, товарищ капитан! Так что теперь я вижу: в медицине случаи тоже бывают ничего... интересные.

Капитан. То-то же. А скажите, вам страшно было тут оставаться?

Трофимчук. Сознаюсь. Страшно, товарищ капитан. Только я все-таки не верил...

Капитан. Что мина взорвется?

Трофимчук. Нет. Не верил, что вы обо мне позабудете, товарищ капитан. И я вот еще что хотел сказать. Когда две минуты до двенадцати оставалось, я Сережу Дорошенко вспомнил... Ну, и легче стало оставаться на посту.

Капитан. Вот что, товарищ Трофимчук. Вы об этом напишите семье убитого. Это будут, пожалуй, самые нужные и... задушевные слова.

ЗАНАВЕС

АЛЕКСАНДР АФИНОГЕНОВ

Александр Николаевич Афиногенов (22 марта 1904—29 октября 1941) — драматург.

С 1922 г. Афиногенов член ВКП(б), в 1924 г. окончил Московский институт журналистики. Тогда же написал первую пьесу. В 1927—1929 гг. работал заведующим литературной частью 1-го Московского рабочего театра Пролеткульта. В начале 1930-х гг. Афиногенов стал одним из руководителей РАППа. В 1934 г. Афиногенов избран в президиум правления Союза писателей СССР и назначен редактором журнала «Театр и драматургия». С конца 1936 г. Афиногенов становится объектом резкой политической критики и клеветы, его пьесы запрещаются, 22 июня 1937 г. его исключают из ВКП(б) и Союза писателей. Однако он не был репрессирован, жил на даче в Переделкине. Именно в то время, когда многие избегали опального драматурга, с ним подружился Борис Пастернак. В этот же период Афиногенов начал писать роман «Три года». В феврале 1938 г. его восстановили в партии. Во время войны Афиногенов возглавил Литературный отдел Совинформбюро. Предполагалось, что Афиногенов вместе с женой-американкой поедет в США агитировать за открытие второго фронта. Однако накануне этой командировки он погиб в здании ЦК ВКП(б) во время бомбежки, от случайного осколка. Первые пьесы имеют агитационный характер и написаны под влиянием эстетических принципов Пролеткульта. К драмам 1920—1930-х гг. относятся «На переломе» (1927); «Гляди в оба!». Трагифарс (1927); «Черный яр» (1929); «Малиновое варенье» (1926); «Чудак» (1928); «Страх» (1931); «Ложь» (1933); «Далекое» (1935).

В пьесе «Машенька» (1940) проявились типичные для драмы Афиногенова композиционные черты: действие в кругу семьи, замкнутость в домашнем пространстве, косвенный диалог, продолжающий традицию А. П. Чехова. «Машенька» повлияла на последующих драматургов и была популярна в 1960—1970-х гг. Афиногенов сознательно противопоставлял свой традиционный, психологически-реалистический театр «новаторству» Вс. Вишневского и Н. Погодина, выступавших за новый тип драмы, расчлененной на ряд сцен, с множеством действующих лиц (народные массы), с отказом от изображения частных судеб в пользу социальных явлений.

НАКАНУНЕ¹

Драма в трех актах, пяти сценах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Завьялов Тимофей Ильич — старый литейщик, на пенсии.

Иван Тимофеевич — его сын, генерал-майор.

Андрей Тимофеевич — его сын, ученый-агроном.

Джерен — жена Андрея, туркменка.

Гараева Софья Павловна — артистка.

Коля — ее сын, студент.

Мамонтов Захар Захарович — хирург.

Вера — его дочь, студентка медицинского института.

Василий Бутяга — молодой литейщик.

Анна Григорьевна — его мать.

Ксения Филипповна — молодая женщина.

Олещук
Геташвили
Командир

} бойцы.

Бойцы зенитной батареи, командиры, связисты.

Время действия — наши дни.

¹ Впервые опубликовано: Афиногенов, Александр Николаевич. Накануне: драма в 3 акт., 5 сцен. М., ценз. 1941. — 30 с. Стеклогр. изд. В Центральном театре транспорта пьеса была поставлена 17 декабря 1941 г. В газетах сообщалось о репетициях спектакля в Малом театре и Театре им. Моссовета осенью 1941 г., однако в Малом театре пьеса не была поставлена. Рец. на спектакли: Розенталь С. Антифашистские пьесы: «Пашня на черной горе» и «Накануне» // Вечерняя Москва. 1941. 20 августа. № 26. С. 4; Крути И. Две пьесы // Литература и искусство. 1942. 19 янв. № 45. С. 3; «Накануне»: спектакль Центрального театра транспорта // Гудок. 1943. 4 апреля. № 17. С. 4.

Акт первый

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Светлая июньская ночь. Сад на берегу реки. Река отливает серебристой полосой далеко внизу. За рекой на горизонте огни города. Из раскрытых окон загородного дома Завьяловых яркие полосы света падают на террасу и деревья в саду. Слышен рояль. Вальс. А н д р е й З а в ъ я л о в , выйдя на террасу, пробирается к окну и зовет негромко.

А н д р е й . Джерен... Джерен...

В окне показывается Джерен, видит Андрея, скрывается и выходит на террасу.

Джерен. Андрюша? Что случилось, Андрюша?

А н д р е й . Не знаю. Так. Вдруг захотелось побывать с тобой минутку. Сядь.

Джерен. А наши гости?

А н д р е й . Настал такой час, когда хозяева уже не нужны гостям. А мне ты нужна. Ты помнишь, какой завтра день?

Джерен. Помню. Завтра будет пять лет, как мы вместе.

А н д р е й . Да. Ровно пять лет. И нашей Танюшке уже три года. А мне все кажется, будто это было вчера. Будто вчера я встретил на хлопковом поле туркменскую девушку и сказал ей: «здравствуйте».

Джерен. «Зздравствуйте, — я агроном». Я даже не посмотрела на твое лицо. Я только подумала, какой добрый голос. Какой ласковый человек.

Андрей (*смущенно*). Ну вот...

Джерен. Я очень плохо говорила по-русски. И плакала, когда смотрела на зеркало на свое лицо. Косые глаза. Зачем у меня косые глаза, думала я тогда. Разве может он любить косые глаза? А одним вечером ты сказал про мои глаза: «миндаль».

Андрей. Ты помнишь?

Джерен. Это нельзя забыть, голубчик...

Вальс смолк. Шум голосов за окном, потом вновь тишина, и женский голос запел. Джерен и Андрей молча слушают.

Джерен (*когда пение кончилось*). И у нашей дочки глазки тоже немножко косой, и все ее любят. Нам с тобой хорошо.

Андрей. Да, хорошо. Так хорошо, что даже страшновато. Знаешь, когда одному человеку дано так много, поневоле начинаешь бояться. А вдруг — кончится, оборвется, ничего не станет. Я стоял и смотрел, как ты танцуешь, и вдруг подумал о том, как иногда кончается счастье. И поэтому я позвал тебя. Убедиться, что все хорошо.

Джерен (*берет его руки, говорит по-туркменски тихо*). Милый мой. Если бы ты знал, сколько в моем сердце любви к тебе.

Андрей. Понимаю. Все понимаю! (*Напевает по-туркменски. Джерен подпевает тихим голосом.*)

На террасу выходят Гараева, Коля, Вера, Вася, Иван и Ксения.

К о л я и д е в у ш к и (*наперебой*). Багрицкого... Маяковского... Софья Павловна, миленькая... «Смерть пионерки»... Маяковского!..

Г а р а е в а. Сегодняшний вечер в честь приезда генерала. Иван Тимофеевич, выбирайте вы.

И в а н. Если можно, «Мцыри».

К о л я. Браво! «Мцыри»! Исповедь. Ну, мама, начинай. Тише...

Все затихают.

Г а р а е в а. Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь...
Я мало жил и жил в пленау.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть —
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

(Умолкла. Пауза.)

И ван. Две жизни за одну. Но только полную тревог.
И битв. Умел человек понимать смысл жизни.

Андрей. Вы чудесно читаете, Софья Павловна. И все-таки... Неужели весь смысл человеческой жизни в битвах?

Коля. Разумеется! *(Декламирует.)* «Кто там шагает првой?! Левой. Левой. Левой!» Жизнь — это действие. Андрей Тимофеевич! Битва!

Гареева. Есть даже такая пьеса — «Битва жизни». Я в ней когда-то играла.

Андрей. Но жизнь — еще и мир, Коля. Мир, радость, колосящаяся пшеница, вот эти огни нашего города, и река, и небо, полное звезд.

Иван. А с неба падают бомбы...

Андрей. Знаю, знаю, война. Но мы-то ведь не воюем и воевать не будем.

Коля. Нет, будем! Обязательно будем! Правда, товарищ генерал?

Ксения. Пожалуйста, не пугайте! Я газеты перестала читать из-за этого.

Андрей. Не пугайтесь, Ксения Филипповна, мы будем жить мирно. И соберем урожай, какого десять лет не видали! Я понимаю — моему брату, военному, без войны, как мне без моей пшеницы. Но я не о нас говорю, а о смысле жизни. И этот смысл — не в битвах.

Коля. А в чем тогда?

Андрей. В труде.

Ксения. Ну, все время трудиться тоже скучно.

Гудок подходящего парохода.

Бутяга. «Чернышевский» проходит.

Вера. Бежим встречать. Кто за нами?

Коля. Я.

Ксения. И я, и я. Коля, дайте руку. Не отпускайте меня, я боюсь темноты.

Они сбегают с террасы.

Бутяга (*остановив Веру у скамьи под березой*). Вера! Хочешь чего-нибудь сделаю для тебя сверхъестественного? На руках понесу. Скажи, чего сделать, Вера?

Вера. А вот поцелуй при всех. Ну? Боишься?

Бутяга (*со вздохом*). Боюсь.

Вера. Как же ты воевать станешь, если даже поцеловать боишься?

Бутяга. Воевать стану... Эх! Была не была.

Хочет поцеловать Веру, но та, легко увернувшись, убегает. Бутяга за ней.

Мамонтов (*высунувшись из окна*). Хозяйка! На помощь. Вино кончается.

Дже́рен. Я помогу, пожалуйста. (*Тихо Андрею.*) Ты хорошо говорил, голубчик. В труде. Ты очень умный, Андрюша.

Уходит в дом.

Гараева (*сходя вниз вместе с Иваном*). Когда я читаю «Мцыри», мне кажется, что действительно надо жить для битв. Но в душе я люблю тихое существование. И ненавижу играть в пьесах, где стреляют на сцене.

Иван. Э, если б в жизни стреляли только на сцене. Вам бы в Лондон сейчас.

Гараева. Умерла бы от страха в первую же ночь.

Андрей. Кому вы говорите это? Генералу. Генерал без стрельбы то же, что певец без голоса. А в общем я никак не могу привыкнуть, что у меня брат — генерал. «Смиррно! Шаго-ом, марш!» Я хоть и командир запаса, но шагать в строю не люблю. (*Смеется.*) Это я Ивана дразню, Софья Павловна, пусть видит, что мы люди мирные.

Уходит в дом.

Гараева. Да, мы люди мирные. Мой Коля осенью идет в армию. Прошу вас, сделайте так, чтобы войны не было.

Иван (*улыбаясь*). Будет сделано... Хм... Коля в армию. Последний раз я видел его еще мальчишкой. Да. Три года прошло. И вас после «Трех сестер» я больше не видел, ни на сцене, ни в жизни. Поэтому, должно быть, я до сих пор помню вас, как Ольгу. И ее слова...

Г а р а е в а. «Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас...»

И в а н. Для тех, кто будет жить после нас... Но и наша жизнь не кончена. И кто знает, как она сложится... Для нас с вами.

Пауза.

Г а р а е в а. Сегодня самая короткая ночь в году. Скоро начнет светать.

И в а н. Все эти годы думал я о том, что найду вас...

Из окна выглядывает Т и м о ф е й.

Т и м о ф е й. Ванюша! Сынок! Поди! За твое здоровье!

И в а н (*тихо*). Уйдем.

Подымаются и уходят, стараясь не попасть в полосу света. На террасу выходят Т и м о ф е й и М а м о н т о в . В руках у М а м о н т о в а бутылка.

Т и м о ф е й. Отзовись, сынок!

М а м о н т о в . Не так. Постой. Генерал-майор Завьялов!
(Слушает.) Безмолвие. Стало быть, пусто. Ничего и ничего.

Т и м о ф е й. Ничего! Ничто от некоторого нечто есть определенное ничто.

М а м о н т о в . Это что за новости?

Т и м о ф е й. Диалектика. По три страницы в день учу.

Мамонтов. А понимаешь сколько?

Тимофей. На то и философия, чтобы не сразу все понимать. Сядем, доктор. В ногах правды нет. (*Садятся на скамью под березой.*)

Мамонтов (*смотрит в бутылку*). Пусто! Третья!

Тимофей. Третья, пятая, не в том вопрос. Истинная бесконечность не зависит от размеров и величины.

Мамонтов. Метафизика.

Тимофей. Априори! Ты думаешь, я для собственного удовольствия выпил? Миф. Я за сына пил! За сыновей!

Мамонтов. Замнем для ясности.

Тимофей. Ты-то подумай — я кто?

Мамонтов. Персональный пенсионер.

Тимофей. Не в том вопрос. Литейщик я. Черняк. А сыновья мои? Андрюшка — агроном-ученый, а Иван — генерал-майор! Ихняя мать у генералов белье стирала, а теперь бы сама генеральшей... Эх, превращение жизни! Андрюшка пшеницу разводит, во всем мире такой пшеницы нет. Вон какой домишке ему отгрожали за пшеницу. А? Тут, Захар, и не хочешь, а выпьешь за такую жизнь. Обязан выпить.

Мамонтов. Н-да! Оправдал! Диалектически оправдал.

Тимофей. А как же? А мечту мою знаешь? (*Обнимает Мамонтова.*) Женить Ивана желаю. Ей-ей. Генерал и вдруг холостой. Нельзя.

Мамонтов. Женить, женить!

Тимофей. Сказать на ком? На Верке твоей! Ага! (Смеется.) Тут нам и породниться, профессор!

Мамонтов. Молода. Студентка. Учится плохо. Не могла сухожилие отпрепарировать, а потом на меня же валил, что я, как отец, придираюсь.

Тимофей. А ты не придирайся. Тут любовь. Хирургия тут ни при чем.

Мамонтов. Что ты понимаешь в хирургии?

Тимофей. А то понимаю — чик-пых и нет ноги! Это вы можете. А любовь жизнь человеку дает, и тут твоя хирургия — миф! Абстракция.

Мамонтов. Жизнь человеку дать — это и дурак сумеет. А вот вырвать человека из лап смерти — это может только наука. Моя наука! Ты знаешь, скольких людей я от смерти спас?

Тимофей. Душ с сотню будет?

Мамонтов. Шесть тысяч сто двадцать два человека! Сотню! Когда тебя на мой стол положили, — жизни тебе оставалось час. А ты после этого часа еще шесть лет живешь. Философ!

Тимофей. Шесть тыщ! Число! Абстрактно не охватить... А ты знаешь, сколько я стали за свою жизнь отлил? Столько отлил, что круг всей земли можно пояс из нее сковать. И твой ножик, каким ты меня резал, — тоже небось из моей стали, а? То и главное! Как я на пенсию уходил, — меня вся литейная провожала. Директор пожизненный пропуск выдал: приходи, Тимофей, на завод, как в собственный дом. Ну!

Мамонтов. Что «ну»?

Тимофей. Об чем тогда спор?

Мамонтов. А я почем знаю? (*Засмеялся, Тимофей тоже.*)

Тимофей. Дай вспомню... Да! Об Иване шел разговор! Как говорится: нет в мире изолированных явлений, все связано между собой... Вот мы генерала с Веркой и свяжем. А? По рукам?

Мамонтов. А они-то сами?

Тимофей. Априори! Согласны! (*Обнимает Мамонтова.*) Свадьба!

Входят Бутяга и Вера.

Бутяга. Эх, Вера! Изобрести бы чего-нибудь сверхъестественного, чтоб всех разом удивить. Чтобы в «Правде» портрет на первой странице, и ты получаешь, откроешь и ах — какой у меня Вася вырос!

Вера. Да, уж вырос — рукой не достать! А спросили у тебя, кто такой Чернышевский, а ты говоришь — пароход.

Бутяга. Так это ж когда было, Вера! Чернышевский Николай Гаврилович родился в 1828 году... социалист-утопист.

Вера. А что такое утопист?

Бутяга. Утопист значит не марксист, но тем не менее наш человек. Чего бы сломать на радостях? Э-эх! (*Ломает с треском громадный сук.*)

Тимофей. Кто здесь? Васютка. Ученичок. (*Мамонто-ву.*) Будет литейщик знатный, ни зазору, ни трещинки, весь в меня. И Верушка тут! Дело. Мы тебе жениха нашли, Вера Захаровна.

Вера. Где это? На дне бутылки?

Тимофей. Э, нет, не замай! Я уже философски охватил весь вред алкоголизма, но еще практически не изжил предпоследней рюмочки. И ты не замай. Мы с Захаром Захарычем порешили. Породниться решили. Быть тебе женой генерала Иван Тимофеича!

Вера. Мне? Генеральшай? Спасибо, папочка! (*Обнимает отца.*) Где мой жених! Подайте мне моего жениха! Иван Тимофеевич, невеста ждет! (*Убегает в лес.*)

Бутяга (*растерянно*). Это как же понять, Тимофей Ильич?

Мамонтов. Метафизика!

Тимофей. Видал, обрадовалась! Они, девчонки, такие! До военных охочие! (*Vase.*) Не то что мы — литейщики, черняки. А?

Бутяга. Да! Действительно! (*Ломает стул, на который оперся.*) Опереться не на что.

Мамонтов. На скалу обопрись, Антей!

Бутяга. Что ж. Передайте Vere Захаровне наше почтение. И все такое. (*Хочет уйти, но видит вышедшую на террасу Джерен, подбегает к ней, почти скрывает вниз.*)

Джерен. Вася, это рука у меня, не сук, не дерево...

Б у т я г а . Виноват, не рассчитал. Вера замуж выходит, за генерала, меня кругом пальца водила, так, для смеху, а сама к другому... Ты скажи ей чего-нибудь такое от моего имени, я доверяю, чтобы она почувствовала.

Д ж е р е н . Вася... (*Еле удерживая его.*) Не надо, пожалуйста. Это шутка. Веселый шутка. Я знаю, Вася.

Б у т я г а . Шутка! Смейся, паяц.

Д ж е р е н . Ты Vere нравишься. Знаю.

Б у т я г а (*снова хватает ее за руку*). Ты гляди!

Из сада выходят В е р а под руку с И в а н о м , за ними, торжественно, Г а р а е в а , К се н и я , К о л я . Подходят к Тимофею и Мамонтову.

В е р а (*становясь на колени*). Благословите, папаша, начать венчание.

М а м о н т о в (*понимая*). Тимоша... ты заварил.

Т и м о ф е й . А что! Бери, Иван, Верку в жены — вот и весь сказ...

И в а н (*разражаясь смехом*). Нет, он серьезно!

В е р а . Я говорила, я говорила, не верили! (*Общий смех.*)

Б у т я г а . Ура — в атаку! (*Бросился к Vere, оттащил ее.*) Ох, напугала ты меня, Vere!

В е р а . Пугливы, Васенька, не по росту.

Т и м о ф е й . Это как же понять?

М а м о н т о в . Замнем для ясности!

Дже́рен. Не надо, пожалуйста! Тимофе́й Ильи́ч хоро́шо угада́л, только неправильнó. (*Смех.*) Завтра вы все узнае́те. Много новое.

Коля. Почему завтра?

Дже́рен. Завтра будет хороший день. И вечером здесь будет еще веселей. Правда, Иван Тимофе́евич?

Ива́н. Надеюсь.

Ксения. Ах, завтра! Кто может сказать, что случится завтра.

Дже́рен. С вами ничего не случится.

Смех.

Гаре́ва. Светает. Значит — это уже не завтра. Это — сегодня.

Вера. Рассвет полагается встречать песней. Вася! Нашу любимую...

Бутя́га. Оси́п.

Смех.

Коля. А ты басом.

Бутя́га (*откашливается*). Николай, веди. Я вторить буду.

Коля. Могу. (*Стал дирижером.*)

Как на Черный Ерик, как на Черный Ерик
Грянули татары в сорок тысяч лошадей.

Бутя́га (*вторя*). И покрылся берег, и покрылся берег
Сотнями порубанных, пострелянных людей.

Х о р.

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить.
С нашим атаманом не приходится тужить.
Эх, нечего тужить...

Из дома выходит А н д р е й.

А н д р е й (*тихо*). Иван, тебя срочно вызывают в штаб.

И в а н (*поднимаясь*). Иду. Продолжайте, товарищи, скоро вернусь. (*Уходит.*)

М а м о н т о в. Между прочим, какое сегодня число?

К о л я. Двадцать первое июня тысяча девятьсот сорок первого года. Суббота. (*Запевает.*)

Атаман узнает, кого не хватает,
Эскадрон умчится, забудет про меня.

Б у т я г а (*вторя*).

Жалко только волюшки во широком полюшке,
Матушку-старушку да буланого коня.

Хор подхватывает припев.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Тот же дом и сад. Вечереет. Заходящее солнце бьет сквозь верхушки деревьев на террасу. В небе гул самолетов. На шоссе, за оградой шум проходящих танков порой заглушает слова на террасе, где Джерен и Андрей кончают укладку чемодана.
Андрей уже в военной форме.

Вдоль ограды два связиста разматывают катушку полевого провода, цепляя провод за столбы и деревья.

Шум танков стих, и стали слышны слова радио из окна дома.

Радио. «...В течение дня противник стремился развернуть наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря, направляя главные свои усилия на Шауляйском, Каунасском и Гродненско-Волковысском...»

Шум проходящих танков заглушает радио. Когда шум стихает, в радио звучит походный марш.

Джерен. Мыло и полотенце сверху. Бритва здесь. Еще я положила конверты, бумагу. Я знаю, будет трудно писать нам часто. Но ты не волнуйся. Мы с дочкой все равно знаем, что ты жив, здоров... Все будет хорошо, Андрюша.

Андрей. Мне все казалось, что я должен много тебе сказать на прощанье. Что-то очень важное. А вот ищу это важное и не нахожу. Сяду в машину и вспомню... Ты остаешься одна. Я говорил в городе... ты будешь руководить станцией, ты знаешь все высадки, семена, сорта... Нет, я не об этом хотел.

Джерен. Я все понимаю, голубчик. Я берегу пшеницу. И твой сорта...

Андрей. Рано утром, — ты спала еще, — я вышел последний раз в поле. Проститься с пшеницей. Сто гектаров чистокровного цезиума. Сто гектаров — от одного зерна, созданного человеком...

Джерен. Тобой.

Андрей. Поблизости не было никого, я сел на землю и засмотрелся. Колос к колосу. Стойная, высокая, чуть дрожит на ветру и волнуется от сознания собственной красоты... И каждый тоненький стебель этих ста гектаров мне знаком, как пальчики нашей Тани... Она уснула?

Дже́рен. Да. Днем набегалась, смотрела танки и самолеты. (*Слушает.*) Идут. Всю ночь шли и сейчас идут... Война.

Андре́й. Да, война... Ты за меня не беспокойся. Ты береги себя и работай, как работали мы с тобой когда-то... до двадцать второго июня... Главное сейчас — присутствие духа, мужество... Зачем я говорю тебе это: я же знаю — ты не такая.

В сад торопливо входит Гараева.

Гараева. Здравствуйте. Забежала пожать вам руку. Еду выступать на призывной пункт. Весь город движется. Знаете, как ветром сдуло со всех людей шелуху мелочей, забот... Все стало крупнее и проще. Я никогда так не любила нашего города, как сейчас.

Андре́й. Два дня назад я спорил с братом о войне. Я не мог даже представить себе, как это вдруг я брошу свою пшеницу и надену форму и мне дадут оружие... А теперь я не представляю — как могло быть иначе. Будто всю жизнь я готовился.

Дже́рен. Мы все понемножку готовились. В душе. Мы знали — это придет в конце концов. Не может нас миновать.

Гараева. Хотелось бы повидать на прощанье Ивана Тимофеевича...

Дже́рен. Он не был дома с той ночи.

Андре́й. Все куда-то исчезли. Отец и тот в город уехал.

Дже́рен (*тихо Гараевой*). Он просил меня. Если придете вы — подождать.

Гараева (*сматря на часы*). Мой Коля тоже не ночевал дома. Где-то дежурит.

Андрей. «Дома». Странно звучит теперь это слово: «дом»...

Джерен. Тсс... (*Прислушивается*.) Танюша зовет. Приснулась.

Андрей. Я побуду с ней... Еще пять минут. (*Уходит в дом*.)

Гараева (*торопливо Джерен*). Я поеду с Иваном, я решила. Брошу все и поеду.

Джерен. А может быть, оставаться. И ждать.

Гараева. Сколько ждать?

Джерен. Когда любишь — не спрашиваешь.

Гараева. Нет, я так не могу...

В сад входят Бутяга в военной форме и Анна Григорьевна, его мать, которую он ведет за руку. С ними Вера.

Бутяга. Товарищ старший политрук здесь?

Джерен. Кто?

Вера. Андрей Тимофеевич.

Джерен. Да, пожалуйста. Здравствуйте, Анна Григорьевна.

Анна Григорьевна. Вечер добрый. Провожаете. Все провожают. Кто мужа, кто сына, кто отца... А слез нету. Нет у людей слез. Потому — чувствуем по-другому. Я, вон, мужа в четырнадцатом году провожала,

изошлась. А нынче — сын идет... а нет, не заплачу...
(Неожиданно всхлипнула, отвернулась.)

Бутяга (*гладит ее по голове*). Я, мамаша, три ордена с войны привезу, а вы в слезы.

Анна Григорьевна. Стара стала, Вася, сами текут.
(Пробуя усмехнуться.) Старуха Мартыновна, меня жалеючи, карты раскинула. «Жди, говорит, приятного известия из казенного дома». А теперь все дома казенные, значит — какое письмо ни получу — все приятные. «А еще, говорит, сыну твоему большая дорога, а в конце — удача»...

Бутяга. Я ж и говорю — три ордена.

Вера. Мы с Анной Григорьевной в лазарете. В одной палате. Я — сестрой, она — няней. Отец нас уже записал.

Анна Григорьевна (*сыну*). Чего ты меня за руку ведешь, Вася? Ты не меня веди, ты ее подержи за ручку... *(Показывает на Веру.)* Ступай, ступай...

Бутяга подходит к Вере, но видит Андрея, вышедшего из дома.

Бутяга (*отдавая честь*). Товарищ старший политрук, разрешите доложить: грузовик подан.

Андрей (*отдавая честь*). Что ж, можно и отправляться. Маршрут получили?

Бутяга. С третьим взводом головной колонны.

Андрей. С родными простились?

Бутяга. Маленько не успел, товарищ старший политрук.

Андрей (*смотрит на часы*). Десять минут.

Бутяга. Есть — вернуться через десять минут. Вера! Сбегаем к нашей заветной. Где рыбу удили.

Вера. Бежим. (*Останавливаясь у березы*.) Вася, я совсем не знала, какой ты... Ты гораздо лучше меня. Нет, молчи, ты добрый и ласковый. Я больше никогда, никогда не буду, Васенька... Я тебя изводила своими выходками...

Уходят вместе, взявшись за руки. В сад входит Мамонтов. Он в форме военного врача с орденом на гимнастерке.

Мамонтов (*вслед*). Куда, куда? Впрочем — правиль-но. Фффи — жара! (*Здороваясь со всеми*.) В штабе к генералу не пройти, так я перехитрил. Он дома сего не минует. Тут я все и обдelaю. Госпиталь разворачиваем, Софья Павловна, — красота, кто понимает! Мы, мы наших раненых смерти не отдадим, Анна Григорьевна!

Анна Григорьевна. Не отдадим.

Мамонтов. Но немец, немец-то, сволочь, каков! Я так на митинге и заявил: тут нужна хирургия! Историческая хирургия: срезать эту коричневую опухоль начисто, чтобы наши дети забыли слово «фашизм».

В сад входит Иван в генеральской форме с двумя орденами.

Мамонтов (*спешит навстречу*). Иван Тимофеич... виноват, товарищ генерал-майор. (*Берет его под руку, отводит в сторону*.)

Джерен (*к Анне Григорьевне*). Уйдем отсюда немножко. А ты, Андрюша, доктора уведи... (*Показывая на Граеву*.) Пожалуйста.

Анна Григорьевна. Все ты об чужом счастье хлопочешь. Значит, своего много.

Джерен и Анна Григорьевна уходят в дом, Андрей подходит к Мамонтову.

Иван (*Мамонтову*). Грузовики вы получите. Распоряжусь.

Андрей. Захар Захарович, одну минуту... (*Отводит его в сторону, потом в лес.*)

Иван (*подходит к Гараевой*). Мне думалось — мы уже не увидимся.

Гареева. Я еду с вами.

Иван. Со мной? Куда?

Гареева. Куда скажете.

Иван. Нет, Софья Павловна. Нельзя. Два дня назад я спрашивал нас обоих: как-то сложится наша жизнь теперь. Вот она как сложилась. Война. Отечественная война. Это значит: все, чем ты живешь и дышишь, все отдав сейчас родине... Я любил и люблю вас.. но сейчас.. Вам нельзя со мной ехать. И, может быть, лучше даже не ждать меня... (*Пауза.*)

Гареева (*медленно*). Я дождусь тебя. (*Обнимает и целует Ивана.*) Поезжайте.

В сад вбегает Коля.

Коля. Мама! Поздравь! Зачислен добровольцем. Со всего курса только десятерых. Сегодня еду.

Гареева. Как? И ты?

Иван отходит от них. Навстречу ему из леса выходят Бутяга и Вера.

Бутяга (*вытягиваясь перед Иваном*). Явился, как было приказано — через десять минут. Разрешите грузиться?

Иван. Грузитесь.

Бутяга входит в дом.

Иван (*Вере*). Пишите ему почаше. Знаете, как дорога на фронте каждая строчка из дому.

Гареева (*Коле*). Ты едешь... Впрочем, что ж я. Конечно. Этого следовало ожидать. Ты поступил хорошо, мой мальчик... Это немножко неожиданно для меня, ничего — привыкну. Поезжай... Дай только взглянуть на тебя и побудь со мной напоследок...

Из дома Бутяга выносит чемодан. За ним идут Джерен и Анна Григорьевна. Из леса подходят Андрей и Мамонтов.

Андрей. Пора.

Анна Григорьевна. Васюшка, нагнись, да закрой глаза. Закрой... тебе говорят. (*Когда сын закрывает, она торопливо его крестит*.) Теперь открай. Ладно. Я знаю — ты у меня жалостливый, а тут не жалей... Ты их так бей, у тебя кулак, слава господу, понял?

Бутяга. Героем назад приеду, так и знайте, мамаша.

Анна Григорьевна. А обо мне не зaborться. Проживу. Еще, гляди, сама на фронт заявлюсь.

Все двигаются к выходу, навстречу Тимофей.

Тимофей. Успел! Фу, стойте! Думал — не увижу вас. Андрюша, Ваня. Дайте поглядеть, какие вы есть теперь.

Андрей. Ты куда запропал?

Тимофей. Не на пенсии же сидеть. Снова в литейную подался, там меня ждали. Вася-то ушел, да и других порядком... Становись, кричат, Тимофей! Я и стал. Три нормы сгоряча выдал. (*Ивану.*) Армия от нас в обиде не будет, нет! Да что толковать! (*Обнимает сыновей.*) Езжайте, езжайте, дети... Не мы войну начали, а уж кончим мы!

Все выходят из сада. В наступившей тишине слышен передаваемый по радио походный марш. Шум отъезжающего грузовика. Голос Джерен: «До свиданья, любимые...» Марш усиливается.

ЗАНЯТИЕ

Акт второй

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Тот же сад. Снова ночь. Но теперь только луна светит на деревья и дом. Везде темно. Нет огней в доме, нет огней в городе за рекой. На скамье у берега Ксения. Она наблюдает, как Джерен переносит сосуды с растениями в укрытие, вырытое в земле. Гареева помогает ей.

Ксения. И вы каждый вечер прячете эти колосья в щель?

Джерен. А утром выношу их обратно.

Ксения. Я бы так не могла. Я думала — за городом спокойней, а тут такая же темнота, настороженность, приготовления. Все чего-то ждут, все боятся.

Джерен. Мы не боимся.

Ксения. Ах, не считайте меня за девочку. Все боятся, только скрывают. В городе слухи, слухи... Один хуже другого. Нам все советуют уезжать.

Гареева. Вас никто не держит. Уезжайте, куда хотите, Ксения Филипповна, только не нойте.

Ксения. Зачем вы сердитесь, Софья Павловна? Разве я виновата, что я боюсь? Это так естественно.

Гареева. Вы просто распустили себя. Раскисли. Ничего не делаете, забросили музыку, кутаетесь в платок и ноете.

Ксения. Не могу я заниматься музыкой в такое время. Я все время жду, что вот-вот случится что-то ужасное.

Гареева. Ничего не может быть ужаснее молодой женщины, которая перестала следить за собой. Вы стали грязнuleй, Ксения Филипповна. Если бы Коля встретил вас в таком виде...

Ксения. Ах, что там Коля. Он даже не пишет.

Гареева. Он и мне не пишет. Им сейчас не до писем.

Ксения. А может быть, Коли уже нет в живых.

Гараева уронила сосуд, звякнуло стекло.

Джерен. Ничего, пожалуйста. Оставьте так. Завтра пересадим. А письма придут, я знаю. Только две недели прошло.

Ксения. Две недели. А как будто — вечность. Скорее бы все это кончилось.

Гареева. Еще все впереди.

К се н и я. Не пугайте меня! Я и так напугана.. Нет — бежать, бежать... Я не выдержу. Немцы сильнее нас.

Г а р а е в а (*подошла к ней, встряхнула за плечи*). Немедленно замолчите! Можете трусить, но не смейте оправдывать собственную трусость клеветой на нашу армию и на всех нас...

К се н и я. Ах, оставьте меня! (*Заплакала*.)

Д ж е р е н. Ваши слезы не стоят той соли, которая в них. Совсем дешевые слезы. Идите спать.

К се н и я. Я измучилась. Я совсем больна.

Д ж е р е н. Солнце взойдет — поправитесь. (*Гараевой*.) Пожалуйста, тот сосуд... Повыше. Отдельно. (*Показывая на сосуд*.) Андрюшина любимый. Десять лет отбирал этот колос. Теперь будет первый зерно.

Ксения подымается со скамьи и плетется к дому. Уходит.

Г а р а е в а. За одно я благодарна войне. Она раскрыла подлинную суть людей... Ведь эта птичка нравилась Коле. Она щебетала и, вероятно, казалась привлекательной...

Д ж е р е н. Я давно ее укусила.

Г а р а е в а. Как укусила?

Д ж е р е н Я хочу сказать — закусила... Или, может быть, прокусила...

Г а р а е в а. Может быть, раскусила?

Д ж е р е н. Или это не то же самое? (*Посмотрели друг на друга, засмеялись*.) У нее был очень спокойная жизнь,

у Ксении. Никакой препятствия. Никакой борьба. И она никого не любит кроме своей благополучие и спокойная жизнь.

В сад входит Тимофей.

Тимофей. Кто-нибудь дома?

Джерен. Тимофей Ильич. Пожалуйста. Почему вчера не пришли домой?

Тимофей. Две ночи из литеиной не выходил, хозяюшка. То есть, до того дошло, силком народ уводить начали. Передохнуть. Эх, и штуки мы отливаем! Абстрактно не охватить.

Джерен. Я соберу ужин.

Тимофей. В цеху обедал. Сиди. (*Садится сам.*) Душа у людей горит. Злы мы на немцев, так злы, что литье выдаем, а сами, извиняюсь, матом садим — а-а-а, вражьи дети! Водичкой ополоснемся с жару и снова к печи... Ничего, хозяюшки, мы им глотку нашей сталью зальем. Писем, слушаем, нет от наших?

Джерен. Скоро будут.

Тимофей. Надо полагать — некогда им. Горячее время. Страшенный бой. Четыре тысячи танков боятся. Не вообразить.

Гареева. Что-нибудь новое с фронта?

Тимофей. Да ведь что новое? Прет дьявол-немец. Солдат своих кладет не считая, а прет...

Гареева. И долго они будут вот так... наступать?

Тимофей. Я мыслю — долго. Всю машину на нас обрушил. Им ведь иного спасенья нет, как переть. Как

в песне поется... (*Напевает.*) «Грянули татары в сорок тысяч лошадей»...

Торопливо входят Вера и Анна Григорьевна.

Вера. Новости! Новости!

Анна Григорьевна (*еле поспевая за Верой*). Не слушайте вы ее, — я скажу.

Вера. Вася немецкого офицера в плен приволок.

Джерен. Гараева. Что? Письма?

Анна Григорьевна. В лазарете раненый.

Вера. Из их роты. Мы с Анной Григорьевной разузнали. Вася немецкого офицера...

Анна Григорьевна (*плачущим голосом*). Богом молю, дай ты мне рассказать.

Вера. Я сама хочу...

Джерен. Пожалуйста. Вера, пусть Анна Григорьевна. Она не торопится. Я лучше пойму.

Тимофей (*сажая Анну Григорьевну на скамью*). Не томи...

Анна Григорьевна. Фу, отдошусь.

Вера. Ты дыши, я начну пока.

Анна Григорьевна (*торопливо*). Ну, значит, приходим мы в лазарет на дежурство, глядим — раненых привезли. И один все расспрашивает, нога у него морщится, а расспрашивает: «Нет ли кого послать к Анне Григорьевне?» — «Голубчик мой, да тут я». Не поверил сперва. Скажи какой случай!

Вера. Я ему перевязку делала. Отец и тот доволен остался.

Анна Григорьевна. Ладно. Сели рядышком, у его кроватки, а он и рассказывает: передайте родственникам: все живы-здоровы ваши. В боях бывали не раз. Немцы их обошли, а Васька мой поднял на руки пулемет, да как закружит, — кружит и бьет, кружит и бьет, им и приступу нет... Тут Андрей Тимофеич командует — батальон в атаку.

Вера. А их всего было семь бойцов.

Анна Григорьевна. И все семеро закричали «ура» и вперед. И пробились. Одному вот ногу, двое грудью легли. А пробились. И Васютка пулемет на себе принес.

Вера. А потом офицера.

Анна Григорьевна. Это уж в другой раз. Андрей Тимофеич велел «языка» достать. Ну, Вася и приволок. Нежный он у меня, а приволок... Васенька. (*Всхлипнула.*)

Вера. Ты поплачь, а я расскажу.

Анна Григорьевна. Нет уж, нет уж... Ладно. Живут они, слава богу, не жалуются. Письма, говорят, напишем, когда отдохнем. А отдохать не приходится. Иной раз по три ночи не спавши — в бой. Николка твой, Софья Павловна, мотоциклетку себе сам добыл. Приметил, где немцы на разведку на мотоциклетках ездят, забрался на сосну, как дятел; немец фырь-пырь, мимо едет, а Колька ка-ак сиганет с сосны, на седло... руки немцу назад, нажал педальку и к нашим. Ну, ничего, хвалили.

Гареева. Коля... Мальчик мой...

Тимофей. Вот они, дети наши, какими стали... А генерал где теперь?

Анна Григорьевна. Генерала не видел. Не в их стороне, должно. А твоего Андрея все уважают. И то сказать, — «ура» в атаку и сам впереди, а их всех-то семеро.

Замолчали. Ксения пробует играть на рояле в доме. Перебирает клавиши.

Джерен. Они ушли от нас, но они здесь. Здравствуй, Андрюша...

Гареева. Здравствуй, Коля.

Вера. Вася, здравствуй...

Пауза. Вдруг где-то далеко в городе слышатся протяжные гудки.

Джерен. Что там?

Тимофей (*тихо*). Тревога!

Гареева. Первая тревога.

На террасу выбегает Ксения.

Ксения (*шепотом*). Вы слышите! Слышите! Нас убьют! Сейчас нас убьют!

Джерен (*властно*). Приказываю замолчать! Садись, здесь неопасно! Ну! И не поломай растений.

Ксения лезет в то укрытие, куда Джерен прятала сосуды.

Джерен. И вы, Анна Григорьевна, пожалуйста.

Анна Григорьевна. И-и-и, голубка, я свое отжила. Не полезу. Я б на самом виду перед немцами села чу-

лок вязать, да темно. Чтоб знал, мерзавец, что старухи и те его не боятся.

В наступившей тишине еле слышен гул приближающихся самолетов. И тотчас за рекой в разных местах вспыхивают белые молнии прожекторов, в небе яркими точками сверкнули первые неслышные разрывы зениток.

Гараева. Летят... летят...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Утро. Тот же дом и сад. Сквозь листву деревьев просвечивает замаскированное тело зенитной пушки. Дом и терраса тоже замаскированы ветвями и молодыми деревцами, дом поэтому выглядит украшенным к летнему празднику. Под березой свеженабросанный холм открывает вход в землянку-укрытие. Туда же тянутся провода. У калитки ограды — часовей.

На террасе Гараева читает бойцам батареи, которые расположились на ступенях и траве.

Гараева. «... В плenу, в балагане Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка; но теперь в эти последние три недели похода он узнал еще новую, утешительную истину — он узнал, что на свете нет ничего страшного...»

В сад входит Иван с двумя командирами. Он делает знак дежурному не прерывать чтения и слушает сам, что-то сказав командирам.

Те уходят вправо, в лес.

Гараева. «... Чем труднее становилось его положение, чем страшнее была будущность, тем независимее от

того положения, в котором он находился, приходили ему радостные и успокоительные мысли, воспоминания и представления...» (*Подняла голову, увидела Ивана.*) Иван Тимофеевич!

И в а н. Продолжайте.

Г а р а е в а (*к бойцам*). Товарищи простят меня за перерыв... (*Торопливо сходит вниз.*) Какими судьбами? Когда?

И в а н. Сегодня.

Г а р а е в а. Надолго?

И в а н. Видно будет. А вы здесь зачем?

Г а р а е в а. О, я на батарее частый гость. Все наши актеры перебывали тут. Но вы... (*Тихо.*) Боже мой! Увидеть вас так внезапно. Если бы вы знали, как я счастлива.

И в а н. «Человек сотворен для счастья»... Да. Месяц назад мы не думали, что в этом саду расположится зенитная батарея. Быстро. Время обгоняет события. Очень страшно, когда бомбят?

Г а р а е в а (*в тон ему*). «На свете нет ничего страшного»... Нет, правда, первую ночь было как-то не по себе, а потом, когда я сама погасила первую зажигательную бомбу, вдруг я поняла, что не боюсь больше. Квартиру мою, между прочим, разбомбили, живу у друзей. А друзья теперь много. Война сплотила людей. Но я совсем не об этом хотела сказать... Вы приехали. Что это значит?

И в а н. Это значит, что вам нужно уезжать... Немцы подходят к городу. Уезжать надо.

Г а р а е в а. Теперь, когда вы здесь? Ни за что.

Иван. Именно теперь. Я не могу заботиться о вас.

Гареева. Я сама о себе позабочусь, Иван Тимофеевич!

Иван. Но думать-то я о вас буду. А я не имею права думать о вас... Моя дивизия отступает... Я еще никогда не отступал ни перед кем... Я даже представить себе не мог, что придется оставлять села и города, рвать за собой мосты, жечь склады... Все, все приходится делать, все испытывать и притом сохранять на плечах голову... Прошу — не спорьте больше со мной... Уезжайте.

Гареева (*после паузы*). Простите. Я уеду. Скажите мне только, когда будет наш ответный удар? Когда?

Иван. Вы читали сейчас Толстого. Именно в «Войне и мире» он мудро ответил на такой же вопрос. (*Берет из ее рук книгу, ищет, перелистывая. Читает.*) «“Терпение и время — вот мои воины-богатыри!” — думал Кутузов. Он знал, что не надо срывать яблока, пока оно зелено, испортишь яблоко и дерево и сам оскомину набьешь. Он, как опытный охотник, знал, что зверь ранен, ранен так, как только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, это был еще не разъясненный вопрос»... (*Захлопнул книгу.*)

Гареева. Ты увидишь, я сумею быть терпеливой (*Достала из сумки письмо, читает.*) Вчера получила от Коли, с фронта. Шло десять дней... Мальчик думает почему-то, что я тут нервничаю, и убеждает меня совсем как старший... как вы.

Иван. Он больше не мальчик, твой сын. Он — мужчина, воин. Он действительно старший.

К ним приближаются Джерен и боец Олещук. Они осматривают сосуды с растениями, выставленные на солнце.

Дже́рен (*осмотрев сосуд*). Восковой спелость. Готов.

Оле́щук (*записав в тетрадь*). Прикажете сосчитать урожай? (*Хочет сорвать колос*.)

Дже́рен. Не надо, пожалуйста. Этот сорт будет держать, пока сам осыпется. Заметим, сколько может стоять.

Оле́щук. Розумио. Це ж для уборки комбайнов первое дело — стойкость. Иная пшеница и горазда, да хрупкая... сыплется очень.

Дже́рен. Эта будет крепкий. (*Видит, что Оле́щук топливо поставил сосуд на землю и стал во фронт*.) Что с вами? (*Заметила Ивана*.) Голубчик!

Ива́н (*обнимая ее*). Вот неожиданно! Я полагал, дом пустой...

Дже́рен. Зачем пустой?

Ива́н. А зенитки?

Дже́рен. Зенитки на пшеница не влияет. (*Знакомя*.) Пожалуйста, Гнат Оле́щук, агроном. Помощник.

Оле́щук (*рапортуя*). По разрешению командира батареи, прикомандирован для содействия в свободное от дежурства время.

Ива́н. Откуда сами?

Оле́щук. С Полтавщины. Мы ж с товарищем Завьяловым знакомы. Наш колхоз его семенами сеет. Знаменито.

Ива́н. Вот что, Джерен, передай станцию Оле́щуку и сама укладывайся. Не смотри такими глазами. Фронт

приближается, мы вывозим из города всех, без кого можно обойтись.

Джерен. Без меня нельзя обойтись.

Иван. Софья Павловна, объясните ей. Мне пора, к сожалению.

Джерен. Я все понимаю, голубчик. Андрюша сказал на прощанье — сбереги семена. Я обещала ему. Я сберегу. Сто гектаров. Я ему писала, пусть не тревожится... Через неделю уборка.

Иван. Через неделю здесь будут стрелять из пушек.

Джерен. Милости просим, пожалуйста. Я не мешаю пушкам. Зенитки уже стреляют, я не мешаю. Правда, Гнат?

Олешук. Це точно. Никакой помехи.

Джерен. Дочка уехала к бабушке, ей там хорошо, а мне тут. А это труд Андрюши. Десять лет он ждал такой урожай.

Иван. Если б Андрюша был здесь, он сам сказал бы тебе...

Джерен. Он сказал бы: Джерен, покажи тетрадь. Как растут семечки. Он зовет их семечки. Еще он сказал бы: что это, гром? Надо укрыть от грозы посевы. Это стреляют немцы, Андрюша. А-а-а, тогда давай продолжать. Мне можно здесь. Командир батареи позволил. Я варю бойцам туркменский плов. Правда, Гнат?

Олешук. Знаменитый плов, товарищ генерал-майор.

Джерен. Еще я умею бросать гранаты. И пулемет учу. Пожалуйста.

О л е щ у к. Разрешите доложить, товарищ генерал-майор: с разрешения командира батареи проводим военное обучение населения в свободное от дежурства время. Отличные показатели у Жерен Андреевны.

И в а н (*усмехнувшись*). Почему Андреевны?

О л е щ у к. Та ж отчество у нее мудреное, не выговарить, ну мы ее промеж себя окрестили Андреевной. По мужу.

К Ивану подходит один из его командиров.

К о м а н д и р. Позиция размечена. Разрешите доложить?

И в а н. Докладывайте. (*Отходит к столу под березой.*) Хоть вы ее убедите, Софья Павловна.

Г а р а е в а. Я ей завидую.

И в а н (*усмехнувшись*). С вами, ей-ей, того и гляди сам размякнешь. А мне нельзя, нельзя размякать. (*Командиру.*) Ну?

К о м а н д и р (*показывая на карте*). Передний край обороны может пройти по высоте Песчаной с выходом на фланг уроши в излучине...

Иван склонился над картой.

Г а р а е в а (*к Джерен*). Вы отвоевали себя. Счастливая!

Д ж е р е н. Я буду его говорить о вас.

В сад входят Мамонтов и Тимофей.

М а м о н т о в (*увидев Ивана*). Ага! Ставь полдюжины после войны. Тут.

Т и м о ф е й. Т-с-с! Командует. (*Тихо.*) Ванюша! Генерал мой! Приехал!

Мамонтов (*Гараевой*). Понимаете — велено госпиталь вывезти. Уже пароход подали. Грузимся. Спрашиваю — чье распоряжение? Командира дивизии. Кто командир? Завьялов. Когда? Ночью прибыл.

Тимофей. Ванюша...

Мамонтов. Бужу Тимофея. Мы с ним, для удобства жизни, в одну комнату поселились. Не верит. А? Ставь полдюжины.

Тимофей. Априори, Захар, за мной. После войны... По карте водит. Немцам клещу готовит.

Мамонтов. Ну-да. Когда-то в этом доме гостям подавали чай.

Джрен. Пожалуйста. Принесу. Садитесь.

Уходит в дом.

Мамонтов. Да-с. Утром в штаб. Не был. Туда-сюда. До зарезу нужен. И опять смекнул. На дачу. Верно. Здесь. (*Гараевой*.) Вся проблема в том, что я лично никуда уезжать не намерен.

Гараева. Тогда скорей уходите. Он и без того сердит, У нас уже был разговор.

Мамонтов. И как?

Гараева. Я уеду.

Мамонтов. Ну-да. Замнем для ясности. Понял, Тимофей?

Тимофей. Слово — железо. Уезжай, Захар. А я буду снаряды лить.

Джерен вносит чай.

Джерен. Пожалуйста.

Мамонтов (*машинально берет, думая о своем*). Метафизика.

Тимофей. Ты-то едешь, дочка? (*Джерен отрицательно качает головой.*) Вместе, значит. Славно. Гляди — доказывает. Ох, горд я, дочка. Сыновьями горд. Генералы — сыновья наши, а мы им снаряды точим.

Джерен. Я понимаю. Гордость.

Мамонтов (*поперхнулся чаем, вскочил*). А! (*Поставил стакан, подходит к Ивану, рапортует громко.*) Товарищ генерал-майор, разрешите доложить...

Иван (*поднимая голову*). А-а-а, Захар Захарович. Что, грузовиков мало?

Мамонтов. Выполняя приказ, погрузил госпиталь на пароход. Из оставшегося персонала сформировал полевой лазарет и принял над ним начальство.

Иван. Как из оставшегося? Разве вы остались?

Мамонтов. В полевом лазарете, на передовых позициях.

Иван (*смотрит на него*). О-о-о, Захар Захарович, обошли! С фланга меня обошли! (*Хохотет, Мамонтов тоже.*)

Иван. Отец, и ты, разумеется, тут. Здравствуй, отец! (*Подходит к нему, обнимает отца.*) Что ж, друзья мои. Будь по-вашему. Будем драться. За вас и с вами. (*Смотрит на Гараеву, потом берет ее за руку, подводит к Тимофею.*) Вот что, отец. На этом самом месте хотел ты меня женить. Я сын послушный. Вот моя жена, отец.

Тимофей. Ванюша, родимый.

Иван. И она остается с нами. Здесь.

Гараева. О, спасибо...

Иван. Я не увижу вас до конца сражения. А сражение будет долгим. А если и после конца не суждено нам будет увидеться, чур не плакать!

Джерени Гараева. Обещаем.

Иван (*поглядев на них*). Ну! Выше головы. Головы выше, друзья. Надо смотреть в лицо войне смело и весело. Да, весело, чорт возьми! Ведь и в бою есть радость для нас. Потому что бьемся мы за нашу землю, за наших людей... Заранее говорю — жарко будет. Невыгодно город лег. Но и немца тут ляжет столько, что река побуреет... И сколько бы ни гнал он на нас дивизий, — все тут лягут... Мы измотаем его, по кускам раздерем на клочья... Да, я отступаю. А результат какой? Моя дивизия вся цела, а три немецких не насчитывают и половины состава. И сейчас они на меня три новых бросили, свеженьких... а мы все те же... наши свеженькие еще и не подходили. А вы знаете, сколько у нас свежих дивизий? (*Лукаво и тихо.*) Военная тайна, но, так и быть, скажу, по секрету... Сосчитать трудно! Поняли?

Тимофей. Всегда понимали, Ваня!

Иван. А землю, что ж... Землю с собой в Берлин не увезешь.

Мамонтов (*запевая*). Любо, братцы, любо, любо,
братцы, жить.

С нашим атаманом не приходится тужить.

Гараева и Джерен с Тимофеем подхватывают, но в это время голос разведчика: «Во-оздух!» К орудию бросается орудийный расчет. Слышны слова команды: «На горизонте, справа! Поймать цель... Высота сорок ноль-ноль, азимут тридцать пять»... Дуло орудия, вращаясь на оси, нащупывает небо.

Г о л о с. Цель поймана!

Т и м о ф е й. Амины!

ЗАНАВЕС

Акт третий

СЦЕНА ПЯТАЯ

Июльский рассвет в саду Завьяловых. У дома выбиты стекла. Сорвана дверь с петель. Маскировочные ветви засохли и сникли. Изгородь проломана. Расщеплена береза у скамьи. Пусто. За рекой временами доносятся глухие отзвуки далекого артиллерийского боя. В пролом изгороди, осторожно осматриваясь, входит Андрей. Он худ, небрит, одежда поношена, сапоги запылены. Андрей взбирается на подоконник, засматривает внутрь дома, потом коротко свистит. По его сигналу в сад выходит боец Геташвили, нагруженный ручным пулеметом и винтовками. За ним Бутяга вносит раненого Колю.

Андрей. Все ушли.

Геташвили (*кладет оружие наземь, подстилает мешок на скамью под березой*). Ложись, кацо. Отдохнем.

Коля (*подавив стон, когда Бутяга кладет его*). Я не позволю тащить меня дальше. Повозились — будет.

Бутяга. Хватит раскошевливаться по данному поводу. Лежи.

Коля. Вы оставите меня здесь, поняли? С такой обузой вы никогда не пробьетесь к нашим.

Андрей. Боец Гараев, предлагаю не входить в обсуждение приказов командира. Геташвили, Бутяга, ко мне! (*Отводит их в сторону.*) Все ушли. Значит, в городе немцы.

Геташвили. Почему уже немцы, кацо?

Андрей. Джерен ушла. Я ее знаю. Она не покинула бы так вот все это. (*Показывает на сосуды с растениями.*) Созрели. Можно убирать. А она ушла.

Пауза. Геташвили насвистывает «Сулико».

Андрей. Как Николай?

Бутяга. Терпит, но дальше тащить опасно. Доктора надо.

Андрей. Если в городе немцы, — значит, переправы нет. Остается, значит, итти левым берегом, по ночам. А днем отсиживаться. Здесь оставаться нельзя. Того гляди нагрянут. Сколько у нас патронов?

Геташвили. Семнадцать, кацо. И четыре в неприкосновенном запасе, для нас. Гранаты кончились. Последнюю израсходовали вчера на цистерну с бензином. Славный был костер для шашлыка, — жаль, барашка не случилось.

Бутяга. Одни свиньи были, да и те немецкие. Несъедобные.

Коля. Что вы там шепчетесь? Я все равно не позволю тащить себя дальше. Я отказываюсь подчиняться. Три здоровых бойца не могут погибать из-за одного подбитого...

Андрей (*к Геташвили*). Ступай к реке, Сандро. Разведай обстановку. И принеси воды.

Геташвили уходит.

Бутяга (*мечтательно*). Искупаться, Тимофеич, а?

Андрей. Ночью, Вася, в камышах.

Коля. Андрюша, подойди. (*Андрей подходит, Коля берет его руку.*) Помнишь нашу клятву? Мы должны научиться презирать смерть! Понял? Честное слово, верь мне, как твоему бойцу, как товарищу, как мужчине! Вы оставите мне пистолет, и все. А сами пойдете дальше. Андрей, вы нужны армии, вас ждут... вас считают погибшими, а вы придетете и скажете, как славно мы дрались с немцами по тылам... Нет, не перебивай... Ты доложишь, что взорвали два моста, зажгли колонну с горючим, забросали гранатами штаб полка... У тебя документы штаба?

Андрей. Да.

Коля. Ты должен доставить их нашим, понял? Документы, а не меня, калеку...

Андрей. Пока ты с нами, Коля, нас четверо бойцов. Без тебя — только трое.

Коля. Я не боец больше.

Андрей. Ты живешь, ты дышишь, значит, ты боец. Наш товарищ. А кто покинет товарища — тот трус и собака! И довольно об этом. (*Потягиваясь*.) Эх, давненько я пива не пил. Теперь бы со льда, да с воблой.

Бутяга (*обламывая сук*). Не томи, Тимофеич. (*Вынимает из кармана три железных креста, цепляет на гимнастерку.*) Подайте немецкому полководцу на пару пива! Три железных креста за кружку. Ха! Как этот немчик из окна сиганул! Бежит в кусты, а подштанники розовые...

Коля. Голубые, Вася.

Бутяга. Розовые, Коля, я приметил.

Коля. А я говорю — голубые.

Бутяга. Будь по-твоему. Только все равно розовые... Смешной был немчик. Феодал — не иначе. (*Показывает Коле на Андрея, который отошел к сосудам и, обрывая колосья,сыпает зерна в отдельные бумажки.*) Хозяйственный у нас командир.

Коля (*тихо*). Это его пшеница.

Бутяга. Будто и не воюет. А помнишь, когда мы нашли в поле убитую девочку. Глаза у него стали тогда такие, что хоть мой кулак слава богу... а и я от этого взгляда струсили.

Входит Геташвили, ведя за собой старуху.

Геташвили. Ходи веселей, бабушка. Люди свои, ходи, ходи. (*Андрею.*) Встретили старушку, кацо, привели на всякий случай. Спроси.

Старуха (*всплеснув руками, откидывает платок, выпрямляется*). Господи! Владыка милостливый! Васютка! (*Бросается к Бутяге.*)

Бутяга. Стой! (*Поднял старуху, рассматривает.*) Она! Тимофеич, она, мамаша!

Анна Григорьевна. Сыночек, господи!

Бутяга. Стой! Чего вы состарились, мамаша, с какой печали?

Анна Григорьевна. Прикидываюсь, сынок! Хожу по лесу и прикидываюсь. Глуха, глупа, ничего не вижу,

а про себя поглядываю. Господи, Андрей Тимофеич! Коленъка! Радость-то нашим будет!

Андрей. Как нашим? Разве кто-нибудь здесь?

Анна Григорьевна. Все здесь, родимые. В партизанах мы!

Бутяга. Ура! В атаку! (*Бурно кружит мать.*) Где они? Зови!

Анна Григорьевна. Да, господи, спуталась, позабыла все... (*Роется в кармане юбки, вынимает самодельную дудочку, начинает свистеть.*)

Бутяга. Мамаша, что с вами?

Анна Григорьевна. Обучили. Глупею на старости лет. Пароль свищу! (*Ждет.*) Не слышно. Бой мешает... Побегу сказать...

Бутяга. Стой! Сейчас услышат! (*Запевает.*) Как на Черный Ерик, как на Черный Ерик...

Андрей и Коля подхватывают. Поют. Из-за угла дома осторожно показывается Джерен. Она в сапогах и куртке, с автоматом наперевес. На поясе у нее гранаты.

Андрей (*увидев ее*). Джерен... (*Бросился к ней, остановился. Хриплым голосом.*) Где Таня?..

Джерен. Далеко! Здорова... (*Бросается к нему.*)

Анна Григорьевна. Васюта, беги к Тимофею, зови... Да нет, не найдешь один...

Бутяга (*подхватил ее на руки*). Показывай.

Анна Григорьевна. Прямо по лесу, потом вниз. И Верка там.

Б у т я г а (*едва не выронив мать*). О-о-о! В атаку! (*Убегает, унося мать на руках.*)

Д ж е р е н (*обнимая Колю*). Голубчик. Ранен?

К о л я. Пустяки. Где мама, Джерен? Тоже с вами?

Д ж е р е н. В городе, Коля. В лазарете сестрой. С Захар Захарыч. Мы позовем их... или тебя отвезем туда...

А н д р е й. Значит, город наш?

Д ж е р е н. Еще наш. Двадцать тысяч немцев лежит около города. Иван обещал еще десять. Это его дивизия. Восемь дней дерется. И жители тоже... все дерутся... и старики и дети, никто не уходит... А мы готовим быть партизаны. Ждем. Нет, хочу посмотреть на вас. (*Отходит, рассматривает.*) Вы — другие. Даже лица другие... Я часто видела твое лицо во сне, Андрюша. Глаза. У тебя в глазах война. И у Коли — война. Вы теперь воины.

А н д р е й. Как и ты, Джерен.

Д ж е р е н (*подходит к Геташвили*). Здравствуйте. У вас в городе нет родных?

Г е т а ш в и л и. Я один на земле. Сирота.

Д ж е р е н. Зачем сирота! Я буду ваш сестра. (*Подходит, целует его.*) Брат.

Г е т а ш в и л и. Товарищ... (*Снимает с себя револьвер.*) Возьми. Трофейный. Дай мне свой. Так, теперь сестра. (*Андрею.*) Разреши, выйду на охранение? На всякий случай.

А н д р е й. Вести наблюдение за дорогой со стороны Привалова, у кургана.

Г е т а ш в и л и. Есть. (*Уходит, оборачивается на Джерен, тихо.*) Сестра! (*Уходит.*)

А н д р е й (*Джерен*). Мы шли мимо нашей пшеницы. Я видел девяносто семь зерен в колосе! И стоит, не сплется, несмотря на ветер и сушь. Но кто начал ее косить?

Д ж е р е н. Мы, Андрюша. Мы соберем урожай, а колхозники косят с нами. Мы успеем и увезем зерно на барже. Твой труд не пропадет, Андрюша. И эти семена тоже... (*Смотрит на сосуды.*) Кто взял?..

А н д р е й. Успокойся. Я. Я полагал — ты ушла.

Д ж е р е н. Неужели ты думал — я уйду без них? Ты ведь просил меня. Ты мог быть спокоен. Ты, значит, не верил мне?

А н д р е й. Прости меня.

Д ж е р е н (*улыбаясь*). Наш первыйссора. Нет, нессора, просто так... помолвка.

А н д р е й. Может быть, размолвка? Или нет, действительно помолвка. (*Целует ее.*)

Д ж е р е н (*тихо*). Коле опасно, да?

А н д р е й. Нужен доктор, срочно.

Торопливо входят Тимофей, Вера, Бутяга. Тимофей и Вера вооружены.

Т и м о ф е й. Родные, свиделись!

К о л я. Априори, Тимофей Ильич!

Д ж е р е н. Вера, пожалуйста. Перевязка. Бинты.

В е р а. Захватила. Вася сказал. Жаль, папы нет, он был живо.

Коля. Пора и без папы, дочка.

Вера. Ты, Колечка, потерпи, я врач молодой... Вася, держи.

Коля. Дай мне твою руку, Джерен, так спокойнее.
(Вздрагивает.) Не обращай внимания, доктор, продолжай.

Тимофей. Ну, дела, Андрей, время такое, — начальником над партизанами стал. Немцы еще не в городе, а мы в партизанах, — для всякого случая. В землю ушли, дозоры поставили, старое время вспомнил. Только тогда мы босыми маршировали, одна винтовка на пятерых, а теперь *(показывает автомат)*, слава создателю, шестьдесят четыре патрона влезит. *(Смеется.)* В городе пивной завод на полный ход пустили. Только вместо пива — бензин в бутылки льем, а бутылкой по танку, понял? Ну, я тебе скажу — действует, как в ресторане... И у нас бутылочки припасены.

Андрей. Как с городом?

Тимофей. Да ведь как. У Ивана одна дивизия, — у немца три. Немец всю реку своими трупами закидал. Вода поднялась в реке, завидно ему пробиться. Клади больше — нам веселей. Генерала видел позавчера, приказал быть готовым ко всему.

Андрей. Ты будто моложе стал.

Тимофей. А как же. Годы на горбу носить — лишний груз. Нынче всем налегке надобно. Я философствую не зря, читал. Ничто от некоторого нечто есть определенное ничто. Это про Гитлера писано, ей-ей, про Гитлера.

Джерен *(подходит к ним).* Коле нужен помочь. Вера шепнула. Здесь ходят санитарный машины иногда. Я попробую найти. *(Выходит.)*

Тимофей. Мамашу бы ему повидать, она раненых под огнем перевязывает. Ну я скажу, — под самые мины ползет. И ведь прогнать нельзя, — генеральша.

Коля. Вася, может, свадьбу сыграем на радостях?

Бутяга. Дай три ордена заработать.

Коля. Да у тебя уж есть.

Бутяга. Эти? (*Снимает кресты.*) Не-ет, этими я сапоги подобью.

Коля (*морщась*). Голубые, Вася.

Бутяга. Розовые.

Входит Анна Григорьевна, неся еду.

Анна Григорьевна. Закусите, голубчики. Грибки-то у нас свои: хожу по лесу, собираю. Квасок из корок варю. Люди хвалят.

Тимофей. Разведчица, а? Где гриб, а где немец, — различить умеет. Жениться намерен.

Анна Григорьевна. Иди ты! Отдохни, Васюта, притомился, ляг...

Бутяга. Я теперь пятерых за сто верст унесу без розых!

Анна Григорьевна (*угощая Андрея*). Я так понимаю, Андрюша. Немец хитер. У него шпионы все наперед расчислили, где у нас войско, да где заводы, да как лучше вдарить. Ну, доносят Гитлеру: можно, мол, начинать. Он и начал. А того шпионы не разведали — сколько наш народ может выдержать. А тут и главное. Мы, сынок, выдержим. Мы не то выдерживали. Сначала выдержим, потом разомнемся, а потом уж и сами вдадим, что земля закачается. Так я понимаю, Андрюша?

А н д р е й. Так, Аннушка.

Т и м о ф е й. Агитатор по совместительству. С колхозниками беседует. Ничего, — одобряют старушку.

Быстро входит Г а р а е в а в одежду санитарки, за ней через некоторое время М а м о н т о в и Д ж е р е н .

Г а р а е в а. Мальчик мой! (*Спешит к Коле.*)

К о л я (*делая усилие приподняться*). Ты, главное, не волнуйся, мама. Сущие пустяки. (*Подмигивает Андрею и Бутяге.*) Вот они то же скажут. Ведь пустяки, Андрей?

А н д р е й. Да, разумеется.

Вера, увидя отца, отходит к нему, совещается.

Г а р а е в а. Есть справедливость в мире! Встретить тебя сейчас, в ту самую минуту, когда я уезжала с лазаретом. Это как чудо... (*Стараясь побороть волнение.*) Я знала, что увижу тебя, я знала... Когда ты ранен?

К о л я. Дня два-три. Это неважно, пустяки... Понимаешь... Мы работали у немцев в тылу, по заданию командования... а потом нас выследили, пришлось отходить...

Б у т я г а. Николай — герой, Софья Павловна, честное слово... Он у нас левый фланг держал, один...

Г а р а е в а. Да? (*Смотрит на сына не отрываясь.*) Тебе очень больно?

К о л я. Нет, нет!.. И совсем не я герой, а Андрей! Ах, мама, как мы все любим Андрея...

М а м о н т о в (*подходя с санитарами*). Вам повезло, молодой человек. Поедете с лазаретом. Берите раненого. (*Андрею.*) Даже не успел удивиться, увидя вас. Время, батенька мой, такое, что удивляться некогда. (*Понимающ*)

зив голос.) Видимо, город мы оставляем. Отдан приказ взорвать завод.

Тимофей. Мой?

Мамонтов. Твой, Тимоша...

Коля (*с носилок*). До свидания, друзья. Ждите меня обратно в строй. Скоро ждите.

Андрей, Вася и Анна Григорьевна подходят к нему, прощаются.
Гараева подошла к Мамонтову.

Гареева. Что вам сказала Вера?

Мамонтов. Мне? Ничего, ровным счетом.

Гареева. Не надо, Захар Захарович... Я видела раненых. Я понимаю... Гангрена, да?

Мамонтов. Привезем, на месте увидим. (*Кричит прощающимся*) Нечего размазывать, время дорого. Едем. (*Гараевой*) Вы — молодец женщина. Молодец. Такой и будьте... Больше пока ничего не могу вам сказать...

Гареева (*санитарам*). Несите.

Санитары выносят Коля, за носилками уходят Гараева, Андрей, Вася, Вера.

Мамонтов (*окликая*). Вера... (*Когда она вернулась*.) Ты, видимо, остаешься.

Вера. Остаюсь, папа.

Мамонтов. Партизанский доктор. Славно, славно. Гм... Замнем для ясности. Джерен, присматривайте за девчонкой... Еще простудится, насморк схватит, возись.

Джерен. Вы скоро ее опять обнимете. Я знаю.

Мамонтов (*гладит Джерен по волосам*). Умница, умница... (*Гладит Веру*.) Н-да! Сухожилие отпрепарировать

не могла. Не прощаюсь, Джерен права. Увидимся... Ты что притих, Тимоша?

Т и м о ф е й. Эх, Захар. Сам я лично заряд в литейной закладывал. Неделю назад, на всякий случай, если немец придет, рвануть... Закладывал, а не верил. Жизнь моя в нем, пот мой, кровь. В прошлом году печи новые ставили. Какие печи, Захар, эх! Всему погибать. (*Уткнул голову в руки.*)

М а м о н т о в. Понимаю, Тимофей... (*Нетерпеливый сигнал машины.*) Торопят. (*Разманисто обнимает его.*) До встречи! Анна, корми партизан сытно! Приеду — взыщу!

Выходит. Вдали глухой, раскатистый отзвук взрыва.

Т и м о ф е й (*вскочил*). Начали! Начали! Аннушка! Гляди!

На горизонте подымается черный дым.

А н н а Г р и г о рьевна (*перекрестилась*). Значит, надо, Тимоша.

Т и м о ф е й. Эх, рвись, не давайся немцам! Хорони под собой негодяев, в клочки их рви... Мы тебя строили, мы тебя рушим теперь, и мы снова выстроим, когда час придет.

А н н а Г р и г о рьевна. Лучше прежнего, Тимофей! Наши руки, хозяйские.

Т и м о ф е й (*поклонился в землю*). Прощай, родимый. Не обессудь!

Входят Андрей и Джерен.

А н д р е й. Помнишь Софью Павловну... Вот на этой террасе, «Мцыри».

Д ж е р е н. Помню. Сегодня — месяц войны, Андрюша.

Андрей. Первый месяц. И сколько их будет, этих месяцев?

Джерен. Пусть много. Все равно — мы накануне победы!

Андрей. Да. Накануне.

Пауза. За оградой Вася и Вера негромко поют: «Как на Черный Ерик» ... Вбегает Геташвили.

Геташвили. Со стороны кургана немцы. Численностью до батальона. Накапливаются у дороги. Направление на мост. Наших войск нет! (*Бросается к пулемету.*)

Андрей. Успеешь. Зови Бутягу. (*Геташвили выбегает за ограду.*) На мост? Бутылку. Ну, отец, танковую бутылку. Скорей!

Тимофей (*достает из-под террасы*). Держи.

Андрей (*передает бутылку Джерен*). Зажги пшеницу! Сухо, жарко, ветер в их сторону, они повернут с дороги влево на нас... И мы будем их сдерживать.

Джерен. Сжечь? Твой посев? Андрюша!

Андрей (*резко*). Сжечь пшеницу!

Джерен. Иду. (*Выходит.*)

Бутяга, Вера и Геташвили уже стоят около Андрея.

Андрей. Вера! Анна Григорьевна, к партизанам. Пусть залягут в Змеиной балке и не открывают огня до нас.

Вера. Есть. (*Уходит с Анной Григорьевной.*)

Андрей (*оглядев оставшихся*). Мы примем немцев на себя. Стрелять на выбор. Не торопиться. Держаться до последнего человека.

Бутяга. То есть до последнего немца, товарищ командир?

Андрей. Вот именно. Геташвили, наверх! (*Показывает на березу.*) И докладывай.

Геташвили взбирается на березу, смотрит в бинокль, остальные занимают места по указанию Андрея.

Андрей. Что видишь, Сандро?

Геташвили. Пыль от немецких сапог. Дым вижу. Дым. Огонь. Поле горит, пшеница. У-у-у, занялось, как цо, небу жарко... Воздух перед глазами дрожит... А-а-а, заметили. Поворачивают. На нас...

Трек мотоциклов сзади. Все невольно поворачиваются к пролому. В пролом входит Иван, с ним группа командиров и связных. Связные тащат катушку с приводом, разматывают и устанавливают связь. Мимо пробегают в лес бойцы охранения.

Иван (*весело*). Э, да нас опередили! Чей командный пункт?

Андрей подходит. Иван узнает его, но в это время Геташвили кричит с дерева.

Геташвили (*не отрываясь от бинокля*). Что такое? (*Протирает глаза, снова смотрит.*) Андрюша, танки! Танки идут... из-под земли выходят... Наши танки... Их не было там, кацо! (*Глянул вниз, испугался, чуть не упал с березы.*)

Иван. Сиди крепче. Залез, так продолжай. (*Одному из командиров.*) Маскировщиков представить к награде. (*К Геташвили.*) Ну, что там?

Геташвили (*снова смотрит в бинокль*). Ха-ха-ха! (*Опомнившись, официальным тоном.*) Товарищ генерал-майор, слева по кургану наши танки гонят немцев к пшенице...

И в а н. Зажечь пшеницу...

А н д р е й. Она уже горит, товарищ генерал-майор.

И в а н. Хвалю. (*Командиру.*) Связь, связь! Пять минут я здесь, — еще ни одного связного! Быстро! (*Командир отходит к проводам, говорит по телефону.*)

Г е т а ш в и л и. Хх-х-а! В огонь их, в огонь, в кольцо!

И в а н. Где пехота?

К о м а н д и р. Вышла за танками.

Г е т а ш в и л и. Горят! Товарищ генерал-майор! Горят! Машут руками.

И в а н. Так. Ну, с этими разделались. Теперь — за главное.

Отходит к столу, где уже разложены карты. Командиры обступают его. Входят с вязнами с донесениями. Гудят зуммеры.

А н д р е й (*Бутяге*). Ступай к партизанам. Пусть выйдут из балки. (*Удерживая Бутягу, который хочет уйти.*) И взгляни по дороге — где Джерен? Пошли ее сюда.

Б у т я г а. Есть — послать сюда.

Бутяга уходит.

А н д р е й (*садясь рядом с отцом*). Мы шли по горящим улицам Минска. Дышать было трудно от жары и дыма... А мне все не верилось: неужели наш Минск горит... Наш Минск... И так каждый раз, когда слышал про оставленный город и взорванные заводы. Сердце мое сжалось... Ведь все это мы сами строили, каждый кирпич и каждую ферму моста... Все мы... весь народ... Вот и моя пшеница сгорела... Капля в море... а и в ней, как в капле, тот же общий, наш труд, а не просто мое, маленькое и личное... Вот почему так ве-

лико наше горе... И так велика наша сила, сила народа. И вот почему права Джерен... Мы накануне... Накануне победы...

Командир (*приняв донесение, докладывает Ивану*).
Немцы в городе.

Иван. Славно. (*Одному из командиров*.) Начать обход. Залезть к ним в тыл по меньшей мере до Овчинова. Захватить шоссе и держать до прибытия танков. И связь, связь, связь! Я лично стою на проводе, ясно?

Командир. Ясно, товарищ генерал-майор.

Иван (*обнимает командинра*). Пока немцы в городе возятся, прогрызи им спину! Сообразительность, быстрая, отвага. А я их отсюда не выпущу. Ступай.

Командир уходит.

Иван. Поднять пехоту. Давить на левый край при поддержке артиллерии и танковой группы. Всю артиллерию на левый край! Расколоть немцев надвое, гнать на мост, а мост подготовить к взрыву. Всё, на данном этапе. (*Отходит к террасе, набивая трубку, говорит по дороге Геташвили*.) Ты там гнезда не вей. Слезай. (*Отцу*.) Что? Города жалко, старик? Вернем мы свой город. Все города вернем... (*К нему подходит вестовой с донесением, Иван читает*.) Так. Поднять над городом бомбардировщики...

Вестовой уходит. Пауза. Вбегают Вера, Анна Григорьевна. За ними Бутяга. Он несет Джерен.

Вера (*тихо*). Андрюша...

Андрей увидел, встал.

Вера. Пулеметной очередью...

Бутяга осторожно кладет Джерен на ступени террасы. Андрей приподнимает ее.

Андрей. Джерен... Ты меня слышишь? Джерен...

Джерен (*не открывая глаз*). Пшеница горит, Андрюша. Я знаю... Голубчик, мне хорошо. (*Затихла*.)

В наступившей тишине слышен нарастающий гул бомбардировщиков.

Геташвили. Сестра...

Иван. Да, сестра... (*Выпрямляется, говорит прямо перед собой*.) Клянемся тебе, сестра, отомстить за гибель твою, за сожженные села и города, за землю, растоптанную немецким сапогом, за слезы и горе наше... за все! Клянемся смертью твоей презирать смерть и не знать пощады в бою. Клянемся убить в себе жалость и ненавидеть врага так сильно, как любим мы жизнь и родину нашу. Кровью за кровь и смертью за смерть отомстим мы, и яростна будет наша месть. Клянемся!

Все. Клянемся!

Гул бомбардировщиков переходит в мощную симфонию развернувшегося сражения.

ЗАНАВЕС

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Константин (Кирилл) Михайлович Симонов (28 ноября 1915 — 28 августа 1979) — прозаик, поэт, драматург и киносценарист, журналист, военный корреспондент. Участник боев на реке Халхин-Гол (1939) и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Полковник Советской армии. Заместитель генерального секретаря Союза писателей.

Детство прошло в военных городках и командирских общежитиях. После окончания семи классов он, увлеченный идеей социалистического строительства, поступил в фабрично-заводское училище. Работал токарем по металлу сначала в Саратове, а потом в Москве, куда семья переехала в 1931 году. Зарабатывая стаж, Симонов продолжал работать и после того, как поступил учиться в Литературный институт. Как начинающий писатель из рабочих Симонов в 1934 году имел творческую командировку от Гослитиздата на Беломорканал, из которой вернулся с ощущением посещения школы перевоспитания («перековки») преступного элемента созидательным трудом. В 1938 году окончил Литературный институт. К этому времени он уже опубликовал несколько произведений — в 1936 году в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь» были напечатаны первые стихи Симонова. В том же году Симонов был принят в Союз писателей, поступил в аспирантуру ИФЛИ, опубликовал поэму «Павел Черный». В 1939 году направлен в качестве военного корреспондента на Халхин-Гол. Незадолго до отъезда на фронт окончательно меняет имя и вместо родного Кирилл берет псевдоним «Константин Симонов». Причина — в особенностях дикции и артикуляции Симонова: не выговаривая «р» и твердого «л», произнести собственное имя ему было затруднительно. Псевдоним становится литературным фактом, и вскоре поэт Константин Симонов приобретает всесоюзную популярность.

В 1940 году написал свою первую пьесу «История одной любви», поставленную на сцене Театра им. Ленинского комсомола; в 1941 году — вторую — «Парень из нашего города». В течение года учился на курсах военных корреспондентов при Военно-политической академии им. В.И. Ленина, 15 июня 1941 года получил воинское звание интенданта второго ранга.

С началом войны призван в РККА, в качестве корреспондента. Публиковался в «Известиях», работал во фронтовой газете «Боевое знамя». Летом 1941 года в качестве специального корреспондента «Красной звезды» находился в осажденной Одессе. После Одессы участвовал в боевом походе подводной лодки Л-4. В 1942 году ему было присвоено звание старшего батальонного комиссара, в 1943 году — звание подполковника, а после войны — полковника. В годы войны написал пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет», повесть «Дни и ночи», две книги стихов «С тобой и без тебя» и «Война». Большая часть его военных корреспонденций публиковалась в «Красной звезде».

Стихотворение «Жди меня» (1941) посвящено актрисе Валентине Серовой.

В 1942 году вышел в свет сборник стихов Симонова «С тобой и без тебя» с посвящением «Валентине Васильевне Серовой». Книжку нельзя было достать. Стихи переписывали от руки, учили наизусть, посыпали на фронт, читали друг другу вслух. Всю войну Серова вместе с Симоновым в составе концертных бригад ездила на фронт.

Как военный корреспондент побывал на всех фронтах, прошел по землям Румынии, Болгарии, Югославии, Польши и Германии, был свидетелем последних боев за Берлин.

После войны появились его сборники очерков «Письма из Чехословакии», «Славянская дружба», «Югославская тетрадь», «От Черного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента».

Первый роман «Товарищи по оружию» увидел свет в 1952 году, затем большая книга — «Живые и мертвые»

(1959). В 1961 году театр «Современник» поставил пьесу Симонова «Четвертый». В 1963—1964 годах пишет роман «Солдатами не рождаются», в 1970—1971 — «Последнее лето». По сценариям Симонова были поставлены фильмы «Парень из нашего города» (1942), «Жди меня» (1943), «Дни и ночи» (1943—1944), «Бессмертный гарнизон» (1956), «Нормандия — Неман» (1960, совместно с Ш. Спаком и Э. Триоле), «Живые и мертвые» (1964), «Возмездие» (1967), «Двадцать дней без войны» (1976).

В 1940 году Симонов пишет пьесу «Парень из нашего города». Актриса Валентина Серова — прототип главной героини пьесы Вари. Первую постановку пьесы в Театре Ленинского комсомола осуществил Иван Берсенев в апреле 1941 г. за два месяца до начала войны.

Действие происходит в 1932—1939 годах. Сергей Луконин, мечтавший об учебе в танковой школе, получает такое приглашение. В родном Саратове остается его невеста Варя, вскоре ставшая актрисой.

Окончив танковую школу, молодой офицер Луконин отправляется на войну в Испанию, попадает в плен, совершает побег, получает ранение. Это военная история про простых людей, которые оказываются втянутыми в войну: добровольно или случайно. Главный герой Сергей — добровольно нашел в себе силы уехать, и читатель/зритель следует за его историей, историей его возлюбленной, судьбой друзей, колоритных и настоящих. Эта пьеса читается легко и трудно в то же время. Легко — потому что в тексте мало описаний, простой слог. А трудно — потому что война.

После успеха спектакля «Парень из нашего города» имя Симонова появлялось на афишах театра: «Русские люди», «Так и будет», «Русский вопрос», «Под каштанами Праги» и другие.

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сергей Ильич Луконин.

Аркадий Андреевич Бурмин — хирург.

Варя — его сестра.

Петъка — их двоюродный брат.

Анна Ивановна — их тетка.

Володя Гуляев.

Алексей Петрович Васнецов.

Гулиашвили.

Полина Францевна Сюлли — преподавательница иностранных языков в военной части.

Севастьянов.

Сафонов — шофер такси.

Женя — практикантка в клинике Бурмина.

Офицер.

Переводчик.

Неизвестный.

Командир роты.

Штабной командир.

Мотоциклист.

Молодой врач.

Телефонист.

Танкисты, санитары, солдаты.

Действие происходит в 1932—1939 годах.

¹ Симонов, Константин Михайлович. Парень из нашего города: пьеса в четырех действиях, десяти картинах. Москва: Искусство, 1941.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1932 год. Конец лета. Волжский город. Старая докторская квартира. Столовая. Двери во внутренние комнаты. Большое окно, за ним дерево: по нему видно, что это второй этаж. В глубине за круглым столом Анна Ивановна раскладывает пасьянс.

Анна Ивановна. Опять сходится. К чему бы это?
(Задумывается.)

В окне появляется голова Петьки.

Петька *(глядя вниз, тихо)*. Нет ее. Только тетя.

Анна Ивановна поворачивается — голова Петьки исчезает, и немедленно появляется голова Сергея.

Сергей. Анна Ивановна!

Анна Ивановна *(вздрогнув)*. Да. Что вы! Вы с ума сошли! Вы упадете!

Сергей. Ничего, я на пожарной лестнице. Анна Ивановна, Вари нет?

Анна Ивановна. Нет, нет еще. Слезьте, ради бога!

Сергей. Ну, я потом зайду.

Анна Ивановна. Только уж, пожалуйста, с парадного.

Сергей. Хорошо. *(Скрывается.)*

Анна Ивановна *(задумчиво)*. Увезет он Варвару. И глазом моргнуть не успеем. *(Смотрит на карты.)* Оттого и сходится.

Входят Аркадий и Женя.

Аркадий. Здравствуйте, тетушка!

Женя. Анна Ивановна, здравствуйте.

Анна Ивановна. Три раза подогревала тебе обед.

Аркадий. Обед? Сейчас пообедаю. Хотя, погодите, я ведь уже, кажется, обедал.

Анна Ивановна. Где ты обедал?

Аркадий. Вы не помните, где я обедал, Женечка?

Женя. Вы, Аркадий Андреич, обедали в клинике. И я с вами обедала.

Аркадий. Верно. И я еще пиво опрокинул. (*Анне Ивановне*.) Оказывается, я обедал в клинике. Будем чай пить. С вареньем. Любите варенье?

Женя. Да. Вы меня уже раз сорок спрашивали об этом.

Аркадий. Сорок раз? Вот видите, какой я заботливый. Тетя, дайте ей побольше варенья. В детстве все любят варенье.

Анна Ивановна. А сегодня были пельмени!

Аркадий. Были пельмени? Ужасно. Но я был занят.

Анна Ивановна. Меня это не интересует.

Аркадий. Вот видите, Женечка, меня в этом доме в грош не ставят. Ни тетя, ни сестра, и вообще никто. А я доцент. Ведь я доцент, Женечка?

Женя. Анна Ивановна, Аркадий Андреич, правда, был занят. У него сегодня была очень трудная операция.

Анна Ивановна (значительно). А у меня тут была Любовь Сергеевна.

Аркадий. Все равно, тетя, я не женюсь на вашей Любовь Сергеевне.

Анна Ивановна. И очень глупо сделаешь.

Аркадий. Может быть. Но жениться... Как по-вашему, Женечка, жениться мне на Любовь Сергеевне?

Женя. Не знаю.

Аркадий. Как мой практикант и друг, вы могли бы в такую трудную минуту жизни дать мне совет.

Женя. Не знаю. Как хотите, Аркадий Андреич.

Аркадий. Нет, не женюсь. Она слишком красивая. А я, видите, какой. Нос, и вообще. Выйдет замуж, а потом скажет: будь благодарен. Не хочу я ей быть благодарным. Не женюсь. Верно, Женечка?

Женя. Верно, нос.

Аркадий. Что нос?

Женя. Неважный у вас нос. Длинный.

Аркадий. Ну вот, видите, тетя. Все против моей женитьбы. Даже Женечка.

Анна Ивановна. Конечно, тебе чей угодно совет дороже моего. Ты бы еще у Сергея Ильича спросил совета.

Аркадий. А что вы так сердито? Опять Сережка что-нибудь натворил?

Анна Ивановна. Натворил? Нет, он просто сел вчера против Любовь Сергеевны и спросил ее, зачем она сюда ходит, все равно он не разрешит тебе на ней жениться.

Аркадий. Так и сказал?

Анна Ивановна. Так и сказал.

Аркадий. Молодец! Вот что значит — друг!

Анна Ивановна. Я боюсь, что скоро этот твой друг увезет из этого дома твою сестру.

Аркадий. А что, разве есть какие-нибудь тревожные симптомы?

Анна Ивановна. Не знаю. Может быть, у вас так принято. Сегодня, чтобы спросить, дома ли она, он забрался в окно. Теперь, чтобы сделать предложение, он, должно быть, влезет через трубу, а чтобы жениться, просто разберет стену и увезет Варвару. Бог знает что!

Аркадий. А вы не делайте вид, что возмущены. В глубине души вам же все это нравится.

Анна Ивановна. Мне?

Аркадий. Вам. Вас же самих в тысяча восемьсот девяносто пятом году, когда вы были актрисой, гусар через окно похитил. Не спорьте, сами рассказывали. Видите, я даже год запомнил. И Сережка вам нравится. Он вам напоминает того гусара. Ну вот, вы даже покраснели.

Анна Ивановна. Влезать в окно только для того, чтобы спросить — дома ли? Нет, я тревожусь за Варю.

Варя (*вбегая*). Что тут говорят о Варе? Наверно, опять говорят, что она душечка, да?

Аркадий. Нет.

Варя. А что еще можно сказать о Варе?

Аркадий. Очень многое. Во-первых, что она ленивая девчонка и сегодня опять проспала и, наверно, опоздала в свой театральный техникум.

Варя. Да, но она так бежала.

Анна Ивановна. Во-вторых, что она сегодня опять не поздоровалась со своей теткой.

Варя. Я утром поздоровалась.

Анна Ивановна. Не заметила.

Варя. Когда вы еще спали.

Анна Ивановна. Когда я спала?

Варя. Нет, когда я спала... То есть... Ну, в общем запуталась. (*С реверансом.*) Здравствуйте, тетя! Ну, в чем я еще виновата?

Женя. Я видела, как ты сегодня опять вела за собой по улице сразу четверых молодых людей. Один нес твой портфель, другой косынку, третий берет, четвертый сумочку.

Анна Ивановна. Сразу четверо? Нехорошо!

Варя. Я не виновата, они сами шли. Я предпочла бы итти с одним.

Аркадий. А с кем, позвольте спросить?

Варя. С принцем. Как все хорошие девочки, я придумала себе принца. И очень люблю его.

Аркадий. Между прочим, этот твой принц сегодня влез в окно и спрашивал, дома ли ты.

Варя. Правда? Молодец! (*Спохватившись.*) Постойте, а о ком вы говорите, кто влез в окно?

Аркадий. Сережка.

Варя. А... А я думала, принц. (*Пауза.*) Тетя, а я вам что достала!

Анна Ивановна. Что?

Варя. Дюма «Еще десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». Здорово, а?

Анна Ивановна (*с деланным равнодушием*). Спасибо.

Варя. Тетя, не делайте при гостях вид, что вы больше любите Льва Толстого. Все же знают, Дюма, шпаги, плащи — это же ваша стихия.

Анна Ивановна. Вечно ты, Варвара... Где книга?

Варя. Нет, я сначала посажу вас в кресло, дам вам ваше пенсне, и тогда... «Еще десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». (*Делает воображаемый выпад и, взяв Анну Ивановну под руку, уводит ее в другую комнату. Через секунду возвращается.*) Вот что значит уметь обращаться с детьми. Теперь могу сообщить вам потрясающую новость.

Аркадий. Непременно потрясающую.

Варя. Непременно. Иван Григорьевич переходит в Москву в Малый театр, и знаешь, что он обещал? Он обещал зимой или весной меня и Зойку Петрову, как са-

мых способных, перевести туда в театральное училище. Это будет великолепно. Варя соберет весь свой роскошный гардероб, и ее длинный брат понесет ее большой чемодан к московскому поезду. А через десять лет по городу развесят афиши — гастроли В. Бурминой или даже В. А. Бурминой. И все будут спрашивать, какая ж она из себя, эта В. А. Бурмина, и вдруг увидят Варю...

Аркадий. Ты так радуешься, как будто уезжаешь завтра, а не через полгода.

Варя (*задумчиво*). Когда мне чего-нибудь очень хочется, мне всегда кажется, что это будет завтра. (*Прогуливается*.) Женя! У меня тут с Аркадием мужской разговор будет.

Женя. Хорошо, я сейчас уйду.

Аркадий. Женечка, вы пока достаньте каталоги. Я сейчас тоже приду.

Женя выходит в кабинет.

Ну, что за страшную тайну ты имеешь мне сообщить?

Варя (*обнимая его*). Аркаша, я его так люблю. Тебе больно, да?

Аркадий (*с трудом поводя шеей*). Нет, ничего. Если я выживу, то потом расскажу ему, как ты его любишь.

Варя. А все-таки мне хочется ехать в Москву, даже если он не поедет. Значит, я его не люблю?

Аркадий. Нет. Это просто значит, что ты становишься большой, Варька! Если веришь в себя, надо ехать в Москву и ни о чем не думать и не жалеть.

Варя. Мне очень хочется рассказать это Сереже, но я боюсь, что вдруг он не поймет и обидится.

Аркадий. Поймет. И потом, если он тебя и правда любит, ты можешь уезжать хоть за тридевять земель, расставаться хоть на пять лет, он все равно до тебя доберется.

Варя. Вечно ты его хвалишь. Если бы мы жили на Востоке, ты бы уж давно ему меня в жены продал!

Аркадий. Конечно. Я и так удивляюсь: что он тебя не увозит? Нанял бы карету, а ты бы связала простыни и к нему вниз через окно. И венчаться. А я бы, как брат, в погоню. Но только так, для виду, догонять бы не стал: шут с вами, венчайтесь. (*Уходит в кабинет.*)

Варя одна. Стук в дверь. Входит Володя Гуляев.

Варя. А, Володенька!

Володя. Здравствуй.

Варя. Что ты? Ты же собирался зайти завтра.

Володя. Да, но видишь ли... Я хотел с тобой поговорить.

Варя. О чем?

Володя. О Сергее. Только ты можешь на него повлиять. Он сегодня опять чорт знает что натворил в институте.

Варя. Опять?

Володя. Да. И на этот раз его собираются выгнать.

Варя. Что ж он сделал?

В о л о д я. Ну, он, как всегда, конечно, считает, что ничего особенного.

В а р я. Ну, а все-таки?

В о л о д я. Его послали для практики читать литературу в девятую группу. Ну, он один час почитал им о Достоевском, а в начале второго вдруг сказал: «Знаете, что, ребята? Достоевский, конечно, гениальный писатель, но лично я его не люблю. Поговорили о нем — и хватит. Пойдемте лучше до перемены в волейбол погоняем. Только никому ни звука!»

В а р я. Ну?

В о л о д я. Ну, и гоняли до перемены. Потом, конечно, все узнали. Ты скажи ему, а то ведь этому просто конца нет. Его выгонят, и все.

В а р я. Да, я скажу ему. Ну, что еще?

Пауза.

В о л о д я. Я шел мимо кино. Там идет новый звуковой фильм «Путевка в жизнь». Я взял билеты.

В а р я. Что-то не хочется, Володенька...

В о л о д я. Почему?

Стук в дверь. Входит С е р г е й.

С е р г е й (*подойдя к Варе*). Здравствуй, Варя. (*Смотрит на Володю, потом медленно подходит к нему и говорит что-то на ухо.*)

Володя отрицательно качает головой.

В а р я. Что ты ему сказал?

Сергей. Так, ничего, пустяки. (*Опять что-то шепчет на ухо Володе.*)

Тот, покраснев, снова отрицательно качает головой.

Варя. Сейчас же скажи, что ты там шепчешь?

Сергей. Я хотел ему тихо, а он... В общем, я ему говорю, чтоб он ушел. Чего он тут сидит?

Варя. С ума ты сошел, уходи сейчас же!

Сергей. Видишь, говорят тебе — уходи, ну, и уходи!

Варя. Я не ему.

Сергей. Ему, ему. Ну, что же ты, иди, иди, потом объяснимся. (*Решительно выпроводив Володю за дверь, возвращается.*)

Варя. Сейчас же убирайся вон, я не позволю, чтоб у меня дома...

Сергей. Чего ты не позволишь? Ты что, хочешь, чтоб он тут сидел? Так я его сейчас побегу, верну. Только, правда, хочешь?

Варя (*нерешительно*). Нет...

Сергей. Ну, так в чем же дело? Я его уже три раза предупреждал, чтоб не ходил. Нечего ему тут делать. Что он в самом деле ходит?

Варя. Дружит со мной, вот и ходит.

Сергей. Дружит? Он только так из трусости говорит. А на самом деле ухаживает за тобой. Да, да.

Варя. Но ведь ты тоже ходишь?

Сергей. Я? Я — другое дело. Я так прямо и говорю, что ухаживаю, а потом возьму и женюсь.

Варя (*растерянно*). То есть как это? Возьмешь и женишься? А я вот возьму и не пойду за тебя замуж.

Сергей. А я подожду.

Варя. А я и потом все равно не выйду.

Сергей. А я еще подожду.

Варя. Никогда не выйду.

Сергей. Выйдешь. (*Пауза*) Я тебя, знаешь, как люблю? Я для тебя что угодно могу сделать. Даже глупость. Хочешь, сейчас со второго этажа прыгну?

Варя. Нет, не хочу.

Сергей. Жаль, а то бы прыгнул.

Варя. Вечный ты хвастун. Женюсь, прыгну!

Сергей. Хвастун? Ну, что ж, пожалуй, верно. (*Подходит к окну*.) До скорого свидания. (*Помахав рукой, прыгает*.)

Варя (*подбегая к окну*). Сумасшедший! (*Смотрит в окно, потом быстро идет к двери*.)

Ей навстречу входит Сергей.

Сейчас же убирайся вон отсюда. Сумасшедший! (*Пауза*.) Ты не ушибся?

Сергей. Нет. Во-первых, не так уж высоко. А во-вторых, две недели предварительной тренировки тоже что-нибудь да значат. (*Пауза*.) Ничего, не бойся, каждый день не буду прыгать. Скоро уеду.

В а р я. Куда уедешь?

С е р г е й. Куда? Ну, ладно, семь бед — один ответ. На, читай. (*Протягивает ей бумажку.*)

В а р я (*читая*). Танковая школа. Омск... Ой, как далеко. Сережа, зачем, когда ты это решил?

С е р г е й. Давно, Варенька, еще месяц назад.

В а р я. И все время молчал!

С е р г е й. Так я же не знал, примут ли? Опять бы все кричали, что я хвастаюсь.

В а р я. Но тебе еще не скоро ехать, да?

С е р г е й. Завтра.

В а р я. А как же я? (*Спохватившись.*) Так вдруг и так далеко... Ты же говоришь... Как же ты можешь...

С е р г е й. Могу, Варенька. И уехать могу и потом приехать за тобой, увезти тебя к себе. Все могу.

В а р я. Сережа...

С е р г е й. Что?

В а р я. Останься.

С е р г е й. Нет. Ты же знаешь, как давно я этого хочу.

В а р я. Мне трудно здесь будет без тебя.

С е р г е й. Хорошо.

В а р я. Что ж хорошего?

С е р г е й. Хорошо, что трудно, — значит, любишь меня.

Варя. Уезжай, куда хочешь. Мне все равно. Я тоже уеду.

Сергей. Куда?

Варя. В Москву. В театр... учиться. Уеду и думать о тебе забуду!

Сергей. Значит, в Москву? Ну, что ж, кончу школу и приеду за тобой в Москву.

Варя. Никуда ты не приедешь.

Сергей. Приеду. Приеду и увезу тебя.

Варя. Сережа, уйди, скорей уйди, а то я в тебя чем-нибудь брошу.

Сергей. Бросай, все равно приеду и увезу.

Варя. Сейчас же уходи, слышишь? Или ты завтра никуда не едешь, или сейчас же отсюда уходишь.

Сергей. Все наоборот. Завтра я уеду, а сейчас не уйду.

Варя. Ну, так я уйду!! (*Выбегает в наружную дверь.*)

Сергей (*кричит ей вдогонку*). Варя! (*Снова садится в кресло.*)

Петька (*вбегая*). Что с Варькой? Она, как ненормальная, прямо по перилам, чуть меня не сшибла.

Сергей (*после паузы*). Где у вас бумага и конверты? Быстро.

Петька, порывшись на этажерке, подает бумагу и конверт. Сергей, присев к столу, пишет.

Петька. Что, поссорились?

Сергей кивает.

А ты когда едешь, завтра?

Сергей кивает.

Здорово!

Сергей. Как ты думаешь, придет она меня проводить, а?

Петьяка. Придет! Покажи бумажку.

Сергей протягивает бумажку.

Петьяка. Здорово. Печать со звездой. Это всегда так, печать со звездой?

Сергей. Да.

Петьяка. А на сколько едешь?

Сергей. На два года.

Петьяка. А потом?

Сергей. Командиром буду.

Петьяка. А чего командиром?

Сергей. Бригады.

Петьяка. Сразу бригады?

Сергей. Ну, не сразу, но вскоре.

Петьяка. А как же Варя?

Сергей. Кончу школу, приеду и женюсь.

Петьяка. А она вдруг возьмет и тут за другого выйдет?

Сергей. Не выйдет.

Петьяка. А если тут к ней опять Володька Гуляев ходить будет, мы с ребятами ему ноги переломаем. Ты только слово скажи.

Сергей. Не надо. Сама прогонит.

Петьяка. А если не прогонит, мы переломаем, ладно?

Сергей (*улыбнувшись*). Ладно. Вот что. (*Вкладывает написанный листок в конверт*.) Если завтра я Варю не увижу, в общем, если не придет она меня проводить, ты ей это послезавтра отдай. Понял?

Петьяка. Понял. А ты запечатать-то забыл?

Сергей. Это принято так, не запечатывать. Правила хорошего тона. Значит, доверяешь тому, кто письмо передает, — и не запечатано, а все равно не прочтет. А если прочтешь — убью, понял?

Петьяка. Понял. (*Пауза*.) А ты еще не уходишь?

Сергей. Нет еще. А что?

Петьяка. Так. Просто спросил.

Сергей. Насколько я понимаю, господина дипломата интересует мой велосипед. Он стоит в передней. В вашем распоряжении есть десять минут.

Петьяка. Я только три круга по двору. (*Исчезает*.)

Сергей, оставшись один, сидит задумавшись, потом подходит к двери кабинета, стучит и приоткрывает.

Сергей. Аркаша! На минуту.

Аркадий (*входя*). Ну, что слышно?

Сергей. Получил. Завтра еду.

Аркадий. Значит, это уже не тайна. Целый месяц хранил ее честно, и притом бесплатно. Цени меня!

Сергей. Ценю. Хотя, судя по-сегодняшнему, кажется, лучше было сказать это Варе заранее. Она тут мне такое устроила..

Аркадий. Кстати, где она?

Сергей. Убежала.

Аркадий. Ей-богу, хоть бы увез ты ее с собой. И тебе хорошо, и мне легче.

Сергей. Она мне тут наговорила... Ничего, Аркаша, не горюй, еще увезу когда-нибудь. (Пауза.) Ну, вот я и уезжаю. Да, все хорошо. Только время, время.

Аркадий. Что время?

Сергей. Уходит. Двадцать два года — не шутка! «Товарищ Луконин, в порядке комсомольской дисциплины. Стране нужны педагоги!» Дисциплина дисциплиной, а в институт пошел все-таки зря. Не повезло. Двадцать два, а к тридцати человек — или уже человек, или нет. Одно из двух. Суворов, знаешь, к тридцати годам кем был? Хотя нет, Суворов как раз нет, он к тридцати годам даже полковником не был. Но это неважно, он не был, а я буду.

Аркадий. Опять хвастаешься?

Сергей. Нет. Просто верю. Знаешь, Аркаша, когда на параде знамена проносят, красные, обожженные, нулями простреленные, у меня слезы к горлу подступают.

Мне тогда кажется, что за этим знаменем можно всю землю пройти и нигде не остановиться. (*Пауза.*) Говорят, многие мечтают на родине умереть, а я нет. Я, если придется, хотел бы на чужой земле, чтоб люди на своем языке, — на китайском, на французском, испанском, на каком там будет, — сказали: «Вот русский парень, он умер за нашу свободу». И спели бы не похоронный марш, а Интернационал. Он на всех языках одинаково поется. (*Пауза.*) Ты только не смейся, Аркадия. Я понимаю, конечно, смешно. Еще формы не надел, а уже и полководец, и если погибну...

Аркадий. А я не смеюсь. Я верю. Только боюсь, что трудно тебе будет в армии.

Сергей. Почему?

Аркадий. Так. Школьные воспоминания. Нелепый ты человек. По старой привычке натворишь там бог знает что, а ведь в армии этого не прощают.

Сергей. В армии... Нет, в армии я... в общем, увидишь!

Аркадий. Ну, что же, тем лучше. Когда поезд, вечером?

Сергей. Вечером. Придешь?

Аркадий. Конечно. (*Пауза.*) Придем, придем, помирю вас еще раз, так и быть.

Сергей. Думаешь, придет?

Аркадий. Думаю? Я все-таки, как-никак, старший брат.

Варя (*входя*). Ты еще здесь? Уходи сейчас же, или я опять уйду.

Сергей (*молча поглядев на нее*). До свидания, Аркадия. Значит, завтра. (*Остановившись в дверях, Варе.*) Завтра проводить придешь, два года ждать будешь, а потом замуж за меня выйдешь, а иначе...

Варя (*резко*). Что иначе?

Сергей. А иначе... Очень плохо мне будет жить, Варя. Не делай иначе. (*Быстро выходит.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Через два года. Осенние маневры в танковой школе. Задняя стена деревенской избы. Палисадник, завалинка. Начальник танковой школы Васнецов, командир роты и курсант Гулиашвили, все в кожанках, в походном снаряжении.

Васнецов. Значит, вы приказали искать брод, а Луконин повел машину напрямик, через мостик, в результате чего произошла авария?

Командир. Да, я приказал искать брод, потому что считаю, товарищ начальник школы, что такие временные мостики непригодны для прохода танков.

Васнецов. Ну, я этого, положим, не считаю. Но так или иначе, вы ясно и четко приказали искать брод?

Командир. Да, точно.

Васнецов. Кто видел, как это произошло?

Командир. Вот, вызван курсант Гулиашвили.

Васнецов. А Луконина вызвали?

Командир. Да, сейчас явится.

Васнецов. Ну, расскажите, Гулиашвили. Вы видели?

Гулиашвили. Да, товарищ начальник школы. Луконин повел головной танк через мостик у мельницы. Мост обрушился. Глубина два с половиной метра. Луконин и башенный стрелок выскочили, а механик-водитель... Я считаю, товарищ начальник, что если бы не Луконин, то водитель погиб бы.

Командир. Если бы не Луконин, то водитель вообще бы не попал в воду.

Васнецов. Подождите. (*Гулиашвили.*) Почему водитель мог погибнуть?

Гулиашвили. Он внизу захлебнулся. Луконин три раза нырял с опасностью для жизни. Открыл люк и вытащил водителя. Я думаю, товарищ начальник школы, что это подвиг, если человек может такое сделать... Я очень прошу, товарищ начальник школы, чтобы вы учли это...

Васнецов. Товарищ Гулиашвили...

Гулиашвили. Я не могу не просить за друга... Вы извините, товарищ начальник школы.

Васнецов. Товарищ Гулиашвили! Мы с вами не в семилетке, а в военной школе. Я вас вызвал не для того, чтобы вы друзей выгораживали. Понятно вам это?

Гулиашвили. Понятно, товарищ начальник школы.

Васнецов. Что вы еще можете рассказать?

Гулиашвили. Ничего, товарищ начальник школы, я только хотел вам сказать, что такой человек, который с риском для жизни...

Васнецов (*безнадежно махнув рукой, прерывает его*).
Вы свободны. Можете итти, отдыхайте.

Гулиашвили выходит и, встретившись по дороге с Сергеем,
делает ему ободряющий жест.

Сергей (*в кожанке, в туго нахлобученном шлеме*).
Явился по вашему приказанию, товарищ начальник школы.

Васнецов. Вы получили от командира роты приказ
искать брод?

Сергей. Да, товарищ начальник школы.

Васнецов. Вы его выполнили?

Сергей. Нет, товарищ начальник школы.

Васнецов. А вы знаете, что маневры — это почти
война?

Сергей. Да, знаю.

Васнецов. За невыполнение приказа двадцать суток
ареста. В шесть здесь будет адъютант, явитесь к нему,
скажете, что я приказал отправить вас на машине в го-
род на гауптвахту. Повторите.

Сергей. Явиться к адъютанту, передать, что вы при-
казали отправить меня на гауптвахту. Разрешите итти?

Васнецов. Нет. Теперь объясните, почему вы не вы-
полнili приказа?

Сергей. Я думал, товарищ начальник школы, что ма-
невры — это почти война, а если бы я искал брод, как
приказал товарищ командир, то я бы не успел выпол-

нить задачу. Я считаю, что легкие танки могут на большой скорости проскакивать такие мосты.

Васнецов. Может быть, но раньше надо было проверить, попробовать.

Сергей. Я много раз просил об этом товарища командаира, но он не разрешил. (*Пошатнувшись.*) Я решил на свой страх.

Васнецов. Что с вами?

Сергей. Ничего, товарищ начальник школы. Волнуюсь. Не рассчитал, не выдержал мост.

Васнецов (*командиру*). Пойдите скажите, чтобы мне машину подготовили, поеду посмотрю.

Командир. Есть. (*Уходит.*)

Васнецов. Ну, что еще можете сказать?

Сергей. Все, товарищ начальник школы.

Васнецов. А почему вы не говорите, как спасли водителя?

Сергей. Я считал, что это не относится к делу.

Васнецов. Ну, а как все-таки вы его спасали?

Сергей. Сказать по правде, великолепно спасал.

Васнецов. Что вы, хвастваетесь?

Сергей. А я не хващаюсь, товарищ начальник школы. Так и было. Я первый пловец по всей Волге, если бы не это, никогда бы его не спас. Очень трудно. Люк тяжелый. Три раза нырял. (*Опять пошатнувшись.*) Могу итти?

Пауза.

Васнецов. Слушайте, Луконин, вы все-таки понимаете, что вы наделали?

Сергей. Понимаю.

Васнецов. Нет, не понимаете. Если вам показалось, что ваш прямой начальник поступает неверно, боится выжать из танка все, что из него можно выжать, вы должны были подать рапорт мне, и я бы с вами сам попробовал, могут проходить наши танки по таким местам или не могут.

Сергей. Могут.

Васнецов. Я тоже думаю, что если все рассчитать, то могут. Но это вас никак не оправдывает.

Сергей. А я не оправдываюсь.

Васнецов. А теперь, что я должен: под суд вас отдать, поставить вопрос о вашем пребывании в партии? Вы вели себя, как мальчишка. Угроили машину. Чуть не убили людей. Новаторство в нашем деле связано с кровью, зарубите себе это на носу. Тут не место для мальчишеских выходок.

Сергей (*глухо*). Товарищ начальник школы!

Васнецов. Ну?

Сергей. Я вас очень прошу... Я даже не могу подумать о том, чтобы... Армия для меня — это все. Вся жизнь. Я знаю, я виноват во всем, но если мне будет позволено, я докажу, что это случайность, сто раз считаю и докажу, что танки могут все, у нас даже еще

не понимают, что они могут делать. Все. Я не за себя прошу, это очень важно. Потом делайте со мной, что хотите, хоть под суд. Только позвольте мне доказать.

Васнечов (*задумчиво*). Не знаю, что с вами делать.

Командир (*входя*). Машина готова.

Васнечов. Сейчас, идите.

Командир уходит.

И это перед самым выпусктом из школы... Мне будет очень жаль, если придется вас отчислить. (*Встает*.) Но боюсь, что все-таки придется... (*Уходит*.)

Сергей в изнеможении опускается на завалинку. Стаскивает шлем и скимает руками голову. Голова у него забинтована, сквозь бинт проступают темные пятна. Тихо входит Гулиашвили.

Гулиашвили. Что, дорогой, плохо?

Молчание.

Что с тобой, дорогой?

Сергей (*с трудом подняв голову*). Это ничего, пройдет. А вот все остальное плохо, Вано, очень плохо.

Гулиашвили. Что, все объяснил начальнику?

Сергей. Все. Почти все. Ты понимаешь, такая глупость. Ведь прошел бы танк. Он не потому рухнул, что мост не выдержал, а потому, что застрял посреди моста, бензинопровод засорился. Сукин сын водитель, три раза его опрашивал: «Проверил?» — «Проверил». Убить его мало за это.

Гулиашвили. Так что ты, объяснил начальнику или нет?

Сергей. Нет.

Гулиашвили. Водителя пожалел?

Сергей. Пожалел? Я жалею, что из воды его вытащил. Что его жалеть... Я ему такое устрою, когда с гауптвахты выйду... А начальнику — что ж говорить? «Я не виноват — водитель виноват!» А я где был? Где я был, когда сто раз самому надо было проверить? (Пауза.) А танки все равно еще будут через такие мосты перелетать и через рвы будут прыгать. Все будут делать. Только вот я этого, пожалуй, не увижу.

Гулиашвили. Почему, дорогой?

Сергей. А потому, что выгонят меня из армии, вот почему.

Молчание.

Тридцать три несчастья у меня сегодня, Вано.

Гулиашвили. Еще несчастье?

Сергей (*протягивает письмо*). На вот, почитай.

Гулиашвили. От нее?

Сергей. От нее.

Молчание.

Гулиашвили (*протягивая письмо обратно*). Да, скучное письмо. Полную отставку тебе дают, дорогой.

Сергей. Да. (*Задумчиво*.) Да... (*Спохватившись*.) Почему отставку, кто тебе сказал?

Гулиашвили. Русским языком написано.

Сергей. Мало ли что написано. Ясно, соскучилась, два года не видала. Письма редко пишу — вот и соскучи-

лась. А я часто писать не люблю. Часто писать — скоро забудет.

Гулиашвили. Ну, а редко писать — тоже забудет.

Сергей. Не забудет.

Гулиашвили. Так вот же, в письме...

Сергей. А я тебе говорю, мне все равно, что в письме. Пусть что хочет пишет, все равно приеду в отпуск в Москву и увезу ее.

Гулиашвили. Хорошо. Вместе поедем, увозить будем. Возьмешь с собой?

Сергей. Возьму. (Пауза.) Эх, Вано, чего бы я не дал, чтобы сейчас в Москву попасть на день, хоть бы одним глазом посмотреть, как она там. Театральное училище... Знаешь, она красивая. Наверно, ходят там всякие кругом. Дай письмо. (Проглядывает его.) Ничего особенного. Скучет. Ну, письмо. Обыкновенное письмо.

Молчание.

(Смотрит на часы.) Сейчас к адъютанту надо итти.

Гулиашвили. Зачем?

Сергей. На губу садиться. Двадцать суток. Плохи мои дела, Вано. Как думаешь, отчислят меня из школы, а?

Гулиашвили. Что ты, дорогой!

Сергей. Да брось ты утешать меня! Правду говори, как думаешь?

Гулиашвили. Правду? Не знаю, дорогой, боюсь, что отчислят.

ЗАНАВЕС

Действие второе

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Осень 1936 года. Построенный где-то в глуши в Средней Азии военный городок. Квартира Сергея. Двери прямо в переднюю и на веранду. За столом Сергей в форме старшего лейтенанта и Полина Францевна Сюлли.

Сергей (*читает*). Ces plaines désertiques ne permettent pas ravancement rapide des troupes. Vu d'absence complète d'arbres naturels celles-ci sont toujours à la merci d'une attaque imprévue de l'adversaire. (*Захлопывает книгу.*) На сегодня довольно. Хорошо?

Полина Францевна. Хорошо.

Сергей. Как ни говорите, Полина Францевна, а я, по-моему, делаю огромные успехи.

Полина Францевна. Вы бы подождали, пока я это скажу.

Сергей. Нет, правда, я, ей-богу, молодец.

Полина Францевна. Ну, если считать, что это первый урок после вашего отпуска...

Сергей. Вы только подумайте, какое прилежание! Человек два года не был в отпуску — и что он берет с собой в московский поезд?! Он берет с собой учебник французского языка, и, вместо того чтобы спокойно пить пиво в вагоне-ресторане, он с тоской смотрит в окно и зубрит неправильные глаголы: *je fa is, tu fais, il fait, nous fai-sons, vous faites, il font*.

Полина Францевна. Меня очень растрогало, когда вы захотели брать уроки французского. Все занимаются английским — говорят: нужнее.

Сергей. И правильно говорят, я тоже занимаюсь английским.

Полина Францевна. Да, но вы и французским.

Сергей. А мне все нужно, Полина Францевна. Иностранные языки — все еще может случиться — они еще могут перестать быть иностранными. Вы знаете, когда я смотрю на карту, мне почему-то нравится только та часть ее, которая покрыта красным цветом. (Пауза.) Вы не скучаете по родине, Полина Францевна?

Полина Францевна. Скучаю? Нет, я ее вспоминаю. Далеко. Очень далеко. Я ведь родилась в Тулусе.

Сергей. Тулуса — ну, что ж, это хороший город.

Полина Францевна. Да, узкие улочки, старые дома с черепичными кровлями.

Сергей. Металлургические заводы, железнодорожный узел. Что еще? Да, аэродром Транс-Европейской компании.

Полина Францевна. Аэродром?

Сергей. Когда вы там жили, его еще не было. Он с тридцатого года.

Полина Францевна. Все вы знаете!

Сергей. География входит в число предметов, которыми я интересуюсь. Впрочем, это не тайна, все это можно прочесть в любом справочнике. А вот какие там дома... Вы говорите, с черепичными кровлями?

Полина Францевна. Да.

Сергей. Красивые?

Полина Францевна. Да, очень.

Пауза.

Сергей. Так неужели не тоскуете по тем местам?

Полина Францевна. Это было так давно, слишком давно, Сергей Ильич. Если бы мне тогда было хорошо, я бы не уехала в чужую страну гувернанткой. Боже мой, сколько богатых и холодных домов, сколько чужих и скучных людей. А если люди были немножко лучше, то они старались для меня это сделать немножко похожим на настоящий дом, — и тогда бывало еще хуже...

Сергей. А сейчас?

Полина Францевна. Сейчас? Сейчас нет. В этом военном городке никто не старается сделать вид, что здесь мой дом. И, может быть, поэтому я сама все больше чувствую, что я дома. Мне приятно, что меня вызывает полковник и говорит: «Товарищ Сюлли, доложите командованию о вашем плане командирской учебы». И я докладываю ему о своем плане командирской учебы. А вы... только не сердитесь, Сергей Ильич...

Сергей. Что мы?

Полина Францевна. Вы все очень хорошие, хотя у всех у вас ужасное произношение, и я не знаю, может быть, там где-нибудь на маневрах вы суровые командиры, но у меня на уроках вы, наверно, вспоминаете школу и ведете себя, как дети. «Полина Францевна, а можно — мы лучше будем десятый параграф, там с картинками, интересней». Как дети. Было даже несколько случаев, когда мне поверяли свои сердечные тайны.

Сергей. Вот как?

L'absence est à l'amour
Ce qu'au feu le vent
Il éteint le petit
Et allume le grand.

Полина Францевна. Но, по-моему, этих слов любви не было ни в одном из параграфов, которые я вам задавала.

Сергей. Да, я выучил их по личной инициативе. Здорово выучил, да?

Полина Францевна. Да, но вот только произношение...

Сергей. Вот и она тоже так сказала: «Да, но вот только произношение...»

Полина Францевна. Она? Кто она?

Сергей. Жена моя. (*Спохватывается.*) Умоляю, не выдавайте меня. Молчите! Ребята никогда мне не простят, если узнают.

Полина Францевна. Что случилось, Сергей Ильич?

Сергей. Вы, наверно, слышали, что я поехал в Москву за невестой?

Полина Францевна. Да. Но я боялась спросить, вдруг...

Сергей. Никаких вдруг. Все в порядке. Я на ней женился.

Полина Францевна. Ну, что ж, поздравляю вас, прекрасно!

Сергей. Конечно, прекрасно! Но только... я обещал ребятам, что устрою тут роскошную свадьбу, я знаю, они уже приготовили подарки, и вдруг... Но что я мог сделать! У нее тоже свои друзья в Москве и тоже упрямый характер, и мы сыграли эту роскошную свадьбу не здесь, а там.

Полина Францевна. Да, здесь будут огорчены. Капитан Севастьянов сказал мне по секрету, что он специально настрелял сорок перепелов и отправил их на холодильник.

Сергей. Вот видите. Они просто убьют меня. Вы должны хранить полное молчание.

Полина Францевна. Хорошо, но чем это может помочь вам?

Сергей. Как чем? Они же тогда ничего не узнают. Я согласился играть свадьбу в Москве только с тем условием, что мы и здесь тоже будем играть свадьбу. Это даже интересно — две свадьбы. Не со всяким бывает. Но только полная тайна. Слышите, Полина Францевна?

Полина Францевна. Хорошо. Тайна. А когда приезжает ваша жена?

Сергей. Завтра. Если бы вы знали, что это за девушка!

Полина Францевна. Очень хорошая?

Сергей. Хорошая?! Это мало сказать! Когда она улыбается, то я готов достать ей луну с неба, только бы она улыбнулась еще раз.

Полина Францевна. Вы так влюблены, Сергей Ильич, что даже, — только, пожалуйста, не сердитесь, — чуть-чуть поглупели.

Сергей. Поглупел? Наверно. Я сегодня утром выстроил роту и делал поверку. Но вместо «равнение направо!» мне хотелось крикнуть: «Знаете, ребята, а ведь она меня любит! Она ко мне приезжает!» (Пауза.) Все бросила, Полина Францевна: Москву, театр — и едет одна, сюда ко мне, в нашу Тымутаракань, в глушь. Вот какая девушка. Она говорит, что если есть талант, то всюду можно играть, а если еще я буду сидеть в первом ряду партера, то, значит, совсем хорошо. Я только боюсь, что теперь все время буду сидеть в первом ряду партера. Как вы думаете, а?

Стук в дверь.

Кто там?

Глухой бас: «Почта!»

Сергей отворяет дверь, в дверях стоит Варя в летнем платье, без всяких вещей.

Варя. Товарищ Луконин, вам из Москвы посыпка. Примите и распишитесь. (*Бросается к нему на шею.*)

Сергей. Ты же должна была завтра, как же ты? Мы тут собрались тебя встречать.

Варя. Хорошо. Я завтра поеду обратно на вокзал и сделаю вид, что я только что приехала, а вы сделаете вид, что меня встречаете. Ладно?

Сергей (*смеясь*). Ладно!

Варя (*на ухо*). Кто эта тетя?

Сергей. Ах ты, боже мой! Полина Францевна, познакомьтесь.

Полина Францевна. Сюлли.

Варя. Варя. Он мне рассказывал о вас. Значит, это вы, бедная, страдаете от его ужасного произношения?

Полина Францевна. Нет, почему же... Сергей Ильич...

Варя. Только не защищайте его. Все равно я давно знаю, что он ленив, упрям и... что-то я еще забыла. Сережа, напомни, что ты еще?

Сергей. Что я дурно воспитан.

Варя. Да, и еще он дурно воспитан. Но все-таки я его люблю, а это главное!

Сергей. Где же твои вещи?

Варя. Я по дороге взяла носильщика.

Сергей. Ну?

Варя. Ну, и он идет, наверно, по лестнице, бедняга, сгибается под тяжестью моих чемоданов. (*Открывая дверь.*) Носильщик!

Голос. Иду!

Варя. Дай ему сколько-нибудь, Сережа.

Сергей достает деньги, в эту секунду в дверях появляется на-
груженный чемоданами Аркадий.

Сергей. Аркашка!

Обнимаются.

Молодец! В такую даль — это, брат, не шутка.

Аркадий. Брат? Это, конечно, не шутка. Быть бра-
том — это, как видишь (*показывает на чемоданы*), тя-
желая профессия. Но все-таки сестра, плохая, но сестра.
Пришлось провожать. Если бы ты жил поближе — не

поехал бы. Но я решил, что поезда сюда и отсюда идут так долго, что я могу провести в них свой отпуск.

Сергей. Знакомься, Аркаша.

Аркадий. Здравствуйте. Бурмин.

Полина Францевна. Сюлли.

Аркадий. Так это вы...

Варя. Тсс!

Аркадий. Что такое?

Варя. Не надо. То, что ты хотел сказать, я уже сказала.

Аркадий. А что я хотел сказать?

Варя. Ты хотел пожалеть Полину Францевну за то, что она мучается с Сережиным произношением.

Аркадий. Да, сознаюсь, мне пришла в голову эта мысль.

Варя. Тебе всегда приходят в голову мои мысли. Лучше распакуй чемодан. На это ты еще способен.

Сергей. Я вижу, тобой по-прежнему помыкают.

Аркадий. И не говори. Пока я был доцентом, меня еще как-то жалели, теперь я — профессор, из меня устроили носильщика, а когда я стану академиком — меня, наверно, совсем превратят в мальчишку на побегушках. Раньше мы хоть бегали пополам с Петькой, но с тех пор, как Петька удрал из дома...

Сергей. А где он?

Аркадий. Не знаю. Удрал куда-то на Памир с геологической экспедицией.

Сергей. Молодец!

Аркадий. Шалопай!

Сергей. А что Женечка, как она?

Аркадий. Кончила институт. Уехала в Астрахань. Весной.

Сергей. Это я знаю. Я спрашиваю, как она? Пишет?

Аркадий. Иногда.

Сергей. Значит, все по-прежнему? Эх, ты!

Аркадий. Я категорически прошу тебя...

Сергей (*перебивая*). Эх, профессор, профессор... Учить тебя да учить!

Полина Францевна. Я пойду, Сергей Ильич!

Варя. Ни за что! Вы хотите меня оставить на растерзание этим двум обезьянам? Они ведь через минуту забудут обо мне и начнут вспоминать, как они подкладывали пистоны под стул учителя грамматики. Нет, вы непременно должны остаться. Сережа, а где же твои хваленые друзья? Где твой Гулиашвили, где твой Севастьянов? Я немедленно хочу их видеть!

Сергей. Сейчас я им позвоню.

Варя. Я сама позвоню. Какой номер у Гулиашвили?

Сергей. Четыре-семнадцать.

Варя. Его зовут Вано?

Сергей. Да.

Варя (в телефон). Четыре-семнадцать. Вано? Здравствуйте, Вано. Я говорю. Нет, вы меня не знаете. Нет, не видели. Нет, и я вас не видела. Но это неважно. Я хочу вам назначить свидание. (Прикрыв трубку.) Он спрашивает, интересная ли я, — как по-твоему?

Сергей кивает.

Да, я очень интересная, ей-богу. Вот и Сережа тоже кивает, что интересная. Какой Сережа? Сережка, он тебя не знает! Ах, знаете? Ну, бегите, бегите! (Вешает трубку.) А Севастьянова какой телефон?

Сергей. Не надо. Ему Гулиашвили скажет. А если ты позвонишь... Нет, не надо.

Варя. Почему?

Сергей. Ты его испугаешь. Он у нас робкий. Испугается женского голоса и убежит в степь до утра на охоту.

Полина Францевна. Правда, капитан Севастьянов очень застенчивый человек.

Варя. Неужели? Ну, слава богу, будет рядом хоть один застенчивый человек. Мне так надоели хвастуны. Если бы вы только знали, Полина Францевна, какой он хвастун.

Полина Францевна. Ну, что вы...

Варя. Разве он вам не клялся, что через год будет знать французский язык лучше вас?

Полина Францевна. Нет... правда, Сергей Ильич обещал вначале изучить язык за месяц.

Сергей. Я просто тогда не знал, что на этом языке все слова произносятся иначе, чем пишутся.

Варя. Аркаша, а ну, давай учиним семейный допрос. Полина Францевна, как тут вел себя без нас этот мальчик? Довольны ли им старшие?

Полина Францевна. Да, очень. Я слышала, как Алексей Петрович недавно очень хвалил его.

Варя. Кто это — Алексей Петрович?

Сергей. Наш полковник. Он правда хвалил меня?

Полина Францевна. Да, очень.

Сергей. Странный человек полковник. Сначала чуть не выгнал меня из школы, потом, когда переводился сюда, вдруг взял с собой. В глаза бранит, за глаза хвалит.

Варя. Он, кажется, просто знает твой характер.

Стук в дверь. Входит Гулиашвили. Он, как и Сергей, в форме старшего лейтенанта.

Гулиашвили (*обнимая Сергея*). Поздравляю, дорогой, с приездом красавицы-невесты.

Варя. Вы даже на меня не посмотрели.

Гулиашвили (*зажмурившись*). Не хочу смотреть, и так знаю, что красавица. Мой друг другой привезти не мог. (*Открывая глаза*.) Ну, конечно, красавица!

Варя. Все-таки здравствуйте.

Гулиашвили. Здравствуйте. Поздороваться можно потом, сначала в глаза посмотреть надо. (*Смотрит на Варю*.) Хорошие глаза. В такие глаза час посмотреть — потом умирать не страшно! (*Аркадию*.) Гулиашвили.

Аркадий. Бурмин.

Гулиашвили. С ней приехал? Брат?

Аркадий. Брат.

Гулиашвили. Не такой красивый, но похож. Когда свадьба?

Сергей. Завтра.

Гулиашвили. Я не тебя спрашиваю. Я брата спрашиваю.

Аркадий. Завтра.

Гулиашвили. Ну, значит, нам с тобой, дорогой, сегодня ночь не спать, как завтра лучше гостей угостить — думать.

Севастьянов (*входя*). Можно?

Сергей. Входи, Севастьяныч, знакомься!

Варя. Варя.

Севастьянов здоровается с Аркадием и молча смотрит на Варю.

Ну, что вы на меня так смотрите?

Севастьянов. Вот вы какая.

Варя. Что, не нравлюсь?

Севастьянов. Нет, что вы, я только хотел сказать, что вы мне рисовались совсем в другом облике.

Варя. В каком же другом облике?

Севастьянов. Сергей Ильич мне сказал, что вы актриса, и я вас рисовал себе несколько солидней и почему-то брюнеткой. Приехали играть в наш театр?

Варя. Да, и четырех ребят с собой притащила, скоро приедут.

Севастьянов. Какой больше репертуар предполагаете играть, современный или классический!?

Сергей. Ну, кончено. Погибла Варька. Севастьянов, прекрати культурную беседу.

Гулиашвили. Ты лучше, дорогой, спроси ее, любит ли она перепелов!

Севастьянов. Да брось ты!

Гулиашвили. Нет, погоди. Как, любите перепелов?

Варя. Перепелов?

Гулиашвили. Да. Это птички такие. Капитан Севастьянов вам в подарок их сорок штук настрелял, целое свадебное ожерелье. Он считает, что сорок перепелов — лучший подарок для молодой девушки.

Севастьянов. Перепел, конечно, птица невидная, но в смысле охоты... (увлекаясь) охотничья птица, стоящая. Ее так не возьмешь, ее нужно со смыслом брать, на нее утром надо идти с самого рассвета...

Гулиашвили. Теперь насчет охоты целый трактат будет. Ты нам, дорогой, их жареных — и на стол, а как ты их там стрелял, это твое личное дело... (Сергею.) Где завтра ужин будет? На веранде?

Сергей. Я думаю.

Гулиашвили (*Аркадию*). Пойдем, дорогой, стол мерить, как гостей сажать, чтоб локтям тесно не было. Пойдем, капитан. Пойдем, Полина Францевна.

Варя. И я с вами.

Гулиашвили (задерживая ее в дверях). Нет! Стол, как женщина, на него надо вечером смотреть, когда он красивый. Сережа, скажи ей, не слушаться тамады — самый большой грех на душу брать. (Выходит вслед за остальными.)

Сергей (после молчания). Ну вот, Варька! Наконец, мы и вместе.

Варя. Как я боюсь проговориться, что мы уже жены...

Сергей. Да, уж лучше до завтра не проговариваться. Ребята подарки тебе приготовили. Очень ждали.

Варя. Очень ждали? А ты как? Тоже очень ждал?

Сергей. Я? Никуда я тебя больше не отпущу, Варька. Слышишь, никуда!

Варя. А я вдруг возьму и уеду.

Сергей. Не уедешь.

Варя. Это смотря как держать будешь.

Сергей крепко обнимает ее.

Ну, если так будешь держать, тогда не уеду.

Звонок телефона, один, другой, третий. Сергей, неохотно отпустив Варю, подходит к телефону.

Сергей (в трубку). Да, я, товарищ майор. Явиться к полковнику? Есть. Да, у меня. (Вешает трубку.) Вано!

Варя. Что такое?

Сергей. Ничего, придется уйти на полчаса. Наш негомонный старик опять, наверно, будет нас пилить за подготовку к ночным учениям. (*Кричит.*) Вано!

Гулиашвили (*входя*). Ну, что такое, дорогой? Что за крик? Тамада не может работать в такой нервной обстановке.

Сергей. Полковник вызывает. Пошли.

Гулиашвили. И меня тоже?

Сергей. Тоже. «Товарищ Луконин, я вызвал вас, чтобы еще раз обратить ваше внимание на материальную часть». Сейчас, Варька, мы быстро, он только еще раз обратит наше внимание на материальную часть, и — мы обратно, одна нога там, другая здесь. Скажи Аркашке, чтобы пока твои чемоданы распаковал.

Выходят.

Варя (*одна, после молчания*). Аркаша!

Аркадий (*появляясь в дверях*). Иди сюда, тут капитан про охоту рассказывает. Я, кажется, уже почти понял, как стрелять этих перепелов.

Варя выходит на веранду. Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Загорается свет в углу сцены. Кабинет полковника. На стене большая карта Европы. Большой стол. Дверь. За столом стоит Васнецов. Перед ним Сергей.

Васнецов. Товарищ Луконин! Я вызвал вас для того, чтобы сообщить вам: я получил ответ. Ваше ходатайство об отъезде удовлетворено.

Сергей. Благодарю, товарищ полковник.

Васнецов. Надеюсь, ничто не препятствует вам выехать немедленно?

Сергей. Нет, ничто не препятствует, товарищ полковник. Когда могу выехать?

Васнецов. Завтра сдадите роту старшему лейтенанту Гулиашвили, и можете ехать. Вечерним ашхабадским. Проездные документы и секретный пакет получите у начальника четвертой части. (Пауза. Подойдя к Сергею, жмет ему руку.) Надеюсь, что питомцы Омской танковой школы во всех условиях, даже в самых необычайных... Ну, в общем, вы меня понимаете...

Сергей. Понимаю.

Долгое рукопожатие. Васнецов подходит к карте; взяв со стола карандаш, тянется к ней. Свет гаснет, прежде чем он успевает дотянуться карандашом до карты.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Низкая комната в полуразрушенном доме. Стены сложены из больших неотесанных камней. Темнота. Единственный свет идет из угла, где в очаге тлеют ветки. За наполовину разбитым и чем попало заткнутым окном идет снег. Посреди комнаты стол. За ним, не поворачиваясь во все времена действия, спиной к зрителю сидит офицер в военной, неопределенной в темноте форме. Дверь распахивается, в нее врываются снег и ветер. Входит человек в плаще, отряхивается.

Офицер. Вы заставляете себя ждать, господин переводчик.

Переводчик. Простите. Дьявольская погода. Тут, наверно, много лет не запомнят такого снега. Совсем как в России.

Офицер. В России? Неужели двадцать лет эмиграции не вышибли ее у вас из памяти? Все еще вспоминаете вашу Россию?

Переводчик. Мою? Если б она была моя! Я просто говорю, что снег. Зачем вы приказали мне явиться?

Офицер. Вы мне сейчас будете нужны. Вам, кажется, предстоит встреча с соотечественником. Час тому назад мы взяли в плен танкиста.

Переводчик. Знаю. Мне сказали солдаты. Но разве он русский?

Офицер. Не знаю. Во всяком случае, у него русское упрямство. Он целый день сидел в разбитом танке. Потом вылез с пистолетом. Когда его окружили, он хотел застрелиться, но только ранил себя. Его взяли, когда он был без сознания. Я велел привести его в чувство, и сюда. Сейчас он будет... (Пауза.) Да, весьма возможно, что он русский.

Дверь распахивается. Солдаты вводят в темный угол комнаты неизвестного. На нем кожаные штаны, сапоги. Обгоревшая и разорванная рубашка. Черное и совершенно не видное в темноте лицо, все обмотанное грязными прокопченными бинтами, из которых торчат только выбившиеся клочки волос.

Переводчик (*подойдя к неизвестному, в упор*). Ну, как, приятно вам встретить здесь соотечественника?

Неизвестный молчит.

Ну, что вы молчите? Небось удивлены, вдруг здесь встретив соотечественника, а?

Неизвестный (*глухим голосом*). Je ne vous comprends pas.

Переводчик. Ах, вы не понимаете? (*Офицеру*.) Он не понимает по-русски! Может быть, вы француз, а? (*Подходит вплотную*.) Но только откуда у вас тогда эта рязанская морда? Бросьте валять дурака! Слышите?

Неизвестный. Je vous ai déjà dis, que je ne vous comprends pas.

Переводчик. Опять не понимаете! Так, значит, вы француз?

Молчание.

Alors, vous scriez français?

Неизвестный. Oui.

Переводчик. Откуда же вы, француз?

Молчание.

Et d'où êtes-vous?

Неизвестный. Je suis de Toulouse.

Переводчик. Так, хорошо. Ну, и где же вы там жили в вашей Тулусе?

Молчание.

Eh bien! Dans quelle rue habitez vous dans votre Toulouse?

Неизвестный. J'ai toujours demeure rue des Marrons.

Переводчик. Около старого моста? (*Пауза*.) Celle qui se trouve près du vieux pont? N'est-ce pas?

Неизвестный. Non, il nya aucun pont.

Переводчик. Ах, там нет никакого моста... Вот как. Вас не собьешь. Вы даже знаете улицу. Но произношение? Неужели вы думаете меня уверить, что у француза может быть такое произношение? Вас, наверно, обучали французскому языку где-нибудь в Нижнем Новгороде, а?

Неизвестный. Je vous r  p  te, que je ne vous comprends pas.

Переводчик (*выходя из терпения*). Да вы будете со мной говорить или нет? Я тебя русским языком спрашиваю.

Молчание.

Vas tu parler russe 脿 la fin?

Неизвестный. Puis ce que je vous dis, que je neconnais pas le russe.

Переводчик. Не знаешь русского языка? Ну, а такое слово, как расстрелять, ты знаешь по-русски?

Молчание.

Может, начнешь понимать, если я тебя расстрелять прикажу!

Неизвестный (*спокойно пожав плечами*). Je ne vous comprends pas.

Переводчик. Mais tu seras fusill  ! Ça tu le comprends?

Неизвестный. Maintenant j'ai coinpris.

Переводчик. Да я... (*Задохнувшись от ярости, беззвучно машет рукой солдатам*.)

Те выводят неизвестного. Молчание.

Офицер. Итак, встреча с соотечественником не состоялась.

Переводчик. Я дам руку на отсечение, что он русский.

Офицер. К сожалению, там наверху хотели бы, чтоб он признался в этом сам. Но он не признался. И, значит, он не русский. А что думаете вы — на это всем наплевать. (Пауза.) Пожалуй, чтоб не было лишних неприятностей, лучше расстрелять его здесь, не отправляя в штаб. Да, конечно... Пойдите распорядитесь.

За сценой выстрел.

Переводчик. Кажется, там уже распорядились.

За сценой еще несколько выстрелов.

Офицер (*вскакивая*). Нет, что-то не то.

За сценой опять выстрел, еще и еще. Грохот. Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Зима 1937 года. За кулисами еще не окончательно оборудованного театра в военном городке. Антракт. Маленькая актерская уборная. Варя, в старинном глухом черном платье, в гриме, перед зеркалом поправляет парик.

За дверями голос. Можно?

Варя. Да.

Севастьянов входит, держа в руках завернутый в бумагу букет.

Севастьянов. Здравствуйте, Варвара Андреевна! Разрешите преподнести по случаю дня рождения.

Варя. Что это?

Севастьянов. Цветы.

Варя. Зимой цветы?

Севастьянов (*развертывая пакет, в котором несколько зеленых веточек*). Во всяком случае, нечто напоминающее.

Варя. Спасибо. Где вы их достали?

Севастьянов. Я в пяти знакомых домах все горшки на подоконниках обстриг. Что было! Только и спасся тем, что за каждую веточку по зайцу обещал в выходной с охоты принести. Знаете, сколько тут зайцев? Пятьнадцать зайцев тут.

Варя. Сумасшедший! Дайте я вас расцелую! (*Целует его.*) Нате платок, вытрите, всего измазала!

Севастьянов. Вы извините, что такие вот веточки...

Варя (*взяв его за портупею и снизу вверх глядя ему в глаза*). Севастьяныч, милый, если бы вы только знали, что такое для меня сейчас эти ваши веточки. (*Пауза. Взглянув на портупею.*) У Сережи тоже такая. Висит у меня. Он уехал, а она висит.

Севастьянов (*пытаясь перевести разговор*). Вы прекрасно играете сегодня, Варвара Андреевна. С большим чувством.

Варя. Не надо, Севастьяныч. Вы очень смешно всегда успокаиваете меня: как только я о Сереже, вы сейчас же о моей игре. Ничего. Мне сегодня просто приятно вспомнить о нем. Что он вот сейчас, в эту минуту, делает, как вы думаете?

Севастьянов. Не знаю, Варвара Андреевна. Нолагаю, все в порядке.

Варя. Не знаете? Никто этого не знает. Ну, ничего. Мы его, когда вернется, спросим, что он в эту минуту делал. Только надо запомнить: сегодня пятое февраля, а сколько времени?

Севастьянов. Двадцать один пятьдесят.

Варя. Десять... Он приедет, мы его непременно спросим, да?

Севастьянов. Да, конечно, я вот даже в блокнот запишу. (*Записывает.*)

Гулиашвили (*вбегая*). Варя, дорогая! Все рыдали. Сам рыдал. Играла, как этот, как его, забыл кто, но ты лучше. Дай ручку, поцелую. (*Целует ей руку.*) Уже успел тебе свой веник подарить! Ботаник! А мой подарок не здесь — мой подарок у меня дома! — хороший стол, такой стол, чтоб за гостей сам смеялся. Всех позвал. Жениха твоего позвал, злодея позвал. Маму позвал. Папу позвал. На сцене ссорились — за столом все хорошие, все вместе будем. Такой день рождения тебе устроим!

Помощник режиссера (*показываясь в дверях*). Варвара Андреевна, вы лучше сами посмотрите, какое там реквизиторы кресло поставили. А то опять я виноват буду. (*Исчезает.*)

Варя. Сейчас! Спасибо, Вано. Вы после спектакля сюда за мной зайдете, да? (*Выходит.*)

Гулиашвили. Почему грустная?

Севастьянов. Вот взяла меня за портупею. Вспомнила, где он сейчас, говорит... А я, что я ей скажу?

Гулиашвили. Что ей скажешь? Надо сказать ей, дорогой, что он сейчас сидит где-нибудь, не спит, ее вспоминает, улыбается...

Севастьянов. Да, но...

Гулиашвили. Что но? Он не улыбается, да? Мы с тобой не думаем, что он сейчас улыбается? Мы не думаем, а она пусть думает! Что ты думаешь, дорогой? Такой веселый человек Гулиашвили — ему только бы за стол сесть, бокал поднять? А я сейчас сто верст хочу пешком итти, чтоб один был, чтоб снег сильный, чтоб о Сереже не думать. (Пауза.) Я тебе велел розовый мускат купить?

Севастьянов. Я белый купил.

Гулиашвили. Как — белый! Она розовый любит, она белый не любит.

Севастьянов. Ну, пустяк, все равно.

Гулиашвили. Нет, дорогой, пустяк, но не все равно. Такой пустяк. Сережа здесь был бы, не забыл бы такой пустяк. (Пауза.) Один пустяк заметит, другой пустяк заметит, что его рядом нет — заметит. Нельзя, чтоб замечала. (Пауза.) А друзья что такое, знаешь? Во Владивостоке на плечо посадил, сюда пешком принес. (Пауза.) Поезжай, дорогой, где хочешь достань!

Севастьянов. Да где же? Поздно уже.

Гулиашвили. Где хочешь. Пошли, дорогой!

Оба уходят.

Полина Францевна (входя). Варвара Андреевна! (Садится в выжидательной позе.)

Варя (входя). Здравствуйте, Полина Францевна!

Полина Францевна. Вы меня растрогали сегодня. Вы играли с такой грустью, с такой тревогой, что я вспомнила свои молодые годы.

Варя. Правда? Я очень старалась сегодня. (*Оглядывается.*) А где же Вано, где Севастьяныч?

Полина Францевна. Я их встретила. Они сказали, что скоро будут. Они очень хорошие. Они так хлопочут о вас, как будто ваш Сережа уехал бог знает куда, на войну.

Варя. Да, они очень хорошие.

Полина Францевна. Он все еще на этих танковых курсах в Бобруйске?

Варя. Да.

Полина Францевна. Вы мне говорили, что он там на три месяца, а уже восьмой.

Варя. Да, он писал, что задерживается.

Полина Францевна. Скучаете?

Варя. Да, очень.

Полина Францевна. Ну, ничего. Наверно, эти курсы скоро кончатся, и он приедет.

Варя (*рассеянно*). Да, наверно.

Полина Францевна. Он у вас очень хороший, очень-очень. Я еще давно, когда только начала учить его французскому языку, подумала, что женщина, которая выйдет за него замуж, будет очень счастливой женщиной.

Варя вдруг лицом судорожно прижимается к ее груди.

Ну, что с вами такое?

Варя. Нет, ничего. Так, просто устала, наволновалась.

Полина Францевна. Да, у вас сегодня была очень волнительная роль. Я сама сидела и волновалась.

Варя. Полина Францевна, душенька, слышите, уже первый звонок, опоздаете, бегите. А после спектакля поедем вместе к Вано, они хотят там мой день рождения праздновать.

Полина Францевна. А я-то вам зачем?

Варя. Нет, обязательно, я без вас не поеду. Вы такая спокойная. Когда я бываю с вами рядом, мне тоже кажется, что все хорошо... (пауза) там, на курсах в Бобруйске.

Полина Францевна. Ну, конечно же хорошо. Смешная вы девочка. (*Выходит*.)

Варя одна, беспокойно прохаживается. Входит Васнецов.

Варя. Наконец-то, Алексей Петрович. Я так вас ждала.

Васнецов. Вы прислали мне записку, чтоб я непременно зашел.

Варя. Да. Простите. Я знала, что вы на спектакле... Алексей Петрович!

Васнецов. Да, я вас слушаю.

Варя. Я уже не та девочка, которая приехала сюда полгода назад. Вы мне все можете сказать. Там, где он сейчас, — там очень опасно, да?

Васнецов (*внимательно поглядев на нее*). Да, быть может.

Варя. Уже семь месяцев. Но я сначала хоть получала письма. Правда, в них ничего не было: ни что, ни где, ни как. Но он писал, что жив, здоров. А это ведь самое главное. (*Пауза*.) Нет, я не буду вас спрашивать, Алексей Петрович. Я знаю, об этом нельзя спрашивать.

Васнецов. Нет, почему же. То, что я смогу сказать, я скажу.

Варя. Что с ним? Уже три месяца ни одного звука. Что случилось? Если вы знаете, лучше расскажите мне сейчас. Если он не вернется — этого ведь от меня никто не скроет.

Васнецов. Далеко. Письма долго идут.

Варя. Но ведь раньше доходили.

Васнецов. Вы можете мне верить или не верить, но для вас будет лучше, если вы поверите моему чутью старого солдата. Я знаю Сергея Ильича не первый год, и мне всегда казалось, что он родился в сорочке. Такие, как он, проходят огонь и медные трубы. И ничего, выживают. Про меня в молодости тоже так говорили. А вот жив. Сорок восемь. Все будет хорошо. Жена солдата в это верить должна. Без этого вам жить нельзя, понимаете?

Варя. Понимаю. Я очень хочу вам поверить, Алексей Петрович. Очень хочу. (*Пауза*.) Вам нравится, как я сегодня играю?

Васнецов. Да, очень.

Варя. Это хорошо. Я очень хочу хорошо играть. Особенно сейчас, когда он там. Мне тогда легче. Все время тут что-то делать, работать, много-много играть. Мне тогда кажется, что он каждый спектакль сидит передо мною в первом ряду партера. Мне кажется..

Гулиашвили (*входя*). Добрый вечер, товарищ полковник! Варя, совсем забыл, с дороги вернулся, эта ста-рушка, она твою маму играет, она, кажется, мяса не кушает?

Варя. Да, у нее катар. А что?

Гулиашвили. Как — что? Надо ей что-нибудь диетическое сделать (*Пауза.*) Товарищ полковник, день рождения (*показывает глазами на Варю*). Приехали бы?

Васнецов. Поздравляю. Простите, не знал. Боюсь, что не смогу. А поздно засидитесь?

Гулиашвили. Непременно.

Васнецов. Ну, если Варвара Андреевна со мной тур-вальса согласится пройтись, то к концу подъеду.

Варя. Конечно, Алексей Петрович.

Звонки.

До свидания, мне на сцену. (*Выбегает.*)

Гулиашвили. Никаких известий, товарищ полков-ник?

Васнецов отрицательно качает головой.

ЗАНАВЕС

Действие третье

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Через два с лишним года. 1939 год, лето. Обстановка первой картины. Гулиашвили, Женя, Аркадий, Анна Иванова. За роялем Севастьянов. Анна Ивановна поет гусарский романс.

Анна Ивановна.

О бедном гусаре замолвите слово,
Ваш муж не пускает меня на постой,
Но женское сердце нежнее мужского,
И, может быть, скажитесь вы надо мной.
Я в доме у вас не нарушу покоя,
Смирнее меня не найти средь полка,
И если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка?

Варя (появляясь из внутренних дверей). Тетя, кофе готов!

Анна Ивановна. Цикория положила?

Варя. Ну, конечно. Идемте, идемте.

Все проходят во внутренние комнаты. Звонит телефон. Женя и Аркадий задерживаются.

Женя (в телефон). Профессора Бурмина? Сейчас.

Аркадий (в телефон). Да, конечно, только так. Гипс. Да, неподвижную повязку и груз. Да, завтра заеду сам. (Вешает трубку.) Пойдемте, Женечка.

Женя (садясь на диван). Нет.

Аркадий. Почему?

Женя. Не хочу.

Аркадий. Неудобно все-таки, друзей провожаем. Я, как-никак, хозяин. Пойдемте, неудобно.

Женя. Неудобно? А уже целую неделю обещать поговорить со мной и молчать — это удобно? Сядьте!

Аркадий (*садясь*). Ну?

Женя. Вы обещали объяснить, почему вы не хотите отпустить меня из клиники.

Аркадий. Для вашей же пользы, Женечка, честное слово. Вы были на практике три года, да?

Женя. Да.

Аркадий. Зачем же, только что приехав, опять уезжать? У вас здесь научная работа. Чем вам плохо?

Женя. Плохо.

Аркадий. Почему?

Женя. Плохо, я не могу так больше, потому что... Не могу, я хочу уехать.

Аркадий. К вам здесь все прекрасно относятся.

Женя. Все?.. Нет, я уеду.

Аркадий. Вы просто капризничаете. Скажите лучше прямо, что у директора клиники скверный характер, что вам не нравится его нос...

Женя (*вставая*). Если бы вы хоть раз попробовали поговорить со мной серьезно...

Аркадий. Когда шутишь, веселей жить, Женечка. Я не хочу, чтоб вы слушали мои скучные рассуждения.

Женя. А я хочу! Я хочу... Ничего я от вас не хочу!
(Хлопнув дверью, выходит во внутренние комнаты.)

Аркадий (после паузы подсаживается к роялю, барабаня одним пальцем, напевает).

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То ревностью, то робостью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Сафонов (появляясь в дверях). Тут товарищ командир велел ждать с такси. Так я предупреждаю: счетчик включеный.

Аркадий (рассеянно). Ну, так выключите.

Сафонов. Что значит — выключить?

Аркадий. Ну, так включите.

Сафонов. Что значит — включить?

Аркадий. Ну, что же вы хотите?

Сафонов. Вы ему скажите, что счетчик.

Аркадий. Хорошо, скажу.

Сафонов выходит.

Гулиашвили (выходя из внутренних дверей). Почекушишь, дорогой? Нехорошо, пойдем.

Аркадий. Что, Женя прислала?

Гулиашвили. Ты не сердись. Она мне тихо, на ухо.

Аркадий. Сейчас. Сядь, посидим немножко.

Гулиашвили. Не могу, дорогой. Нельзя сидеть. Всю жизнь просидеть можно. Пойдем. Красивая девушка зовет. Нельзя не итти. Смелым надо быть!

Аркадий. Ты все забываешь, что я не военный.

Гулиашвили. Когда за счастье воевать — все военным должны быть, дорогой. Ты меня слушай. Я плохих советов не даю.

Аркадий. Но зато ты даешь так много хороших, что жизни не хватит все их выполнить. Машину водить я, по-твоему, должен, ходить на футбол — должен. С тех пор, как все вы здесь, я только и слышу, что я всегда что-нибудь должен. У тебя слишком кипучая энергия, Вано. А я тихий штатский человек. Дай мне отпуск, а?

Гулиашвили. Хорошо, дорогой, вот уедем...

Аркадий. И верно, вы ведь завтра... Да... война такая вещь, даже до послезавтра остаться не попросишь...

Гулиашвили. Какая война, дорогой?

Аркадий. Ну, не знаю. Когда я читаю в газете, что у озера Буйр-Нур мы вчера сбили тридцать семь самолетов, то мне, извини, все-таки кажется, что это война. Вы едете по Казанской дороге. Иркутск, Улан-Удэ, Чита, и вообще я немного знаю географию. Ведь география — это не военная тайна?

Гулиашвили. Безусловно. Пойдем — последний тост за географию.

Из-за двери слышен голос Анны Ивановны, поющей сердцешибательный романс.

Слышишь, все веселятся, Анна Ивановна опять романсы поет. Пойдем.

За окном гудок машины.

Ой! Совсем забыл, дорогой, меня же нетерпеливо ждет любимая девушка.

Аркадий. Все это время?

Гулиашвили. Да, дорогой. Я боюсь, что она уже потеряла терпение. Сказал, задержусь на минуту, а сижу уже целый час.

Сафонов (*входя*). Товарищ командир, я уже потерял терпение. Таксомотор не может больше ждать. Сказали, на минуту, а сидите уже целый час.

Аркадий. Твоя любимая девушка?

Гулиашвили. А чем плоха? Нет, шучу! Правда, очень тороплюсь на свидание, Аркаша. (*Сафонову*.) Сейчас, дорогой. Сам за руль сяду, тебя в пассажиры возьму. За одну секунду доедем.

Сафонов мрачно молчит.

Что делать, дорогой, когда кругом друзья, все забываю. (*Идет к внутренним дверям, останавливается*.) Нет, не буду прощаться. Гости такие люди: один уходит — все уходят. До свидания, дорогой.

Аркадий. До завтра.

Сафонов. Товарищ командир...

Гулиашвили. Иду, дорогой, иду...

Из внутренних дверей выходит Сергей. У него наполовину седая голова, петлицы майора, на гимнастерке два ордена, в руках две чашки с кофе.

Сергей. Что же, вам сюда прикажете подавать? Ты куда?

Гулиашвили. Очень спешу, дорогой, в штабе увидимся. Таксомотор (*показывая на Сафонова*) не может больше ждать. Видишь, какой нетерпеливый у меня таксомотор. (*Выходит вместе с Сафоновым.*)

Сергей. Ну, а ты что тут сидишь? Заболел?

Аркадий. Хуже.

Сергей. Заскучал?

Аркадий. Да...

Молчание.

Не знаю, как потом будет, Сережа, а пока на свете на девять складных людей непременно попадется один нескладный, то есть не то что вообще нескладный, я не жалуюсь, — мне вон вчера из Австралии письмо прислали, по моему методу операцию сделали — благодари. Нет, это все хорошо, а вот... Как ты думаешь, если вот семь лет дружишь с человеком, а потом вдруг признаешься ему в любви, — он ведь рассердится, скажет, что же ты все семь лет думал?

Сергей. Да, непременно рассердится. Боже мой, как ты все-таки глуп, неслыханно глуп. (*Передразнивая.*) «Женечка, как по-вашему, жениться мне или не жениться? Женечка, почему меня не любят женщины?» А она не знает, почему тебя не любят женщины, понял? Не знает и знать не хочет.

Аркадий. Почему?

Сергей. Потому что она сама женщина и сама тебя любит. (*Пауза.*) Нет, я чувствую, что без моего вмешательства тут не обойдется.

Аркадий. Ради бога, не вздумай сказать ей.

Сергей. Непременно скажу. (*Хлопнув его по плечу.*) Ничего, старик, надейся на меня. Завтра же зайдусь устройством твоей свадьбы.

Аркадий. Завтра?

Сергей. Ну, не завтра, когда вернусь.

Аркадий. Когда вернешься... Знаешь, что? Вот я смотрю сейчас на твое довольное лицо и думаю: будет ли когда-нибудь такое время, когда тебе больше захочется сидеть дома, чем ехать?

Сергей. Нет, не будет. Я люблю, когда меня посылают. Ей-богу, Аркаша. Мы часто забываем, какое это счастье — каждый день знать, что ты нужен стране, ездить по ее командировкам, предъявлять ее мандаты. Я еще мальчишкой поехал первый раз от пионерской организации, потом меня посыпал райком комсомола, потом райком партии, потом мне выдавали предписания со звездами на печатях: «Для выполнения возложенных на него особых заданий». Но мне почему-то всегда хотелось, чтобы там писали немного иначе: «Для выполнения возложенных на него особых надежд». Это еще лучше, верно?

Аркадий. Верно-то верно. Но война, война — это все-таки тяжело и опасно. Я слышал, что там иногда убивают.

Сергей. Да, но знаешь, Аркашка, «тяжело, опасно» — это мы все думаем, когда едет кто-то другой, а когда тебе самому говорят — поезжай, ты нужен, — ты уже ничего не думаешь, кроме того, что ты нужен. И тебе

скажут — и ты поедешь, и у тебя никаких других мыслей, кроме того, что ты нужен, не будет.

Аркадий. Не знаю. Может быть.

Из внутренних дверей выходят Варя, Женя, Анна Ивановна, Севастьянов.

Севастьянов. Нет, пора, пора. Вот если бы Анна Ивановна нам еще один гусарский романс спела, тогда бы не выдержал, остался. Как это там:

Но если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка?

Спойте еще, Анна Ивановна. Пронзает сердце, ей-богу.

Анна Ивановна. Вы льстец, Петр Семенович. Пронзает сердце... Вот когда я была кокет в труппе у Зарайской, тогда, правда, пронзала.

Варя. А где Вано?

Аркадий. Уехал.

Сергей. Севастьяныч, у тебя, наверно, записаны завтрашние дежурства на погрузке. У тебя все всегда записано. Мы с шести сорока или с семи, а?

Севастьянов. Да. Кажется, с семи. (*Перелистывая записную книжку.*) Подождите... Это верно, у меня всегда все записано, у меня тут... Варвара Андреевна, забыли мы с вами уговор, — правда, больше двух лет прошло, — но все-таки спросим его, а?

Варя. Что спросим?

Севастьянов. Спросим его, что он делал пятого февраля тысяча девятьсот тридцать седьмого года в двадцать один пятьдесят?

Варя. Да, верно, что ты делал в это время?

Сергей. Почему именно в это время?

Варя. Мы как раз в эту минуту о тебе вспоминали и решили спросить, когда ты вернешься.

Сергей. Пятого февраля, пятого февраля... В твой день рождения?

Варя. Да, помните, Севастьяныч, я тогда играла спектакль. Было холодно, метель. Вы мне принесли веточки... Ну, что же ты делал пятого февраля вечером?

Сергей. Пятого февраля вечером... я занимался французским языком. Впрочем, что я тогда делал, это не так уж важно, а вот что тогда делал один мой очень хороший знакомый, я, пожалуй, могу рассказать.

Анна Ивановна. Ну, что же делал ваш очень хороший знакомый?

Сергей. У него, как и у меня, — не правда ли, какое странное совпадение? — был тогда тоже день рождения жены. Но ему не повезло. Как раз в то время, когда я занимался французским языком, он попал в плен. Вы говорите — в десять? Ну, да, примерно в это время его повели на расстрел.

Анна Ивановна. Кошмар!

Сергей. Совершенно верно, Анна Ивановна, кошмар. Но когда моего знакомого повели на расстрел, он вдруг услышал очень далекий, но очень знакомый звук, ему показалось, что это танки. В это время в стену дома около них ударил снаряд — раз! И еще — два. Он вырвал винтовку у одного, ударил ею другого. Кругом рвались

снаряды, так что им было не до него. Он побежал на встречу танкам. Говорят, в тот вечер он поставил мировой рекорд в беге на один километр по пересеченной местности. Ну, вот и все, что делал мой очень хороший знакомый пятого февраля вечером.

С е в а с т ѿ н о в . Молодец твой хороший знакомый. Однако мне окончательно пора. Жаль, что вы, Анна Ивановна именно здесь живете, а то проводил бы вас, честное слово!

А н н а И в а н о в н а . Да, очень жаль, Петр Семеныч, очень жаль, что вы не встретились на моем жизненном пути лет сорок тому назад. Впрочем, вас тогда еще не было на свете.

Севастьянов выходит.

Варенька, помогла бы мне со стола убрать.

В а р я . Сейчас. (*Уходит с Анной Ивановной во внутренние комнаты.*)

Ж е н я . Я тоже, пожалуй, пойду.

С е р г е й . Куда так рано?

Ж е н я . Завтра еще увидимся. И прощаться будем. До свидания, Аркадий Андреевич.

А р к а д и й . Я провожу вас, Женечка.

Ж е н я . Что с вами, Аркадий Андреевич? Откуда вдруг такая галантность? Не надо, она вам не идет. А потом, я боюсь, вы по рассеянности поведете меня куда-нибудь не в ту сторону или совсем потеряете. До свидания, Сергей Ильич. (*Выходит.*)

С е р г е й . До свидания!

Аркадий (после паузы). Видал?

Сергей. Видал. Ну, что видал? Что видал? Беги скорее за ней!

Аркадий. Как?

Сергей. Очень просто. (Хватает со стола сумочку.) Скажи, сумочку забыла.

Аркадий (выбегает и тотчас возвращается). Да это же Варина!

Сергей. Неважно, скажешь, спутал. Беги!

Аркадий, взяв сумочку, выходит. Некоторое время Сергей один. Входит Варя.

Варя. А где Аркаша?

Сергей. Послал его Женю догонять. Нет, не решится. Пройдет пять шагов и вернется. Нет в нем этой решительности. (Улыбнувшись и обняв ее.) Не то что во мне, да?

Варя. Да. А знаешь, вот ты завтра уезжаешь, а мне все равно не хочется думать об этом... Знаешь, о чем я сейчас думаю?

Сергей. О чем?

Варя. Как мы с тобой первого сентября в отпуск поедем на Кавказ, по Военно-Грузинской дороге. Утром будем просыпаться, а кругом горы. И где-то далеко Казбек, в снегу. И все время вместе. Хорошо, да?

Сергей. Красота!

Варя. Первого сентября сядем в поезд. На Кавказ он ведь утром отходит?

Сергей. В одиннадцать.

Варя. И мне не нужно будет тебя провожать, махать платком. Я сама сяду и поеду. А платками пусть нам машут другие. Пусть. Не все же мне.

Сергей. Я, наверно, сейчас уеду не очень надолго...

Варя. Не надо, Сережа. Ты же сам не знаешь, на сколько. Не смей меня утешать — рассержусь.

Сергей. Ладно.

Варя. Я тебя люблю за то, что ты такой, я бы другого не любила. Да, ждать, ждать, пускай ждать, но зато, когда мы вместе... Да, я люблю эту жизнь, она и есть самая настоящая. А другой никакой не хочу... Слышишь? И не смей меня утешать. (Пауза.) Тебе надо было итти?

Сергей. Да, я в округ, ненадолго.

Варя. Я еще посижу у Аркашки, а потом поеду домой.

Сергей. Я позвоню.

Варя. Хорошо. Ну, иди же, скорей, а то опоздаешь.

Сергей, обняв ее, быстро выходит. Сталкивается в дверях с Аркадием.

Аркаша!

Аркадий. Что?

Варя (*обняв Аркадия, сквозь слезы*). Все неправда, все неправда, не хочу, чтоб уезжал. Каждый день хочу его видеть, каждый день, каждый день, чтоб всегда со мной...

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Очень низкая большая землянка — командный пункт танкового батальона. Ниши, ведущие в ходы сообщений. Замаскированная щель в стене. Низкий деревянный стол. У стен земляные выступы, заменяющие скамейки. В углу у полевого телефона телефонист. Гулиашвили наблюдает за боем в перископ. У него забинтованы кисти обеих рук. Заглушенная землей, все время издали слышится артиллерийская канонада.

Гулиашвили (*отрываясь от перископа*). Почему не идут, ты мне скажи, почему танки не идут? Сколько времени, как от майора сведений нет?

Телефонист. Час.

Гулиашвили. Где майор, ты скажи, дорогой, где майор?

Телефонист (*показывая рукой вперед*). Там, наверно, где же ему быть.

Гулиашвили. Я не вижу, что он там, там танки вперед не идут, там его нет. (*Смотрит в перископ.*) Пошли! Пошли, дорогой, пошли. Куда ты пошел? В солончак попадешь, завязнешь! Налево иди, налево. Газу дай, еще газу! Правильно, дорогой! (*Телефонисту.*) Мурманск соедини.

Телефонист. Мурманск, Мурманск, говорит Орел, Орел, говорит Орел! Семьдесят седьмой, Мурманск, мне дай. Не отвечает? Связь порвана, товарищ капитан.

По ходу сообщения входят Васнецов в форме комбрига и несколько штабных командиров, связисты вслед за ними несут телефоны и тянут провод.

Гулиашвили (*рапортую*). Начальник штаба первого батальона капитан Гулиашвили. Батальон выполняет ваше задание.

Васнецов. Где майор?

Гулиашвили. Лично повел в атаку третью роту, вместо убитого капитана Горбаченко.

Васнецов. Так. (*Смотрит в перископ.*) Хорошо. (*Отрываясь от перископа.*) Здесь будет мой командный пункт. Телефоны! Быстро! (*Садится за стол и, стянув кожаный шлем, вытирает лицо.*) Чаю! Все отдам за кружку чаю.

Дневальный подает ему жестянную кружку с чаем и галеты.

Телефонист. Командующий у телефона.

Васнецов (*беря трубку*). Да, Мурманск слушает. Да, прервана была. Командный пункт менял. Да, поближе. Взята Зеленая сопка. Песчаную? Скоро возьмем. Первый батальон атакует. Майор Луконин. Да, лично. Есть, сообщу.

Танкист (*входя*). Товарищ капитан! (*Замечая комбрига.*) Товарищ комбриг, майор приказал сообщить: высота Песчаная взята, пехота закрепляется, танки выходят из боя.

Васнецов. Хорошо. Можете идти. (*Телефонисту.*) Соедините с Севастополем.

В блиндаж входят Сафонов и танкист, держа под руки бесчувственного Сергея. Сажают его на лавку, стаскивают шлем и расстегивают на груди кожанку. У Сергея совершенно черное, прокопченное лицо и руки.

(*Вставая.*) Что случилось?

Сафонов. Ничего, товарищ комбриг, обморок. Товарищ майор три часа из танка не вылезал. Ему с самого начала снаряд попал — пушку и пулемет разбил. Так

он просто гусеницами их все время давил. Вот, вывел танк, на воздух вышел и...

Васнецов. Ранений нет?

Сафонов. Нет, товарищ комбриг.

Васнецов. Ну и хорошо. Повыше голову положите, как следует.

Телефонист. Севастополь у телефона.

Васнецов (*в телефон*). Песчаная сопка взята, товарищ командующий.

Сафонов (*обращаясь к Гулиашвили*). Здорово он их покрошил. Семь грузовиков раздраконил. Одну штабную машину легковую догнал — прямо через нее: граммофонную пластинку из нее сделал. Неважная скорость у их машин!

Сергей (*заметив комбрига, пошатнувшись, встает*). Товарищ комбриг, задача выполнена. Песчаная сопка взята. Разрешите сесть?

Васнецов. Садитесь. Чаю ему налейте! Хотите чаю? Русским людям чай всегда помогает. Пейте.

В землянку двое красноармейцев вводят третьего, молодого парня без каски, с рыжими волосами — мы с трудом можем в нем узнать выросшего за семь лет Петью. Он без оружия, его винтовку держит один из красноармейцев.

В чем дело?

Красноармеец. Из автобата, товарищ комбриг, послали команду на поддержку пехоте. Все в атаку пошли, а он лег за бугор и остался.

Васнецов. Так... (*Его прерывает телефон. В телефон.*) Да, я — Мурманск. Перенесите огонь на рубеж, южней высоты Песчаной. Скорей!

Сергей внимательно смотрит на Петьюку. Судя по выражению их лиц, оба узнали друг друга.

Сергей. Товарищ комбриг, разрешите, я с ним займусь.

Васнецов, не отрываясь от телефона, кивает.

(*С трудом поднявшись, отводит Петьюку в угол.*) Ты что же, сукин сын? Ты знаешь, что с тобой теперь надо сделать?

Петьяка. Испугался.

Сергей. Я знаю, что ты испугался. Я спрашиваю, что теперь с тобой надо сделать, знаешь?

Петьяка (*почти шепотом*). Знаю — расстрелять.

Сергей. Эх, ты, волжанин! Из оружейной слободы. Не было там таких трусов. До тебя не было и после тебя не будет. (*Пауза.*) И ты не будешь.

Петьяка (*механически*). Испугался.

Сергей. Отдайте ему винтовку.

Петьяка растерянно принимает винтовку.

Отведите его к капитану Синицыну, скажите, что я приказал ему дать флаг, и пусть первым пойдет в атаку и воткнет флаг на высоте. Повторите приказание.

Красноармеец. Отвести к капитану и сказать, что вы приказали дать флаг и чтоб воткнул на высоте.

Сергей (*тихо Петьке*). Иди. И если убьют, то умрешь, как человек. А если останешься жить, то будешь жить, как человек. Понял?

Петьяк. Понял.

Сергей. Идите, выполняйте приказание.

Красноармеец и Петьяк уходят.

(*Опять устало опускается на лавку.*) Пороховые газы, вот черт, прямо голова раскалывается. Сафонов, полей воды.

Сафонов из фляжки льет ему на голову воду.

Васнецов (*в телефон*). Кто прорвался? Спокойней! Медленней говорите — тогда я быстрей пойму. Противник прорвался? А вы где были? Резерв бросьте! Бросили? Хорошо. Дам все, что есть. (*Бросает трубку.*) Полуэктов!

Командир. Я, товарищ комбриг.

Васнецов. Надо срочно что-нибудь бросить на помощь Филатову. Комендантскую команду собрать. Шоферов с машин снять — дать гранаты и патроны, писарям тоже. В роте связи свободные есть?

Командир. Семь человек.

Васнецов. Тоже дать гранаты и патроны. Отправляйтесь, собираяте. Сводную роту поведет... (*Медленно оглядывает присутствующих.*)

Сергей (*вставая*). Я, товарищ комбриг.

Васнецов, словно не слыша, еще раз оглядывает всех.

Я, товарищ комбриг.

Васнцов. Сводную роту поведет майор Луконин. Левей Филатова к Песчаной прорвался батальон противника. Задержать во что бы то ни стало. Поняли?

Сергей. Понял.

Васнцов. Выполняйте!

Сергей. Есть. (*Идет к двери.*)

Его задерживает Сафонов.

Сафонов. Товарищ майор, разрешите с вами?

Сергей. Гранаты есть?

Сафонов (*с силой хлопая себя по набитым карманам*). А то как же, товарищ майор!

Сергей (*слегка вздрогнув от этого жеста*). Тише ты. Взорваться захотел?

Выходят.

Васнцов. Так. (*Дневальному.*) Еще чаю. (*Телефонисту.*) Соедините с Филатовым. (*Гулиашвили.*) Вы слышали, что Луконин этому трусу сказал, которого приводили?

Гулиашвили. Сказал, чтобы винтовку ему отдали, сказал, пусть первым флаг на сопку воткнет.

Васнцов. Ну, и как полагаете, воткнет?

Гулиашвили. Думаю, товарищ комбриг, что...

Телефонист. Филатов у телефона.

Васнцов. Майора Луконина вам послал. Сейчас будет. Уже? Как уже? Ну, хорошо, вместе жмите. (*Бросил*

трубку.) На грузовик посадил, и в две минуты... Что видно?

Гулиашвили. Левей Песчаной еще одну батарею выдвинули.

Васнецов (*командиру*). Мой танк здесь?

Командир. Здесь, товарищ комбриг.

Васнецов. А еще сколько здесь?

Командир. Еще три.

Васнецов. Приготовьте. И мой приготовьте. Живей!

Гулиашвили. Товарищ комбриг, разрешите мне туда, к Луконину?

Васнецов. Что?

Гулиашвили. Товарищ комбриг, я говорю...

Васнецов. А вы не говорите. Я вам сам все скажу, когда будет нужно. (*Пауза.*) Ну, как ожоги-то, зажили?

Гулиашвили. Заживают.

Васнецов. Неделя прошла, а кажется... Сколько вы тогда в танке-то просидели?

Гулиашвили. Двадцать шесть часов.

Васнецов. Да, не думал я вас тогда живым встретить, а вот видите — заживают. Ну, что там?

Гулиашвили смотрит в перископ. В землянку вбегает связной-мотоциклист; он в кожанке, без шлема, голова завязана окровавленным бинтом.

М о т о ц и к л и с т (*задыхаясь*). Товарищ комбриг! Песчаная сопка.. Еще держится... Противник идет в контр-атаку. Во время штыковой атаки майор Луконин убит.

В а с н е ц о в (*встает, опершись руками на стол, говорит очень громко, почти кричит*). Кто вам сказал, что майор Луконин убит? Вы что, сами видели?

М о т о ц и к л и с т. Нет, я не видел, но мне сказали, все видели...

В а с н е ц о в. Неправду вам сказали. Майор Луконин не убит. Майор Луконин только ранен. Вы слышали?

М о т о ц и к л и с т. Да, товарищ комбриг.

В а с н е ц о в. Вместо раненого майора Луконина команду над сводной ротой примет капитан Гулиашвили. Отправляйтесь.

Г у л и а ш в и л и. Товарищ комбриг! (*Выходит*)

В а с н е ц о в (*одному из командиров*). Пусть водитель заводит мой танк. Быстро! (*Надевая шлем, на секунду останавливается, говорит тихо, ни к кому не обращаясь*). Убит... а?

ЗАНАВЕС

Действие четвертое

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Спустя месяц. Степь. Задняя стена госпитальной палатки — на самом краю полевого госпиталя. У палатки сидит Сергей и строгает палку. На одной ноге у него сапог, на другой носок и тапочка. Сергей скучным голосом напевает что-то под нос, видимо, уже в сотый раз одно и то же.

Сафонов (входя). Здравствуйте, товарищ майор!

Сергей. Здравствуйте, Сафонов. Как вы сюда попали?

Сафонов. Нелегально, товарищ майор. Капитан Гулиашвили вас проводать послал. «Съезди, — говорит, — Сафонов, проведай».

Сергей. Нет, неправда, не так он сказал. Он, наверно, сказал (*подражая Гулиашвили*): «Почему, дорогой, мы здесь, а он там? Поезжай, дорогой, посмотри, дорогой, как он там живет, передай тысячу поцелуев». Ведь так он сказал?

Сафонов. Точно, товарищ майор.

Сергей. Ну, как там у вас в батальоне? Где стоите?

Сафонов. За Байн-Цаганом, у левой переправы.

Сергей. Значит, на отдыхе.

Сафонов. Точно, товарищ майор.

Сергей. Слышал я: седьмого и восьмого тяжелый бой у вас был.

Сафонов. Да. Теперь Петренко командир первой роты.

Сергей. А Стасов?

Сафонов. Убили восьмого.

Сергей. Может, ранен только. Меня вон ведь тоже похоронили.

Сафонов. Сам видел. Как вы, тоже вылез из танка, пехоту стал поднимать и прямо в грудь, на месте.

Сергей. Да, Сафонов, так близко я от смерти побывал, что теперь, кажется, вовсе никогда не умру.

Сафонов. А как себя чувствуете, товарищ майор?

Сергей (*пробуя плечо*). Плечо ничего. Грудь тоже ничего, а вот нога. На одной ножке к вам не прискакешь. (*Пауза.*) Все мне было некогда вас спросить, Сафонов, у меня память на лица. Я ведь вас где-то раньше до фронта видел.

Сафонов. Видели, товарищ майор. У вас вроде именин было, а я к вам с такси приходил за капитаном Гулиашвили.

Сергей. Верно, помню.

Сафонов. А вот капитан вид делает, что не помнит: он на меня сердитый, что ему тогда баранку покрутить не дал. А мне нельзя было давать, нас за это милиция греет. Вы ему разъясните, что я не мог. Хорошо?

Сергей (*улыбнувшись*). Хорошо, разъясню. Ну, как тут после такси?

Сафонов. Прекрасно, товарищ майор. Никаких правил уличного движения, ни тебе красного цвета, ни стоп, ни правых поворотов. Красота. Правда, стреляют иногда. Но я этот звук так расцениваю, как будто просто баллон спустил.

Сергей. Да, Сафонов. Попадешь на фронт — и столько знакомых лиц встречаешь, что даже сам удивляешься. А впрочем, что и удивляться. Вместе работали — вместе воюем. Все правильно. (*Пауза.*) Так что ж, просто справиться обо мне приехали?

Сафонов. Да, скучают без вас в батальоне.

Сергей. Скучают... (*Пауза.*) Так и сказали, значит: спроворься, как жив-здоров. А не говорили тебе (*опять*

подражая Гулиашвили): если ногами шевелит, посади в машину, привези сюда, а?

Сафонов. А не выдадите, товарищ майор?

Сергей. Не выдам.

Сафонов. Говорили. Если, мол, здоров, то намекни, а если болен, ни звука. Я считал, поскольку вы больной...

Сергей. Тоже мне доктор нашелся... А то мне их не хватало. Они у меня, знаешь, где сидят, доктора? Вот здесь. Я бы уже давно отсюда удрал, да тут главный врач — суровая личность. Зверь просто. Слова ему не скажи! (Пауза.) Ну, ладно. Уеду я сегодня отсюда, поняли?

Сафонов. Есть, товарищ майор.

Сергей. Сейчас вечерний обход будет. А через часочка полтора подъедете потихоньку — и поедем. Только поближе подъезжайте, а то ходить-то я еще не очень.

Сафонов. Можно, товарищ майор. Впритирочку машинку подадим. (Улыбнувшись.) Как счетчик-то: выключать, или если быстро, то можно не выключать?

Сергей. Быстро, быстро, можете не выключать.

Аркадий (входя в белом халате поверх военной формы, с полотенцем в руках, подозрительно смотрит на Сафонова). Вы откуда? Почему без разрешения на территорию госпиталя?

Сергей. Товарищ военврач, это ко мне из части навестить приехали.

Аркадий. Навестить? (Смотрит вдаль.) А машина ваша?

Сафонов. Моя, товарищ военврач.

Аркадий. Итак, вы, значит, навестили?

Сафонов. Да, товарищ военврач.

Аркадий. Ну, навестили — и поезжайте. Товарища майора волнуют визиты, особенно если с визитом приезжают на машине. Поезжайте.

Сафонов (*подмигивает*). До свидания, товарищ майор.

Сергей (*тоже подмигивая*). До свидания. Передайте: как выпишут, так приеду.

Сафонов уходит.

Аркадий. Какая-то подозрительная покорность — выпишут, приеду.

Сергей. Конечно, покорность, — ты же теперь начальство. И притом — суровое. За что на шоfera набросился?

Аркадий. Знаем мы эти визиты. Сначала навестили, а потом увезли. Предупреждаю: если попробуешь — доню, свяжу и обратно на месяц. Ну, как себя чувствуешь?

Сергей. Выписал бы, а?

Аркадий. Отстань.

Сергей. Я знаю, почему ты не хочешь: тебе просто приятно иметь под рукой родственника.

Аркадий. Товарищ майор...

Сергей. Да, товарищ военврач. (*Пауза*.) А помнишь, Аркашка, Саратов... Тишина... Клиника... Странно, да?

Аркадий (присаживаясь). Да как тебе сказать. Иногда еще странно... Хотя, впрочем, госпиталь — это еще не война. Сто верст от фронта. Я еще ни одного выстрела не слышал. Вот, война кончится, тогда, я надеюсь, нас, врачей, на автобусе вдоль фронта повезут в экскурсию. Вот здесь, скажут, все это происходило, отсюда к вам везли тех, которых вы потом чинили, лечили, зашивали. И мы будем удивляться всему, как самые настоящие штатские люди.

Сергей. Значит, ни одного выстрела не слышал?

Аркадий. Нет.

Сергей. Ну, а бомбежки? Я, например, их, честно говоря, боюсь. А для тебя они, значит, уже не в счет?

Аркадий. Бомбежки? Да как тебе сказать? Когда первая была, у меня на очереди к операционному столу восемнадцать человек лежало, некогда было пугаться. А потом привык. Чорт его знает, пожалуй, ты прав — война меняет человека, заставляет понять, что в жизни важно, а что — мелочь.

Сергей. Верно, Аркаша. По себе могу сказать — ох, не любят люди умирать. Но если уж умирать, то хотят умирать за что-то самое важное. И на войне, когда смерть перед глазами, забываем все наши обиды, неудачи, неурядицы, все, что можно забыть, забываем. А помним только то, чего забыть нельзя. Родину свою помним. Земляков своих помним. Любовь свою помним... Вот, пожалуй, и все, что помним. Что помним, за то и умираем.

Аркадий. Да, как ни верти, хоть и делал все, что мог, а много людей у меня на руках здесь умерло. И, стран-

ное дело: другой человек у тебя на руках умирает, а ты чувствуешь, что ты жил не так, как надо. Нет, не так я жил, совсем не так. Я здесь почувствовал, что ничего в жизни откладывать нельзя. Ни любви, ни дружбы, ничего. И знаешь, что?

Сергей. Догадываюсь.

Аркадий. Да, я о Жене. Ты сто раз прав. Когда я вернусь, больше ни одного дня этой ерунды... В первый же день все скажу, и пусть решает.

Сергей. Первые умные слова, которые я слышу от тебя за пятнадцать лет знакомства.

Аркадий. Хорошо, смеяся. Я уже написал ей письмо с объяснением в любви.

Сергей. Молодец! И послал?

Аркадий. Нет, завтра пошлю. Я хотел показать тебе.

Сергей. Мне? Зачем?

Аркадий. Ну, все-таки у тебя опыт. У Варьки лежит, по крайней мере, два пуда твоих писем.

Сергей. Неужели два пуда? Хотя, за восемь лет... Но они ведь все одинаковые: «Варька! Жду! Хочу видеть! Скорей! Варька! Жду! Хочу видеть! Скорей!» Тебе от меня будет мало проку.

Аркадий. Ничего, все-таки почитай.

Сергей. Ну, ладно, давай.

Аркадий передает ему письмо.

Молодой врач (*вбегая*). Товарищ военврач!

Аркадий. Что такое?

Молодой врач. Из авиаполка приехали за вами. Там над аэродромом воздушный бой был. Ихних несколько, но и наш один — капитан. Боятся, не довезут сюда его без операции, на месте просят.

Аркадий. Машина готова?

Молодой врач. Они на своей.

Аркадий. Едем! (*Сергею.*) Я через час приеду, зайду, договорим. (*Уходит.*)

Сергей, проводив его взглядом, развертывает письмо, проглядывает его.

Сергей (*один*). Ишь ты! «Я давно люблю тебя...» Правильно, молодец!..

Издалека слышится чья-то песня. На сцене темнеет. Полная темнота. Когда снова появляется свет, в степи уже сумерки. Сергей опять в прежней позе строгает палку; палка, имевшая раньше очень неопределенный вид, сейчас приобрела почти законченную форму. Время от времени Сергей прислушивается. Входит Сафонов.

Сафонов. Что прислушиваетесь, товарищ майор? Я без гудка, тихо, с конспирацией.

Сергей. А я, Сафонов, не к вашему гудку прислушиваюсь.

Сафонов. Я думал, меня ждете. Что, раздумали?

Сергей. Нет, сейчас поедем. Я тут только дождусь, мне нужно... Вы пойдите к машине, посидите еще полчасика.

Сафонов (*пожав плечами*). Есть, товарищ майор. Только, ночь будет, растрясу я вас по кочкам.

Сергей. Ничего. Идите.

Сафонов уходит. Сергей, оставшись один, опять прислушивается. Входит врач.

Что, товарищ Антоненко, все еще не приехал Бурмин?

Врач. Нет еще. Из чего у вас палочка, товарищ майор?

Сергей. Из пропеллера.

Врач. И ехать-то ему всего десять километров... Обход надо делать... Из пропеллера, говорите?

Сергей. Да, тут недавно во время бомбежки одна их птичка в землю уткнулась — вот принесли мне кусок пропеллера. А то ведь здесь на триста верст ни одного порядочного дерева нет!

Врач (*разглядывая палку*). Ох, и терпение у вас!

Сергей. Ну, это как когда. (*Пауза.*) Что ж, Бурмина-то нет, а?

Врач. Может, начальнику по телефону звонили, пойду спрошу.

Сергей. И правда, сходили бы.

Врач уходит. Долгое молчание. Сергей рассеянно строгает палку. За сценой слышны голоса. Прислушивается. Встает.

Голос Аркадия. А я вам говорю — сюда!

Двое санитаров вносят на носилках Аркадия. Он очень бледен. Рядом с носилками идет врач.

Аркадий (*хриплым голосом*). Отстань, тебе говорю. Не хочу я под брезентом... Здесь положите.

Санитары кладут носилки.

Под голову повыше.

Ему подсовывают что-то первое попавшееся под голову.

Врач. Может, попробовать извлечь?

Аркадий. Что там извлекать! Что я, ребенок, что ли! Не знаю, когда... Сережа, скажи ему, чтоб отстал! (*Врачу.*) Будешь ковырять, а что толку? Отстань, дай три минуты пожить спокойно.

Врач. Аркадий Андреевич, может быть, все-таки...

Аркадий. Ну, жалко вам меня, ну, понимаю, но глупости-то зачем предлагать? Ведь видите сами... Сережа...

Сергей (*наклоняясь над ним*). Аркаша, как?

Аркадий. Так. Шляпы. Нашему сделал операцию, стал пленного перевязывать, так, шляпы, маузер у него взяли, а другой, маленький, в комбинезоне, не заметили. Всадил, — вот, прямо, когда нагнулся над ним. (*Замечает вопросительный взгляд Сергея, обращенный к врачу.*) Все, Сережа, все. Ты что его спрашиваешь? Ты меня спроси, я же лучше знаю. Он ординатор, а я профессор. (*Пауза.*) Везти сюда не хотели, боялись, а я велел: тебя видеть хотел. (*Пауза.*) Нагнулся над ним, а он... Пристрелили его, так и надо.

Сергей. Аркашка, ты не дури, слышишь! (*Врачу.*) Ну, что вы стоите! Сделайте же что-нибудь!

Врач за спиной Аркадия делает безнадежный жест.

Аркадий. Ничего он не может. Я только по дороге, что не доеду, боялся. А сейчас.. Почему опять голову опустили? Поднимите.

Сергей приподнимает его за плечи. Пауза.

Сторожить не буду... удерешь теперь, да? (Пауза.) Что молчишь? Знаю... удерешь... Письмо прочел?

Сергей. Прочел.

Аркадий. Изорви. Пусть не знает, а то еще хуже. Изорви, слышишь?

Сергей. Слышу.

Аркадий. Нагнулся к нему, а он... Ты их...

Долгое молчание.

(Почти шепотом.) Это хорошо, что бреда у меня нет. Повыше... Выше... (Запрокидывает голову.)

Сергей медленно опускает его на носилки. Врач и санитар снимают фуражки. Долгое молчание. Сергей, встав, рукавом грубо отирает с глаз слезы, оглядывается на врача и санитаров.

Врач. Я скажу начальнику, что родным вы напишете.

Сергей. Напишу.

Санитары поднимают носилки и молча уходят вместе с врачом.

(Механически, не замечая их ухода, повторяет.) Напишу. Напишу. А что я им напишу?

Сафонов (входя). Ну, как, был обход, товарищ майор?

Сергей (механически). Был.

Сафонов. Хирург-то вас не задержит?

Сергей. Теперь не задержит. (Смотрит себе на ноги.) Сапог у вас нет каких-нибудь?

Сафонов. Есть, только старые, разбитые, они вам просторны будут.

Сергей. Вот и хорошо. (*Поднимает палку и, прихрамывая, идет вслед за Сафоновым.*) Разобьем их, Сафонов.

Сафонов. А то как же, непременно разобьем, товарищ майор!

Сергей (*угрюмо*). Разобьем их! Чтоб и памяти от них не осталось!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Вечер следующего дня. Степь. Наполовину зарытая в землю «эмка». Накрытые брезентом и замаскированные травой танки, в сумерках похожие на холмы. С правой стороны, в глубине, палатка. За сценой женский голос поет последние слова какой-то арии. Аплодисменты. На заднем плане видны фигуры расходящихся после концерта бойцов. Входят Севастьянов и Гулиашвили.

Севастьянов. Что ж ей говорить?

Гулиашвили. То же самое, дорогой: вызвали к командующему, уехал на три дня. И коротко, и на правду похоже.

Севастьянов. Не поверит.

Гулиашвили. Хорошее известие будет — правду скажем, а пока нельзя, дорогой.

Севастьянов. Когда Сафонова послал?

Гулиашвили. Вчера в девять. Два дня. Не знаю, что и думать, дорогой. Хорошо думать — не могу. Плохо думать — не хочу.

С е в а с т ѿ н о в . Боюсь, проболтается кто-нибудь.

Г у л и а ш в и л и . Если я не проболтаюсь, никто не проболтается.

Л е й т е н а н т (*входя*). Товарищ капитан, артисты в палатке, ужинают. Какие будут приказания?

Г у л и а ш в и л и . Сейчас покушают, потом спать лягут. Утром в машину посадим, на другое место повезем. Куда им завтра?

Л е й т е н а н т . В политотдел.

Г у л и а ш в и л и . В политотдел свезем. Пойдем посмотрим, как кушают.

Направляются к выходу. Навстречу выходит В а р я .

Куда? А кушать?

В а р я . Я не хочу, я потом...

Г у л и а ш в и л и . Нельзя потом. Сейчас вернусь — уговорю.

Лейтенант и Гулиашвили уходят.

С е в а с т ѿ н о в (*сажая Варю на крыло «эмки»*). Вот и наша с Сережей штаб-квартира. Комаров всех выкупим и спим в ней ночью. Если скучно — радио заводим, там радио есть. (*Пауза.*) Хорошо вы пели. Испытал я удовольствие. И читали тоже хорошо. (*Пауза.*) Этот толстенький смешные рассказы читал, — он что, новый в труппе?

В а р я (*рассеянно*). Да. Что вы спросили?

С е в а с т ѿ н о в . Я спросил: этот толстенький — новый в труппе?

Варя. Да, новый. Комик.

Севастянов. Вы что, значит, с самолета — и прямо к нам?

Варя. Нет, мы уже утром в политотделе были, а потом у зенитчиков. У нас ведь свое расписание. Мне просто повезло, что в первый же день — сюда.

Севастянов. Очень большое наслаждение приносят бойцам такие концерты.

Варя. А мы так и подумали. Пошли в политуправление и сказали: «Ваша бригада на фронте, мы тоже туда свою бригаду пошлем». Вот и приехали. Правда, наша бригада немножко меньше вашей, всего пять человек.

Гулиашвили (*входя*). Зато какие люди!

Варя. Я, когда пела, смотрела — у вас много новых лиц, а знакомые не все. Где капитан Стасов? Я ему письмо от жены привезла.

Гулиашвили. Недавно... Нет его. Погиб.

Варя. А она посылку хотела — и опоздала. Я видела, как она по платформе бежала, когда поезд уже тронулся.

Молчание.

Вано, где Сережа?

Гулиашвили. Я же русским языком сказал тебе, что поехал в штаб с поручением.

Варя. Петр Семеныч, это правда?

Севастянов. Безусловно. Он тут безусловно, если не завтра — послезавтра будет, — сами убедитесь.

Гулиашвили. Ну, подумай сама, Варя, зачем я тебя обманывать буду? Сама увидишь, сама спросишь, — сам скажет — правдивый человек Вано! (В волнении начинает ходить, заметно прихрамывая.)

Варя. Что с тобой?

Гулиашвили. А это, когда Сережу...

Севастьянов (перебивая). В штаб с поручением послали, он тут вместо него роту в атаку водил — штыком немножко ковырнули.

Варя, подозрительно взглянув на них, хочет что-то сказать, но потом, махнув рукой, замолкает.

Ну, что вы волнуетесь, Варвара Андреевна?

Варя. А я не волнуюсь, я просто должна сегодня видеть Сережу. Непременно сегодня.

Гулиашвили. Ну, а если завтра... нет, я, конечно, понимаю...

Варя. Нет, Вано, ты не понимаешь, ничего не понимаешь. Я должна его видеть, потому что...

Гулиашвили. Что потому что? Ну, говори же, что потому что? Я так не могу!

Варя. Мы были в политотделе утром, и там... там...

Гулиашвили. Что там? Что там? Или я сейчас пойду звонить туда... что там?

Варя. Там не знали, что я... и при мне сказали, что Аркаша погиб.

Севастьянов. Как погиб! Как он мог погибнуть? Глупости там болтают!! Не верьте им!

Варя. Они сказали, что профессор Бурмин погиб при исполнении обязанностей, что надо кого-нибудь вместо него. Вместо него... Аркадия... Но ведь он... я же думала, что увижу его, а оказывается, тогда последний раз был на вокзале, а я не знала, что последний, я шутила с ним, что он смешной очень в военной форме. И над Сережей тоже шутила, что он так долго меня обнимает, что проводники боятся — увезет с собой без билета. Но его я увижу! Увижу! Да?

Севастьянов. Конечно, Варвара Андреевна, конечно, увидите.

Варя. Я попрошу и поеду туда, где он, хоть на один час. Мне разрешат?

Гулиашвили. Конечно, разрешат.

Варя. Вы не сердитесь, что я так. Я... я сейчас буду совсем в порядке. Ну, вот, уже ничего, вот видите!.. Там у вас ведь ужин, я тоже пойду ужинать. Вкусный у вас ужин, да?

Гулиашвили (*обняв ее за плечи, идет с ней к палатке*). Хороший ужин, сейчас попробуем. У меня один апельсин есть. Любишь апельсин?

Варя. Очень.

Гулиашвили. Сейчас тебя провожу, схожу — принесу.

Скрываются в палатке.

Севастьянов (*один, кричит*). Левшин!

Входит такист.

Сейчас «эмку» заправьте, поедете в полевой госпиталь, найдете Сафонова, из-под земли достанете и узнаете, что с майором. Идите.

Гулиашвили (*входя*). Что делать?

Севастьянов. Прежде всего достать апельсин, ты же за ним пришел.

Гулиашвили. Апельсин? Какой апельсин? Нету у меня никакого апельсина!!

На сцену, прихрамывая, опираясь на палку, входит Сергей.
За ним Сафонов.

Сергей. Кто тут апельсинами торгует, а?

Гулиашвили (*обнимая его*). Дорогой! Вырос, красивый стал, не узнать.

Сергей. Ты на меня смотри, чего ты в гимнастерку-то уткнулся?

Гулиашвили. Так. Ближе разглядываю. Возьми его, Севастьянов, — что он в самом деле такой красивый — плакать хочется.

Сергей молча обнимается с Севастьяновым.

Севастьянов. Что ж долго ехал?

Сергей. Растряс он меня вчера ночью, сегодня у летчиков полдня отлеживался. Потом в штаб являлся. Сафонов, похищение благополучно окончено, теперь идите выполняйте свои прямые обязанности. Машину в укрытие заведите.

Сафонов уходит.

Ну, как у вас тут, Севастьяныч?

С е в а с т ѿ н о в . Третий день отдыхаем.

С е р г е й . События какие?

С е в а с т ѿ н о в . События? Есть тут для тебя одно событие. Пойдем, капитан, пришлем ему это событие.

Вместе с Гулиашвили направляются к палатке.

С е р г е й . Куда вы?

Г у л и а ш в и л и . Сейчас, дорогой. Одну минуту.

Оба скрываются в палатке. Сергей один, смотрит в некоторой растерянности. Из палатки выходит В а р я .

В а р я (*вглядывается, бросается на шею Сергею*). А мне сказали, что тебя вызывали куда-то.

С е р г е й . Соврали. Ранили меня. В госпитале был...

В а р я . В госпитале?.. В каком? В том, где... в том, где Аркаша?

С е р г е й . Нет, не в том. Он в одном, а я в другом. Сочувственном в другом.

В а р я . В другом...

С е р г е й . А что ты, что ты так... как-то...

В а р я . Нет, я ничего.

С е р г е й (*заглядывая ей в глаза*). Все такие же. Только вот что: это ни к чему, Варька.

В а р я . А сам?

С е р г е й . Мне можно. По слабости здоровья. Я же ранен был. (*Пауза.*) Как ты попала?

Варя. Я не одна. Мы впятером от театра по всем частям поедем.

Сергей. А я вот возьму и в своей части тебя оставлю. Придется им вчетвером дальше ехать, а?

Варя. Не оставишь.

Сергей. Я бы оставил... Тридцать семь атак у меня тут было, Варька. Тридцать семь раз тебя перед этим вспоминал. Два экипажа у меня сменилось. А я, вот видишь...

Входит Сафонов.

Сафонов. Машина поставлена, товарищ майор.

Сергей (*быстро отстранив от себя Варю*). Хорошо, можете идти.

Сафонов уходит. Варя снова хочет прижаться к Сергею, но он отодвигается.

Не нужно, Варенька, не нужно.

Варя. Почему?

Сергей. Нельзя. Вот ты приехала ко мне к одному. Такое счастье! А тут у всех жены далеко. А им завтра в бой. Трудно им на нас с тобой смотреть. Нельзя. Понимаешь?

Варя. Понимаю, милый. Но мне очень трудно. Если бы ты только знал, как мне сегодня трудно.

Сергей. Если все в порядке будет, я к тебе на Хамардабу на день приеду! Вы ведь там, наверно, будете, в политотделе.

Варя. Наверно.

Сергей (*другим тоном*). Вы что там в палатке-то делали, ужинали?

Варя. Да. Мы хотели сразу ехать, но Вано сказал, чтоб поужинали и заночевали, а утром обратно.

Сергей. Утром? Неправильно он вам сказал.

Варя. Почему неправильно?

Сергей. А потому неправильно, Варенька... (*на секунду крепко прижимает ее к себе*) потому неправильно, что очень я тебя люблю и очень соскучился без тебя. (*Отпустив ее.*) Понимаешь теперь, почему неправильно? (*Пауза.*) Сейчас подадут вам после ужина машину — и поедете.

Варя. Сережа, я должна была тебе... Я не могу так, не поговорив...

Пауза. Из палатки выходит Гулиашвили.

Сергей. Товарищ капитан, прикажите подать машину, и сейчас же отправьте товарищей актеров в политотдел. Там будут тревожиться, если они не приедут сегодня.

Гулиашвили. Товарищ майор, мы уж тут...

Сергей. Товарищ капитан, повторите приказание.

Гулиашвили. Подать машину, отправить товарищей актеров в политотдел.

Сергей. Исполняйте.

Гулиашвили, козырнув, уходит.

Варя. Сережа!

Сергей. Да.

Варя. Трудно мне уезжать.

Сергей. Верю, Варенька, верю. Я постараюсь к тебе скорей, как можно скорей.

Варя. Но только это трудно, трудно, потому что...

Гудок машины.

До свидания, Сережа.

Сергей (*пристально глядя на нее*). Варя, ты что-то знаешь и молчишь. Что ты знаешь?

Варя. Я... Ты тоже знаешь. Да? Я не хотела... Но, значит, ты сам знаешь.

Сергей. Да. (*Обнимает ее*.) Я не мог. Сказать — и потом отпустить тебя. Не мог.

Варя. Сейчас я уеду. Сейчас. Я узнала еще утром. Я так боялась. Но ты вот тут. Тут и всегда будешь тут. Он всегда был... Был, был... Не могу этого слова...

Севастьянов (*входя*). Варвара Андреевна, вас ждут.

Варя. Сейчас. Иду. Сережа, я не тревожусь за тебя, слышишь? С тобой ничего не может быть, и не будет.

Сергей хочет обнять ее.

Не надо, ты же ко мне скоро приедешь. Дай руку. Вот так. Крепче... разве так жмут? Крепче, еще крепче, так. На счастье. (*Вырвав руку, убегает*.)

Сергей пробует побежать за ней, но нога подвертывается, и он, хромая, добирается до «эмки», садится на крыло. Прислушивается. Шум отъезжающей машины. Молчание. Входят Гулиашвили и Севастьянов.

Гулиашвили (*сухо*). Ваше приказание выполнено, товарищ майор.

Сергей. Ну, что ты обиделся? Не понял разве? Садись! Севастьяныч!

Гулиашвили присаживается рядом, Севастьянов залезает внутрь «эмки» и начинает настраивать радио.

А ведь неспроста вы уже три дня отдохаете, когда другие дерутся.

Гулиашвили. Я то же думаю, дорогой.

Сергей. Я по дороге обогнал понтонный батальон. Они очень торопились к переправе. По-моему, в воздухе попахивает последним штурмом. И наша бригада... Словом, у меня есть нюх, я, кажется, правильно выбрал день, чтобы приехать сюда.

Гулиашвили. Очень правильно, дорогой. Так правильно, как будто ты за сто верст увидел, как командующий приказ пишет.

Сергей. Уже есть приказ?

Гулиашвили. Не знаю. Но я сегодня видел комбрига — у него было очень интересное лицо. Как будто он что-то хочет всем сказать, но пока не может. (*Пауза.*) Видал новые машины?

Сергей. Видал.

Из машины слышится танцевальная музыка.

Попробуй Европу поймать, Севастьяныч.

Севастьянов. Трудно. Все время глушат друг друга. Вот слышишь?

Слышен треск, тишина, опять треск.

Гулиашвили. Ничего не сделаешь, дорогой, война.
На земле война — в эфире войны.

Врываются резкая военная музыка. Слова немецкой военной песни. Топот подбитых железом солдатских сапог.

Голос немецкого диктора. Wir übertragen aus Krakow. Es marschieren augenblicklich unsere Soldaten auf den Strassen der uralten Stadt Polen.

Сергей. Немцы вступили в Краков. (Переводит.) «Наши солдаты маршируют по улицам древнейшего города Польши».

Голос диктора. Es ist die Stadt, die jemals die uralte Hauptstadt Polen gewesen ist.

Сергей. «Этот город когда-то был древней столицей Польши».

Голос диктора. Diese Stadt, die sechshundert tausend Einwohner hatte.

Сергей. «Этот город, в котором было шестьсот тысяч жителей...» Довольно, выключи.

Севастьянов выключает. Молчание.

Здорово здесь чувствуешь расстояние, а? (Пауза.) Конечно, все эти Беки и Рыдз-Смиглы — дрянь и авантюристы, но когда я думаю о польских солдатах... Мне жаль их, они, видимо, храбрые ребята, но голыми руками не повоюешь. Честное слово, мне надоело слушать, как эти немцы маршируют по Европе. Они когда-нибудь еще шагнут слишком далеко, и придется взять их за глотку и остановить. Как, по-твоему, а, Севастьяныч?

Севастьянов. Да, по-моему, без этого не обойдется.

Сергей. Никак не обойдется, верь моему слову.

Сафонов (*вбегая*). Товарищ майор!

Сергей. Что?

Сафонов. Только самый конец поймали.

Сергей. Какой конец? Чего конец?

Сафонов. Указа. Я на рации был. Только включил и слышу: «Двести семнадцать — красноармейца Якимчука Ивана Петровича. Сейчас мы передавали Указ Верховного Совета о награждении участников боев в районе реки Халхин-Гол». Товарищ майор, разрешите «эмку» взять, я съезжу во второй батальон, может, там на рации все поймали.

Сергей. Если поймали — сами сообщат.

Сафонов. Нет терпенья, товарищ майор. Разрешите, за вас же интересуюсь.

Сергей. А что вы так за меня интересуетесь?

Сафонов. Я слышал, товарищ майор...

Сергей. А вы слухам не верьте. Поняли?

Сафонов. Понял.

Сергей. Можете итти.

Сафонов уходит.

(*Взволнованно прохаживается, говорит ворчливо себе под нос.*) Слышал он! Я тоже, может быть, слышал. А вот не верю. Не позволяю себе верить.

Гулиашвили. А хочется поверить, дорогой.

Сергей. Конечно, хочется. Что я, каменный, что ли? (Пауза.) Знаешь, я очень жду, чтоб в этом списке большая награда была дана одному человеку.

Гулиашвили. Кому?

Сергей. Аркадию. Я видел, как он работал и как он умер. И я не знаю, все ли мы сумели бы так, как он. Но мы солдаты, мы должны это уметь. А вот когда штатский, сутулый, близорукий человек в первый раз в жизни надевает военную форму и едет сюда и когда бомбят его госпиталь, а он ни на минуту не прерывает операции и говорит своим тихим голосом: «Тампон, еще тампон, ланцет, повязку!» — вот этот человек заслуживает всего. Я очень хочу, если у меня будет сын, чтобы он вырос похожим на такого человека.

Молчание. Шум мотоцикleta.

Именно на такого человека.

Мотоциclist (*входя*). Товарищ майор, из штаба бригады. (Передает пакет.) А это срочный выпуск фронтовой газеты. Приказано вам передать. Могу ехать?

Сергей. Поезжайте.

Гулиашвили (*тянется за газетами*). В ней указ, дорогой, непременно указ! Дай сюда!

Сергей. Подожди. (*Не глядя, кладет пачку газет под мышку и разрывает пакет. Пауза.*) К трем ноль-ноль на исходную позицию. Значит, правильно. Штурм! Придется сейчас же поднять людей, проверить машины. Товарищ Севастьянов!

Севастьянов. Да.

Сергей. Сейчас же займись. Иди. (Заметив вопросительный взгляд Севастьянова.) Ну, чего? Иди, иди. Сейчас прочтем. Если что, скажем, не бойся!

Севастьянов выходит. Сергей нетерпеливо развертывает газету, наклоняется над ней вместе с Гулиашвили.

(Хлопая по газете.) Бурмин. На один день, на один бы день раньше.

Снова наклоняются над газетой, потом оба поднимаются и смотрят друг на друга. Короткое мужское объятье.

Гулиашвили. А знаешь, Сережа, здорово это придумано, дорогой, что будут ставить бюст героя там, где он родился. В том городишке, где ты играл в казаки-разбойники и гонял голубей, стоит твой бронзовый бюст, и все мальчишки города хотят быть похожими на тебя. Они проходят мимо твоего бюста и говорят: «Это же парень из нашего города». И про себя думают: «А чем мы хуже?» Я думаю, с людьми надо поговорить, дорогой!

Сергей. Да, конечно. Возьми газеты, раздай и собери людей на митинг.

Гулиашвили выходит.

Связист (входя). Телефонограмма от комбрига.

Сергей читает.

Могу ити?

Сергей. Идите. Скажите лейтенанту, чтоб погрузил пачку.

Связист выходит.

По сигналу: серия красных ракет — на исходное положение к штурму... (*Выходит.*)

На мгновение сцена пуста. Появляются танкисты, они молча строятся у машин. Гулиашвили командует: «Смирно!» Входит Сергей, уже в кожанке и походном снаряжении.

Гулиашвили. Товарищ майор, батальон выстроен по вашему приказанию.

Сергей. Здравствуйте, товарищи!

Все. Здравствуйте.

Сергей подходит к танку, стоящему в левом углу сцены, и становится спиной к нему, лицом к собравшимся, виден только первый ряд их. Они стоят, все в кожаных шлемах, в походном снаряжении.

Сергей. Товарищи, нам некогда долго говорить. По сигналу: серия красных ракет — мы идем на исходное положение к штурму. Вы все прочли указ, в нем есть имена людей, которых уже нет среди нас. Но сегодня мы должны драться так, как будто рядом с собой слышим их голоса и видим их глаза, которые не может ни закрыть смерть, ни засыпать земля. Указом Верховного Совета награжден высоким званием Героя Советского Союза капитан Стасов Иван Сергеевич, павший смертью храбрых седьмого июля при штурме сопки Зеленой. Почтим его память, товарищи.

Все молча сдергивают шлемы и опять надевают.

Высоким званием Героя Советского Союза награжден водитель танка Еременко Егор Петрович, павший смертью храбрых восьмого июля при штурме той же сопки Зеленой. Почтим его память, товарищи.

То же общее движение.

Званием Героя Советского Союза награжден майор Лу-
конин Сергей Ильич. Я, товарищи. Я знаю, товарищи,
что, когда бойца награждают, он должен думать не
о том, что он сделал, а о том, что он сделает. И я буду
думать об этом, и только об этом...

Взвивается первая ракета.

Товарищ Петров, прикажите вывести машины из укры-
тий.

Один из танкистов уходит.

Многие из нас есть в этом списке. Есть в нем капитан
Гулиашвили, лейтенант Васильев, водитель Глущенко
и многие другие, вы прочли их имена. Поздравляю
вас с наградой, товарищи, поздравляю вас со штурмом.
Кругом нас война. Недалек час, когда на западе наш
самый заклятый враг поднимется против нас. Но всей
своей силой и всей своей ненавистью мы сметем его
с лица земли. Поздравляю вас с той минутой, когда мы
пойдем на победный штурм вперед, за идеи коммуниз-
ма, за свой народ, за великого Сталина!

Взвивается вторая ракета.

По машинам!

ЗАНАВЕС

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Евгений Львович Шварц (9 октября 1896 — 15 января 1958) — прозаик, сценарист и поэт, драматург, журналист.

Его детство и юность прошли в Майкопе. Уже в 8 лет мальчик был уверен, что станет писателем. В 1913 году окончил реальное училище в Майкопе, а в 1914 году Шварц начал посещать вольнослушателем юридический факультет Московского народного университета им. А. Л. Шанявского и брал уроки латыни. Но театр интересовал его больше профессии юриста. Осенью 1916 года был призван в армию. В апреле 1917 года служил рядовым в запасном батальоне в Царицыне, откуда в августе 1917 года, как студент, был переведен в военное училище в Москву и зачислен юнкером. В начале 1918 года оказался в Екатеринодаре, где вступил в Добровольческую армию. Участвовал в Ледяном походе в составе екатеринодарских частей Покровского. Тремор рук, который Шварц ощущал всю жизнь, — последствия тяжелой контузии, полученной при штурме Екатеринодара.

После госпиталя был демобилизован и поступил в университет в Ростове-на Дону, где в 1919 году начал работать в «Театральной мастерской» (1919), которую создал молодой режиссер-экспериментатор Павел Вейсбрем. В мае 1920 года его зачислили в политотдел Кавказского фронта РККА как актера и театрального инструктора.

«Театральная мастерская» гастролировала в провинции, 5 октября 1921 года переехала из Ростова-на-Дону в Петроград по рекомендации Николая Гумилева. 8 января 1922 года она дала первый спектакль, пьесу Н. С. Гумилева «Гондла». Однако весной 1922 года мастерская прекратила

работу. Шварц остался в Петрограде, подрабатывая скетчами в балаганных театрах.

Играл в небольших театрах, работал продавцом в книжном магазине.

В это время Шварц познакомился с литературной группой «Серапионовы братья», стал писать фельетоны и стихотворные сатирические обозрения под псевдонимами Щур, Дед Сарай, Домовой и Эдгар Пепо. В 1922—1923 годах работал секретарем у Корнея Чуковского. Быстро стал известен как блестящий рассказчик, импровизатор. Писать начал в 1923 году, когда уехал на лето в Донбасс со своим другом Михаилом Слонимским. Обоих пригласили поработать в газете «Всероссийская кочегарка», выходившей в городе Бахмуте. Вначале Шварц лишь обрабатывал письма читателей, потом переделывал их в небольшие рассказы, которые стали набирать у читателей популярность. Выпускал литературное приложение к газете — «Забой». В редакции газеты познакомился с Николаем Олейниковым, с которым впоследствии дружил и сотрудничал. Через него сблизился с литературной группой ОБЭРИУ.

После возвращения с Донбасса, с середины 1920-х до начала 1930-х годов Шварц несколько лет кочевал по ленинградскому-московским редакциям: журнал «Ленинград», «Еж и Чиж», издательство детской литературы «Радуга», одновременно сотрудничал в детском отделе Госиздата под руководством С. Я. Маршака.

Шварц работал много и плодотворно: сочинял повести, рассказы, стихи, пьесы для детей и для взрослых, смешные подписи к рисункам в журналах, сатирические обозрения, либретто для балетов, репризы для цирка, кукольные пьесы для театра Сергея Образцова, киносценарии.

В 1924 году вышло первое детское произведение Шварца — «Рассказ старой балалайки», опубликованное в июльском номере альманаха «Воробей» за 1924 год. Позже были другие книги для детей: «Война Петрушки и Степки-растрапеки», «Лагерь», «Шарики» и др.

21 сентября 1929 года Ленинградский ТЮЗ поставил первую пьесу Шварца — «Ундервуд». Там же ставят его пьесы «Остров 5-К» (1932), «Клад» (1933).

1 июля 1934 года его приняли в Союз писателей СССР. В 1940 году он написал пьесу «Тень», которая была запрещена сразу после премьеры.

В начале войны в блокадном Ленинграде Шварц выступал на призывных пунктах, читал свои антигитлеровские сценки и пьесы для радио. С июля по декабрь 1941 года он вел радиопередачи в Радиоцентре. 11 декабря 1941 года Е. Л. Шварц с женой были эвакуированы в Киров. До июля 1943 года писатель работал завлитом областного драматического театра. Написал пьесы: «Одна ночь» — о защитниках Ленинграда; «Далекий край» — об эвакуированных детях (материалы собирая в Котельниче летом 1942-го); начал работать над пьесой «Дракон».

Когда в 1943 году в Душанбе был эвакуирован Ленинградский театр комедии, Шварц приехал туда и стал заведовать литературной частью этого театра. В мае 1944 года вместе с театром вернулся в Москву. В августе там состоялась премьера «Дракона». Однако сразу после премьеры в Москве пьесу запретили, и при жизни автора она так и не была больше поставлена: запрет был снят лишь в 1962 году.

После войны он снова начал вести дневники, в которых наряду с заметками для пьес и событиями дня начинают по-

являться воспоминания. Из этих записей составилась «Телефонная книга»: почти 200 портретов современников, созданных на основе воспоминаний.

В последний период жизни Шварц написал еще несколько пьес, среди них «Обыкновенное чудо». Премьера этой пьесы состоялась в январе 1956 года в Театре-студии киноактера, в апреле — в Ленинградском театре комедии.

1930—1940-е годы — самый плодотворный период для Шварца-драматурга. За это время написаны пьесы: «Голый король» (1934); «Похождения Гогенштауфена» (1934); «Сказка о потерянном времени» (1940); «Брат и сестра» (1940); «Наше гостеприимство» (1941); «Одна ночь» (1943); «Дракон» (1944); «Сказка о храбром солдате» (1946) и др.

К этому периоду относится и публикуемая в данном томе пьеса Шварца «Далекий край». Она отражает его наблюдения и опыт переживания войны.

ДАЛЕКИЙ КРАЙ¹

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Леня Олонецкий — мальчик, 13 лет.

Миша — его брат, 9 лет.

Сережа Соколик — мальчик, 13 лет.

Милочка — девочка, 12 лет.

Муся — 9 лет.

Дуся — двоюродная сестра Муси, 9 лет.

Надежда Николаевна — заведующая интернатом эвакуированных детей.

Вера Ивановна — воспитательница.

Председатель колхоза.

Почтальон.

Олонецкий Николай Павлович.

¹ Пьесу «Далекий край» Шварц закончил в сентябре 1942 г. С 25 июня по 2 июля и с 15 сентября по 4 октября 1942 г. Шварц был в Москве во Всесоюзном комитете по делам искусств по поводу разрешения к постановке своих пьес «Одна ночь» и «Далекий край». Она была поставлена во многих ТЮЗах страны. Рецензии: Премьера МТЮЗа об эвакуированных детях в Зеленодольске//Вечерняя Москва. 1942. 4 декабря. № 285. С. 3; Берлянт М. «Далекий край»//Красная Татария. Казань. 1943. 30 января. № 24. С. 4. (О постановке МТЮЗа в Зеленодольске); По советской стране. «Далекий край» в Новосибирске//Литература и искусство. 1943. 3 апреля. № 14. С. 4; Канторович Евг. «Далекий край». О постановке МТЮЗа в Новосибирске //Советская Сибирь. 1943. 23 марта. № 56. С. 3; Бартенсон К. «Далекий край» в МТЮЗе//Вечерняя Москва. 1944. 27 апреля. № 100. С. 3; Булгаков Вл. «Далекий край». Новые постановки в двух детских театрах// Учительская газета. 1944. 15 мая. № 45. С. 4; «Далекий край» в ЦДТ// Комсомольская правда. 1944. 10 марта. № 110. С. 4; ТЮЗ снова в Москве//Огонек. 1944. №№ 14—15. С. 11; Смирнова Вера. «Далекий край» в Центральном Детском театре // Театр. 1945. №№ 3—4. С. 50—56.

Действие первое

Высокий дуб на поляне. Входит Леня Олонецкий. Он со средоточен, угрюм. Молча взбирается на дерево. За ним следом вбегает Мisha.

Мisha. Леня! Леня, подожди, не лезь на дерево, поговори со мной. Что ты все молчишь, молчишь с самого четверга, никому не говоришь ни слова? Я терпел, терпел, но сегодня меня все уже начали о тебе расспрашивать. Ты, говорят, брат, ты должен знать. Скажи, Леня! Молчит... Леня!

Леня. Тише.

Мisha. Что он, идет уже?

Леня. Идет.

Мisha. А я сегодня и не полезу смотреть, потому что ты меня мучаешь. Пусть едет себе, мне все равно, все равно!

Издали доносится грохот поезда.

Стучи, пожалуйста, стучи, мне неинтересно.

Раздается очень отдаленный гудок паровоза.

Гуди, гуди, мне-то какое дело! Ну, что, Леня, видно поезд? Ленечка, ты хоть на это ответь. Видно его?

Леня. Прошел. (*Слезает с дерева, усаживается на траве*).

Мisha. Ну? Леня! Поговори со мной, пожалуйста. И писем все нет, и ты молчишь. Леня, а Леня, чего ты? Обидел тебя кто-нибудь? Ленечка, скажи, пожалуйста.

Леня. Не могу я больше.

Миша. Чего ты не можешь?

Леня. Не могу я больше жить на одном месте! Не могу. Когда я увижу с дерева, как поезд идет туда, к нашим местам, на запад, когда подумаю, что бегут вагоны все ближе к Ленинграду, все ближе, — просто я злюсь тогда. Не хочу я больше все мечтать и мечтать. Сколько ни мечтай, — интернат на месте стоит. Еще хуже от этих мечтаний делается. Позавчера облака шли — я по карте и по компасу проверил — прямо к Ленинграду. Я подумал: вот если бы эти облака были и на самом деле такими плотными, как это кажется с земли. И можно было бы на них забраться безо всяких пропусков и разрешений. Я взял приблизительную скорость ветра, понимаешь? И вычислил, что завтра утром был бы я уже над нашим домом. И стало мне так спокойно, так интересно и весело, как будто я уже там, с ними. Но тут вдруг как закричат девчонки: «Леня! Иди картошку рыть!» Что ты смеешься?

Миша. Нет, я ничего. Леня, ты замолчал? Не надо, Леня, я ведь все понимаю... Вот тебе честное слово даю, что все понимаю. Не надо, пожалуйста, Леня! Не молчи.

Леня. Пойди, Миша, побегай.

Миша. Ой, не говори так! Как я могу бегать, когда ты сидишь такой сердитый.

Леня. Иди, Миша.

Миша. Тебе хочется, чтобы я реветь начал, да?

Леня. Если ты в самом деле все понимаешь, то реветь не будешь.

Миша. Не буду. Я в самом деле все понимаю. А если говорю что-нибудь неправильно, так ведь не нарочно.

Леня. Ну, ладно, ладно.

Миша. Ведь я тоже беспокоюсь обо всем, особенно вечером, когда мы спать ложимся, а старшие песни поют. Леня, слышишь?

Леня. Слышу.

Миша. Ну, тогда говори.

Леня. Постой. Я тебе скажу. Хорошо. Только ты спокойно выслушай все. Слышишь? Я... Нет, я тебе потом скажу. Вечером.

Миша. Ох! Я вижу, ты убежать решил!

Леня. Да.

Миша. В Ленинград?

Леня. Да.

Миша. К папе?

Леня. Не к папе, а на помощь. Я там пригожусь. Я уезжал оттуда дурак дураком. Ничего не понимал и не знал. Ничего не умел. А теперь я все сделаю спокойно, и терпеливо, и с толком. Там каждый человек нужен.

Миша. А я?

Леня. Ты должен будешь терпеть.

Миша. Возьми.

Леня. Чего взять?

Миша. Меня... с собой.

Лена. Не могу я.

Миша. Отчего?

Лена. Не плачь.

Миша. Я не плачу.

Лена. Не хочу я, чтобы случилась со мной такая же история, как с Сережей Соколиком. Что из его побега вышло?

Миша. Ничего.

Лена. Вот то-то и есть. Сходил он в кино на станции и пошел в интернат обратно... У меня все обдумано до последнего шага. С тобой я не доберусь. Надо одному идти.

Миша. А огород?

Лена. Что — огород? Там меня поважнее дела ждут.

Миша. А Яшка?

Лена. Без меня проживет.

Миша. Он тебя узнаёт. Хрюкает, когда тебя видит.

Лена. Ну и что? Без меня вырастет. Все равно я бы его есть не стал.

Миша. А команда?

Лена. Какая?

Миша. Тимуровская. Вы ведь договор заключили с колхозом.

Л е н я. Без меня выполнят.

М и ш а. А если не выполнят? Ты сам в стенной газете писал, что каждый человек нужен. А я! Я? Я-то куда же денусь? Меня бить будут.

Л е н я. Кто?

М и ш а. Сам знаешь. Только! Он давно бы меня побил за то, что я ему прозвища всякие даю, да тебя боится.

Л е н я. Не надо было прозвища давать.

М и ш а. И поговорить мне будет не с кем. И заболею я без тебя, наверное.

Л е н я. Не заболеешь. Я докторшу, когда она приезжала, нарочно про тебя спрашивал.

М и ш а. Ну и что она сказала?

Л е н я. Сказала, что ты очень окреп.

М и ш а. Врет она, толстая.

Л е н я. Мишка!

М и ш а. Врет. Сама толстая и фасонит, что все у нее окрепли. Бочка проклятая.

Л е н я. Мишка!

М и ш а. Езжай, езжай, я еще и не так без тебя распушусь.

Л е н я. Михаил! Ты пойми, я с тобой буду говорить, как с большим. Смотри на меня! Ты что, забыл, что у нас война идет?

Миша. Забудешь ее, как же!

Лена. Ты пойми: вот мы с тобой сидим, разговариваем спокойно...

Миша. Вот так спокойно!..

Лена. Да, спокойно. А там? Там, брат, все так и кипит... Надо отстоять Ленинград? Надо. Там люди каждую минуту могут погибнуть, но ничего, ходят, работают, делают все, что требуется... А я? Я ни одного выстрела за это время не слышал, как будто и нет вовсе войны.

Миша. Тебе тринадцать лет.

Лена. Война уж год идет. А я вырос больше, чем на год. Каждое слово мое, все, что я делал в прошлом году, кажется мне глупым. Вспомнить стыдно. Из-за мороженого я расстраивался... В магазин сам не умел ходить... Не понимал, из чего суп делают. Не мог ячмень от ржи отличить, не умел держать в руках лопату, не мог дрова колоть, найти дорогу в лесу по звездам. Обходил ломовых лошадей, когда они привозили продукты в наш двор на базу: боялся, что укусят. А еще мечтал о путешествиях, об открытиях. Печки в жизни своей ни разу не растопил. За водой никогда не ходил на реку и не знал, что есть коромысла на свете.

Миша. У меня на лото была картинка — коромысло.

Лена. Не помню. Когда папа опаздывал с заседания из института, я не мог уснуть, беспокоился. То мне казалось, что он под трамвай попал, то — под машину. Ты знаешь, как он задумывается: ничего не видит и не слышит.

Миша. А теперь...

Леня. А теперь у меня в голове... страшные мысли. Ну, словом, я хочу вернуться... Понимаешь? Хочу. Я соображать умею, умею себя в руках держать и подраться тоже могу. Я не хочу сидеть в уголке, в норе, в безопасности, когда... Ну, одним словом, вопрос решен. Держи себя так, будто тебе тоже тринадцать лет. Слышишь?

Миша. Когда?

Леня. Что — когда?

Миша. Уедешь?

Леня. Не позже, чем сегодня ночью. Тихо! Больше ни слова! Уходи... Сейчас пройдет товарный, сто сорок третий номер, я на него посмотрю и пойду домой. Беги.

Миша. Пирожки...

Леня. Что — пирожки?

Миша. Сегодня. На ужин. Будут.

Леня. Чего ты после каждого слова точку ставишь?

Миша. Горло.

Леня. Что — горло? Глотать больно?

Миша. Нет.

Леня. Так в чем же дело?

Миша. Ни в чем. Как-то жмет горло.

Леня. Я тебя серьезно прошу не плакать.

Миша. Уйди вон! (*Убегает*).

Леня (*вслед ему*). Я приду скоро! Плачет... Ну, что я могу поделать? И не такие семьи оставляют, на войну уходят.

Из чаши выходит Милочка.

Милочка. Очень хорошо поступаешь! Замечательно красиво.

Леня. А что?

Милочка. А то!

Леня. Ну тебя.

Милочка. Нет, не «ну тебя». Вот в чем дело, значит. Ага! Замечательно! Хорошо!

Леня. Это я слышал уже. Иди, иди себе.

Милочка. Не груби.

Леня. Чего тебе надо от меня?

Милочка. Убежать собрался?

Леня. Ты подслушивала, значит?

Милочка. Ничего подобного. Я собирала грибы.

Леня. Мало тебе места в лесу.

Милочка. Тут место грибное.

Леня. Ну иди, иди докладывай Надежде Николаевне.

Милочка. И скажу. Не побоюсь тебя. Как только приедет она из командировки, скажу.

Л е н я. Пожалуйста.

М и л о ч к а. И Вере Ивановне скажу.

Л е н я. Говори кому хочешь, говори...

М и л о ч к а. Не груби!

Л е н я. А чего ты ко мне привязалась?

М и л о ч к а. Думаешь, приятно это будет Надежде Николаевне?

Л е н я. А мне все равно.

М и л о ч к а. Она и так расстроена. От ее Володи уже месяц нет писем с фронта. Придет она сюда, а здесь такие новости.

Л е н я. Говори, что хочешь, — я что решил, то решил.

М и л о ч к а. Очень хорошо, замечательно! Нет, ты не уходи, ты постой. Приятно будет, когда везде заговорят, что из нашего интерната бегают?

Л е н я. Я не из интерната бегу, а... Да что с тобой разговаривать!

М и л о ч к а. Подожди! Разве мы с тобой в плохих отношениях?

Л е н я. Отношениях, отношениях! У вас, девочек, только и разговору что про отношения. «Ах, у меня с Марусей испортились отношения». «Ах, у Веры Ивановны изменилось ко мне отношение!»

М и л о ч к а. Что ты злишься? Ведь мы всегда с тобой разговаривали. Нас даже дразнили, мы и то разговаривали...

Л е н я. А теперь я не буду с тобой разговаривать. Уйди.

М и л о ч к а. Ты еще подерись!

Л е н я. Отстань!

М и л о ч к а. Когда идет уборочная кампания...

Л е н я. Ступай, в стенную газету об этом напиши, я и без тебя знаю, когда какая кампания...

М и л о ч к а. Очень красиво, замечательно! Ты же всегда сам первый говорил: наша помощь колхозу...

Л е н я. Я не так говорил. Я не фасонил. А ты фасонишь. (*Передразнивает*). «Уборочная кампания!» «Наша помощь колхозу».

М и л о ч к а. Ну, пусть я не умею говорить, как надо. Но что же это будет все-таки? Ведь ты очень авторитетный.

Л е н я. «Авторитетный».

М и л о ч к а. Ну хорошо, не авторитетный, но тебя все так слушаются. Ты никогда не кричал, не грубил, а тебя все слушались. Почему ты все бросаешь? Почему уходишь? Почему вдруг так кричишь на меня?

Л е н я. Потому! Я... Я тебе вот что скажу. Когда у человека все решено, а ему говорят разные там слова, так это... невозможно терпеть. Разве я ни о чем не подумал? Когда зимой было трудно, я молчал. Так? А теперь мне, если хочешь, просто... просто невозможно сидеть здесь, как в люлечке. Ты не понимаешь этого?

М и л о ч к а. Мы ведь все время работаем.

Ле н я. Да... но я... Я... Мне кажется, что я... ну, что ли... как бы это сказать... изменник.

М и л о ч к а. Как — изменник?

Ле н я. Ленинградские ребята там стоят на крышах, — когда летают самолеты. Гасят зажигательные бомбы. Разведчиками ходят к противнику. Работают рядом со взрослыми, и о них пишут с уважением, как о настоящих героях. Когда я не хотел уезжать, папа сказал, что я обязан это сделать. Мама умерла, когда родился Миша, и теперь он на наших руках. Ладно. Но ведь у нас интернат хороший. Я спокойно могу оставить Мишу. Зачем же я сижу здесь, когда столько моих ровесников там?

М и л о ч к а. Да ты пойми...

Ле н я. Я все понимаю.

С е р е ж а С о к о л и к прыгает из кустов.

С е р е ж а. Бах!

Милочка вскрикивает.

Ага, напугались.

Ле н я. Очень интересно придумал!

С е р е ж а (*кrotko*). Не сердись, это я так... с горя.

М и л о ч к а. Чернику ел?

С е р е ж а. Честное слово, нет.

М и л о ч к а. А почему губы черные?

С е р е ж а. Это от голубики.

Миличка. Какая у тебя слабая сила воли!

Сережа. Да нет, это не потому.

Миличка. Не потому... Сказано тебе было сидеть на полной диете. Никаких ягод!

Сережа. Да я и сидел. А потом так огорчился, что на все рукой махнул...

Миличка. Что тебя огорчило?

Сережа. Прощайте, братцы! Не будете вы меня больше звать длиннобудыlyм. Не будете ругать за то, что тяни да путаю. Не будете вы больше со мной за грибами ходить, без меня вернетесь вы домой, в Ленинград.

Леня. Это почему?

Сережа. Прибегали сегодня девочки из того интерната, что в Верхней Вязовке.

Миличка. Какие девочки?

Сережа. Я их не знаю, они новые. В июле только из Ленинграда выехали. Прибегали, просили, нет ли в нашей аптечке иоду — у них кончился. Перецарапались они там, что ли, все, когда за грибами ходили, но только, одним словом, у них иод весь вышел, нечем, значит, им больше мазаться. Так? Так. Дали им, значит, иоду. Хорошо. Вот. Они сели и давай рассказывать. Одна черненькая такая, мохнатая, на пчелу похожая... Другая... Как бы сказать...

Миличка. Да не тяни ты, говори короче!

Сережа. Потерпите, братцы, недолго вам осталось терпеть меня. Другая тоже черненькая, но востренькая, быстренская, так и садит, как пулемет: ти-ти-ти! Ти-ти-ти! Да. Так. Ну, вот... Они, значит... Этого...

Милочка. Я иду. С тобой к ужину опоздаешь.

Сережа. Постой. В детдом забирают меня от вас.

Леня. Это кто сказал?

Сережа. Они.

Милочка. Девочки?

Сережа. Эти самые, новенькие.

Леня. В какой детдом?

Сережа. Да я не знаю, в городе, что ли.

Милочка. Вот всегда он так. Вначале тянет, тянет, а потом — прыг в конец, и ничего не поймешь.

Сережа. Эти девочки говорят: у кого умерли родители, тех забирают из интерната и отправляют в детский дом.

Леня. Не верю.

Сережа. Мать у меня умерла в дороге. Отец второй месяц не пишет. Нет, я тоже думаю — не может быть. Не может быть, чтобы меня вдруг взяли.

Милочка. Конечно, не может.

Сережа. Правда, они так твердо сказали...

Ми ло чка. Они новенькие, они не понимают еще ничего. Да разве Надежда Николаевна отдаст хоть одного из нас!

Се ре жа. Если прикажут — отдаст.

Ми ло чка. Она в город поедет, она до Москвы доберется. Как же так? У человека беда, так надо ему еще несчастье доставлять. Леня! Ты что молчишь, как будто тебя это не касается.

Ле ня. Отстань.

Ми ло чка. Нет, Сережа, ты не думай. Вот увидишь. Надежда Николаевна придет и объяснит все.

Се ре жа. А когда она придет?

Ми ло чка. Председатель колхоза видел ее в районе. Говорит, завтра будет.

Се ре жа. Хорошо бы, если завтра.

Вбегает Му ся.

Му ся. Что — завтра? Товарищи, — что?

Се ре жа. Молчите, молчите, пусть мучается.

Му ся. Ох, подумаешь, мученье какое! Мне и не надо. Скажи, Ми ло чка! Скажи! Я тебе небось вчера иголку дала.

Ми ло чка. Подумаешь, иголку.

Му ся. А я вам тоже что-то интересное покажу за это. Девочки приходили.

Вбегает Дуся.

Дуся. Новенькие. Только что из Ленинграда...

Муся. О! Уже здесь она.

Дуся. Ну и что же тут такого? Лес не твой.

Муся. Не терпится ей. Надо новости рассказать тем, кто за грибами ходил.

Дуся. Я не за этим прибежала.

Муся. Ты, конечно, Веру Ивановну ищешь! Свою дорогую, родную тетеньку!

Дуся. И ты ее тоже ищешь! Свою дорогую, родную мамочку!

Муся. А ты...

Леня (*тихо*). Довольно, девочки.

Муся. Леня, ведь не я первая начала.

Леня. Довольно.

Муся. А интересную штуку можно показать, Леня? Мне девочки дали на один день. Смотрите. Только руками не трогайте.

Леня. А что это у тебя?

Муся. Ага! Интересно? Смотри!

Сережа. Квитанция!

Миличка. РКМ! Милиция города Ленинграда! Шестое отделение.

М у с я. Восьмого июля 1942 года... Видишь? Миленькая!
(Целует квитанцию.)

Д у с я. Когда ты успела ее взять?

М у с я. Когда я девочек от собак провожала. Они еще совсем, совсем городские девочки. Они так собак боятся! Ну за проводы я попросила у них квитанцию. На один день.

Д у с я. Дай мне, а то потеряешь.

М у с я. Ну, нет! Я обещала ее хранить, как зенитку ока.

М и л о ч к а. Как что?

М у с я. Как зенитку ока.

М и л о ч к а. Как зеницу.

М у с я. Такого и слова нет — зеница. Зенитка ока. Верно, Леня?

Л е н я. Нет, неверно.

Д у с я. Ага!

М у с я. Хорошо, пусть зеницу. Эту квитанцию девочка, когда уезжала, выпросила у тети на память. И еще она привезла на память о Ленинграде восемь трамвайных билетов, открытки, где Эрмитаж, набережная, Дворец культуры имени Горького и другие дома и здания. Потом она отколупнула на память кусочек штукатурки от новой школы, где училась, и от районного Дворца пионеров. Пока что носит она все это с собой в мешочке, никак не решит, куда положить.

Д у с я. Я думала, это у нее в мешочке калоши.

М у с я. Ленинград стал красивый!

Д у с я. Чистый.

М у с я. Трамваи бегают.

Д у с я. Везде, где газоны были, — теперь огороды.

М у с я. Все работают.

Д у с я. А в кино идет картина «Машенька».

М и л о ч к а. Ну хорошо, хорошо. А грибы где?

Д у с я. Они сегодня не попадаются.

М у с я. Конечно, кто бегом бежит, тому не попадаются.

Д у с я. А ты много насобирала?

М у с я. А я лукошко забыла в интернате.

М и л о ч к а. Хорошие работницы.

С е р е ж а. Ой, смотрите, смотрите, кто идет!

М у с я. Кто?

Д у с я. Где?

С е р е ж а (*бежит и кричит*). Надежда Николаевна! Мы тут!

М у с я. Надежда Николаевна!

Д у с я. Пришла!

Сережа, Муся, Дуся убегают. Леня и Милочка остаются одни.

Л е н я. Ну?

М и л о ч к а. Что — ну?

Л е н я. Чего же ты не бежишь? Беги, докладывай, что подслушала.

М и л о ч к а. Это мое дело.

Л е н я. Я... я тебя прошу: ей не говори. Я... я...

М и л о ч к а. Ты еще подумаешь?

Л е н я. Нет, я ей письмо оставлю.

М и л о ч к а. Зачем ей твое письмо?

Входит Надежда Николаевна, высокая, крепкая женщина лет сорока. За плечами — дорожный мешок. Дуся и Муся виснут у нее на руках. Обе сияют. Сережа Соколик рассказывает.

Сережа. Да. Так вот... Раз она называется сыройкой, можно, значит, ее сырую есть. Я и съел. Тогда, значит...

Надежда Николаевна. Погоди... Леня, Милочка!

М и л о ч к а. Здравствуйте, Надежда Николаевна!

Л е н я. Здравствуйте!

Надежда Николаевна. Отчего вы меня встречаете так неладно?

М и л о ч к а. Нет, что вы! Я так рада, что вы вернулись! Вы даже не знаете, как я рада.

Надежда Николаевна. Случилось что-нибудь?

Л е н я. Нет.

Н а д е ж д а Н и к о л а е в на. Правда?

Л е н я. Правда, нет.

Надежда Николаевна пристально глядит на Леню и Милочку.

С е р е ж а. Да... Так вот, значит, съел я сырую сыроежку и сначала ничего... А через полчаса стало мне хуже... А еще через полчаса стало мне гораздо хуже. Да...

Н а д е ж д а Н и к о л а е в на. Ну, что мне с тобой делать?

С е р е ж а. Сейчас уж ничего и не надо делать. Я поправлюсь. Если бы не диета, давно бы совсем я поправился. А то я нарушаю ее. Диету. Да, так вот...

Н а д е ж д а Н и к о л а е в на. Подожди. А остальные, все здоровы?

М и л о ч к а. Все. Муся позавчера лежала в изоляторе...

Д у с я. Но это она нарочно натерла градусник, чтобы ее мамочка пожалела.

М у с я. Ничего подобного! Просто у меня повысилась сначала температура до сорока одного...

Д у с я. До сорока одного! А сама лежала веселенькая!

М у с я. Мало ли что!

Д у с я. А потом увидела, что мама с нею не сидит, и сразу у нее сделалось тридцать шесть и пять.

М у с я. Мало ли что!

Надежда Николаевна. Еще что нового?

Миличка. Вера Ивановна так замечательно научилась лен дергать.

Сережа. Сам председатель сказал, как он сказал? Да, — говорит, — вот, говорит...

Надежда Николаевна. И все?

Сережа. И все. Он ведь неразговорчивый.

Миличка. И вся наша команда очень хорошо дергала лен. А как вы, Надежда Николаевна? Целую неделю мы не видели вас.

Надежда Николаевна. Ведь я в роно ходила. Это тридцать километров все-таки. Потом завернула в сельпо, это еще шестнадцать. Так и путешествовала...

Муся. И все время шагом?

Надежда Николаевна. А ты хотела, чтобы я галопом неслась?

Ребята смеются.

Муся. Нет, я хотела сказать: пешком?

Дуся. Хотела...

Надежда Николаевна. Пешком, конечно. Предлагали мне лошадь, да я отказалась. Полевые работы идут, каждая лошадь на учете. Писем не было мне?

Дуся. Нет, Надежда Николаевна.

Муся. Мы каждый раз так ждали!

Дуся. А вам все нет письма.

Надежда Николаевна. Ничего... Ох, в какую группу я попала, ребята!

Милочка. У нас она тоже была.

Надежда Николаевна. Я как раз лесом шла и радовалась, что ночь, что вы лежите уже в постелях, дети, мои дети, единственные мои дети. (*Очень строго.*) А вы почему не идете ужинать? Распорядок дня переменился?

Муся. Младшие поужинали уже.

Надежда Николаевна. Я у старших спрашиваю.

Сережа. Ведь я этого... На строгой диете.

Надежда Николаевна. А вы?

Леня. Мы идем уже, Надежда Николаевна.

Надежда Николаевна. Ну, то-то... Раз-два — живо! Милочка!

Милочка. Я хочу с вами поговорить.

Надежда Николаевна. После ужина.

Милочка. Можно сейчас?

Надежда Николаевна. Нет. Порядок есть порядок.

Милочка. Очень важное.

Надежда Николаевна. Хорошо. Ну, ребята, — вперед! Леня! А ты чего задерживаешься? Марш, марш!

Леня, Сережа, Муся и Дуся уходят.

Ну, что случилось?

Миличка. Надежда Николаевна! Это правда, что тех детей, у которых в Ленинграде умерли родители, будут отбирать от нас и отправлять в детские дома?

Надежда Николаевна. Сережа меня уже спрашивал об этом. Не знаю. Я была в роно, видела инспектора по эвакуированным детям, никто мне об этом ни слова не сказал.

Миличка. Это нельзя.

Надежда Николаевна. Что — нельзя?

Миличка. Надо объяснить... Мы одной семьей живем... Из интернатов, которые похуже, пусть берут... А из нашего нельзя.

Надежда Николаевна. Нельзя? (*Обнимает Миличку.*) Ах, вы, дети мои, дети единственные... (*Очень строго.*) Почему пуговица оторвана?

Миличка. Только что оторвалась. Вот она, в кармане, я пришью.

Надежда Николаевна. Не думай ни о чем. Никого я из вас не отдам. Все?

Миличка. Не знаю. Нет, не все, но не могу. Я вас очень люблю, очень... Но только я не могу сказать. Смотрите! Смотрите за Леней! И все... Не спускайте глаз с него... И все... (*Убегает.*)

Надежда Николаевна. Вот загадала загадку!

Входит Вера Ивановна.

Вера Ивановна. Ну, явилась, наконец. Здравствуйте. Ухитрилась еще похудеть? Щеки ввалились. Красота!

Надежда Николаевна. Нет... Только запылилась я в дороге.

Вера Ивановна. Допустим. Какие новости?

Надежда Николаевна. Крупу отбила.

Вера Ивановна. Не хотели давать?

Надежда Николаевна. Пытались задержать. Ну, я теперь человек опытный. Заврайторготделом и кричал, и шутил, и убежать пробовал, но ничего ему не помогло. Завтра привезут крупу.

Вера Ивановна. Это хорошо.

Надежда Николаевна. А у вас как дела?

Вера Ивановна. В норме. Лен дергаем с большим успехом.

Надежда Николаевна. Слыхала.

Вера Ивановна. Молока нам прибавил колхоз. На общем собрании постановили.

Надежда Николаевна. Хорошо. Ну, а ребята как?

Вера Ивановна. Ребята иногда себя ведут так, что думаешь: вот бы родителям показать. А иногда развеселятся не впору. Вчера вдруг начали изображать волков, когда спать ложиться. Сережа Соколик на диете.

Надежда Николаевна. Слыхала.

Вера Ивановна. Так вот, он первый начал выть с голоду, как он потом объяснил. А за ним и все завыли по-волчьи. Ясельников чуть не разбудили.

Надежда Николаевна. А ясельники как живут?

Вера Ивановна. Ничего. Рожь сжали, и кончились страхи Полины Викторовны, что заблудятся ясельники ее во ржи.

Надежда Николаевна. А Муся и Дуся? Все ссорятся?

Вера Ивановна. Ворчат друг на друга, как старухи... Я иногда огорчаюсь всерьез.

Надежда Николаевна. Не стоит.

Вера Ивановна. Ну, как не стоит! Откуда у Муси, у моей Муси, такая жестокость, такая черствость!

Надежда Николаевна. Эх, куда хватила.

Вера Ивановна. Ну, а как еще это назвать? Я ей объясняю: Дусина мама была родной моей сестрой. Теперь ее нет на свете. Теперь я и тебе мама и Дусе мама. Пойми ты! Она уверяет, что понимает. А потом... Не могу видеть этого... Недобрая девочка.

Надежда Николаевна. Оставьте, пожалуйста. Вы не можете взглянуть на дело спокойно и трезво потому, что это ваша дочка. Муся — девочка добрая и умная. Дуся тоже. Обе ревнуют вас друг к другу. Вот и все. Чего вы хотите от девятилетней девочки.

Вера Ивановна. Главная беда в том, что некогда мне ими вплотную заняться. Днем я их держу в отдалении, чтобы другие дети ни на миг не почувствовали, что я Мусе и Дусе больше родная, чем всем. А ночью — я освобожусь — Муся и Дуся спят.

Надежда Николаевна. Да... Интересно, мой Володя ревновал бы меня в подобном случае? Я знаю, знаю,

что не было от него письма. Не смотрите на меня умоляюще.

Вера Ивановна. Что вы уселись тут под деревом, будто гриб. Идемте домой. Помойтесь. Поужинайте, отдохните. Идем!

Надежда Николаевна. Идем... Да! А что с Леней Олонецким?

Вера Ивановна. Умолк.

Надежда Николаевна. Как — умолк?

Вера Ивановна. Ни с кем не разговаривает. Мрачен. В объяснения не вступает. Я уж с Полиной Викторовной советовалась.

Надежда Николаевна. Ну, и что она?

Вера Ивановна. Она говорит: «Нет уж, оставьте меня с моими ясельниками. Тринадцать лет — возраст сложный. Это — народ скрытный, самолюбивый, нервный. Я их не понимаю», говорит. И ведь верно... Леня был ясен, как стеклышко. И вот, нате вам! А почему вы о нем спрашиваете?

Надежда Николаевна. Дело, видите ли, в том, что Милочка сейчас сказала мне: «Смотрите за Леней! Глаз с него не спускайте».

Вера Ивановна. Не может быть!

Надежда Николаевна. Вот загадала загадку! Идемте. Дома поговорим. Идут.

Вера Ивановна. Смотрите, какой прогресс! Муся и Дуся не ходят за мною хвостами... Этого я все-таки добилась.

Уходят. Муся выходит из-за куста направо.

Муся. Дуся! А что такое — прогресс?

Дуся подымается над левым кустом.

Дуся. Это, наверно, когда слушаются.

Муся. Иди сюда.

Дуся. Зачем?

Муся. Иди...

Дуся подходит к Мусе.

Ты думаешь, я это... как его... черствая?

Дуся. Нет.

Муся. Я с тобой не буду больше ссориться.

Дуся. И я не буду...

Муся. Чего ссориться? Правда?

Дуся. Ну да!

Муся. Ведь сколько угодно так бывает: у одной мамы две дочери. Ну, до сих пор я была одна. А теперь пусть две. Да?

Дуся. Конечно.

Муся. Все равно — родная-то мама она мне, а тебе только тетя. Верно? Чего молчишь?

Дуся. Ничего.

Муся. Ну, хорошо, хорошо, не надо. Не сердись. Смотри.

Дуся. Что это?

Муся. Брусника. Хочешь?

Дуся. Я еще больше тебя насобирала. Вот. Полные карманы.

Муся. Все-таки брусника — самая неинтересная ягода...

Дуся. Малина, конечно, лучше.

Муся. Да. Куда лучше... Видишь? Вот. Разговариваем и не ссоримся. И ничего тут нет трудного. Да?

Дуся. Конечно...

Муся. Я даже не знаю, чего мы ссорились. Ведь я тебя очень люблю. И твою маму я очень любила. Я помню, какая она была беленькая...

Дуся (*очень энергично*). Не надо! Не смей, не вспоминай, нельзя!

Муся. Я больше не буду.

Дуся. Нельзя.

Пауза.

Муся. Интересно, ежиха лижет своих еженят?

Дуся. Наверное. Моет языком.

Муся. А как она язык не наколет?

Дуся. Приходится терпеть.

Голоса: «Ау! Ау! Ребята-а! Не уносите в лес домино и шашки!», «Девочки! Не ходите к оврагу, там на пне спит гадюка-а!», «Ко-о-ля! Иди сюда! Ты мне обещал конверт склеи-ить!»

М у с я. Поужинали старшие.

Д у с я. Послушай! А что случилось? А? С ним. С Леней Олонецким. Почему Милочка сказала: «Смотри за ним»?

М у с я. Милочка сказала: «Смотрите».

Д у с я. Ну, все равно: «Смотрите». Вот загадала загадку. Ты как думаешь, что Леня хочет сделать?

М у с я. Что... Понятно что. Убежать.

Д у с я. Куда?

М у с я. В Ленинград, конечно.

Д у с я. С чего ты взяла?

М у с я. Вот увидишь!

Д у с я. Ох, интересно! Такой отличник и вдруг убежит. Скажем?

М у с я. Кому?

Д у с я. Маме.

М у с я. Она не мама, не мама тебе, а тетя!

Д у с я. Она меня, как мама, любит! Больше, чем тебя, черствая! Уйди! (Бежит.)

М у с я. Постой, Дуся, постой, я не буду больше! Постой, постой! Да мама, мама! Она мама наша: и моя и твоя. Ну, не сердись. Ну, возьми это...

Д у с я. Чего?

М у с я. Квитанцию ленинградскую.

Дуся берет квитанцию.

Только береги ее, как эту самую... как зеницу ока.
И каждый раз, как я попрошу, давай мне посмотреть.
Ладно?

Д у с я. Ладно.

М у с я. А маме не будем говорить про Леню.

Д у с я. Конечно, нет. Вдруг он и не убежит.

М у с я. Нет, не потому. Убежит-то он убежит. Ты разве
его не знаешь? Он что задумал, то и сделает. Маме не
скажем потому, что лучше мы сами за ним будем сле-
дить. Глаз с него не спустим!

Д у с я. Как разведчики?

М у с я. Да.

Д у с я. Интересно. Ой, ой интересно! Но только я бо-
юсь, что ничего он и не задумал.

М у с я. Оставь, оставь! Мама говорила, что от нас ни-
чего не скроешь. Я давно знала, что он собирается...
Только тебе забыла сказать. Слушай. Каждую ночь...

Д у с я. Постой, постой, я сяду поудобнее. Ну?

М у с я. Каждую ночь, когда все уснут, пробирался он
с коптилкой к карте, которая висит в столовой. И что-
то он по карте отмерял, бормотал.

Д у с я. Откуда ты знаешь?

М у с я. А я побежала позавчера воды напиться и уви-
дела... Сначала испугалась. Коптилка светит снизу, от
этого лице у Лени незнакомое, глаза какие-то черные.

Д у с я. Ой, страшно... Ну, ну?

М у с я. А потом узнала его, успокоилась. А вчера пропнулась, — он опять возле карты. Тогда я вдруг все поняла и уснула.

Д у с я. Поняла, что он по карте намечает себе путь?

М у с я. Ну да!

Д у с я. Миша идет.

М у с я. Бедный Миша.

Д у с я. Интересно, знает он или нет?

Миша печальный идет через поляну.

М у с я. Миша, ты куда?

М и ш а. Гуляю.

М у с я. Посиди с нами.

М и ш а. Нет, не хочу. (*Уходит.*)

М у с я. Знает, наверное.

Д у с я. Да, наверное, знает.

М у с я. Ой, какой лес красивый сейчас, когда солнце заходит!

Д у с я. Только все-таки чужой.

М у с я. Ну, мы теперь знаем его.

Д у с я. Знаем, но все-таки... Елок слишком много... Потом, звери тут бродят. Мальчики лося видели.

М у с я. Лоси добрые.

Д у с я. Добрые, но все-таки... Ласки бегают здесь.

Издали доносится пение.

М у с я. Запели старшие Ленинградскую.

Д у с я. И мы давай.

Поют негромко.

В далекий край ребята уезжают,
Родные папа с мамой вслед глядят.
Любимый город в дымке исчезает,
Знакомый дом, зеленый сад и мамин взгляд.
Пройдут бои, промчатся дни и ночи.
Победой нашей кончится война.
И радостно ребята захлопочут,
Назад к родным, на старые места.
И вот домой ребята все вернутся.
Но будут помнить сельский интернат.
Им папа с мамой снова улыбнутся,
Найдут ребята дом, свой сад и нежный взгляд.

З А Н А В Е С

Действие второе

Большая проходная комната — столовая интерната. Направо дверь в комнату старших. Прямо дверь к младшим. Налево входная дверь. Горит висячая лампа. Девять часов вечера.

В е р а И в а н о в на (*в дверях комнаты старших*). Спать, спать, спать! Сережа! Ты что ползаешь по полу?

С е р е ж а. Да я, как бы сказать...

В е р а И в а н о в на. Опять волка изображаешь?

Сережа выходит из комнаты мальчиков в одном башмаке.

С е р е ж а. Нет, Вера Ивановна, я не изображаю волка.
Зачем? Но только... Прихожу я из лесу.

В е р а И в а н о в на. Ну?

С е р е ж а. А тут, вижу, наклеили ее.

В е р а И в а н о в на. Кого ее?

С е р е ж а. Ну, вон. (*Показывает.*) Новую стенную газету.
Хорошо. Наклеили и наклеили. Так.

В е р а И в а н о в на. Да не тяни ты.

С е р е ж а. Ну, я сначала забыл, потом вспомнил и по-
полз.

В е р а И в а н о в на. Ничего не понимаю.

С е р е ж а. Там написали, что я, когда раздеваюсь, ве-
щи разбрасываю, а потом утром ищу их и опаздываю
повсюду. Видите? Подпись: Ласточка. Так. Стал я раз-
деваться. И вспомнил заметку. Надо, думаю, все вещи
уложить в порядке. Хорошо. Глядь-поглядь — нету уже
моего башмака. Куда-то я его уже засунул. Пополз, зна-
чит, я его искать.

В е р а И в а н о в на. Все понятно. Поторопись. (*Подхो-
дит к двери младших.*) Спите, ребята?

Д р у ж н ы й х о р в о т в е т: Спим!

В е р а И в а н о в на. Что-то незаметно. Спать, спать,
спать!

Входит М и л о ч к а.

Ты куда?

М и л о ч к а. Позвольте мне тут под лампой немножко почитать. Я на самом интересном месте остановилась, а у нас там темно. Можно, Вера Ивановна?

В е р а И в а н о в н а. Ну, раз на самом интересном месте, то дочитывай. Только живей.

М и л о ч к а. Хорошо. Ведь завтра воскресенье. Подъем на час позже.

В е р а И в а н о в н а. Потому и разрешаю. Я пойду к Надежде Николаевне. Скоро вернусь.

М и л о ч к а. Хорошо.

В е р а И в а н о в н а. Не засиживайся! (Уходит.)

Г о л о с (*из комнаты младших*). И вот стало облако плотное, плотное. Не такое, конечно, плотное, как земля, но все-таки как снег. Ходить по нему можно.

Милочка открывает дверь к младшим. Видна кровать. На кровати сидит М и ш а, завернувшись в одеяло.

М и ш а. И вот, забрался этот мальчик с дерева на облако... И полетел. И тогда...

М и л о ч к а. Ребята, что вам было сказано? Спать.

Г о л о с а. Сейчас, сейчас! Пусть он доскажет сказку! Не трогай нас! Еще рано!

М и л о ч к а. Кончайте, кончайте! Все сказки перескажете, что будете зимой делать?

Г о л о с . Зимой он еще придумает. Он скоро. На самом интересном месте...

М и л о ч к а. Ну, скорее тогда. (*Возвращается к столу. Читает.*)

М и ш а. На чем я остановился?

Г о л о с а. На облаке, которое как снег.

М и ш а. И вот, летит мальчик на облаке. Над нашим интернатом промчался, но мы как раз завтракали и ничего не увидели. Помахал он нам кепкой...

Г о л о с . В кепке он полетел?

М и ш а. Да, ведь холодно на ветру. Помахал он нам кепкой и летит дальше. Пролетел Верхнюю Вязовку, Нижнюю, станцию, разъезд. Не успел оглянуться — уже войска внизу. Пушки стреляют. И вот, видит мальчик — летит самолет.

Г о л о с . Наш?

М и ш а. Нет, фашистский. Захотел от зениток скрыться в облаке. Думал, оно обыкновенное... И врезался в него и застрял. Сидит фашист в облаке по горло: ни туда ни сюда. Ну, Леня... то есть не Леня, а этот мальчик, побежал к летчику: «Сдавайся!» Фашист ничего не понимает. Конечно, сдался. А облако уже над Ленинградом. Видно улицу Некрасова. Улицу Лаврова.

Г о л о с . А Желябова улицу видно?

М и ш а. И Желябова видно.

Г о л о с . А Машков переулок?

М и ш а. Все видно, как на плане. А облако опускается, опускается и опустилось в Летний сад. Народ сбежался. Сходит с облака мальчик. А за ним — связанный по рукам и по ногам фашист. Прыг! Прыг! Ну, повезли маль-

чика в штаб. На «ЗИСе». Красиво в Ленинграде. Трамваи бегают. Объяснил мальчик, — как он добрался. Генерал ему и говорит: «Молодец! Спасибо, что пленного привез. Иди домой. Завтра я тебе придумаю какую-нибудь работу!» И вот мальчик побежал домой.

Голос. А где он жил?

Миша. В Басковом переулке. Прибегает — дверь открыта. У них папа очень рассеянный был. Никогда дверь не захлопнет. И видит мальчик: сидит их папа и смотрит в окошко. Задумался.

Голос. А мамы нет дома?

Миша. Мама у них давно умерла, когда младший брат родился. Ну вот. Подбегает Леня к папе. Папа: «Ах! Откуда ты? Что такое? Ах ты, мой милый!» (Замолкает.)

Голоса. Ну? А дальше что?

Миша. Поговорили они. Порадовались. (*Откашливается.*) И тут папа спрашивает: «А где же твой младший брат?» — «Да он там остался». — «Нет, так нельзя!» Подходит папа к телефону. Звонит в штаб. «Алло! Это говорит папа того мальчика, что взял фашиста в плен. Спасибо, нам никаких наград не надо, а пошлите вы лучше в такой-то интернат самый быстрый истребитель. Пусть привезет он сюда нашего мальчика, и все мы будем вместе». — «Пожалуйста! Завтра с утра пошлем!» И вот, сидим мы завтракаем. Вдруг — *ррр!* Снижается истребитель, который делает тысячу километров в час.

Входит Леня.

Выбегает из самолета летчик, а в руках у него приказ: «Надежда Николаевна! Отпустите в Ленинград одного мальчика...»

Л е н я. Миша!

М и ш а. Что, Леня?

Л е н я. Отчего ты не спишь?

М и ш а. Я ребятам рассказываю сказку.

Л е н я. Спи, Миша. И вы, ребята, спите. (Закрывает дверь к младшим.) Ты что читаешь?

М и л о ч к а. Так... книжку.

Л е н я. Ты сказала?

М и л о ч к а. Надежде Николаевне?

Л е н я. Да.

М и л о ч к а. Почему-то не сказала я ей. Сама не знаю почему.

Л е н я. И хорошо, что не сказала.

М и л о ч к а. Я ей только сказала, чтобы она... обратила на тебя внимание...

Пауза.

Л е н я. Я уйду сегодня... Ночью.

М и л о ч к а. Уйдешь все-таки?

Л е н я. Да. Я сейчас мешок с сухарями положил на поляне в дупло.

М и л о ч к а. Откуда у тебя сухари?

Л е н я. Я уже скоро два месяца, как весь хлеб не съедаю... Прячу в карман. И сушу на чердаке.

Миличка. Не заплесневел?

Леня. Нет, ведь там жарко. Крыша железная.

Миличка. Много получилось?

Леня. Да. Мешок. Еще я картошки насушил, взял чесноку. Луку взял.

Миличка. На дорогу?

Леня. На дорогу мне надо немного. Я все туда отвезу. Папе. Товарищам...

Миличка. Значит, ты действительно уйдешь?

Леня. Да. Уйду. Я... Мне очень неприятно, что я с тобой поругался. Ни разу этого не было, и как нарочно перед самым уходом так вышло. И... Я решил тебе сказать, что мне это неприятно. И вот говорю.

Миличка. Ничего... Я тоже думала, думала. Тебе не жалко интернат?

Леня. На прощанье я тебе скажу. Да. Жалко. Сейчас я шел по лесу и думал: уже завтра я всего этого не увижу. Вот, например, дрова лежат. Мы их сами напилили. Вот огород наш. Вот Яшка хрюкает в хлеву. Он мои шаги узнаёт. В окнах свет светится. На кухне стучат посудой. Моют ее. Помнишь, спали мы сначала на нарах. Потом сами сделали топчаны... Сколько вечеров сидели мы тут в темноте... Пели. Потом, помнишь, как мы кричали «ура», когда Надежда Николаевна привезла керосин. Потом стали устраивать уют...

Миличка. А выступать стали! Сначала боялись, а потом на всю область прославились.

Л е н я. Помнишь, как ехали мы на конференцию и попали в метель.

М и л о ч к а. Да. Сидим на розвальнях, как котята. Все свистит кругом. Мне от страха казалось, что кто-то смотрит на нас из темноты, и от этого становилось еще холодней.

Л е н я. А потом испугались, увидели — прыгает огонь.

М и л о ч к а. Да... Мы тогда не знали, что это сам председатель исполкома поскакал верхом навстречу. Он хороший человек.

Л е н я. Да.

М и л о ч к а. Как он смеялся, когда младшие выступали. Особенно когда Гая танцевала матросский танец. Он скоро к нам опять в гости придет.

Л е н я. Да. (*Встает.*) Ну, до свидания, Милочка.

М и л о ч к а. Разве ты уже идешь?

Л е н я. Нет. Просто... Просто я думаю, что явится кто-нибудь и не даст проститься. (*Протягивает Милочке руку.*) До свидания.

М и л о ч к а. До свидания.

Л е н я. Ты... ты все-таки меня не забывай.

М и л о ч к а. И ты меня тоже не забывай.

Л е н я. Нет, я тебя не забуду.

Пауза.

Ну вот и все. Ты, правда, не обижайся, что я на тебя кричал...

М и л о ч к а. Я тоже ведь кричала.

Л е н я. Может быть, скоро увидимся. Может быть, в это время, в будущем году, мы будем где-нибудь на даче под Ленинградом.

М и л о ч к а. Ну, уж нет. Если я попаду теперь в Ленинград, то ни за что никуда не уеду оттуда. За один километр и то не отъеду. Надежде Николаевне и Вере Ивановне ты ничего не скажешь? Не простишься с ними?

Л е н я. Не могу. Они ведь меня ни за что не отпустят.

М и л о ч к а. А ты им скажи спокойной ночи, а про себя подумай: до свидания, надолго.

Л е н я. Ты передай, что я их очень... Ну, как это сказать... люблю, что ли.

М и л о ч к а. Хорошо.

Л е н я. На.

М и л о ч к а. Что это?

Л е н я. Блокнот. Записная книжка. У меня их много. Еще из Ленинграда. Теперь я туда иду, мне больше не нужно. Возьми! На память.

М и л о ч к а. Спасибо.

Л е н я. Ну вот и идет кто-то.

М и л о ч к а (*вскакивает*). Кажется, почтальон. Мне хочется, чтобы пришло тебе какое-нибудь письмо. Такое, чтобы ты остался. (*Смотрит в окно.*) Нет, это председатель колхоза.

Л е н я. Надежду Николаевну ищет, наверное.

Входит председатель колхоза. Ему далеко за пятьдесят.
Седой. Высокий, суровый человек.

Миличка. Здравствуйте, товарищ председатель.

Председатель молча кивает головой.

Вам нужно Надежду Николаевну? Сейчас я за ней сбегаю.

Председатель. Сядь, девочка.

Миличка. Мне не трудно, она тут у ясельников.

Председатель. Нет.

Миличка. Она туда пошла.

Председатель. В кабинете она. У меня. С Верой Ивановной вместе. Я к вам, ребята. (*Садится. Внимательно разглядывает стены комнаты.*)

Пауза.

Миличка. Можно я вам чаю дам, товарищ председатель?

Председатель. Нет.

Миличка. Пожалуйста, выпейте. Куб еще горячий со всем.

Председатель. Не надо.

Миличка. С сахаром.

Председатель (*улыбнувшись*). Я его только что с медом... выпил уже. Спасибо.

Пауза.

М и л о ч к а. Погода хорошая какая. Правда, товарищ председатель? Луна так и светит.

Председатель безмолвствует.

Это очень приятно, что такая погода. Правда? Для уборки хорошо, что дождей нет.

Пауза.

П р е д с е д а т е л ь. Леня! Ты знаешь этих коней: Васю и Диму?

Л е н я. Знаю.

П р е д с е д а т е л ь. Кони хорошие?

Л е н я. Только Дима засекается.

П р е д с е д а т е л ь. Верно. Но это добросовестный конь. Тянет без обмана. В понедельник можно бы пшеницу начать...

Пауза.

Жнейку проверили. В порядке она. Васю и Диму я дам в жнейку. Возьмешься?

Л е н я. Что?

П р е д с е д а т е л ь. На жнейке работать?

Пауза.

М и л о ч к а. Что же ты молчишь, Леня?

П р е д с е д а т е л ь. Кони эти тебя знают. И ты коней знаешь. И жнейка для тебя не новость. Значит, так и постановили.

М и л о ч к а. Леня!

Председатель. Сядь, девочка.

Милочка. А почему он не отвечает?

Председатель. Он деловой колхозник. Лишнего слова не скажет.

Пауза.

Со льном вы помогли. Еще только один клинышек убрать — и все. И с пшеницей поможете. Фронтовая декада уборки урожая. Это значит, у нас тоже фронт. Вот и пойдешь ты, Леня, с понедельника на фронт.

Пауза.

Потому что это фронт. Действительно фронт. Дня упустить нельзя. Понял?

Леня молчит.

Понял, значит. Я к тебе целый год приглядываюсь. Я тобой доволен. И тобой доволен. (*Киваёт Милочке.*) Я редко хвалю... Но раз в году похвалить можно. Вот сейчас в кабинете Надежда Николаевна и Вера Ивановна счета подводят, помогают счетоводице. Это хорошо. Мы довольны. Ну, до свидания. (*Протягивает руку Лене. Потом Милочке.*)

Милочка. Вы уже уходите? Посидите, пожалуйста, еще.

Председатель. Скучаете вы здесь?

Милочка. Нет, ничего.

Председатель. Скучаете вы здесь, далеко от родных мест. Забыть родные места трудно. (*Садится.*)

Пауза.

Миличка. А вы разве не здешний?

Председатель. Трудно забыть родные места. Я здесь двадцать три года живу, после гражданской остался. Тут стояла наша часть на отдыхе. А я не ушел. Демобилизовался. Да, родные места забыть трудно.

Миличка. Вы скучали?

Председатель. Некогда было.

Миличка. А вы сами из каких мест?

Председатель. Дальний. В наших местах яблоки хороши. За городом Липецком я родился, в селе Мурино. (Встает.) Разговорился... (Идет к двери, возвращается.) Ездил я туда. Хорошо там. И тут хорошо. Тут я многое своими руками вырастил. Те места я, скажем, как родную мать люблю, а здешние — как детей. И тут Россия и там Россия. Все один Советский Союз... Дрова-то привезли?

Миличка. Для кухни? Да.

Председатель. Ночью ездили?

Миличка. Да. Днем все лошади на уборке были.

Председатель. Ладно... (Указывает на детский рисунок, висящий на стене.) Это кто рисовал?

Миличка. Галя Орлова.

Председатель. Море?

Миличка. Да. Вот это наша подводная лодка. А это их линкор.

Председатель. А это, значит, торпеда. Так. Красиво. Ты скажи ей, Гале. Для конторы в колхозе просили, мол, что-нибудь нарисовать.

М и л о ч к а. Непременно скажу! Она будет очень рада.

П р е д с е д а т е л ь. У вас тут хорошо.

М и л о ч к а. Это мы еще зимой начали делать уют во всем интернате.

П р е д с е д а т е л ь. Хорошо у вас. Некогда мне, но к вам я люблю приходить. Встречаете вы приветливо, вежливо, как будто я к вам на именины пришел, гостем, а не по делу.

М и л о ч к а. А мы, правда, рады вам.

П р е д с е д а т е л ь. Ну, Леня, я надеюсь на тебя. Иди с утра в понедельник в конный двор — и все...

Грохот в комнате старших.

М и л о ч к а. Что такое? Упал кто-нибудь с топчана, что ли?

Выходит С е р е ж а, заспанный и взъерошенный.

С е р е ж а. А мне письма нет?

М и л о ч к а. Какого письма?

С е р е ж а. А почтальон где?

М и л о ч к а. Какой почтальон?

С е р е ж а. Ой! Я слышу, мужчина разговаривает, думал — почтальон.

П р е д с е д а т е л ь. А чего это там загрохотало?

С е р е ж а. Брюки я уронил.

П р е д с е д а т е л ь. Они у тебя каменные, что ли?

С е р е ж а. Подумал я, что почтальон, и стал в темноте одеваться. Так. Хорошо. Брюки мои упали с табуретки.

Ну, упали так упали. Ладно. Нагнулся я. Стал руками шарить по полу. Так. Нашарил брюки. Схватил их. Хотел выпрямиться, да как стукнусь лбом об угол тумбочки. Тумбочка упала. Вот. Тогда я...

М и л о ч к а. Хорошо. Все понятно.

С е р е ж а. Здравствуйте, товарищ председатель. Садитесь, пожалуйста.

П р е д с е д а т е л ь (*усмехается*). Спасибо. Это ведь ты зимой в Ленинград убегал?

С е р е ж а. Товарищ председатель! Вы же знаете, что я...

П р е д с е д а т е л ь. Красиво!

С е р е ж а. Товарищ председатель! Ведь вы меня уже ругали за это. Я почему убегал? Там, думаю, фронт, в Ленинграде-то. А я тут, как будто запрятался в углочек...

Л е н я. Замолчи.

С е р е ж а. Что такое? Почему ты кричишь?

П р е д с е д а т е л ь. Потому что не только в Ленинграде фронт. Здесь тоже фронт. На какой тебя фронт поставили, там ты и стой. Если каждый будет рассуждать, где ему интереснее воевать, то получится не война, а беспорядок. Кто со своего поста бежит — дезертир.

С е р е ж а (*жалобно*). Товарищ председатель!

П р е д с е д а т е л ь. Ничего. Это на всякий случай говорится. Тобою я тоже доволен, ты у нас первый механик. Так наладил швейную машинку у Марины Афанасьевой, что просто лучше не надо. Ну, все. До свидания.

(Подает руку Милочке, Сереже, Лене.) Леня, я на тебя надеюсь.

М и л о ч к а. Я вас провожу, товарищ председатель. Я хочу показать вам, какую загородку мы для Яшки поставили.

П р е д с е д а т е л ь. Для поросенка?

М и л о ч к а. Да. Мы боимся, не велика ли. Очень уж он бегает в этой загородке и не жиреет.

Председатель и Милочка уходят.

С е р е ж а. Вот разговорился председатель! За один вечер, наверное, больше наговорил, чем за целый год. Совсем к нам привык. Леня, а Леня! Ты меня слушаешь? Я хочу с тобою, друг, поговорить по душам, пока никого нет. Посоветоваться.

Л е н я. О чём, Сережа?

С е р е ж а. Ты веришь, что круглых сирот будут из нашего интерната брать в детдома?

Л е н я. Не знаю.

С е р е ж а. Ну, а все-таки?

Л е н я. Не знаю, Сережа.

С е р е ж а. Когда Надежда Николаевна сказала, что не будут, я было успокоился. А как ночь пришла, не спится мне, все не спится... Ты не обижайся. Конечно, это верно, что говорил председатель, но только я думаю и думаю, не убежать ли мне в Ленинград все-таки?

Л е н я. Да что за мучение такое!

Сережа. Как ты говоришь?

Леня. Не смей даже и думать об этом!

Сережа. Как же так не смей? Ты сам посуди. А вдруг меня, как круглого сироту, заберут отсюда и отдадут в детдом. Как я буду с чужими ребятами жить? Вы посмеетесь иногда надо мной, что я тяну или свои вещи разбрасываю, но вы знаете, что во мне плохое, а что хорошее. И я привык ведь к вам, как привык! Разве я сменяю Надежду Николаевну на другую заведующую. Да это все равно что кого-нибудь родного сменять. Или, например, как же я буду без тебя, без Милочки, без Бори Орлова, без Степы Курдюнова. Мне, между прочим, даже ясельников будет жалко... А в Ленинграде — там все-таки фронт... Некогда будет думать. А какой-то дядя у меня там, кажется, есть на Фурштатской улице.

Леня. Значит, ты ради себя собираешься в Ленинград?

Сережа. Э, нет! Постой! Я, может быть, растяпа, но не трус. Даже возьмем эту несчастную сыроеожку. Все удивлялись, почему она так называется, но попробовать боялись. А я взял да съел! Я не трус, а храбрые люди в Ленинграде нужны. Потом, ты ведь сам знаешь, что к механике у меня большие способности. Я изобретать даже могу. Я там даром не буду хлеб есть. Нет, надо сбежать.

Леня. А тут что будет? Ты убежишь, другой убежит...

Сережа. А кто другой, Леня! Никто, кроме меня, не собирается бежать.

Вихрем врывается Милочка.

Милочка. Почтальон идет! Тебе, Леня, письмо есть. Есть! Есть! Есть!

Кружится по комнате.

С е р е ж а. А мне? А мне нету?

Входит почтальон. Это молодой еще человек. Одна рука на перевязи.

М и л о ч к а. Садитесь, пожалуйста.

С е р е ж а. Здравствуйте!

П о ч т а л ъ о н. Привет всему подразделению. А где командиры?

М и л о ч к а. Сейчас, наверное, придут.

П о ч т а л ъ о н. Отдать вам пакеты или помучить вас?

М и л о ч к а. Отдайте!

П о ч т а л ъ о н (*садится*). Восемь сегодня пакетов я вам доставил. С боем!

М и л о ч к а. А почему — с боем?

П о ч т а л ъ о н. Отвыкли от меня собаки, пока я на фронте был. Возле Шипицына в такое попал окружение! Я уж говорю собакам: если не образумитесь, я себе автомат отхлопочу. Отстреливаться буду...

Л е н я. Это правда, что мне письмо есть?

П о ч т а л ъ о н. Точно. Знаете, братцы мои, интересную вещь? Я когда вернулся домой?

М и л о ч к а. Уже больше двух месяцев.

П о ч т а л ъ о н. Точно. И вот иду сегодня лесом. И явственно слышу пулемет.

Сережа. Ну да!

Почтальон. Потом смотрю — это ремешок по ветру разевается, по сумке стучит... А мне чудится пальба. До сих пор у меня уши настроены по-боевому. Ну что, раздавать пакеты или чего-нибудь о фронте рассказать по-вчерашнему?

Миличка. Как хотите.

Почтальон. Ну ладно уж, раздам, раздам! А то вы мне своими глазами новую сумку продырявите. Вы как думаете: сами письмоносцы письма получают?

Сережа. Наверное.

Почтальон. А кто же им письма носит?

Сережа. Думаю, они сами себе и носят.

Почтальон. Точно. Сегодня разбираю пакеты, которые надо разнести, — смотрю, и мне есть почта! С фронта пишут друзья. Не забыли! Очень я был рад... Не бросают, помнят!

Сережа. А мне писем нет?

Почтальон. Но ты, Сережа, поверь мне. Как объяснить это, не знаю, но мы, письмоносцы, чувствуем, когда кому будут письма. Тебе завтра или самое позднее во вторник письмо будет.

Сережа. Ну!

Почтальон. Вот увидишь! Сейчас добудем ваши пакеты...

Сережа. А Надежде Николаевне ничего нет?

Почтальон. Пока нет.

Сережа. А будет?

Почтальон. Должно быть. (*Роется в сумке здоровой рукой.*) Конверты теперь пошли и треугольные, и пятиугольные, самодельные, сами из рук прыгают. Ну, нате. Разбирайте.

Миличка. Мае Лопатьевой, Шуре Басову — вот будет рад! Гарику. Ну, ему только позавчера было письмо. Рае... Это не из Ленинграда, это ей подруга из Москвы пишет. Светлане...

Леня. Вот мое письмо.

Миличка. Из Ташкента Максику. Может быть, его мама туда приехала...

Леня (*вглядывается в полученное письмо*). Ой, товарищи!

Миличка. Что ты?

Леня. Ведь это мое письмо вернулось обратно!

Почтальон. Дай-ка сюда. Верно. Я-то думал, что использовал старый конверт. Это твое письмо, с отметкой.

Сережа. С какой отметкой?

Почтальон. «Н. П. Олонецкий здесь не проживает».

Сережа. Не проживает? Как — не проживает? Отчего?

Миличка. Открой, Леня, письмо. Открой! Может быть, ошибка!

Сережа. Открывай.

Л е н я (*распечатывает конверт*). «Дорогой папа!» Да. Это мое письмо пришло обратно.

М и л о ч к а. Он просто переменил квартиру.

П о ч т а л ь о н. Точно. Переменил квартиру, а тебе сообщить не успел. Захлопотался, понимаешь, человек. И все дело.

Л е н я (*разглядывает конверт*). Нет.

П о ч т а л ь о н. Почему же это ты знаешь, что нет?

Л е н я. Смотрите! Справка адресного стола. Николай Павлович Олонецкий в Ленинграде не... не проживает.

М и л о ч к а. Может быть, он просто уехал из Ленинграда?

П о ч т а л ь о н. Точно. Человек ученый. Нужный. Вывезли, и все. Сколько ему лет?

Л е н я. Сорок шесть.

П о ч т а л ь о н. Вывезли. Ясно.

Л е н я. Нет.

П о ч т а л ь о н. Почему — нет?

Л е н я. Он телеграфировал бы. Мы так условились.

П о ч т а л ь о н. Ох, завтра с утра надо было бы мне прийти. А я-то еще спешил, нажимал. По лесу иду, думаю: завтра праздник. Может быть, еще не спят ребята... Обрадуются. Я с ними посижу, расскажу про фронт, про письмо от товарищей моих. Леня! Я тебе вот что скажу. Чему я на фронте научился... Не верь беде! Упирайся! Не верь, и все тут!

Входят Надежда Николаевна и Вера Ивановна.

Надежда Николаевна. Явился наш любимец.

Почтальон. Пришел не впору...

Вера Ивановна. Что случилось?

Милочка. Ленино письмо пришло обратно. И справка. На конверте, что папа его в Ленинграде не проживает.

Почтальон. Ну, до завтра, товарищи. Леня! Не верь беде! Упирайся! Не верь, и все тут! (Уходит.)

Вера Ивановна. Леня... Ведь еще не известно ничего! Ты думаешь... что случилось самое худшее?

Леня кивает головой.

Надежда Николаевна. Напрасно. Ты жди, жди. Нет писем, нет телеграмм — все равно жди.

Вера Ивановна. Тут, наверное, недоразумение какое-нибудь. Мало ли бывало ошибок.

Леня. Нет, Вера Ивановна! Так всегда говорится...

Надежда Николаевна. Подожди. Ты моего Володю не знал. Это был очень славный мальчик... Высокий, выше меня. Я начну на него ворчать, а он поднимет меня на руки и закружит по комнате. Очень веселый был мальчик. Дружил со мной, а я с ним. И вот не пишет он мне. А я жду. Давай вместе ждать, но так ждать, чтобы не стыдно было перед близкими, когда мы их дождемся. Это очень плохо, если человек так тоскует, что места себе не находит. Надо место себе найти и работать. Вот тогда можно ждать. И чем больше работаешь,

тем ждать легче, и не совестно перед теми, кто дерется там за нас с тобой. И помни, родной мой мальчик, что бы ни случилось, один ты не останешься. У тебя огромная семья. Мы все с тобой, а ты с нами. Понял?

Леня молчит.

Вера Ивановна. Идите спать, ребята.

Сережа. Вот при всех говорю, Леня, ты только скажи... Что хочешь, прикажи, то я для тебя и сделаю. Вот при всех говорю.

Милочка. Леня, скажи что-нибудь.

Леня. Спокойной ночи, Надежда Николаевна и Вера Ивановна. (*Быстро уходит в комнату старших.*)

Вера Ивановна. Спать, Надежда Николаевна, спать! Вон как устала. Побелела вся. Идемте, я провожу вас. Посижу с вами. Идемте, голубчик. И ты иди? Милочка, с нами! Не трогайте Леню пока.

Надежда Николаевна, Вера Ивановна и Милочка уходят.

Сережа. Как-то я ему мало сказал... Сейчас пойду и так объясню... Так... Сейчас... Надо сначала попробовать, чтобы не тянуть, а то он и без того расстроен. Значит, скажу я вот что: «Леня, а Леня! Ты меня слушаешь?» Он мне ответит: «Слушаю, Сережа». — «Ты, значит, не спишь, Леня?» — «Нет, не спится мне, Сережа». — «Не спится, Леня? Вот и мне так не спалось, когда пришло письмо о моей маме. Ты вот что, Леня, вспомни... Надежда Николаевна верно сказала, ведь друзья или товарищи — это все-таки ничего себе... Они бывают, как свои. Мне, например, даже вспомнить странно, что было время, когда я не знал тебя

или Веру Ивановну. Я теперь тебе на всю жизнь как брат». Вот и все. Ничего, кажется, понятно получается. (*Открывает дверь к старшим.*) Леня, а Леня! Ты меня слушаешь? (*Тихо.*) Уснул уже. Ну, что ж... И так бывает. Это письмо его, значит, прямо с ног свалило... Пойду и я... Сниму башмаки, аккуратно поставлю... Так, хорошо. Потом (*зевает*), потом рубашку я сниму. Ладно. Сниму. Так. (*Зевает.*) Сниму, значит, сложу... (*Скрывается в комнате старших.*)

Медленно-медленно открывается входная дверь. Осторожно заглядывает в комнату Муся. За нею — Дуся.

Дуся. Видишь, что ты наделала.

Муся. А что?

Дуся. А то. Наверное, убежал он уже. Как-то пусто здесь и страшно. Эх, ты!

Муся. Ты тоже, голубчик, эх! Спала так же, как я.

Дуся. А кто первый проснулся?

Муся. Пить тебе захотелось, вот ты и проснулась.

Дуся. Ну, поползем.

Муся. Куда?

Дуся. Заглянем к старшим.

Муся. Зачем?

Дуся. Разведаем, спит Леня или убежал.

Муся. Не убежал.

Дуся. Откуда ты знаешь?

М у с я. Знаю. Уж за него, наверное, принялись сегодня и мама и Надежда Николаевна.

Д у с я. А разве они узнали? Муся! Чего же ты молчишь?

М у с я. А конечно, узнали.

Д у с я. Ты сказала?

М у с я. Я не сказала, а намекнула. А мама отвечает: мы и сами так думали.

Д у с я. Зачем же это?

М у с я. Что?

Д у с я. Намекала ты ей без меня.

М у с я. А ты бегала смотреть, как Яшку моют...

Д у с я. Чего же ты мне раньше не сказала?

М у с я. Что?

Д у с я. Ну вот, как неинтересно... Зачем же мы вставали, крались... Эх, ты!

М у с я. Нет, ничего все-таки... Мы никогда так поздно не бродили тут... Хорошо, жутко!

Непонятный крик в комнате младших.

Д у с я. Ой, что это?

М у с я. Толя во сне орет. Его голосочек.

Д у с я. А что он крикнул?

М у с я. А что мальчишка может кричать! (*Изображает.*) «Лови его! Бей его!» Дышат... Слышишь? Как-то стран-

но, когда ночью сама не спишь, а кругом все спят. Дышат, дышат, как будто что-то тянется, тянется.

Дуся. Тише! (*Крадется к комнате старших. Осторожно заглядывает в дверь.*)

Муся. Ну?

Дуся. Тише!

Муся. Там он?

Дуся (*вздыхает*). Да.

Муся. Чего же ты расстраиваешься? Ведь это хорошо, что он не убежал.

Дуся. Конечно, хорошо... Только... только неинтересно. Уткнулся лицом в подушку и спит.

Муся. Почему это, правда, бывает, что расстраиваешься, когда ничего не случается? Помнишь, думали, что лес горит?

Дуся. Ага.

Муся. А когда оказалось, что это просто паровоз дымит на линии, то мама обрадовалась, а я как-то... огорчилась.

Дуся. И я тоже... Ну, пойдем?

Муся. Да. Придется пойти спать. Я ведь тебе говорила, что мама и Надежда Николаевна своего добьются.

Дуся. А как они добились, не знаешь?

Муся. Да! Скрой от нас что-нибудь. Они с Надеждой Николаевной говорили, говорили, потом к председателю колхоза пошли. Ну, тот, конечно, Лене запретил, да

и все. Ведь мы тоже почти что в колхозе. (Вздыхает.)
Ох, трудно с нами приходится иногда!

Дуся. Ну, нечего маму передразнивать!

Муся. Я не передразниваю, я сама так думаю... А им
хоть бы что... Дышат себе...

Дуся. Ой!

Муся. Идут!

Муся и Дуся прячутся за шкаф. Из комнаты старших выходит
Леня. Подходит к окну. Стоит неподвижно. Потом уходит
в комнату младших и закрывает за собой дверь.

Дуся. Неужели началось?

Муся. Конечно, началось. Я ведь говорила. Он что за-
думал, то и сделает. Видала — одетый.

Дуся. Наверное, он одетый и лежал на кровати?

Муся. Конечно. Готовился...

Дуся. Видишь, как хорошо, что мы прибежали... Толь-
ко бы не упустить его.

Муся. А как мы его можем упустить! Дверь одна.

Дуся. Разведали все-таки!

Муся. Уж мы-то всегда разведаем!..

Дуся. А что мы будем делать, когда он начнет бежать
уже совсем?

Муся. Маму позовем.

Дуся. Интересно, зачем он к младшим пошел?

М у с я. Дверь за собою закрыл.

Д у с я. Сейчас я разведаю. (Заглядывает в замочную скважину.) Знаешь что?

М у с я. Ну?

Д у с я. Он сидит на Мишиной кровати. Миша спит, а Леня смотрит на него.

М у с я. Прощается.

Д у с я. Может быть, сейчас за мамой сбегать?

М у с я. Подождем.

Д у с я. Тогда давай станем сюда, к сторонке. А то он увидит нас, когда войдет.

М у с я. Давай.

Пауза.

Д у с я. Ой, как ты думаешь, долго нам так стоять придется?

М у с я. А пока он не выйдет.

Д у с я. Это хуже нет, стоять, стоять...

М у с я. Ничего. Разве это хорошо, если Леня убежит? Мы не просто так себе стоим. Мы как часовые.

Дуся заглядывает в стенную газету, висящую возле. Хочет, закрывая рот рукой.

Ты чего?

Д у с я. Новую газету стенную вывесили. Видишь, кто нарисован?

М у с я. Не разберу...

Д у с я. Ну, да! Толя! Помнишь, когда мы для выступления готовили песню, он спрятался. Говорит: это не мальчиков дело песенки петь. Вот Милочка его и нарисовала.

М у с я. И стихи, стихи! (Читает.)

Все ребята дружно пели,
Вдруг один хорист исчез.
Толя, где ты? Посмотрели —
А он в тумбочку залез...

Хохотут, зажимая руками рты.

Ой, не могу... В тумбочку... Почему всегда хочется смеяться, когда нельзя?

Д у с я. Сейчас я поишу. Нет ли еще чего смешного. Почему это в стенной газете все верно, но непохоже?

М у с я. Что — непохоже?

Д у с я. А вот... Про тимуровцев. Сказано, что они отлично выполнили договор с колхозом... И все. А как пришли сюда жены бойцов, платья надели получше и благодарили. Так все было красиво!

М у с я. А мы потом выступали.

Д у с я. Вот про это ничего не сказано.

М у с я. Трудно все описать. Эта заметка как подписьана? Сова? Это Витя Бондарев. Он ведь так медленно пишет!

Д у с я. Да уж. Он над этой заметкой в десять строчек, наверное, дня четыре сидел.

М у с я. Какие у нас есть ленивые мальчики, это просто удивительно! Дальше. Ругаются, что белье в стирку отдаем не пометив. Правильно. Это Мусенька сочинила заметку.

Д у с я. Она хорошая девочка.

М у с я. Ничего. Она к нам очень славненько относится. Дала нам карандаш синий.

Д у с я. Привезли фланель для малышей. Старшие будут шить им платьица... Эти ясельники так растут... Сбор лекарственных растений. На первом месте мы!

М у с я. Неправда? Верно! Муся, Дуся и Толя...

Д у с я. Но про Толю могли бы и не писать.

М у с я. Он правда много собрал?

Д у с я. Так всякий собирает. Он игру придумал. Спорыня — это у него фашисты. Срывает ее с колоса и орет: «Сейчас я вас обойду с фланга! Напрасно вы зарылись в землю!»

М у с я. Ну, ничего. Дальше что? На предстоящую зиму все обеспечены валенками. Сережа Соколик разбрасывает вещи, когда спать ложится. Подпись Ласточка. Это Степка Курдюков писал. Сам тоже неряха.

Д у с я. Но зато на гитаре очень хорошо играет.

М у с я. Старшие помогают воспитателям гулять с малышами в лесу... Лен... Огород... Рыли картошку... Подносили к кухне колотые дрова... Следим за погодой и природой... Принесли песок для игры малышам. Еще чего тут? Собрали посылки на фронт. Еще чего...

Входит Милочка.

Милочка. Вы что тут делаете?

Муся. Стенную газету читаем.

Милочка. Вы в уме? Да вы знаете, который час теперь?

Дуся. Тише!

Милочка. Спать, спать идите.

Муся. Мы не можем.

Милочка. Что это за выдумки?

Дуся. Вот, честное слово, Милочка, ну... не можем.

Дуся. Мы сторожим.

Милочка. Кого?

Муся и Дуся переглядываются.

Кого вы сторожите, отвечайте толком!

Дуся (*очень тихо*). Леню.

Милочка. Кого-кого?

Дуся. Леню.

Муся. Он убежать собрался, знаешь?

Дуся. Конечно, знаешь...

Входит Сережа.

А ты чего бродишь?

Сережа. ...ночка беспокойная. А где он, почему-то...
Вот.

Ми ло чка. Он сидит у Миши. Я его позову... Леня, а Леня! Слушаешь? Товарищи, да его нет!

Му с я. Как так — нет?

Ду с я. Где же он? Мне страшно! Исчез!

Му с я. Ничего страшного нет. Видите...

Ду с я. Конечно. В окно убежал от нас, всех...

Ми ло чка. Не мог он уйти. Не мог! С ним так говорили... И потом, он бы оставил письмо.

Се ре жа. Конечно! А вдруг... А вдруг на кровати оно. (*Бежит в комнату старших.*) Вот его кровать. На подушке нет. Под подушкой... ох! (*Вбегает с письмом в руках.*) Смотрите! (*Читает.*) «Надежде Николаевне, Vere Ивановне и всем товарищам. Простите меня. Я должен уйти от вас в Ленинград. Я знаю, что вам будет неприятно, но и не такие семьи бросают, когда уходят на фронт. Я не могу больше жить здесь, когда все сражаются. Привет вам от всей души. Спасибо за все заботы. Леня Олонецкий». Что же делать?

Му с я. Что же будет теперь?

Ду с я. Как же мы поймаем его?

Се ре жа. Идем к Надежде Николаевне и Vere Ивановне!

Ми ло чка. Он сказал им спокойной ночи, а про себя подумал: до свидания, надолго. Нет, я не верю! Не верю! Не может быть, чтобы он убежал!

ЗАНАВЕС

Действие третье

Комната Надежды Николаевны — очень маленькая, очень чистая. Над изголовьем кровати висит на веревочке будильник. Крохотный кухонный столик, он же обеденный, он же письменный, стоит у окна. При поднятии занавеса на сцене пусто. Стук в дверь.

Муся (*за дверью*). Надежда Николаевна! Мама у вас?

Дуся (*за дверью*). Можно войти, Надежда Николаевна?

Муся и Дуся осторожно входят. В руках у каждой по букету цветов.

Муся. Нет ее.

Дуся. Значит, не вернулась еще.

Муся. Давай поставим цветы ей на стол.

Дуся. Вазочка где? Вот она. Сюда ставь.

Муся. Жалко, что Надежда Николаевна не видит, кто ей принес цветы.

Дуся. Да, жалко...

Муся. Ну, ничего! Пусть она думает, что это от всех ребят.

Дуся. Она очень обиделась на Леню, как ты думаешь?

Муся. Конечно, обидно! Они нам всю жизнь отдают, а мы не слушаемся.

Дуся. Свинство какое.

Муся. Вчера я мечтала, чтобы случилось что-нибудь, а теперь думаю: ах, если бы все по-прежнему!

Дуся. Никуда бы Леня не убегал!

Муся. И все были бы спокойные и веселые.

Дуся. Я в сельсовете была, телефонные разговоры слушала.

Муся. Ну? А я где пропадала в это время?

Дуся. Спала. Я тебя будила, а ты дерешься.

Муся. Не помню. Ну, что говорили по телефону в сельсовете?

Дуся. Ах, Муся, как они все всполошились! Даже, как это он называется... который из Ленинграда прислан заботиться о нас. Такой длинный... которому чуть что — пишут письма...

Муся. Ну знаю, он был у нас тут. Приехал такой сердитый, усталый, а потом повеселел.

Дуся. Этот самый. Уполномоченный Ленсовета специально только по нам, детям. Так он расстроился, как мы с тобой.

Муся. Правда?

Дуся. Да. Ему звонила мама.

Муся. Значит, уже и в городе такой же шум, как здесь, у нас?

Дуся. Ага!

Муся. Ну что ж... Им там, действительно, тоже обидно.

Дуся. Поймают, наверное, Леню.

Муся. Нет.

Д у с я. Почему ты так думаешь?

М у с я. Ты что, не знаешь его? Он уйдет!

Стук в дверь.

Можно, пожалуйста.

Входит М и ш а.

М и ш а. А Надежда Николаевна где?

М у с я. Пошла, наверное, к ясельникам.

Д у с я. Она всегда, когда на старших обидится...

М у с я. Уходит к самым маленьkim — утешаться.

Д у с я. Они ее называют «мама».

М у с я. Он не говорил тебе, по какой дороге побежит?

М и ш а. Нет.

М у с я. Мама удивляется. Это просто чудо.

Д у с я. Конечно, чудо. Минут через двадцать мыхватились его.

М у с я. По всем как есть дорожкам искали мы Леню.

Д у с я. А его нет как нет. Прямо, можно подумать, что он улетел.

М и ш а. Может быть, и улетел.

М у с я. Как!

Д у с я. Что ты говоришь!

М и ш а. Он очень, очень хотел уйти на войну. Сражаться за Ленинград... А если кто чего-нибудь ужасно,

ужасно хочет, то все по его и выходит. Он мог прямо в воздух подняться и полететь.

Дуся. Это сказка, да?

Миша. А я очень, очень хочу непременно сегодня увидеть его. Не так, чтобы его привели, а так, чтобы открылась дверь и он сам вошел. И чтобы на него не сердились, не ругали его, а хвалили бы и радовались.

Муся. Нет, так не будет.

Миша. А я этого очень, очень хочу.

Дуся. Тебе скучно без него?

Миша. Да.

Дуся. Тебя Толька не бьет?

Миша. Нет. Он мне винтовку подарил, которую сам из березового сугна вырезал.

Муся. Это которую он целый месяц ножичком выстругивал?

Миша. Да.

Входят Надежда Николаевна и Вера Ивановна.

Вера Ивановна. Это что за собрание в чужой комнате?

Муся. Мы цветов принесли.

Дуся. Вот они, Надежда Николаевна.

Надежда Николаевна. Спасибо, девочки. Мишенька, все томишься?

Дуся. Он думает, что Леня улетел по воздуху.

Муся. Потому что, если человек чего-нибудь очень, ужасно хочет, то все по его и выходит.

Дуся. А Миша хочет, чтобы открылась дверь и Леня вошел бы... Только, чтобы на него не сердились... На Леню.

Вера Ивановна. Девочки, идите побегайте. Там все ребята за шиповником собирались. Погода чудная, бегите.

Муся и Дуся убегают.

Миша. Можно я у вас немножечко посижу, Надежда Николаевна?

Надежда Николаевна. Конечно, Миша.

Вера Ивановна. А прилечь вы не собираетесь?

Надежда Николаевна. Не могу.

Вера Ивановна. Решила во что бы то ни стало надорваться? Ведь все сделано, все извещены. Все пущено в ход. Поспите.

Надежда Николаевна. Не уснуть. Ну, Мишенька, что смотришь?

Миша. Не сердитесь на меня, Надежда Николаевна.

Надежда Николаевна. За что?

Миша. Я вчера вечером знал, что он собирается в Ленинград. Перед самым ужином он мне сказал. А я вам — ни слова.

Надежда Николаевна. Ничего, Миша.

Миша. Я нечаянно!

Надежда Николаевна. Хорошо, хорошо, я не сердусь.

Миша. Ведь он на фронт собирался, а не куда-нибудь.
Ведь это почти что военная тайна.

Стук в дверь.

Надежда Николаевна. Можно!

Входят Милочка и Сережа.

Опять что-нибудь случилось?

Милочка. Нет, нет!

Сережа. Они прислали нас...

Надежда Николаевна. Кто — они?

Сережа. Ну, говори!

Милочка. Надежда Николаевна и Вера Ивановна! Коллектив ленинградских ребят... (Плачет.)

Сережа. Ну вот... Заревела. Нас выбрали, послали,
а она ревет. Милочка, ты не реви, ты говори.

Милочка. Не могу я!

Сережа. А я могу? Я ведь запутаюсь.

Надежда Николаевна. Ничего, говори.

Сережа. Ну, как хотите. Потом только меня не ругайте... (Откашливается.) Надежда Николаевна и Вера Ивановна! Коллектив ленинградских ребят... пошел, значит, собирать шиповник... Ладно... Собирает он

шиповник, как полагается... Ноги некоторые поцарапали... А внимания не обращают на это ребята. Вспоминают они, сколько пережили вы с нами... Вспомнили мы, например... как везли вы зимой на розвальнях продукты для нас, капусту, крупу... А коня вам дали Фоку... вы только не перебивайте, а то я совсем сошьюсь. А Фока имел привычку ложиться, а вы это не знали, тогда были еще неопытные... Хорошо. Лег Фока. Вы его распрягли, а запрячь не сумели. А продукты посреди дороги стоят. А на завтра готовить нечего. И взялись вы за оглобли и поволокли вы, Надежда Николаевна и Вера Ивановна, сани... Чтобы мы не сидели голодные. Волочите вы сани, а Фока шагает очень довольноый рядом... Вышел я погулять и вижу. Боже мой, да что же это такое? Бледные, спотыкаются, волочат сани, а сами улыбаются, сами улыбаются, чтобы нас не расстроить. Заорал я, как зарезанный: ребята, помогите! Если бы умел я говорить, пошел бы я по всей области по ленинградским учительям. И сказал бы: не думайте, что мы не видим, — мы все видим. Как растите вы нас, как бережете, себя не жалея, в далеком краю, в лесах. Конечно, Надежда Николаевна и Вера Ивановна, вы самые у нас лучшие, но мы там шиповник собираем, а сами говорим: мы всех понимаем. Все стараются для нас. И мы обещаем: мы вырастем и ничего не забудем. Конечно, вы еще будете обижаться на нас, а мы будем бузить, но мы вырастем. И себя покажем. Да здравствует наш интернат, и точка. Вот. И сказал, и не запутался, и кончил, как полагается.

Милочка. Мы обещаем...

Сережа. Не тяни, все понятно.

Вера Ивановна. Спасибо вам, Сережа и Милочка.

Надежда Николаевна. Спасибо.

Входит председатель колхоза.

Что? Есть новости?

Председатель. Здравствуйте. (*Садится.*) Новостей нету.

Пауза.

Благодарить пришел.

Вера Ивановна. Благодарить? За что же?

Председатель. Известно, за что.

Пауза.

Клинышек, конечно, небольшой, но труда он требует. Еще вчера, когда я шел домой, лен на месте стоял, а сегодня выхожу — он повыдерган весь. У вас своего дела по горло, а вы работали ночью. Спасибо.

Вера Ивановна. Это не мы.

Милочка. Из наших никто туда не ходил. На лен.

Председатель. И мои не ходили. Разве Дмитриевых старуха... На работу горячая... Но она, как будто, к внучке с вечера ушла. Что за чудеса... Пойду разведаю. Извините... Вот чудеса! Так мне хотелось, чтобы этот клинышек был убран, — утром смотрю, он чистенький весь... Прямо чудо. (*Уходит.*)

Миша. Чудо! Вот видите!

Вбегают Муся и Дуся.

Муся. Мамочка! Чей-то отец к нам идет.

Д у с я. Скоро уже будет! Радость какая! Отец чей-то!

В е р а И в а н о в на. Подождите вы! Какой отец?

М у с я. Неизвестно!

Д у с я. Из Ленинграда!

М у с я. Вот-вот будет уже...

В е р а И в а н о в на. Откуда вы узнали?

М у с я. Прибежала та девочка!

Д у с я. Из Верхней Вязовки.

М у с я. Квитанцию свою забрать...

Д у с я. Которую она дала нам до утра.

М у с я. И говорит. У нас чей-то отец сидит. Зашел дорогу спросить.

Д у с я. К вам идет!

М у с я. Ребята его не отпускают, расспрашивают.

Д у с я. А та девочка, которой квитанция, — сама только что из Ленинграда. Ей не так интересно.

М у с я. Она к нам — бегом! Посмотреть, как мы будем радоваться.

В е р а И в а н о в на. Почему же она не спросила фамилии отца-то?

М у с я. Она спросила.

Д у с я. Только она совсем еще городская.

М у с я. Собак боится.

Дуся. А на нее наши собаки бросились.

Муся. Альма и Пальма.

Дуся. Почуяли, что боится девочка.

Муся. Девочка говорит, что фамилия у нее от страха из головы вылетела.

Дуся. Ну, никак не может вспомнить!

Муся. Побежим!

Дуся. Мы его встречать побежим!

Муся. Радость какая!

Дуся. Отец чей-то!

Муся и Дуся убегают.

Вера Ивановна. Пойдем, встретим.

Надежда Николаевна. Ведите его сюда. А там ведь не дадут ему и поговорить со своим ребенком.

Вера Ивановна уходит.

А вы что же, ребята?

Сережа. Я, извините, Надежда Николаевна, боюсь.

Надежда Николаевна. Чего?

Сережа. А вдруг это мой?

Надежда Николаевна. Чего же тут бояться?

Сережа. А если нет? Вот то-то и страшно. Я уж очень давно жду.

Надежда Николаевна. А ты, Милочка?

Милочка. Я, пока он придет, с Мишой посижу. Ты что шепчешь, Миша?

Миша. Ничего. Я просто так...

Милочка. От моего папы позавчера было письмо. Он на Северном фронте. Его не отпустят.

Сережа. Орлова это отец, наверное... Эх, закрутится Борька, запрыгает.

Милочка. Мой папа дал бы телеграмму. Кажется мне почему-то, что это к Мусе.

Сережа. Орлова отца должны были куда-то перебросить. Хорошо, если правда его перебрасывают, а он по дороге — сюда, к нам. Боря у нас парень хороший. Правда, Надежда Николаевна?

Взрыв криков вдали. Во двор входят.

Милочка. Вот праздник был бы у нас сегодня, если бы... если бы Леня был дома...

Сережа. Ой! По коридору уже шагает.

Милочка. Идемте, ребята.

Распахивается дверь. В дверях — Дуся и Муся. Они сияют.

Муся. Вот сюда, пожалуйста!

Дуся. О порог не споткнитесь!

В дверях появляется бородатый запыленный человек.

Миша. Папа! Мой папа! (*Бросается в объятия к отцу.*)

Надежда Николаевна. Милочка, Сережа, бегите!

Миша. Я знал, знал!

Сережа (*любуется*). Радуется как!..

Милочка. На один бы день раньше... Только бы на один!

Надежда Николаевна. Бегите, бегите, ребята.

Милочка и Сережа уходят.

Миша. Папа... Как ты.. Как ты вырос! То есть не вырос, а стал постарше. Это наша Надежда Николаевна.

Олонецкий. Надежда Николаевна, я все знаю.

Надежда Николаевна. Вот... не уберегла.

Олонецкий. Мы найдем его! Вместе найдем.

Надежда Николаевна. Вы же меня еще и утешаете.

Олонецкий. А что же? Да? И утешаю. Конечно, утешаю... Я огорчен, разумеется, огорчен. Ну, а вы? Не меньше огорчены. Вот вместе мы и будем думать да гадать...

Миша. Миленький! Говорит совсем, как прежде!

Надежда Николаевна. Сильный характер у мальчика. Хотелось ему больше, все больше дела. Все потрудней. А тут еще письмо его к вам вернулось обратно.

Олонецкий. Почему? Ах да! Потому что я выехал... Я не телеграфировал, чтобы не волновать. Боялся, задержусь в дороге.

Миша. Ты кури, папа! Можно ему курить, Надежда Николаевна?

Надежда Николаевна. Пожалуйста, конечно.

Миша. Ты кури, а я буду смотреть, чтобы ты пепел сбрасывал, куда надо.

Надежда Николаевна. Я пойду скажу, чтобы чай вам дали.

Миша. Булочку, пожалуйста, Надежда Николаевна, тоже пусть ему дадут. Да?

Надежда Николаевна. Дадим, дадим.

Миша. У нас, папа, сегодня к полднику будут булочки. Ну, а тебе сейчас быстренько испекут. Вы ему мою отдайте, Надежда Николаевна.

Надежда Николаевна. Всем, всем хватит, Мишенька. (Уходит.)

Миша. Папа! Ой, как все перевернулось. Папа вдруг приехал. Что ты на меня так странно смотришь?

Олонецкий. Ведь я тебя не видел больше года.

Миша. И я тебя тоже. Папа, ты сядь. (Хохочет.) Шарит! Шарит по карманам! Совсем, как прежде! Папирису не можешь найти?

Олонецкий. Мундштук куда-то запропастился.

Миша (хочет). Запропастился! Совсем, как прежде. Давай уж я. (*Шарит по карманам отца.*) Да он же у тебя в руках. Беда с тобой! Вот так. А теперь давай спичку зажгу. Кури, папа.

Олонецкий. Большой ты какой.

Миша. А Леня еще больше вырос! Леня... Папа, он найдется?

Олонецкий. Леня? Конечно. Найдется, непременно.

Миша. Папа, как жалко, что ты и его тоже не видишь! Он стал такой... Такой серьезный! На него опирались!

Олонецкий. Как — опирались? Кто?

Миша. Надежда Николаевна, Вера Ивановна, когда нас воспитывали. Еще в дороге он стал такой... ну прямо отличник. Некоторые мальчики обижались, кричали: «Гогочка!» Ну он им показал Гогочку. Ведь он очень сильный. Ну, всех и убедил. Он меня так любит, папа! Перед тем, как уйти, ночью сегодня, он сел ко мне на кровать. Я сплю, а он смотрит, прощается. Папа, что ты, не надо огорчаться!

Олонецкий. Кто огорчается? Я не огорчаюсь.

Миша. Вот сюда стряхивай пепел. В блюдечко. Вот так, умница. А я, папа, знаешь что? Я стал такой рассказчик! Когда зимой темно было, мы пели, рассказывали. Меня даже старшие слушали!

Олонецкий. А что ты рассказывал?

Миша. Все. Сказки и правду... Папа, а как там дома? Алика не видел?

Олонецкий. Алик, это какой? Такой черненький?

Миша. Что ты! Белый совсем! Как солома, у него волосы.

Олонецкий. Ах, помню. Да. Тихонький такой мальчик!

Миша. Вот так тихонький! Стекло нам из рогатки высадил.

Олонецкий. Ах, этот! Алик Григорьев...

Миша. Ну, да.

Олонецкий. Этот, брат, знаешь... самый уважаемый человек во дворе. Он и в пожарной охране и связист. Две бомбы сам погасил зажигательные.

Миша. С ума сойти! А киоск газетный стоит на углу? А магазин «Овощи — зелень — фрукты»? А моя школа? А крыльцо, помнишь, там, возле скверика, где няньки всегда сидели?

Олонецкий. Расскажу. Все расскажу по порядку, дай мне только опомниться.

Миша. Хорошо, папочка, опоминайся, пожалуйста. Ты надолго?

Олонецкий. На четыре дня.

Миша. Как — на четыре? А потом?

Олонецкий. Видишь ли, у нас в институте сделано одно изобретение...

Миша. Ты сделал?

Олонецкий. Ну, допустим, я.

Взрыв криков во дворе.

Что это?

Миша. Так, ничего... Ежа, может быть, увидели... Или с Яшкой играют. Ну, папа?

Олонецкий. Да... Так вот. Сделали изобретение. Был я сейчас в Москве.

Миша. Ты из Москвы?

Олонецкий. Оттуда. Докладывал. Там приняли. Отпустили меня к вам всего на десять дней. Считая дорогу. Вот и выйдет четыре дня.

Миша. А потом обратно?

Олонецкий. Да. В Москву.

Миша. А оттуда в Ленинград?

Олонецкий. А это уж как Наркомат прикажет.

Миша. Четыре дня... Ну что ж. Это все-таки ничего себе. Порядочно. Завтра проснусь — ты еще здесь. Послезавтра — тоже. А потом еще два дня. Спать ложиться я буду попозже. Ты попроси Надежду Николаевну. А потом еще провожать тебя пойдем по лесу. Верно?

Олонецкий. Конечно, сынок.

Миша. Ах, Леня! Как было бы хорошо! Сидели бы все вместе... Папа, правда, если чего-нибудь очень хотеть, то так и будет?

Олонецкий. Конечно, правда.

Миша. Хотеть, и все?

Олонецкий. Хотеть и добиваться.

Миша. Да? А просто хотеть — этого мало? Мне, понимаешь, ужасно, ужасно хочется, сегодня, сейчас уви-

деть Леню. И чтобы на него не сердились, а хвалили бы его, радовались. Слышишь, папа? Как я хочу, чтобы открылась сейчас дверь и Леня вбежал! Ай! (Вскакивает дрожа.) Бежит... Бежит кто-то!

Олонецкий (встает тоже). Успокойся, сынок.

Распахивается дверь. На пороге появляется Леня.

Леня. Я не убегал! Я не убегал! (Бросается к отцу.)

Миша. Он не убегал! Слышите все — он не убегал!

Врываются Дуся, Муся, Сережа, Милочка.

Милочка. Никуда он и не убегал, Ленечка, родненький...

Сережа. Разве он бросит нас? Да никогда! Ни за что!

Муся. Я вам говорила, что он найдется!

Дуся. Ты говорила наоборот!

Муся. Ну, все равно, он тут, он тут, он тут, он тут!

Входят Надежда Николаевна и Вера Ивановна.

Надежда Николаевна. Ну вот и праздник! И у всех у нас праздник.

Вера Ивановна. Все в голову лезло, только не это...

Миша. Где же ты был, Ленечка?

Надежда Николаевна. Он все вам расскажет. Идем, идем, ребята. Дайте ему поговорить с отцом.

Милочка. Хорошо. Только вы потом к нам выходите, все выходите, скорее выходите! Мы вам все покажем, что мы тут сделали.

Муся. А потом выступим!

Д у с я. Я уже костюмы достала!

С е р е ж а. И, пожалуйста, товарищ Олонецкий, со мной поговорите... Я там, наверное, буду тянуть, путать, но вы потерпите... Я рад! Ох, я рад! Да еще письмо сегодня почтальон обещал.

В е р а И в а н о в на. Дети, дети, идемте.

М и л о ч к а. До свидания!

М у с я. Только до самого, самого, самого скорого свидания!

Д у с я. Да, да, верно, а то сил нет ждать!

Н а д е ж д а Н и к о л а е в на. Вот праздник! Настоящий праздник!

В е р а И в а н о в на. Ей-богу, она за несколько этих минут пополнела даже. Ну, марш, марш!

Вера Ивановна с трудом выпроваживает ребят. Они машут руками, кричат: «До свиданья! До свиданья!» Уходят. На сцене остаются Олонецкий, Леня и Миша.

О л о н е ц к и й. Слушай... Ты большой! Ты у меня со всем человек! А, Миша?

М и ш а. Я ведь говорил тебе.

О л о н е ц к и й. Леня!

Л е н я. Папа, я думал, ты погиб.

О л о н е ц к и й. Нет, брат... Не захотел — и не погиб. Они там что делали! И стреляли в меня из орудий, и сверху бросали бомбы, а я сидел да работал.

М и ш а. Вот мы какие!

Л е н я. Папа, а я собирался убежать.

Олонецкий. Это лишнее, честное слово.

Леня. Собирался. Даже письмо написал и держал его под подушкой, на всякий случай. Его Сережа нашел, когда я уже раздумал бежать. Я, знаешь, где был всю ночь? Лен дергал.

Миша. А председатель-то все руками разводил!

Леня. Папа! Они мне как-то очень доказали, что, куда человека во время войны поставят, там он и должен драться... И вдруг приходит мое письмо обратно, папочка. Ох, что со мной стало. Не могу успокоиться... Понимаешь, сел к Мише на кровать, но по-прежнему — так мне одиноко! Надо, надо мне врагам сейчас же какую-нибудь неприятность сделать! Сию же минуту! Понимаешь?

Олонецкий. Я? Очень понимаю!

Леня. И выскоцил я в окно и побежал бегом на поле. Луна светит. А я плачу и работаю. Вот вам, вот вам! А потом перестал плакать, и еще лучше пошло дело.

Олонецкий. Молодец. Миша, видишь? И хоть на-до и добиваться надо. Тогда все будет. Будет!

Миша. Ну, а я что говорил?

Леня. А потом, папочка, уснул я в стоге сена, как убитый, и только, только проснулся.

Миша. И теперь все мы вместе, как дома.

За окном запевает хор.

В далекий край ребята уезжают.
Родные папа с мамой вслед глядят.
Любимый город в дымке исчезает,
Знакомый дом, зеленый сад и мамин взгляд.

Леня. Это ребята нарочно поют. Напоминают о себе.

Олонецкий. Сейчас пойдем.

Хор.

Пройдут бои, промчатся дни и ночи.
Победой нашей кончится война.
И радостно ребята захлопочут,
Назад, к родным, на старые места.

Леня. Ты, папа, все с ними говори и говори. Мы с Мишкой в стороне будем держаться. Если спросят, видел ли в Ленинграде отца или мать, отвечай: «Как будто видел». Если спросят, проходил ли ты мимо такого-то дома, по такой-то улице, отвечай: «Да-да!»

Олонецкий. Понимаю.

Леня. Пусть чувствуют, что ты и к ним, ко всем ребятам, тоже приехал. Как будто ты им тоже немножко отец. Хорошо? Не забудешь?

Олонецкий. Хорошо. Запомню. Навсегда запомню.

Хор.

И вот домой ребята все вернутся,
Но будут помнить сельский интернат.
И папа с мамой снова улыбнутся,
Найдут ребята дом, свой сад и нежный взгляд.

ЗАНАВЕС

1942 г.

КОНСТАНТИН ТРЕНЁВ

Константин Андреевич Тренёв (21 мая 1876 — 19 мая 1945) — прозаик и драматург. В 1896—1899 гг. окончил Донскую духовную семинарию в Новочеркасске, а потом — духовную академию в Петербурге.

В 1901—1903 годах учился в Петербургском археологическом институте.

Уже будучи известным писателем, в 1921 году прослушал курс на агрономическом факультете в Таврическом университете. С 1931 года жил в Москве. Во время войны вместе с другими писателями выехал в эвакуацию в г. Чистополь. Кроме повестей и рассказов, написал несколько пьес. Среди них «Пугачевщина» (1924); «Гимназисты» (1924); «Любовь Яровая» (первая редакция в 1926-м, премьера в Малом театре в 1926-м. Вслед за Малым театром спектакль был поставлен во многих театрах страны. Вторая редакция в 1936-м. Премьера новой версии в 1936-м во МХАТе); «На берегу Невы» (1937). Пьеса «Навстречу» (1942) одной из первых вошла в театральный репертуар военных лет.

НАВСТРЕЧУ¹

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Карышев Модест Александрович.
Марина Петровна — его жена.
Сергей — их сын.
Веригин Платон Антонович.
Хорошилин Митрофан Савельевич.
Елена.
Нилыч.
Ивановна — жена Нилыча.
Афоня — их внук.
Рабочие, немцы.

Действие первое

Помещение научно-исследовательской лаборатории. Рядом две большие комнаты: налево — общая, с телефоном, из нее дверь ведет в следующую комнату. Направо — дверь, соединяющая эту комнату с частью лаборатории. Летнее утро. На сцене Марина и Нилыч.

Марина (*выглядывает в окно*). А ягоды у тебя, Нилыч, уже закраснелись.

¹ Тренёв, Константин Андреевич. Навстречу: пьеса в 5-ти картинах М.: ВУОАП, 1943; Тренёв, Константин Андреевич. Навстречу: пьеса в 3 д. М.; Л.: Искусство, 1943; Нап. на маш.; Тренёв, Константин Андреевич. Навстречу: пьеса в 3-х действиях // Тренёв К. А. Избранные произведения: в 2-х томах. М., 1947. Т. 2. С. 417—473.

Н и лы ч. Да. Кажется, небывалый будет урожай в этом году.

М арина. Ну, вот они, наши работники, возвращаются. Рано встали.

Н и лы ч. Да уж если Модест Александрович работает, так ему и ночь коротка. А тут ведь день такой большой приспел.

М арина. Да, канун больших дней.

Входят Ка рышев, Еле на и А фоня.

Ка рышев. А вот и мы. Доброе утро.

М арина. Доброе утро. Как работалось?

Ка рышев. Отлично работалось. Лену, моего неутомимого помощника, замучил.

Еле на. Ну, это не так просто.

Ка рышев. Зато как прошлись! Утро райское. Афанасий Титыч вот засвидетельствует. Птицы поют превосходно. Мы — тоже.

Еле на. Мы-то, положим, пели прескверно.

Ка рышев. Намек понятен.

Еле на. Нет, право, от нашего пения все птицы умоляют и, по возможности, разлетаются.

Ка рышев. Напротив, беседуют с нами по специальности. Как они выражаются, Афоня?

А фоня (*подражая птицам*). Цинк-цинк... Кобальт, кобальт...

К а р ы ш е в. Верно!

А ф о н я. А свинья — хром... хром...

К а р ы ш е в. Вот! Все царства нами заинтересованы.

А ф о н я. Перепелов-то пойдем ловить?

К а р ы ш е в. Непременно, Афанасий Титыч. Дай только направить работу, и сейчас за перепелов примемся. Который час?

Н и л ы ч. Приблизительно такой, что черти еще на кулачки не бились.

К а р ы ш е в. Черти еще не бились. А мы бьемся. И добьемся своего. Сережа, конечно, спит, и скрипка ему снится. Но сейчас не до скрипки! Будить!.. За дело.

М а р и н а. Сначала завтракать.

К а р ы ш е в. Ты дуй в лабораторию.

Е л е н а. Нет, я должна сначала как следует позавтракать и полчаса свободы. Потому что меня сегодня будут мучить до упаду.

Марина и Елена уходят.

К а р ы ш е в. Да, прошу приготовиться. (*Заглянув в лабораторию.*) Никого еще нет. Понятно. Только старикам не до сна. Да такой вот молодежи, как Елена.

Из своего кабинета выходит Х о р о ш и л и н. Он одет в поношенную рабочую блузу.

Х о р о ш и л и н. А я ни молодежь, ни старик, — возраст — выше среднего.

К а р ы ш е в. А, доброе утро, Митрофан Савельевич. Встали?.. Хорошо!..

Хорошилин. А я не спал.

Карышев. Вот это нехорошо.

Хорошилин. Кому как. Такие дни — не до сна.

Карышев. Да, да. А мы там, в уединении, за день сделали больше, чем здесь за месяц. Теоретическую часть работы можно считать законченной.

Хорошилин. Вот это замечательно! В лаборатории тоже все сделано. Можно в нагревательной начинать.

Карышев. Нарком сегодня вторую телеграмму прислал: спрашивает, когда ждать результатов. Я обещал в конце квартала. Ясно?

Хорошилин. Дни считаные...

Нилыч. По пальцам — десять.

Карышев. Как, Нилыч, со шлифами?

Нилыч. Заканчиваю.

Карышев. Начинаем. По местам.

Карышев, Хорошилин и Нилыч уходят в лабораторию. Входит Ивановна с ведром и веником. Начинает уборку.

Ивановна (*к Афоне*). А ты пошел, пошел отсюда!

Афоня. Бабушка, полегче. Мы, может, сейчас пойдем перепелов ловить! Ясно?

Ивановна. Я тебе, идолово дитё, таких перепелов тут задам! (*Замахивается на него тряпкой.*)

Афоня убегает.

Ну, ну! У нас тут, может, дни считаные...

Из лаборатории вышел Нилыч. Плотно закрыл за собой дверь.

Н и лы ч. Цсс! Уберешь да ягоды подкопаешь. Мне нынче не до того.

И вановна. Вот! А мне только и дела, что твои ягоды подкапывать. Хоть бы раз подумал, бессовестная душа, отдохнула ль жена.

Н и лы ч. Да я подумал, решил, что не отдохнула. Но поздней отдохнешь.

И вановна. Это когда ж поздней?

Н и лы ч. А теперь уже скоро: как внук Афона подрастет, значит — отдых.

И вановна. В горле б тебе застрял такой отдых. От тебя, идола, приятного слова не услышишь.

Н и лы ч (*звонит в телефон*). Приятные слова — это только от тебя. (*Звонит.*) Молчит. Тебе бы с него пример взять. С вечера молчит...

И вановна. Иной раз и ночь не спиши, думаешь: ужли ж я такая великая грешница, что в наказанье мне этакий мужик трудный?

Н и лы ч. Выходит — великая грешница: наказанье, оно по грехам дается, а награда, она за праведность.

И вановна. Так, так. Уж не ты ли, бывает, праведник?

Н и лы ч. А как же иначе! Тебе за грехи муж мучитель, а мне за мою праведность — сокровище в твоем виде. (*Уходит.*)

И вановна (*вслед*). Сам ты сокровище идолово!

Входит Марина с чашками кофе на подносе.

Марина. Ивановна, зачем так кричите? Вы же знаете, что Модесту Александровичу для работы нужна тишина.

Ивановна. Мне тоже для работы нужна тишина. Я, может, в тишине хотела бы век закончить. Тишину-то всякий любит.

Марина. Отнесите кофе в лабораторию.

Ивановна уносит поднос, навстречу ей — Хорошилин. Взял с подноса чашку кофе, пьет.

Хорошилин. Ну-с, Марина Петровна, вот мы и на пороге славы. Накануне. Последние деньки поволнуем, а там, наконец, — пожалуйте! Новый отечественный заменитель никелевого сплава. Поворот в нашей, — да и в мировой металлургической химии. Да, голубушка Марина Петровна, доработали-таки. Сколько приходится фактически здоровья отдать. Лучшие годы жизни этому делу посвятить. Впрочем, это забудется и никому не интересно.

Марина. Ну, что вы, Митрофан Савельевич!

Хорошилин. Организационная работа, она ведь никому не видна.

Марина. Вы знаете, как Модест Александрович ценит вас за это.

Хорошилин. Откровенно сказать — не знаю. Мне достаточно собственного сознания. Теперь, конечно, к Модесту Александровичу пришло и признание и помощники. Но я не знаю, где они были, когда его никто не признавал, когда многие смеялись над ним, как над никчемным инженером.

Марина. Да, Митрофан Савельевич, мы очень помним, что вы для нас много сделали. И вы, и Веригин, и Нилыч.

Хорошилин. Нилыч, конечно, старый мастер, пришел со мною вместе, а Веригин-то на готовенькое пристал. Вы знаете, Марина Петровна, что я его очень люблю и достаточно ценю. Но вот, видите ли, мы с Модестом Александровичем ночи не спим, в такой решающий момент, а Платон Веригин еще не являлся на работу и неизвестно, когда явится.

Марина плохо слушает, закрыла глаза.

А?

Марина. А?

Хорошилин. Что с вами?

Марина (*сконфуженно улыбнулась*). Простите, плохо спала... Сережа... не знаете где?

Хорошилин. Да спит еще, должно быть.

Марина. Да нет же, он не ночевал дома.

Хорошилин. А! Ну, все ясно: и вы, конечно, не спали. Мама не может уснуть, пока сын где-нибудь с девицами отплясывает.

Марина. Да я вчера сама плясала до упаду.

Входит Ивановна.

Ивановна. Доплясались! Солнце вон в небе заплясало. Завертелось, погляди как.

Марина. Как завертелось?

Ивановна. Ну, как идол, колесом.

Марина. А это что значит?

Ивановна. А что хорошего может значить, если не вовремя? К беде.

Марина. Уж и к беде! А может, к радости...

Ивановна. Это к какой же?

Марина. А вот в нашей лаборатории радость ожидается.

Ивановна. Так вот ради вашей работолатории солнце в небе завертится! К войне это.

Ивановна ушла.

Хорошилин. Вот они такие и сеют панику насчет войны.

Марина. Войны как не бояться!

Хорошилин. Войны у нас в ближайшее время не будет.

Марина. Я думаю, что трудно утверждать.

Хорошилин. Есть, Марина Петровна, точные данные, правда, отчасти секретные. Фактически это не значит, что не нужно быть к ней готовым. От границы-то мы — рукой подать.

Марина. Говорят, к войне, как к смерти, каждый час надо быть готовым. А вот я не могу к ней готовиться.

Хорошилин. Почему же?

Марина. Готовиться, значит, думать о ней, а я думать о кошмаре не могу. Страшно.

Хорошилин. Да ведь две войны пережили.

Марина (*улыбаясь*). Пережила, потому что не видала. А если бы увидала, умерла бы со страха или сбежала. (*Засмеялась*.)

Хорошилин. А вот у меня какая-то безрассудная храбрость. Надо, надо и вам, Марина Петровна, набираться мужества.

Марина. Где же его набрать, если нету. Как насилино миль не будешь, так, видно, и храбр не будешь насилино.

Сышен голос Карышева: «Митрофан Савельич!»

Хорошилин. Иду! (*Ушел*.)

Входит Елена.

Елена. Не угодно ли порадоваться на Сереженьку?

Марина (*вскочив в испуге*). Что, что с ним... Где?

Елена. Я пришла об этом вас спросить. Мне, правда, до него никакого дела, но ключи от лаборатории унес! Препарат погибнуть может.

Марина. Как вы, Лена, напугали меня! Сережа ведь с ночи еще не возвращался.

Елена. Ах, бедный мальчик!

Марина. Для матери сын — всегда мальчик.

Елена. А мальчик, видно, где-то заблудился в лунную ночь. Да и как не заблудиться, — сразу две луны, потому что она тоже, как луна.

Марина. Вы о ком?

Елена. Ну, конечно, о Вере Муриной. Не нам же с вами он будет серенады играть. Да мне совершенно не интересно, где он бывает. Но если ты вздумал менять лабораторию на консерваторию, так просто уходи.

Марина. В такой момент работы он считает долгом быть здесь.

Елена. Ах, долг! Делай нелюбимое дело, потому что должен.

Марина. Сережа любит это дело.

Елена. И потому, кажется, собирается бежать от него со скрипкой.

Марина. Но если у него несомненный талант.

Елена. И потому он бросает скрипку.

Марина. Вы не все знаете. Для скрипки он собрался бросить и вуз, и работу в лаборатории. Но отец восстал против этого всей своей силой...

Елена. Что за деспотизм! Против чужого призыва!

Марина. Вот в призвании-то Сережи он и не уверен, и потому испытывает его... «если, говорит, преодолеет препятствия, значит, призванье, а нет...» Истомила меня эта молчаливая борьба.

Елена. Видно, в борьбе он затерял ключ и испортил мою работу... Это уже просто нечестно.

Марина. Как вы сказали? Ну, за это я у него отчета потребую.

Елена (*ласкаясь*). Ну, Марина Петровна, милая... Это я уж перегнула. Вы не обращайте внимания. Но, право

же, это безобразие! Пожалуйста, увлекайся своей Муриной.

Марина. Да откуда вы взяли, что он ею увлекается?

Елена. А разве неправда? А? (*С иронией.*) Ах, как это неинтересно! (*Зевнула.*) Коля Круглов ближе мне, конечно... Хороший такой... Но меня сейчас никто и ничто не интересует, кроме работы.

Марина. Замучил вас Модест Александрович?

Елена. Сил нет. Послушать, как он с птичками перекликается, — никто не поверит, как он зверем рычит в лаборатории. Нет, только бы закончить опыт, — такой путь...

Марина. Неужели уйдете?

Елена. Что вы! Такой путь нам открывается, — в такую силу входим!..

Марина. А говорите — сил нет.

Елена. Ну! Я в ответ тоже делаюсь, как зверь, свирепая и сильная.

Марина (*смеется*). Ой, мне страшно!

Елена. Но я его люблю.

Марина. Это мне еще страшней.

Елена. Это безопасно.

Марина. А как весело было вчера на заводе! А потом все меня провожали. Так смеялись, так смеялись!

Елена. Чему смеялись?

Марина. А всему. Вы ведь знаете, какая я смешливая...

Входит Сергей.

Марина. Сережа! (*Делает движение к нему, но быстро овладевает собой.*) Ты... здоров?.. Вот Лена..

Елена. Ключи!

Сергей. Мама, доброе утро. (*Целует ее.*)

Елена. Ключи!

Сергей. Собственно, от чего ключи?

Елена. От царства небесного.

Сергей. А-а. С этим адресуйтесь к папе римскому.

Елена. Я адресуюсь к вашей чести. Вы мне работу сорвали. Где ключи от второй лаборатории?

Сергей. Как где? На своем месте, за дверью. Вот они.

Елена. А кто вас знает, где вы нашли это место. За дверью! Это вам не скрипка.

Сергей. Скрипку за дверью не вешают.

Елена. Хоть на шею повесьте. Ваше дело. (*Взяла ключи, ушла.*)

Сергей. Заметила, сколько злобы!

Марина. Нет, я никогда ничего не замечаю. А ты опять на собрании всех перекусал. Какие вы с Веригиным злы...

Сергей. Злых не любят, а Веригина некоторые любят.

Марина. И тебя.

Сергей. Меня пока не за что.

Марина. Неправда, к тебе многие привязаны. Жаль, что ты не веришь в людей, как твой отец.

Сергей. Который так плохо в них разбирается. Да, я не так верю в хороших людей, как верит он, — слепо. Я сильней верю. Он от юности на всю жизнь уверовал в свой еще не существующий отечественный сплав. Вот так и я верю в иной чудесный сплав.

Марина. Какой?

Сергей. Я верю в то, что скоро наша страна даст людей такого сплава, каких ни один народ, ни одна страна не давала.

Марина. По-твоему, еще не дала?

Сергей. Можешь видеть по этой особе. Но почему она так злится на меня? Не потому ли, что я решил с этого дня игнорировать ее?

Нилыч проходит в лабораторию.

Сейчас, Нилыч. (*Уходит в лабораторию. Марина в недоумении смотрит ему вслед.*)

Входят Карышев и Хорошилин. У Карышева в руках кусок металла.

Карышев (*Марине*). Ни к черту. Здесь упругость ниже предыдущей. Значит, формула не годится.

Хорошилин. Поищем другую.

Карышев (*не слушая, подсчитывая*). Веригина... Где Веригин?

Х о р о ш и л и н. Веригин всюду и нигде. Всюду успевает, кроме лаборатории. Как-нибудь уж без него обойдемся.

К а р ы ш е в. Вы думаете?

Х о р о ш и л и н. Я думал. Я сегодня на свежую голову тут формулу набросал... (*Показывает ему бумагу с вычислениями.*)

К а р ы ш е в (*посмотрев*). Это вы на свежую голову?.. Гм... Бездарная формула, то есть, извините, я хотел сказать, неподходящая формула. Марина! Да разыскать мне этого Веригина!

Х о р о ш и л и н. Где прикажете? В клубе, или в оборонной комиссии, на рыбной ловле, или на гонках, или за биллиардом? Можно сказать — и швец, и жнец, и в дуду игрец.

К а р ы ш е в. Вот-вот! Широкая натура — все охватить, всюду разбросать себя.

Х о р о ш и л и н. И ничего не собрать.

К а р ы ш е в (*Марине*). Вот, не угодно ли? Здесь судьба моей работы решается, а ближайший помощничек где-то кием рыбу удит.

М а р и н а. Я думаю, он сейчас явится.

К а р ы ш е в. Передай ему, пожалуйста, что сегодня он может совсем не являться. А завтра — завтра без него обойдемся. Конечно, я знаю, он найдет оправдание и станет даже грубить. Ну, я ему такое слово скажу, какого еще никогда не говорил. Идем, Митрофан Савельевич.

Входит А ф о н я.

А ф о н я. Идем, Модест Александрович. Перепелов на-
летело! Как собак!

К а р ы ш е в. После, после, Афоня.

А ф о н я. Да чего же после, когда сейчас прилетели!
Ждать не будут!

К а р ы ш е в. Да некогда! Вот чудак! Надо ж, брат, раз-
личать.

Уходит. Хорошилин за ним.

А ф о н я. Ну, вот, наобещал, наобещал и назад.

М а р и н а. Ты иди, иди, Афоня, один. Он справится
и придет. Ты где сети раскинул?

А ф о н я. Да там же, за оврагом, во ржи.

М а р и н а. Ну, он там тебя и найдет.

А ф о н я. Ладно уж. Пускай скорей поворачивается.

Афоня уходит. Входит В е р и г и н.

М а р и н а. Доброе утро, Платон Антонович. Пожалуй-
ста, скорее идите в термическую. Модест Александро-
вич так сильно волнуется.

В е р и г и н. Нехорошо, когда люди зря волнуются.

М а р и н а. Я пробовала успокоить его, не удается.

В е р и г и н. Жаль. Впрочем, это ваше семейное дело...

М а р и н а. Там, в лаборатории, что-то не ладится.

В е р и г и н. Тут тоже лаборатория и, по-моему... (делая
ей руку) напрасно вы, Марина Петровна, здесь...

М а р и н а. Ухожу, только хоть вы не сердитесь. (*Ушла.*)

Веригин, надевая рабочий костюм, тихо напевает. Входит Ка-
рьшев.

К а р ы ш е в. Нету?.. А!.. Наконец-то изволили явиться.
Вовремя же!

Веригин молча показывает на часы.

К а р ы ш е в. Да, да, понимаю. Минута в минуту на ра-
боте. Как вы дорожите своими минутами! И мы вот не
дорожим ночью.

В е р и г и н. Зря, Модест Александрович. Я ночью очень
дорожу и стараюсь выспаться.

К а р ы ш е в. Да, да, вы очень старательны. А часы ваши
спрячьте. У меня свои есть, на них минуты считаные.
Срок истекает, а тут — вот! Не угодно ли понюхать?
Подошва, а не сплав!

В е р и г и н. Что ж, значит, кто-то из нас сапожник.
(Рассматривает формулу.) Где-то в печах ошибка.

К а р ы ш е в. Хорошилин проверил.

В е р и г и н. А Хорошилина проверили?

Карышев и Веригин уходят. Вошла Е л е н а, украдкой заглянула
в лабораторию. Приоткрыла дверь. Видно, как в лаборатории ра-
ботают Н и л ы ч и С е р г е й. Елена взяла телефонную трубку.

Е л е н а. Завод? Попросите Колю Круглова. Ах, это вы,
Коля? Почему вы у телефона? Ах, хотели мне звонить!
Ах, соскучились? Ах, даже очень? Я, Колечка, тоже —
очень. Тихо!.. Тут, оказывается, рядом посторонние,
а я не заметила. После... Ну, до скорого. (*Остановилась
в дверях лаборатории.*) Жаль, я не знала, что вы тут.
Извините, что помешала.

Сергей. Пожалуйста, нисколько! Тем более, что телефон не работает.

Елена (*растерянно*). Как... не работает?

Нилыч. Со вчерашнего дня.

Елена. Не может быть... почему же я... сейчас говорила?

Сергей. Вероятно, потому, что не знали.

Елена. Правда, может быть, плохо слышно. Но мы с Колей понимаем друг друга с полуслова.

Сергей. Значит, всегда с ним только половинками слов разговариваете? Или полными словами?

Елена. Представьте!

Сергей. Не могу. Однако ж, сколько вы с вашим Колей лишнего наговорили! Пятьдесят процентов!

Елена. Ах, какой вы стопроцентный каламбурист!

Сергей (*выносит с Нилычем препарат*). Нилыч, надо позвать монтера.

Нилыч. Звал, но в основном — пьет.

Уходят.

Елена (*вслед*). И, пожалуйста, в другой раз не тратьте времени на прогулку мимо нашего корпуса: даром потеряете все сто процентов времени. И скрипку вашу настраивайте для вашей Верочки. (*Взяла трубку, послушала. Разгневанно стучит ею о рычаг. Сквозь слезы.*) О, как это глупо... Как глупо!.. Ничего, мы еще встретимся... Вы еще узнаете, Сергей Модестович!

Вошла Марина с цветами.

Марина. Лена, за что вы аппарат бьете?

Елена. Не работает.

Марина. А побьете, будет работать? Помогите мне со-трудникам букеты подобрать. (*Подбирает букеты.*) Кто вас, Леночка, обидел?

Елена. Никто. А если бы... Я о своих обидах никому не говорю.

Марина. Это по-моему.

Елена. Но никогда не забываю.

Марина. Вот это уж не по-моему. Мне всегда легчеказалось обиду забыть, чем носить ее. Надо держать в сердце не проступки, а хорошие поступки людей. Это молодит.

Елена. Вы в своей жизни хоть раз когда-нибудь разгневались?

Марина. Конечно.

Елена. Не верю.

Марина. Нет, правда. Однажды я так разгневалась, что сама испугалась.

Елена. Как же это случилось?

Марина. Это было как раз в те тяжелые времена, когда Модест Александрович был всеми отвержен. Ведь эта идея об отечественных сплавах к нему не пришла в виде готового открытия, не упала яблоком перед ним,

не вспыхнула порохом... Она мучила его и долго не давалась в руки. Он все добивался приема у наркома, чтобы познакомить его со своей идеей. А его не допускали. А я, бывало, провожу его до двери, стою и слезы глотаю... Он ведь такой робкий, хуже меня... Раз я набралась смелости, пошла сама. За столом сам секретарь. «Что вам?» Смотрит поверх головы мертвыми глазами. «Я, — говорю, — вместо мужа. Чтобы вы о нем наркому доложили». — «А, понимаю, — отвечает, — хотите мужа протащить. Не выйдет, гражданка. Бездарности у нас места нет».

Елена. Это он на Модеста Александровича?.. А?!

Марина. У меня в глазах потемнело, дыхание перехватило, я прошептала: «Да, я вижу, здесь место нашлось только для дурака».

Елена. Вот спасибо!.. Молодец вы!

Марина. Он опешил, а потом, вижу, тянется к звонку. Тут я опомнилась, шепчу: «Пожалуйста, умоляю, забудем, что я вас дураком назвала. Если другие узнают, мне и вам будет неловко и стыдно. Тяжелый случай. Клянусь вам, никому не скажу. Только устройте мужу прием».

Елена. Что же он?

Марина. Ничего. Я не помню, как вышла, а на другой день нарком принял Модеста Александровича, они проговорили три часа. А теперь — скоро и наш праздник. Буду танцевать до упаду. Ужасно люблю! Видно, и умру танцуя...

Елена. И я...

Марина. Я в танце снова делаюсь молодой...

Елена. И я...

Марина. Ну, вам это трудно. (*Смеется.*)

Елена. А вам и трудиться не надо. Вы вся такая молодая. От вас веет... черемухой. Где вы, там — радость. (*Набрасывая ей на голову нарядный шарф.*) На празднике обязательно быть в этом шарфе. Я вас в нем так люблю.

Марина. А я вас так люблю, когда вы напяливаете маску злючки, чтобы скрыть свою доброту. (*Весело закружила ее в танце.*)

Проходит Ивановна. На минутку остановилась.

Ивановна. Ну, ни свет ни заря и солнце и люди заплясали... (*Подает Елене еду.*)

Елена. Знаете, отправимся все на Зеленую Горку, и там натанцуемся вволю!.. Я эту ночь туда бегала — зарю встречала.

Ивановна. А то она без тебя не придет. (*Ушла.*)

Елена. Какое благоухание! Я расплакалась.

Марина. О чём, Лена?

Елена. Не знаю... Чего-то жаль... Чего-то ждала...

Марина. А он, жестокий, не пришел?

Елена. Кто?

Марина. Коля Круглов, по-видимому...

Елена (*скучно*). Да, да, конечно, Коля. Больше уж некому. Мне пора. (*Быстро ушла.*)

Марина. Я провожу вас. (*Ушла за ней.*)

Входят Хорошилин и Веригин. Закурили.

Хорошилин. Ну, что ж, как будто все в порядке. Завтра можно приступать к термическому испытанию и через два-три дня — у финиша. Ну, и разгневался же он на тебя давеча! Еле я его успокоил.

Веригин. Напрасно беспокоился.

Хорошилин. Ты ведь знаешь, Платоша, как я тебя люблю.

Веригин. Знаю, Митроша.

Хорошилин. На взаимность не напрашиваюсь, но, знаешь ли, что я еще люблю?

Веригин. Не знаю, Митроша.

Хорошилин. Откровенность, Платоша. И вот на кануне нового этапа нашей работы хотелось бы, чтоб между нами не было недоговоренности. Ты хорошо знаешь мою скромность.

Веригин. Хорошо.

Хорошилин. Я знаю свое место. Ты образованней, может быть, талантливей меня, но я, сам видишь, не завидую тебе, а горжусь тобой. Тебе свое, мне свое. Ты — любимейший помощник Карышева, но никому не следует, во-первых, забываться, во-вторых, забывать, что открыл-то его ведь я.

Веригин. Ну, это ты слишком уж скромно.

Хорошилин. То есть?

Веригин. Открыть всякий может, а ты просто родил Карышева. Это не всякая мать может.

Хорошилин. Не всякая мать кладет на своего ребенка столько труда и здоровья, сколько здесь положил его я.

Веригин. Труд положил — это пусть его лежит, а здоровье — это напрасно. Незаменимая вещь.

Хорошилин. Да, это дороже и незаменимей той платиновой посуды и всего оборудования нашей лаборатории, которую только я мог добыть. Эту заслугу надо ценить.

Веригин. Посуду оценят, а на заслугу наблюдают.

Хорошилин. А уж это, Платоша, карканье надо мною и клевета на тех, кто над нами. По-твоему, и на Карышева наплюют?

Веригин. Речь о тебе. Тебе дано в небе парить, а вместо неба ты с нами по земле плетешься. Рожденный летать — ползать должен.

Хорошилин. Подползай, подползай, змей... понимаю.

Веригин. А ты — непонятый сокол: только взлетишь, а тебе сейчас же, как волу, ярмо на шею.

Хорошилин. Не причитай.

Веригин. А потом — тебя же по той же шее — дойдя: не справился.

Хорошилин. Бывает и такая неблагодарность.

Веригин. А в газете напишут: благодаря товарищу Хорошилину частый прорыв и общий срыв.

Хорошилин. Ну, ладно, ладно. Не обобщай: у меня бывали такие достижения, о которых и не эдак писали. Да и теперь: надеюсь, рассмотрят.

Веригин. Рассмотреть-то рассмотрят, а небось напишут: несмотря на шляпу Хорошилина, все создала голова Карышева.

Хорошилин. И Веригина. Но имей в виду, ты тоже не застрахован.

Веригин. Застрахован! У меня шкура толстая, а у тебя, Митроша, деликатная. Главное — я человек хитрый, все позади, вроде Санхо-Панчо, а ты — все вперед, Дон-Кихот, идеалист. Отдал сердце другим, а сам остался при пухлой печенке — растрата это. Есть, Митроша, такие люди...

Хорошилин. Есть, Платоша, такие люди, которые отправляют советскую атмосферу подрывом энтузиазма, разлагают молодежь.

Веригин. Это ты, кажется, по поводу нежелания молодежи слушать тебя.

Хорошилин. Я популярности не ищу.

Веригин. Поищи.

Хорошилин. Не нуждаюсь.

Веригин. Давно?

Хорошилин. Всегда. И давно хочу спросить: чего ты фактически от меня хочешь? В чем дело, наконец?

Веригин. Дело не в том, что я от тебя хочу, а в том, что я о тебе думаю.

Хорошилин. Думай, что хочешь, но злоупотреблять моей добротой не советую. И еще я тебе дам дружеский совет.

Веригин. Бесплатный?

Хорошилин. При неисполнении можешь и поплатиться.

Веригин. Слушаю.

Хорошилин. Да, тебе надо выслушать и взвесить.

Веригин. Это мы взвесим.

Хорошилин. Цинизм твой, Платоша, доходит до грации. Может быть, потому, что от одного из нас сейчас чуть винцом пахнет.

Веригин. Это один из нас врет.

Хорошилин. Показалось. А когда пахнет, ты позволяешь себе такие слова и сужденья, от которых... скверно пахнет. Что для нас священно, то для тебя — предмет двусмысленной фразочки и подчас злорадной усмешечки над нашими неудачами.

Веригин. Почему ты о себе говоришь во множественном числе?

Хорошилин. Потому что нас, советских людей, слава богу, много.

Веригин. Именно вас, Митрошей?

Хорошилин. Да-с, нас, Платоша. А ты как будто все сбоку. Не нравится.

Веригин. Мне не нравится, что ты в середине, — между советских людей.

Ушел.

Хорошилин. А!.. Так-с, так-с...

Входит Марина.

Марина. Ну, кажется, у вас все прекрасно. Я так рада... А то Модест Александрович с утра было расстроился... (*Взглянула на него.*) Но... вы сейчас чем-то расстроены.

Хорошилин. Нет, ничего.

Марина. Что случилось? Вы меня пугаете.

Хорошилин. Право же, ничего. А если что и случилось, то это касается только меня...

Марина. Вот как! «Только»... Вы не считаете нас близкими...

Хорошилин. Да, речь идет о близком мне человеке, которого я так любил, но который с виду как будто ничего, а в душе не наш человек. А всего-то и отличия: где у нас энтузиазм, там у него презрительно-кислая гримаса... Там, где у нас заминочка или прорыв, у него злорадная усмешечка.

Марина. Вы о ком это?

Хорошилин. Этакое характерное хихиканье с типичной завесой: «издеваюсь, дескать, над отдельным лицом, а не над строем». И все это под маской демонического величия. Мы когда-то за революцию кровь лили, а такие вот на нашей крови шкуру холят. Их надо

выявлять, с ними должна быть война, хотя бы они и ослепляли нас иногда своей кажущейся талантливостью.

Марина. Да вы это... неужели о Веригине?!

Хорошилин. А почему вы узнали?

Марина. Да потому, что очень уж непохоже.

Хорошилин. Значит, не о нем.

Марина. О нем. Но не... похоже.

Хорошилин. То есть, неправда... Когда о прекрасном человеке говорят небылицы, значит, клевещут из зависти.

Марина. Это уж вы клевещете на себя. Зачем?

Хорошилин. Позвольте, как же теперь быть... Ведь одна клевета исключает другую.

Марина. Не знаю. В жизни одна клевета влечет другую. Долой их все...

Хорошилин. Правильно. Долой и самый вопрос.

Марина. Значит, долой вашу войну! Вы же знаете, что я войны боюсь больше всего на свете!

Хорошилин. Хорошо. Здесь я войны с ним не веду, и прошу вас забыть об этом разговоре и желаю, чтоб вы не вспоминали о нем после.

Марина. Прошу и вас забыть о нем.

Хорошилин. Ведь вы знаете мою глупую искренность.

Марина. Искренность, по-моему, не бывает глупа. А искренняя дружба сильней всего. В такой решающий для нас момент прошу вас забыть о всяких «войнах» и раздорах.

Входит Веригин.

В такой момент подайте, друзья, друг другу руки.

Хорошилин протягивает Веригину руку.

Веригин. Руки-то грязные. Сначала вымою. Впрочем, лучше потом вымою. (*Протянул руку.*)

Вошел Каравеев.

Каравеев. Завтра, завтра будем руки мыть. А сегодня прошу всех быть начеку. Время критическое. Да и место наше критическое. Срок наш близок. А враг может оказаться еще ближе.

Хорошилин. Что вы, Модест Александрович. Откуда такая тревога?

Каравеев. Тревоги нет.

Марина. День нынче такой душный.

Каравеев. Не знаю, чем вызвана вторая телеграмма наркома. Я ему обещал, и мы сделаем в срок.

Веригин. Сделаем не потому, что вы обещали.

Каравеев. Я обещал потому, что мы сделаем, если вам нравится точность.

Веригин. Мне не нравится, когда за меня обещают. Может получиться неточность.

Хорошилин. Если Модест Александрович за нас обещает, значит, уверен в нас — это высокая честь.

В е р и г и н. Я не честолюбив.

К а р ы ш е в. Ну, ладно уж. Извиняюсь, что давеча по-кричал на вас, точный человек.

Х о р о ш и л и н (*Марине, тихо*). Слышите разговорчик... Предупредительно слагает ответственность...

В е р и г и н (*взглянув на часы*). У вас полчаса свободного времени. В лабораторию не показываться.

М а р и н а. Очень хорошо. Отдохни.

К а р ы ш е в. Слушаю. Можете меня оставить. Лену, Лену мне. Формулу записать.

Веригин и Хорошилин уходят.

К а р ы ш е в. Хорошилин, конечно, пороху не выдумает, но и на пороховой погреб не посадит.

М а р и н а. Он, кажется, что-то другое выдумывает.

Входит Е л е н а. Марина уходит.

К а р ы ш е в. Только вот эту формулу запишите. (*Подает ей альбом.*)

Слышина скрипка.

Е л е н а (*работая*). Скрипачей тут не хватало...

К а р ы ш е в (*заслушался*). Люблю... Горячо люблю музыку. (*Плохо подпевает*.)

Е л е н а. Боже, если это называется горячей любовью к музыке, то что же назвать лютой ненавистью! (*Уходит*.)

К а р ы ш е в. Пошлите мне его. (*В окно*.) Сергей!

Вошел С е р г е й.

Сергей. Что, отец?

Карышев. Что-то не вовремя ты разыгрался. Впрочем... ты победил. Видно, это твоя дорога.

Сергей. Нет, моя дорога — здесь с тобой.

Карышев. Вот как!.. (*Подозрительно.*) Что же ты, усомнился в себе?

Сергей. Да, ты глубоко прав: в искусстве посредственность унизительна.

Карышев. А!.. Наконец-то... (*Сухо.*) Рад за тебя, что кончилась твоя погоня за двумя зайцами. Очень рад, очень.

Сергей. Мне кажется, — не очень...

Карышев. Почему тебе кажется!..

Сергей. Скупо ты радуешься.

Карышев. Нет, что ты! Рад и за тебя и за себя: сын станет и подлинным помощником и преемником — редкое отцовское счастье.

Сергей. Ну, вот, ты его заработал.

Карышев. Да нет. Это не так!

Сергей. Уже не веришь счастью?

Карышев. Ничего, привыкну. Отлично. Сейчас же термическую лабораторию всецело тебе поручаю.

Сергей. К сожалению, не могу.

Карышев. Почему?

Сергей (*показывая бумагу*). Вот, сейчас получил извещение консерватории: через месяц явиться на экзамены. Должен серьезно готовиться.

Карышев. Ах, вот почему заиграл... Ты что же? Играешь мною? Испытываешь?

Сергей. Игра тобой устроена. Ты испытывал меня пять лет, я тебя — пять минут.

Карышев (*повеселев*). Ну, что ж, ступай. Очень грустно.

Сергей. Не очень тебе и грустно. Спасибо. (*Обнимает его.*)

Карышев. Верно! Счастлив, счастлив, что ты только себя послушал! (*Весело запел.*)

Сергей. Вот этому я верю.

Карышев. Но... не ждал я, что в такой решающий момент ты покинешь меня.

Сергей. Что делать, момент решающий и для меня. Мне больно, что именно сейчас я оказался таким плохим помощником.

Карышев. Ничего. Помощников много найдется, а сын один... нашелся! Сережа, когда нас с мамой уже давно не будет на свете, что бы ни постигло тебя, — горе ли великое, радость ли светлая, ты сыграй это и вспомнишь этот живописный день, как в небе солнце играло, у Нилыча ягоды рдели и сердце твоего отца билось в этот день предвкушением завтрашнего еще более полного счастья. Вот у тебя в душе звучит мелодия, и ты уже поймал и выразил ее. А моя так же дивно звучала, но была неуловима и многие годы не давалась.

Вот ты говоришь, в моей борьбе ты плохой соратник. Когда-то ты в раннем детстве сделал для меня больше, чем все мои нынешние соратники вместе. Когда я одно время, потерявший дорогу, терял, бывало, и нити своей мысли, а мама твоя теряла свой чудесный смех, тогда мне, чтобы не упасть, нужен был особый человек.

Сергей. Какой человек?

Карышев. Чтоб так же беззаботно, как я его, любил меня, но бесконечно далек был бы от моей мучительной идеи. Я брал тебя за руку, — мы гуляли по улицам, по полям, и ты выводил меня на дорогу, я находил и распутывал свои нити. Вот, брат, какой ты был богатырь в детстве!

Сергей. Здесь есть одна неправда: я гораздо раньше, чем вам обоим казалось, понял ваше горе.

Карышев. Да. Да, я ведь мастер был бросать вас в нищету. Я знал, что это — мое право. Но один я знал, чего это мне стоило.

Сергей. Мы знали, чего это тебе стоило. Ничего, какнибудь сочтемся еще.

Карышев. Чепуха.. Ты, Сережа, помни только, если для тебя дело дороже жизни, ты его сделаешь. Ты жизнью очень дорожишь?

Сергей. Безумно.

Карышев. Хорошо. А полюбить свое дело больше жизни — это еще лучше. В этом наше призвание. Только тогда и жизнь наша будет стоить дороже дела. Сыграй мне одну вещь.

Сергей. Какую именно?

Карышев. Именно ту, что ты больше всего любишь.

Сергей. А таких у меня много.

Карышев. Ах, вот что. Как же теперь быть?

Сергей. Очень просто. Какую стану играть, та и будет любимая из любимых.

Карышев. Вот! Играй ее именно. Ее-то именно я и ждал. Я тоже всегда так играю.

Сергей начинает играть. Вошла Марина. Села, взволнованно слушает. Быстро входит Веригин, направляется к радио, вставляет штепсель.

Карышев. Не мешайте играть.

Марина. Дайте кончить.

Веригин. Другая игра началась.

Все. Что?.. В чем дело?!

ЗАНАВЕС

Действие второе

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В одной из лабораторий. Входят Елена и Марина

Елена. Что же это?

Марина. Опаздываем. Завод эвакуирован ночью. Нам тоже дано распоряжение — немедленно.

Елена. Да ведь нельзя нам сейчас. Решающий момент. Прервать процесс — значит начинать потом сначала. Два года работы.

Марина. Но, говорят, немцы уже подходят!

Входит Хорошилин. Он в военном костюме, вооружен.

Хорошилин. Кто смеет это говорить! На заводе, конечно, паникуют. А у нас первый паникер — Веригин, конечно.

Елена. Да как у него поворачивается язык требовать немедленного прекращения работ!

Хорошилин. От страха и мозги могут выветриться! (Смеется.) Только благодаря моей твердости удалось отсрочить эвакуацию нашей лаборатории, как не имеющей военного значения, по крайней мере, до сегодня.

Марина. Но как быть сегодня?

Хорошилин. Сегодняшний день я гарантирую.

Елена. Правда?

Хорошилин. Я говорю. Значит, правда.

Входит Нилыч.

Нилыч. Хорошилина Модест Александрович требует. Волнуется.

Хорошилин. Сейчас успокою. (Уходит.)

Нилыч. Чего уж тут. Валит, сволочь, прямо к нам в гости.

Елена. Мерзавцы... Траву нашу топтать будут, цветы наши нежные своим дылдам посыпать...

Нилыч. Ничего, унавозим ими землю, потом цветы нежнее вырастут.

Елена. Нилыч, ты был у них в плену, что это за народ у себя?

Нилыч. В своем доме они хозяева, а в чужом — разбойники, изверги кровожадные.

Елена. Заплатят они кровью за кровь сполна.

Нилыч. Ну, это дешевая плата, черная разбойничья кровь, за праведную кровь народную.

Марина. Выходит, Лена, кровь за кровь мало.

Елена. Марина Петровна, если вам уже мало крови, значит...

Марина. Значит, расплатятся не только кровью, но и тем, что дороже крови.

Елена. Это разговор далекий, но сейчас, сейчас... Говорят, они подходят уже к соседнему району. (Ушла.)

Марина. Действительно, молниеносное нападение.

Нилыч. В девяносто втором году холера так начинилась. Много народа унесла.

Входит Веригин.

Марина. Платон Антонович, что делать?

Веригин. Танцевать и, между прочим, скорей эвакуироваться.

Елена. Прервав работу?

Веригин. Лучше прервать ее самим.

Марина. Но если Хорошилин так убежденно говорит...

Веригин. Если Хорошилин убежденно говорит, значит, врет.

Входят Карышев и Хорошилин и Ивановна с препаратами.

Карышев (*поправляя гребень в волосах Мариной*). Волнуешься? Не надо. Слышала, что говорит Митрофан Савельевич. (*Смотрит на часы.*) Через четверть часа приступаем к испытанию. Не показываю всем кое-чего, чтоб не сглазили, ибо у Веригина дурной глаз, но, кажется, сплав наш обещает кое-что большее, чем от него ждем. Печи готовы?

Веригин. Есть приказ Иванова немедленно прервать работу.

Хорошилин. Есть приказ наркома немедленно закончить работу. Мы обещали его выполнить, и пока не выполним, никакой другой приказ и никакая в мире чортова сила нас от работы не может оторвать.

Карышев. Молодец!

Веригин. Эта чортова сила может нашу работу просто уничтожить. (*Ушел.*)

Ивановна (*Веригину*). Типун тебе на язык!

Карышев. Вот именно — на язык! Если придет такая сила и такой час, я сам и печи и все сумею уничтожить, чтоб не досталось врагу.

Ивановна. Да доведись на меня, ежели эта нечистая сила придет к моей печке, так я свои горшки — не уносить, а об его проклятую голову разобью, после уйду.

Нилыч. Уйди-ка сейчас, попробуй.

Карышев. Вот незаменимая консультация, незаменимая!

Ивановна ушла.

Марина. Но лучше бы работу не подвергать риску.

Карышев. Самая работа моя всегда была риск. Для нее я жизнью близких рисковал... А вдруг рискую и сейчас?

Хорошилин. Сейчас ваш верный помощник предлагает вам без риска бросить работу, знай, что это значит отбросить ее на долгие месяцы назад, бежать с поста и о таком вашем достижении рапортовать наркому.

Карышев. Да, да, спасибо. О немцах ни слова. Готовьте печи, мы с Нилычем проверили под микроскопом.

Хорошилин уходит.

Марина. А мне тоже к печке? (Засмеялась.)

Карышев (смеясь). Обязательно. Чтобы все вовремя.

Марина. Обед через полчаса готов. Не опаздывайте. (Ушла.)

Карышев и Нилыч работают.

Карышев. А о немцах ни слова. Они не придут.

Нилыч. А вдруг придут.

Карышев. Хорошилин в курсе. А дела у нас выйдут, увидишь, какие неожиданные.

Нилыч. Я давно уже увидел, что они неожиданные.

Карышев. Это когда же давно?

Н и лы ч. Когда еще и лаборатории у вас не было, а вы мне только на пальцах показывали.

К а ры ш е в. И ты уж все знал?

Н и лы ч. Точно знал.

К а ры ш е в. Не имея даже точного понятия о деле?

Н и лы ч. Не всякое дело требует точного понятия.

К а ры ш е в. Ну, это ты, Нилыч, хоть и замечательный мастер...

Н и лы ч. Мой отец крестьянствовал, так у него раз случай был: поехали они с соседом весной на ярмарку купить к пахоте по лошади. Сосед-то в лошадях понимает, а отец — ничего, — ягодой больше занимался. Ну, купили они каждый по коню. У соседа не конь — огонь, картина, а у отца — так себе, глядеть не на что. И зазимованный, и зубы уж подъедены. Поехали они домой. Сосед на своем, конечно, сразу обогнал, а отец — тюп-тюп — еле к ночи дома. Наутро соседка приходит: «Моего там на ярмарке где оставил? Чтой-то не вернулся». «Как так? Он, мол, раньше меня уехал...» Ну, ждать-пождать соседа, только через неделю пешком пришел.

К а ры ш е в. В чем же дело? Конь плох оказался?

Н и лы ч. Конь — на красоту. Отец все захаживался купить, глаз, говорит, не оторву, да гляну на хозяина — с души воротит — глаза на месте не стоят, так и бегают. И решил отец: «Как я не смыслю в конях, то буду покупать не на коня, а на хозяина глядя». Хоть и неважный конь, да хозяин понравился — он и купил.

Карышев. А так что же оказалось?

Нилыч. Да конь-то оказался ворованный. Соседу из города не дали выехать — сцепали.

Карышев. Это к чему же твоя лошадиная повесть?

Нилыч. Повесть-то о человеке.

Карышев. Так-так. Выходит, значит, у меня глаза на месте?

Нилыч. На том самом месте, где им быть нужно.

Карышев. А ну-ка, дай твои глаза сюда, в микроскоп.

Нилыч смотрит в микроскоп.

Видишь?

Нилыч. Вижу.

Карышев. Что?

Нилыч. Все, что полагается.

Карышев. А чего не полагается — не видишь?

Нилыч. Как будто — бог хранит.

Карышев. Так-так. Пожалуй, я тоже почти ничего не вижу. Но человеку полагается не только видеть, но и предвидеть, предвосхищать. Искать новенького. Пошли-ка мне Лену, Сергея.

Нилыч уходит. Карышев быстро набрасывает формулы. «Слышны отрывочные фразы: «А мы так рискнем... Вот так попробуем...» Входит Елена.

По этой формуле сделать вычисление. (Кричит.) Да по-быстрей!

Е л е н а. А вы потише, потише.

К а р ы ш е в. Да-да. (*Полушепотом*). Мы ее поймаем.
След, след показался!

Е л е н а. Где?

К а р ы ш е в. Здесь. (*Указывает на препарат*.) Хотя пока еще главным образом здесь. (*Указывает себе на лоб*.) Веригина, Веригина... Делайте, делайте.

Идет. Навстречу ему С е р г е й.

Вот! А ты по этой формуле проделай микрореакцию.
(*Уходит*.)

Елена и Сергей приступают к работе. Некоторое время молча работают. Быстро входит Н и л ы ч, принимается за работу.

Н и л ы ч. Ну, кажись, новый пожар вспыхнул.

С е р г е й. Жаль, не вовремя.

Н и л ы ч. А пожар — он ни у кого не спрашивается.

Е л е н а. Напрасно. Бывают у нас такие юные мудрецы, у которых нужно спрашиваться, имей в виду, Нилыч.

С е р г е й. Имей также в виду, что бывают юные девушки — не у нас, в других местах, — что суют нос туда, где их не спрашивают.

Е л е н а. Особенно помни, Нилыч: не надо нос задирать.

С е р г е й. И сугубо помни: губы не надувать.

Н и л ы ч (*кончил работу, уходя*). Ну, спасибо за напутствие. В жизни пригодится. (*Уходит*)

Молча работают. Потом Елена направляется к выходу.

Сергей. Одну минуту...

Елена (*от двери*). В чем дело?

Сергей. Пожалуйста, вернитесь.

Елена. Что случилось?

Сергей. Платочек забыли.

Елена. Ах, спасибо! (*Возвращается за платком.*)

Сергей. Не за что.

Елена. Такое большое ваше внимание...

Сергей. Только ваша маленькая рассеянность...

Елена. Бывает у некоторых и большая рассеянность.

Сергей. Вероятно.

Елена. Некоторые, например, приглашали в субботу вечером на Зеленую Горку. Но одновременно обещались кому-то другому быть в другом месте. Что и выполнили.

Вошла Ивановна. Елена и Сергей ее не видят.

Сергей. Вероятно, это потому, что некоторые другие с презрением отвергли приглашение.

Елена. И, конечно, они были правы: неинтересно. Все это чепуха, и я, например, даже дороги на эту Зеленую Горку не знаю.

Ивановна. А давеча говорила, с полночи до зари там...

Е л е н а (*в бешенстве*). Неправда!.. Не плети!.. И не твоё это дело!

И в а н о в на. Ну, видно, я старуха напутала.. .

Е л е н а (*уходя*). Отчего это некоторые старухи торчат в дверях и посторониться не могут!..

С е р г е й (*бросился вслед*). Лена! Леночка!..

Е л е н а (*остановилась*). Вы... к кому?

С е р г е й. А я там до полночи бродил.

Е л е н а. Да бродите хоть до смерти — мне что за дело! (*Ушла.*)

И в а н о в на (*конфиденциально*). Как женишься, сразу ее в вожжу. А то ежели наша сестра да язык распустит...

С е р г е й. Откуда ты взяла, что женюсь!

И в а н о в на. А... чего ж... так кусаетесь. Там Веригин к телефону требует. Немедля.

С е р г е й. А молчишь.

И в а н о в на. Чай, сказала.

Оба уходят. Входит Ка ры ше в с работой Елены в руках. За ним Ни лы ч.

Ка ры ше в. Так, в порядке. Отлично! Они наступают молниеносно? Вздор, наглость! Мы еще увидим. А вот мысль работает молниеносно — это я вижу. Может быть, сейчас, именно оттого, что ей грозит опасность. Инстинкт самосохранения. Такая мысль стоит, может быть, всей жизни. А где же Сергей?

Входит С е р г е й.

Реакция?

Сергей. Сейчас закончу. (*Работает.*)

Карышев. Скорей.

Сергей. Спешу. Опасность нарастает.

Карышев. Не отвлекаться! Она давно уже выросла, величайшая опасность для величайшей культуры от гнуснейшего варвара. Но мы должны крикнуть им, не прерывая работы, как когда-то Архимед грубым солдатам: «*Noli tangere meos círculos*» — «Не сметь касаться моих кругов».

Сергей. Известно, что Архимед при этом был убит.

Карышев. Его дело нельзя убить.

Сергей. По-видимому, и дело, над которым он убит, вместе с ним погибло.

Нилыч. Эх, вовремя не эвакуировали старичка.

Сергей. Возможно оттого, что прошляпили сотрудники и родня.

Карышев. Возможно и оттого, что он, вместо окончания работы, потерял время на глупую дискуссию с родней. Ты мог бросить мое дело — это твое право, но если думаешь, что и я могу его бросить, так я не допущу тебя в лабораторию. Уходи же в свою консерваторию.

Сергей (*улыбаясь*). Я хотел уйти в консерваторию, ты не выпустил меня из лаборатории, хочу остаться в лаборатории, ты не впускаешь.

Карышев. Да! Никак не согласуем. Я хотел, чтоб ты остался, ты ушел... хочу, чтоб ты ушел, ты остаешься. Зачем?

Сергей. Помочь.

Карышев. Советом прекратить работу?

Сергей. Прекращения работы сейчас по телефону требует Веригин.

Карышев. Веригин? Да как он смеет. Почему он не на месте?!

Сергей. Говорит, некогда. Лаборатория уже в опасности.

Карышев. Да?.. Немедленно все прервать. Эвакуироваться. Только меня все оставьте. Не мешать!..

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка первого действия. После предыдущей картины проходит несколько часов. Эвакуация. Марина, Нилыч и Ивановна разбирают и упаковывают патентованную печь и дорогие приборы.

Нилыч. Бери, выноси. Постой, не это. Это я сам понесу: вещи по его личным чертежам и заказам.

Марина. Незаменимые уники. Вдруг разобьется..

Ивановна. Ладно уж, не причитайте. Я, может, тоже незаменимая, да вся разбитая. (*Уносит аппаратуру.*)

Входит Елена. В руках кусок металла.

Елена. Еле на ногах стою.

Нилыч. Ягодки!..

Елена берет ягоды.

Елена. Но ведь это же чудо! Такой сюрприз! Смотри-те! Твердость небывалая, сопротивляемость — тоже, и все это бросить на средине, даже не зафиксировав. Ему ведь нужно все это поймать и зафиксировать. Только бы его не отвлекать. Хоть час, чтоб не пропали годы.

Марина. Я приняла меры, чтоб сейчас никто его не беспокоил.

Елена. Он ведь работает какими-то вспышками, непонятным методом интуиции. Делает как будто бы неправильно...

Нильич. А выходит, лучше, чем правильно.

Елена. Ведь это же открытие как раз сейчас для войны нужно.

Нильич. А ты иди грузи, грузи все, что нужно.

Марина. Нет, вы с ним будьте.

Елена. Да я от него ни на шаг. (Уходит.)

Входит Хорошилин, за ним шофер.

Хорошилин. Как у вас тут? Можно грузить?

Нильич. Давно.

Хорошилин (*шоферу*). Значит, подъезжай сначала к механической, потом сюда.

Шофер уходит.

Нильич. А где ж вторая машина?

Хорошилин. Вторая через четверть часа выходит из ремонта.

Н и лы ч. Выйдет ли?

Х о рошили н. Не твоя забота. У меня все идет по гра-
фику.

Н и лы ч. Только немцы идут ведь не по твоему гра-
фику.

Х о рошили н. Ничего. Здесь на карте мне все их хо-
ды видны.

Н и лы ч. Ну за это спасибо.

М арина. Но говорят, их отряд уже к реке Ольховой
подходит.

Х о рошили н. Не так просто. Пожалуйте сюда. (*Под-
водит их к карте, берет палку-указку.*) Вот вам карта
нашей области. Вот вам наш район. Вот река Ольховая.
Теперь взвесим: если даже допустить, что немцы про-
сочились к западной части района, то, имея местность
пересеченную, наши ударят их с фланга. Ясно?

Н и лы ч. Нам-то ясно... А как немцам...

Х о рошили н (*продолжая объяснение*). А если ударят
с фланга, то сейчас мы можем быть спокойны, и только
паникеры могут говорить...

В дверях остановился С е р г е й.

...что немцы подходят к реке Ольховой.

С е р г е й. Они уже перешли ее.

Х о рошили н (*оглянулся*). ...Это на каком же основа-
нии?

С е р г е й. Их спросить надо.

Н и лы ч. Не миновать?

Х о рошили н. Я тебя, Сережа, спрашиваю, на каком фактическом основании ты непроверенные вещи говоришь?

С ер гей. Да ведь и твоя лекция не проверена.

Х о рошили н. Хотя и без вопроса ясно: все Веригин панику сеет. Источники ее бывают разные. Надо выяснить, какие они у Веригина. Я его терпел в мирное время, а сейчас.. На заводе-то у него все какие-то конспиративные встречи. Всех настраивает против меня, это — пусть. Но и относительно лаборатории позиция, по меньшей мере, странная. Да и относительно родины: вчера он прямо выразился, что не хочет за нее умирать.

Н и лы ч. А мне и сегодня не хочется умирать. Хочется воевать, чтоб враг за мою родину издох. А я на ней еще поживу.

С ер гей. О смерти успеем поспорить. Отец в лаборатории.

М арина. Да. Ему сейчас нельзя мешать, иначе он может все спутать — ты знаешь. Как быть?

С ер гей. Пусть пока спокойно работает, будем грузиться. Идем, Нилыч, аппаратуру снимем.

Все, кроме Хорошилина, уходят.

Х о рошили н (*в окно*). Шофер!

Входит ш о ф е р.

Х о рошили н. Как погрузка?

Шофер. Как сказали, лабораторное с вашим вперемешку.

Хоршилин. Лабораторное на вторую машину. А на эту пусть Пелагея Ивановна скорей грузится. Оба сундука погрузите. За заводом в лесочке ожидайте меня. Я следом. Торопись. Под лабораторные вещи подушки, обе шубы Пелагеи Ивановны.

Шофер ушел. Хорошилин пошел к себе в кабинет. Входит Вергин. Быстро огляделся, притворил двери.

Вергин. Входите!

Вошли двое рабочих.

Делегаты из штаба еще не вернулись?

Первый. Должны быть.

Вергин. Ты, Гришин, пройдешь на дачную лабораторию, там Карышев будет работать. Быть на своем месте и ни на шаг. Ребят возьмешь, цепь установить от дачи к перевозу. Список! (*Взял у них бумагу, которую быстро пробегает.*) Маловато пока. Лишних тут нет?

Первый. Как будто нет.

Второй. Сомневаемся тут в одном...

Вергин. Проверить! При подтверждении пристрелить, как собаку. Значит, через полчаса в овраге перед мостом. Связь со штабом держать непрерывно. До свидания. Ты, Петров, этой дверью через сад на дорогу. Ты, Гришин, сюда — оврагом к даче.

Оба уходят в разные двери. Из кабинета вышел Хоршилин.

Хорошилин (подбежав к окну, кричит). Кто такие?
Эй! Стой! (Обернулся к Веригину.) Так-с. Что за гости?
Так быстро ушились!

Веригин. Мои.

Хорошилин. Это не твой дом. Можно знать, кто, за-
чем?

Веригин. Нет.

Хорошилин. Почему?

Веригин. Секрет.

Хорошилин. А ты, Веригин, брось шутки, и знаешь,
я когда-то доверял тебе.

Веригин. Напрасно.

Хорошилин. Вижу. Мы с тобой все в игру играли.
А время-то, Платоша, не располагает ни к игре, ни к го-
стям. Так что ты уж не стесняйся и не прячь: кто здесь
сейчас был?

Веригин. Это тебе не нужно знать.

Хорошилин. Нет, нужно. (Грозно, вынимая револь-
вер.) И ты сию минуту скажешь — слышишь?

Веригин. Ты лучше меня послушай: тебе надо сию
минуту эвакуироваться.

Хорошилин. Это, видно, тебе надо.

Веригин. Может, мне и не надо.

Хорошилин. А! Понимаем. Это бывает. Остаются не-
которые критики у немцев по желанию.

Веригин. А вот ты, кажется, останешься у них против желания.

Хорошилин. Что?! Ты что панику сеешь!

Веригин. Ты-то что поселял? Прошляпил эвакуацию.

Хорошилин. Не беспокойся, я не опоздаю никогда.

Веригин. Немцы высадили десант у Фролова. Каждую минуту могут занять Березовский мост и — выезд отрезан!

Хорошилин. Да ты... что... что... откуда сведения?

Веригин. Ага! Побелел... Ступай, скорей. Вывози аппаратуру. Не сей панику. Молча торопись. Брось юлить перед Карышевым. Карьера не уйдет. Шкуру уноси.

Хорошилин (*метнулся, оставил на столе револьвер, схватил трубку телефона. Не видит, что Веригин взял револьвер*). Фролово! Что?! Почему не отвечает? Когда заня... ня... (*В испуге положил трубку, быстро ушел.*)

Входят Сергей и Нилыч. Вслед за ними — Ивановна. Она останавливается, незамеченная, за дверью.

Сергей. Куда это он так побежал?

Нилыч. Стало быть, очень человеку нужно.

Веригин. Немцы уже впереди нас. Десантный отряд идет к Березовскому мосту. Сейчас могут его захватить и отрезать нам путь.

Сергей. Возможно, уже отрезали?

Веригин. Пока нет. Не знаю, что будет через час. Скорее уезжайте. Хорошилина одного не посыпать. Сами с ним езжайте.

Сергей. Отец не закончил вычисления и проверки.

Веригин. Знаю. Направить на дачную лабораторию с ним мать и Елену. Это в стороне от дороги, пока безопасно. Оттуда их направим пешком к переправе.

Нилыч. Это подходящее.

Сергей. Только ни слова им об опасности. А сам ты куда?

Веригин. Там видно будет. Встретимся. Опасность очень велика. Только бы проскочить мост...

Веригин и Сергей уходят. Нилыч отворяет дверь, за ней — Ивановна. Быстро начинает вытираять дверь.

Нилыч (*Ивановне*). Ну, конечно, она на месте. Все слыхала?

Ивановна. А что такое?

Нилыч. Ничего. (*Смотрит в окно.*)

Ивановна. Да ты скажи подробнее...

Нилыч. А подробнее скажу тебе так: цыц! Ясно?

Ивановна. Да ничего я не слыхала, идол! Я, может, ежели на то пошло, и уши заткнула, чтобы не слыхать.

Нилыч. И глотку на всякий случай затени.

Ивановна. Да будь ты неладный! Только мне с тобой, идолом, тут разговаривать. А там — Марина Петровна ждет. (*Быстро уходит.*)

Нилыч (*смотрит в окно*). Эх, вы, ягодки мои кровные, для кого зреете?!

Входит Хорошилин с ящиком.

Нилыч. Дай-ка мне купоросу или чего-нибудь такого...

Хорошилин. Зачем?

Н и лы ч. Беспокоюсь очень.

Х о рошили н. Как не беспокоиться. Ты о чем?

Н и лы ч. Если не обсыпать сейчас ягоды, могут до на-
шего возвращения погибнуть.

Х о рошили н. Чорт! Государство погибло! Нужно ду-
мать, как спастись, а не возвращаться.

Н и лы ч. Это ты о каком государстве?

Х о рошили н. О Египетском. Не видишь!

Н и лы ч. Египет погиб — это верно. Но некоторые кро-
кодилы...

Х о рошили н. СССР погибла. Россия. Все трещит...

Н и лы ч. Ну, это еще мы с тобой... посоветуемся.

Входит М арина.

Молчок...

М арина. О чем, Нилыч?

Н и лы ч. Да вот, у товарища Хорошилина трещит не
то в голове, не то...

Х о рошили н. Веригин скрылся.

М арина. Как скрылся?

Х о рошили н. А вот так. Сейчас его тут застал с двумя
подозрительными фигурами. Я его допрашивать, а он —
вильять. Я выхватил... (*Схватился за пустую кобуру, рас-
терянно обыскал глазами комнату.*) Ах ты, негодяй!

М арина. В чем дело?

Х о рошили н. А в дезертирстве или в диверсии.

М арина (*поражена*). Митрофан Савельевич!

Хорошилин. Сюрприз? Но не для меня. Я все время вам сигнализировал. Но как понимались мои сигналы — это вопрос вашей политической совести. А они, вот вам — предали, предали страну! Пропала эсэссэр!

Марина. Гражданин Хорошилин! Да как вы смеете?!
Вы-то кто такой?!

Нилыч. Растакой!

Марина наступает на него, Хорошилин в страхе отступает.

Марина. В какой вы здесь роли, чтобы так...

Нилыч. Сквернословить...

Хорошилин. Марина Петровна, да ведь я...

Марина. Что вы такое? Я давно вас поняла. (*Схватила попавшуюся под руку палку-указку.*) Сегодня вы этой палкой так храбро нам показывали... (*Бросила палку.*)

Нилыч (*поймав палку за толстый конец*). Показать бы ему другим концом.

Хорошилин. Ну, ты у меня похамишь.

Входит Сергей.

Сергей. Ну мама, я сейчас договорился с отцом. Он уже прервал здесь работу, переносит на дачу. Там еще безопасно работать, а нам — спешить, пока на мосту нет опасности.

Марина. Сережа, я все знаю.

Нилыч. Так... ясно, откуда...

Марина. На мост ехать — уже большая опасность.

Сергей. Другого пути вывезти тяжелую аппаратуру нет.

Хорошилин. Взорвать!

Марина. Аппаратуру скорей вывозите, мы все с бумагами и с портативными препаратами скроемся в дачной лаборатории, и лесом дальше к переправе.

Сергей. Вот! Так и решено. Там вас проведут.

Марина. Детей тоже туда, конечно.

Хорошилин. Вот это все я и предусмотрел. Взорвать, я говорю, всегда успеем.

Марина. Скорее уезжайте... Я к Модесту Александровичу. Ему нельзя говорить о такой опасности: волнение все может погубить.

Сергей. Да, да. Он в таком творческом напряжении. Я сейчас вернусь. Только скрипку уложу сам.

Марина и Сергей уходят.

Хорошилин. Давай, Нилыч! Машина у подъезда.

Нилыч. Слава богу! Как бы с утра в машину выносили, уж были б готовы.

Хорошилин. Успеем. График в порядке.

Входит Ивановна.

Ивановна (*Хорошилину*). Ты куда это свою хозяйку из работории на машине отправил?

Хорошилин. На какой машине?

Ивановна. Да на грузовике! Сидит сверху, вся сундуками обложилась.

Хорошилин. Померещилось тебе. Тебя в лаборатории не было.

Ивановна. Али ты не видал? Мимо проходила — как раз. Ты вот посуду в эту шкатулку забирал.

Н и лы ч. Это какую же посуду?

И вановна. Да платяную, или как она там прозывается...

Н и лы ч. Платиновую...

Х о рошили н. Я ее сохраню.

Н и лы ч. Зачем рисковать? Мы ее с Модестом Александровичем отправим.

Х о рошили н. Ну, там видно будет. Ты звони в гараж, что там такое?

Нилыч стоит неподвижно.

Х о рошили н. Впрочем, сюда прямей. (*Метнулся к другой двери.*)

Нилыч стал у двери.

Х о рошили н. Впрочем, сюда прямей. (*Метнулся к другой двери.*)

Нилыч подмигнул Ивановне. Ивановна захлопнула дверь и старательно вытирает ее тряпкой.

Н и лы ч. Положи посуду.

Х о рошили н. Да ты что? Я посуду никому не могу доверить.

Н и лы ч. Ничего, мне можно. (*Взял шкатулку.*)

Х о рошили н. Смотри, Нилыч, головой отвечаешь!

Н и лы ч. Больше нечем.

Х о рошили н. Ну, грузите, я только сейчас на минутку к себе в лабораторию зайду. (*Ушел в лабораторию, закрыл за собой дверь.*)

Входят Марина и Сергей.

Сергей. Хорошилину не доверяю. Еду сам.

Марина (*вскрикнула*). Нет!..

Нилыч. Нет уж, ехать мое дело.

Сергей. Твое дело — скорей всех на дачу.

Нилыч. Такого приказания от Модеста Александровича не было, за аппаратуру я отвечаю.

Сергей. Все отвечаем. Где же Хорошилин?

Нилыч. У себя.

Сергей. Эй, Хорошилин, скорей! Едем!

Ивановна. Видимое дело — тебе, старый, ехать. Нажился уж.

Нилыч. Вот! Даже она со мной согласна. Дважды в жизни это случается.

Ивановна. Чай, Марина Петровна тоже...

Марина. Сережа поедет.

Сергей. Правильно, мама! Отца, отца беречь! (*Дернул дверь в кабинет — заперта.*) Эй, Хорошилин!

Нилыч. Углубился!

Сергей. Хорошилин! (*Сильно стучит в дверь.*)

Нилыч. Не любит помехи.

Сергей. Хорошилин, чорт-те возьми!.. Нилыч, ломай!

Нажимают дверь, она с треском открывается. Сергей вошел в комнату, за ним Нилыч. Выходят.

Сергей. Хорошилин сбежал.

Марина. Как?!

Нилыч. В окно углубился.

Сергей. Ай, сволочь! Надо догнать, застрелить!

Ивановна. Он уж, чай, догнал машину; шофер сказал — в леску за заводом велено подождать.

Сергей. С одной машиной оставил.

Нилыч. Главное-то вынесено.

Сергей. Уложить только в машины.

Нилыч. Во времени-то уложишься ли?

Ивановна. Небось он уложился, подлая душа!

Входит Каравашев.

Каравашев. Ивановна, что душу поминаете?

Сергей. Хорошилин сбежал.

Каравашев. Что?.. А куда именно?

Ивановна. Да уж куда ему бог на душу положит.

Сергей. От немцев.

Каравашев. Не может быть!.. Опасности ведь никакой нет.

Сергей. Абсолютно.

Каравашев. Впрочем, он слишком уж был храбр. Ну-с, кому увезти сердце лаборатории?

Сергей. Аппаратуру и шлифты вывожу я.

Нилыч. Зачем же, когда я...

Сергей. Я! Нильч, укладывай скорей.

Каравашев. Сережа, а почему именно ты?

Сергей. Папа, третьего дня я сказал, что могу играть только самое любимое. Ты одобрил. Надо одобрить и это.

Марина. Сереженька, это не скрипка.

Сергей. Сейчас это мое самое любимое.

Карышев (*подумав*). Нет уж, эта скрипка моя. Никому не доверю. Сам вывожу.

Марина. Нет!..

Сергей. Я это сделаю лучше тебя. А у тебя решающий творческий момент.

Карышев. Никаких дискуссий. Вопрос решен. Еду.

Марина. Разумеется, и я с тобой.

Карышев. Что? Зачем?

Марина. Я всегда была с тобой, и ты первый раз в жизни спрашиваешь зачем?

Карышев. Я не спрашиваю. Запрещаю.

Марина. Нет, я еду.

Карышев. Да? Нет, вдвоем нам будет тесно. Ну, что ж, ладно, уезжай, Сережа, один. Только поскорее... Не будем друг другу мешать. Что не поймаешь сейчас, может уйти навсегда... Может уйти навсегда. (*Внимательно смотрит в окно*.)

Сергей. В том-то и дело. Идите. До свидания.

Марина. Мы тебя проводим.

Сергей. Да что ты! Какие проводы — через час встретимся. Каждый должен быть занят своим делом.

Карышев. И это правильно. Не прощаюсь. Да бутылку керосина захвати — на случай...

Сергей. Все есть. А случая никакого не может быть.

Карышев. Да... конечно... Ну, счастливого пути. (*Направляется к выходу. Остановился. Улыбнулся.*) Почему-то вспомнилось мне сейчас, как, бывало, провожали тебя, мальчика, на экзамены, и ты, суровый, уходил, бывало, но вида не подавал, что боишься.

Марина. Солнце утреннее так же играло.

Сергей (*улыбаясь*). Да, экзамены бывали страшные.

Карышев. Нынче все явились на страшный экзамен, государственный. Кто подготовлен — тот выдержит. Вот Хорошилин оказался неподготовленным. Я никогда не ждал, что он к солнцу прыгнет, но чтобы из окна... Ну, Марина, пошли! (*Целует Сергея. Быстро уходит.*)

Марина. О, боже мой! Ну, отлично, отлично... Только скорей, Сереженька, не теряй времени.

Сергей. А зачем же терять такую драгоценность!

Марина (*стараясь улыбнуться*). Да, да. Ты всегда так говорил.

Сергей. Уводи скорей отца, пока он ничего не знает.

Марина. Он неожиданно быстро согласился прервать работу. Ну, Сережа, до... свидания... моя деточка!..

Сергей. До свидания, мама!..

Обнялись. Оба силятся скрыть свое состояние.

Марина (*взглянув в окно*). Лена не знает... Вся сияет...

Сергей. Не омрачай... Помолчи.

Входит Елена.

Елена (*Марине*). Модест Александрович уже ушел? Торопитесь. Ура! Поразительные данные!

М а р и н а. Проверено?

Е л е н а. Почти все. Поздравляю.

М а р и н а. Поздравляю, Леночка. (Уходит.)

Е л е н а. Это же... Это... даже дыхание...

Сергей, обняв, целует ее.

Вы что? Поздравляете?

С е р г е й. Да, и... пока (целует), пока.

Е л е н а. Ну, ну! Вы пока не слишком-то... (Ушла.)

Сергей бросился было за ней. Остановился, медленно вышел.

Вошли Н и лы ч и И вановна.

Н и лы ч. Вот еще это снеси.

И вановна. Ой, голубчик! Слава тебе, господи, что миновала тебя эта напасть. На кого же ты нас спокинул бы, сирот кучу...

Н и лы ч. Тю! Уж и с собой несогласна. Ты же сама посыпала.

И вановна. Да как же не посыпать, когда за место ведь Сереженька едет! Один у них.. (Ушла.)

Вошел С е р г е й.

С е р г е й. Что не удалось погрузить, закопайте. Ну, Н и лы ч, прощай... Проскочу?

Н и лы ч. Ежели сомнение, может, не надо, лучше я пойду.

С е р г е й. Надо не сомневаться, а верить в наилучшее.

Н и лы ч. Верить надо в самолучшее, а учитывать самохудшее. Вера — одно, а мера — другое. А жизнь, ежели еще молодая, дороже всего.

Сергей. Нет, Нилыч, то, что я должен спасти, дороже жизни. Если не выскочу — маму береги. (*Вынул часы, взглянул.*) Задержал, подлец. Нилыч, это дорогие фамильные часы. Спрячь. В случае чего, отдашь маме. (*Отдал часы. Ушел.*)

Слышен шум отъезжающей машины. Вошла Марина. Закрыв глаза, делает усилие удержаться на ногах. Нилыч подает ей воды.

Марина. Только бы Тучково не успели захватить. (*Подошла к телефону, взяла трубку.*) Тучково!.. Тучково!.. Тучково!..

Нилыч берет у Марины трубку, кладет на место, уводит ее.

Марина. Но мне надо знать...

Нилыч. Не надо знать, сейчас верить надо.

ЗАНАВЕС

Действие третье

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Лаборатория в лесу. У забора Гришин и двое других рабочих.

Гришин. Займите, товарищи, посты на Зеленой Горке и у Зуева луга. Под наблюдение взять все овраги, перевправу.

Рабочие уходят. Гришин ушел за забор. Подходит Ивановна. Навстречу ей выглянула из-за забора голова Гришина в надви-нутой на глаза фуражке.

Ивановна (*останавливаясь*). Ой, да кто же это? (*Присела.*)

Голова скрылась за забором. Ивановна осторожно пробирается вперед. Гришин ей навстречу.

Гришин. Стой!

Ивановна. Ну? Чего мне тут стоять.

Гришин. Кто такая?

Ивановна. А ты кто?

Гришин. Куда?

Ивановна. А ты откуда взялся?

Гришин. Я немец, не видишь?

Ивановна. На тебе не написано. Говоришь понашему.

Гришин. А я по-всякому могу. Цирлих-манирлих, поняла?

Ивановна. Может, и поняла. Дело мое.

Гришин. По-русски, значит, я тебя полностью взял в плен. Марш сюда!

Ивановна бросилась бежать. Гришин догнал, хватает ее за руку.

Гришин. Стой!

Ивановна схватила корягу, хочет замахнуться ею.

Гришин. Ну-ну! Ты, Ивановна, не очень воюй.

Ивановна (*вглядевшись*). Тыфу, чтоб тебя! Да это же Гришин! Ты чего ж дурака валяешь? Да я б тебя живого из рук не выпустила. Чего делаешь тут?

Гришин. А вот приставлен Карышева охранять, помочь ему работать. А потом проведем вас всех к речке на перевоз. А сами скорей немца лупить.

Ивановна. Да отлупите ж его, проклятого! Что же это он на нашу землю, как свинья в огород, лезет! Да кабы моя воля!..

Г р и ш и н. Придет и твоя воля. Карышев там идет?

И в а н о в на. Да вот они, следом.

Входят Ка ры ш е в и Е л е на.

Ка ры ш е в Ну-с, осталось немного. На воздухе мы работу очень скоро завершим. Значит, мы условимся так: вы, Лена, разберетесь в моих набросках, а я проделаю маленькую реакцию. Помогите, товарищ Гришин.

Приступают к работе.

Е л е на. Только не торопите.

Ка ры ш е в. Но какая здесь тишина.

И в а н о в на. Люблю, грешница.

Ка ры ш е в. Вот! Зяблик, зяблик. А вы этого узнаете? Где же это Афоня? Что он отстал?

Е л е на. Он вам так нужен сейчас?

Ка ры ш е в. Афоня-то? Очень нужен. (*Работают*).

И в а н о в на (*стоит в стороне. Про себя тихо причитает*). Ну, радуйся, радуйся, сердечный, хоть на птичек. Твоего-то птенца не склевало б воронье проклятое!.. Пусть минет тебя горе страшное...

Ка ры ш е в. Вы что, Ивановна?

И в а н о в на. Ничего, милый. Ты гляди, чтобы там не перегорело у тебя.

Ка ры ш е в. Не перегорит. (*Сдерживает огромное волнение, запел*.)

Е л е на. Так и знала!

Ка ры ш е в. Ивановна, подтягивай!

Ах, вспомни, вспомни, мой любезный...

Ивановна пытается подтянуть.

Елена. Да что это вас сегодня так сразу на песню потянуло!

Карышев. Нет... Ты уж, Ивановна, одна дотягивай песню.

Елена. Лиха беда начало.

Ивановна. Не поется, когда там, может уж... (*Запла-кала.*)

Карышев. Ну, уходи, уходи! Ты зачем сюда явилась! (*Елене.*) Ну-ка, давайте. (*Просматривает ее работу.*) Но вы так медленно работаете... О чём вы думаете? Не сметь думать ни о чём постороннем!

Елена. Я ни о чём постороннем не думаю.

Доносится ружейная и пулеметная перестрелка.

Карышев. Пусть, пусть! И мы для них кое-что приготовим. Дайте-ка мне две пробирки.

Елена подает. Руки ей плохо повинуются.

Карышев (*напевает*). Вспомни, вспомни, мой любезный...

Елена. Да что это вы сегодня уж очень распелись.

Карышев. Ага, правильная реакция получается. Вот теперь мы окончательно ее поймали. Теперь можно все записать, убрать и — в поход собираться.

Выстрелы явственней.

Елена. Слышите? Это на мосту!

Карышев. Не выдумывайте, это правее.

Елена. Да что я, не знаю направления! Правее полигон!

Карышев. Стало быть, это левее моста. Я ведь тоже знаю направление.

Елена. На мосту...

Ивановна. Ой, деточка моя!

Карышев. Оставьте, откуда немцы могли взяться на мосту?!

Ивановна. Да как же откуда, когда они уже давеча у Тучкова были!

Карышев. Да что вы болтаете, Ивановна! Откуда вы взяли такие сведения?

Ивановна. Сорока на хвосте принесла. Давеча Веригин-то, чай, рассказывал..

Карышев. И Веригин врет, и вы тоже, стратег, подумаешь!..

Елена уронила колбу.

Что же вы делаете! (*Взял ее руки.*) Что это у вас в июне руки ледяные стали? Стать на место!

Елена. Оставьте! Сергей в смертельной опасности, а вашего холодного сердца это как будто не касается!

Карышев. Молчать! У меня, может быть, руки раньше вашего заледенели... Раньше вашего знаю, что Сергей в опасности. Разбитая колба тут не поможет.

Елена. Так вы знали?!

Карышев. Нет, я думал, что Марина Петровна вошла ко мне белее снега, потому что это идет к ее платью, а Хорошилин выскочил в окно перепелов ловить. Да-вайте же, давайте.

Елена. Знали и... послали!.. Может быть, на смерть!..

Карышев. Не говорите глупости. Если человек делает то, что для него в этот момент важнее всего в жизни, смерть его не посмеет тронуть.

Елена. Зачем вы делали вид, что ничего не знаете?

Карышев. Хитрость, хитрость! Чтоб они за меня и мое дело спокойны были... Вот и самые близкие люди еще не знают человека. Они боялись, что я потороплюсь и поврежу в работе.

Елена. Все, все знали! Одна я не знала!

Карышев. Значит, вас не касается.

Елена. Не касается, не касается! Видно, больше, чем вас! Сереженька!.. (Заплакала.) Я бы тебя не пустила! Я не знала этого...

Карышев. Э-э... вот этого я не знал... Знал, впрочем. (*Подошел к ней, погладил волосы, вытер слезы.*) Ну-ка, наберемся мужества, покажем, что мы не только молоды, но и сильны. «Забирайте с собою, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, все лучшие движения души...» Ну, вот, правильно... Давайте это уравнение запишем, да итоги подведем, и все. Последняя реакция.

Елена. У меня тоже, может быть, последняя реакция. Сердце лопнет.

Карышев. Сердце не колба.

Елена. Для вас реакция в колбе выше, чем в сердце.

Карышев (*суроко*). Делать!.. Он прав: идет страшное испытание. Миллионы людей станут под пули и снаряды. На миллионы и миллионы свалится горе, острее пуль и тяжелее снарядов. Надо, чтоб дух был забронирован. Держите шлиф.

Взрывы, залпы.

Крепче!

Е л е н а. Оставьте меня... Не могу я...

К а р ы ш е в. Стоять! Стойте на своем посту. Исполняйте долг!

Е л е н а. Не могу! Я знаю, где мой пост!.. Там, может, в канаве человек умирает!

К а р ы ш е в. Какой человек? Вообще или самый близкий?

Е л е н а. Хотите сказать, что для всякого другого человека я не бросила бы свой пост?! Да, да!

К а р ы ш е в. Значит, вы недостойны занимать свой пост.

Е л е н а. Я его, его недостойна... Сереженька, солнышко мое! (*Побежала.*)

К а р ы ш е в (*вслед*). Куда? Бегите влево, прямо к мосту! Здесь вдвое короче... (*Заканчивает работу. Тихо.*) Сереженька... Сереженька...

Ивановна заголосила.

Молчать! Ступайте сюда! Держите! (*Подает ей шлиф.*) Держите твердо, куда суете, не видите! Да не сопите, как нельма! Высморкайтесь, наконец!

И в а н о в н а. Что ты меня стесняешь?! Сам ты сопатый!

К а р ы ш е в. Ну, извините, в таком случае. Вот и все. Толькотише, ради всего на свете.

И в а н о в н а. Да я сама, может, тишину больше всего на свете люблю.

К а р ы ш е в (*убирая работу*). Однако, что же она не идет... Посмотрите, пожалуйста, где там Марина Петровна.

Ивановна вышла на тропинку. Карышев ходит, волнуясь.

И в а н о в на. По тропинке не видать.

К а р ы ш е в. Может быть, они оврагом идут.

И в а н о в на. Глядела, не видно. Видно, мой идол еще над ягодами замешкался.

Выстрелы вдруг близко, в направлении лаборатории.

Ой, батюшки! Да это уж подле самой работатории трахает!

К а р ы ш е в. Нет, это правей.

И в а н о в на. Да что ты все: правей, левей! По голове тебя трахнет, а ты все будешь кричать — правей!

Еще выстрелы.

К а р ы ш е в. Да, это, пожалуй, уже у лаборатории.

И в а н о в на. Ой, батюшка мой!.. Петровна.. Мои голубчики... (*Побежала.*)

Стрельба умолкла.

Карышев вышел на тропинку. Навстречу ему Гришин.

К а р ы ш е в. Ах, вы здесь?! Ясно, что происходит?

Г р и ш и н. На мосту немцев встретил Веригин.

К а р ы ш е в. И Сергей..

Г р и ш и н. А сейчас стреляли у лаборатории.

К а р ы ш е в. Зовите товарищей — вот вам все препараты, бумаги — скорей на переправу. (*Быстро идет в направлении лаборатории.*)

Г р и ш и н. Тогда и я за вами.

К а р ы ш е в. Беспрекословно! (*Уходит.*)

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

На дворе лаборатории. Прямо перед зрителем забор, в нем ворота, за воротами уходящая вдаль дорога. Слева — надворные постройки, навесы и дверь в жилые помещения. Справа — невысокий забор, в нем калитка, за забором виден спускающийся к оврагу лес. Входят Марина и Нилыч. Увязывают вещи. Удаляющаяся ружейная и пулеметная стрельба, взрывы стихли.

Марина. Это на мосту стрельба.

Нилыч. Ничего, наши уже успели проскочить.

Отдельные выстрелы близко.

Вот это уже опять рядом. Пора, пора уходить! Афоня!

Марина. Убивают детей, жгут деревни, города.

Нилыч. Говорится: злая искра поле опалит и сама исчезнет.

Мимо ворот пробежало несколько вооруженных рабочиков, женщин с криком: «Немцы, немцы в поселке! В домах шарят!..»

Нилыч. Идемте! (*Заглядывая в глубину двора.*) Афоня! Где ты там промышляешь? (*Выглянул за ворота, отшатнулся и пошел назад.*) Вот они, гости дорогие. Двое... Сюда свернули. (*Выпроваживая Марину.*) Уходите, уходите через калитку.

Марина. Вы тоже.

Нилыч. Только Афоню прихвачу.

Марина. Без вас не уйду. (*Нилыч вывел ее, она скрылась за калиткой.*)

Нилыч (*вслед ей*). Скорей в овраг тропочкой влево. Афоня! Да где же ты?!

В воротах два немца на велосипедах. Спешились, вскинули винтовки.

Первый немец. Руки вверх! Но!

Нилыч (*подняв руки*). Ну?

Второй немец. Ты кто здесь?

Нилыч. Хозяин.

Первый немец. Хозяина здесь нет. Нам известно.
Кто еще есть?

Нилыч. Вам известно.

Первый немец (*второму*). Обыскать! Быстро! (*Взглянул за забор*.) Смотри, там в овраг уходит женщина.
Значит, унесла самое ценное.

Второй немец. Сейчас догоню. (*Шаг к калитке*.)

Первый немец. Стой! Я сам. Прослежу, куда пойдет. Обыщи этого.

Второй немец. Да нет, я быстрей догоню.

Первый немец. У меня ноги сильней.

Оба устремляются к калитке. Нилыч вынул часы Сергея, потом платиновую посуду. Будто нечаянно уронив, бросил все к ногам немцев. Немцы вырывают друг у друга часы.

Первый немец. А это что есть?

Нилыч. Посуда платиновая.

Первый немец. Платиновая?

Нилыч. Да, самая дорогая.

Первый немец. Дай!

Второй немец. Мне дай!

Первый немец. Ступай, догоняй женщину.

Второй немец. Ты сам взялся догонять.

Первый немец. Приказ!

Второй немец. Мы в одном чине!

Нилыч. Да об чем спор? Если о золоте и посуде, то этого добра здесь в углу зарыто — на всех хватит. И платиновой посуды, и золотой, и всякой!

Первый немец. Где? Откапывай! Указывать точно!

Нилыч. Сами, чай, знает.

Второй немец (*приставив револьвер ко лбу Нилыча*). Ясно?

Нилыч. Чего ясней!

Первый немец. Но!

Нилыч (*указывает*). Вот оно самое-то место.

Первый немец (*подтолкнув его туда*). Копать!

Нилыч. Лопат-то у нас...

Первый немец, увидев лопату, подает ему.

Нилыч. Покорно благодарю.

Первый немец. Но!

Нилыч. Покурить можно?

Первый немец. Откопаешь — покуришь.

Нилыч. И то — верно. (*Начинает копать.*)

Первый немец. Если тут не окажется — могилу себе копаешь. Запомни.

Нилыч. Да уж... этого, говорится, до могилы не будешь.

Первый немец. Ага! А ты веселый. Только до могилы... (*Смотрит на часы.*) пять минут сроку. Смотри, не вилять перед смерть!

Н и лы ч. Перед жизнью никогда не вилял, а перед смертью — зачем...

П е р в ы й н е м е ц . Пять минут. Счет точный.

Н и лы ч. Вот за эту точность вас, немцев, все и любят. Как рассчитаете, так и выходит.

П е р в ы й н е м е ц . О, мы вас научим точность!

Н и лы ч. За это спасибо. Говорится, науку, ее за плечами...

П е р в ы й н е м е ц . Фриц, смотреть! Я пойду свяжусь со штабом. (*Уходит.*)

В т о р о й н е м е ц . Торопись, торопись!

Н и лы ч. А куда?

В т о р о й н е м е ц . Ха! Не знаю, что выроешь. Может, могилу. (*Грозно.*) Но, тянешь!

Н и лы ч. Дело, в основном, новое, непривычное: человек больше привык другому могилу рыть. Ну, бывает так, что и сам в нее. А тут — своей работы, да еще в родной земле. Она примет меня, как сына. А иного, может, как сукиного сына. А то и совсем не примет. И домой не отпустит, и к себе не примет.

В т о р о й н е м е ц . Это о чем?

Н и лы ч. Говорится: в гостях хорошо, а дома лучше. Я у вас тоже гостевал. Два года, в плenу.

В т о р о й н е м е ц . Я — тоже у вас. В Тамбов.

Н и лы ч. Ну, вот! Вроде — земляки. Так ты, землячок, в случае крайности — спустишь меня сюда и земелькой прикроешь.

В т о р о й н е м е ц (*свирепо*). Копать!

Выскочил Афоня.

Нилыч. Ай, Афоня, что же ты?

Афоня. Я в погребе сети распутывал.

Нилыч (*тихо*). Догоняй Марину Петровну, чтобы убегала. Я их задержу.

Афоня бросился к калитке. Немец схватил его. Входит первый немец. В руках шарф Маринки.

Первый немец. Откопал?

Нилыч. Откапываем помаленьку.

Первый немец (*заглянув в яму*). Что откапываешь?

Нилыч. Может, душу человечью.

Первый немец. Какую душу?

Нилыч. Живую.

Первый немец (*взвешен*). Раздеться! Мы вашу русскую душу под землю! В навоз!

Нилыч начинает раздеваться.

Стать у ямы! Где зарыто золото?

Немцы поднимают револьверы.

Хо!

Второй немец (*направляя револьвер*). Хо!

Нилыч. Тпру!

Первый немец. Что! Человеческую речь потерял?

Нилыч. А на что она вам?

Второй немец. Говори!

Нилыч молчит.

Первый немец. О, знаем: вы русские, умеете молча умирать! Мы вас заставим умирать с криком и стоном. Думаешь, так просто и легко уйдешь от жизни? Мы это осложним. Язык отнялся? Так его совсем отнять! Укажешь руками. А нет — тоже отнимем. Но?! Не шучу. Слов даром не трачу! Кроме языка у тебя еще глаза есть. Не откопаешь, — на твоим глазах живым закопаем твоего мальчика. Потом тебя... (*Схватил Афоню.*)

Из калитки выскоцила Марина, схватила лопату — не успел немец оглянуться — ударила его по голове. Тот, оглушенный, свалился. Но быстро вскочил и бросился на нее. Нильич другой лопатой сзади сбил его с ног. Борьба. На него бросился второй немец.

Марина (*схватила шарф*). Афоня!

Аfonя связывает ошеломленному немцу руки. Второй немец выстрелил в Марину. Она зашаталась. Из калитки выскоцила Ивановна, с воплем бросилась на немцев.

Ивановна. Да души ж его, проклятого!

Борьба. В воротах немецкий грузовик.

Первый немец (*кричит*). На помощь!

Из грузовика высекают вооруженные Веригин и рабочие. Бросились на немцев. Обезоружили.

Веригин. Нильич, скорей укажи ребятам, где механизмы. Грузите. Минуты дороги.

Нильич указывает.

Марина. Сережа? Сережа?

Веригин. Зачем вы все здесь?

Марина. Сережа!.. Что же вы не отвечаете... Вы всегда мне не отве... (*Упала без чувств. К ней бросились Веригин и другие.*)

В е р и г и н. Ранена. Перевязку!

И в а н о в на. Голубка ты моя... подстреленная!

Марине оказывают помощь.

В е р и г и н. Сюда новый немецкий отряд подходит. Готовить взрыв, товарищи!

М а р и н а (*пришла в себя. Наклонившемуся к ней Веригину*). Ну?..

В е р и г и н. На мосту немцы взяли машину под обстрел. Наша засада отбила, немцев прогнала...

М а р и н а. Сережа...

В е р и г и н. С Сережей вышло не так благополучно, как должно...

М а р и н а. Ранен...

Веригин молчит.

Убит?!.

Молчание.

И в а н о в на. Да сыночек же ты ненаглядный, да соколик ясный... упал при дороженьке.

Афоня всхлипнул, убежал в калитку.

Н и л ы ч. Будет тебе.

И в а н о в на (*на Нилыча*). Вот и немцам в лапы попал, а живой остался, слава тебе, господи, старый идол... Кому ж мы с тобой нужны!..

Н и л ы ч. Кто живой, кто в могиле — это уж после войны разберемся.

М а р и н а. Я видела, Нилыч, как смотрел ты, не мигая, смерти в глаза...

Н и лы ч. Вернули, спасибо, а вот... лучше бы... (*Отвернулся, скрывая слезы.*)

В е р и г и н. Немцев запереть.

И в а н о в на. Дай, дай сперва в ихние волчьи морды поглядеть! Чтоб до смерти не забыть. (*Подошла к немцам.*) Ты куда, куда зенки разбойниччи прячешь? Гляди прямо! А! Жидки, идолы, на расправу. (*Засучивает рукава.*) Вас зачем к нам черти привели? Сказывай!

В е р и г и н. Ивановна, отойди.

И в а н о в на. Ой, не отойду. Сердце зашлося.

Н и лы ч. Ну, ну, тебя тут не хватало.

И в а н о в на. Может, и не хватало. Злобы-то у меня хватит. (*Веригину.*) Я уж с тобой, Антоныч, не гони, пригожусь, может.

В воротах машина. Из нее вышли партизаны. С ними Елена. Она вооружена. Впереди них бодро, весело шагает Хорошилин. Елена отыскала глазами Марину, молча прильнула к ней.

Х о р о ш и л и н. Ну, вот! Все в порядке и пьяных нет! Лена к нам прибилась. Опоздала, бедняга! Малость, и ты, Платоша, опоздал. Что вы у самого моста засаду им устроили — это правильно. Но используй вы смелей пересеченную местность, вы сцепали бы полностью и этот отряд, что меня захватил. Не дали бы им сюда проникнуть. Но фактически в целом — молодцы! Спасибо! Прямо из фашистского застенка вырвали!

Н и лы ч. Зря!

В е р и г и н. Тебя немцы допрашивали?

Х о р о ш и л и н. Ну — да! Взяли документы. «Откуда?» Молчу. Они мне револьвер к виску — я как воды в рот набрал.

Веригин. Набрал?

Хорошилин. Допрашивают меня, и вдруг вижу — на машине Сережа мчится к мосту. Э, думаю, засыплется парень: сейчас в лапы им угодит. Надо спасать. Зубы заговаривать.

Веригин. Заговорил?

Хорошилин. Заговорил, все-таки задержал.

Веригин. А воду изо рта выпустил или задержал?

Хорошилин. Фактически...

Веригин. Сажай, Нилыч, всех в машину. Выезжайте, пока мост у нас.

Хорошилин. Уф, от радости даже не верю, что опять дома.

Нилыч. А уж мы-то рады! Не знаем, где посадить.

Веригин. Хорошилина запереть в лаборатории.

Хорошилин. Как?.. Позволь... Платоша?.. Да ты что?!

Веригин. Ступай! Окна запереть.

Нилыч. Чтобы не простудился.

Хорошилин. Надо же взвешивать...

Веригин. Взвесим.

Хорошилин (*бросился к Марине*). Марина Петровна! Голубушка! Что же это? Кошмар! Сколько я для Модеста Александровича сделал! Вы же любили меня за это...
(*Хватает ее руки, хочет поцеловать.*)

Елена. Уберите же эту жабу!

Веригин (*вынул револьвер*). Увести.

Хорошили н. Револьвер мой украл! Ну, что ж, пристрели из него, заслужил!..

Хорошилина уводят. Близко стрельба.

Веригин. Товарищи, собраться всем за лабораторией...

Партизаны уходят за здания. В калитку быстро входит Каравашев с Афоней. Веригин устремился к нему навстречу.

Каравашев. Ничего... Знаю... Вот Афона мне все уж... где она? (*Подошел к Марине. Они молча обнялись.*) Ты ранена?

Марина. Ничего... несерьезно. Ты сядь, сядь...

Каравашев. Ушел, ушел. Как прекрасно расставался с нами...

Марина. Не надо меня утешать...

Каравашев. Да, да! В воскресенье я рассказывал ему, как ребенком он спасал мое дело и мою душу и сберег радость нашей жизни. А вот и вырос, чтоб опять сберечь эту радость... Для родины... Отдал жизнь за радость.

Марина. Удалось ли тебе там закончить работу?

Каравашев. Да, да... Успели... Теперь все у меня здесь, в голове. Хоть завтра продолжать. Поздравляю, Веригин.

Веригин. Поздравляю. (*Целует его.*) И до свиданья... за работой. Я подоспею. Торопитесь. Товарищи, усадить всех в машины и быстро доставить на ту сторону в Нироново. Там наша машина с аппаратами и убитым. Скорей. Через полчаса взрываем мост.

Каравашев. Здесь нужные станки взорвать.

Веригин. Слушаю. Сейчас, взрываем. До свиданья, Марина Петровна. (*Целует ее руки, уходит.*)

Карышев. Лена, садитесь с Мариной.

Елена. Нет. Я с Веригиным остаюсь... (*Обняла Марину, подавляя рыдания.*) Поцелуйте Сережу... Не успела проститься с живым, с мертвым некогда. Скажите ему все, что я хотела сказать... Что я... Люблю его всей кровью... что за чистую его кровь буду лить черную — бандитскую... (*Подает цветы, целуя их.*) Ему... каждый лепесток...

Карышев. Нилыч, смотри шлифы не перепутай. Помни: которые под пятнадцатым номером, с тех уже можно прямо начинать. (*Вдруг пошатнулся.*)

Елена (*подхватила его*). Модест Александрович, голубчик родной.

Карышев. Ничего, Лена. Устоим. (*Вытер глаза.*) Черный смерч глаза запорошит, а на колени нас не поставит.

Близко выстрелы. Вбежали Веригин, партизаны.

Веригин. Подходят!

Нилыч. Те же гости в ту же хату. Ивановна, где ты там? Садись, садись.

Ивановна. Постою. Остаюсь тут, с Веригиным.

Веригин. Всем отходить.

Рабочие быстро через кустарник уходят.

Нилыч. Да что же вы по живым кустам топчетесь! Вы их сажали?

Веригин. Ты что, Нилыч?

Нилыч. А то, что вернемся, сам же заклянчишь: Нилыч, ягодок, Нилыч, ягодок! Эх, народ!

Веригин. Лишние, прочь! Все готово.

ЗАНАВЕС

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ,
ГЕОРГИЙ МАКОГОНЕНКО

Бергольц Ольга Федоровна (1910—1975) — поэт, прозаик. Окончила ЛГУ (1930). В 1931—1934 гг. редактор в газете завода «Электросила» в Ленинграде. 13 декабря 1938 г. арестована по обвинению «в связи с врагами народа» как участник контрреволюционного заговора. 3 июля 1939 г. освобождена, полностью реабилитирована. В 1940 г. вступила в ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны осталась в осажденном Ленинграде, работала на радио, почти ежедневно обращаясь к жителям города. После постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (Правда. 1946. 21 авг.) за свой открытый протест и выступление в защиту А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко попала в «закрытое письмо», в результате чего ее имя и творчество оказались на некоторое время под запретом. Автор очерков «Годы штурма», сборника рассказов «Ночь в Новом мире», сборника «Стихотворения» (1933—1935), поэмы «Февральский дневник» (1942), сборников «Ленинградская тетрадь» (1942), «Памяти защитников» (1944), «Говорит Ленинград» (1946 г.; выступления поэта по радио в годы блокады; первое издание книги изъято в связи с «ленинградским делом»), героико-романтической поэмы «Первороцкий» (1950 г.; в 1951 г. удостоена Сталинской премии), «Дневные звезды» (1959) и др.

Макогоненко Георгий Пантелеимонович (1912—1986) — литературовед, критик, доктор филологических наук, профессор, член Союза советских писателей СССР (с 1943 г.). Участник советско-финляндской войны и обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

В 1941—1942 гг. редактор и начальник литературного отдела Ленинградского радиокомитета.

Хроника работы над сюжетом пьесы «Они жили в Ленинграде»: 8 января 1943 г. Берггольц и Макогоненко получили заказ от горкома и ЦК ВЛКСМ Ленинграда написать сценарий для полнометражного художественного фильма о комсомольских бытовых отрядах в зиму 1941—1942 гг.

10 мая сценарий был закончен. В конце мая авторы получили правительственный вызов из Комитета по делам кинематографии и в начале июня поехали с законченной работой в Москву.

Фактически сразу после написания сценария (10 мая 1943 г.) авторы были готовы к тому, чтобы переработать его в пьесу. Еще в марте 1943 г., когда работа была в разгаре, Берггольц получила от режиссера Камерного театра А. Я. Таирова телеграмму, в которой он предлагал сотрудничество.

В апреле 1944 г. Главный репертуарный комитет разрешил пьесу к постановке. Комитет по делам искусств рекомендовал ее Московскому театру им. Ленинского комсомола. (Постановка не состоялась.) Продолжались консультации и с Камерным театром. 28 мая газета «Московский большевик» сообщила, что накануне во Всесоюзном театральном обществе прошла читка пьесы и обсуждение ее «работниками Москвы». 13 февраля 1945 г. Ю. Ю. Коршун поставил пьесу «Они жили в Ленинграде» в Театре санитарного пропагандирования Наркомздрава СССР. В ноябре 1945 г. состоялась премьера пьесы в Камерном театре в новой редакции (был введен образ Поэта) и под названием «Верные сердца»¹.

¹ Рецензии на премьеру: Ростоцкий Б. «Верные сердца» в Камерном театре // Театр. 1945. № 3—4 (ноябрь — дек.). С. 21—24; Корварский Н. «Сотворение мира» // Театр. 1946. № 1—2. С. 30—32.

Совместность творческих усилий была подчеркнута в программе: пьеса Бергольц и Макогоненко названа «драматической повестью», автором «сценической композиции» значился А. Я. Таиров, режиссером-постановщиком была Н. С. Сухоцкая¹.

¹ См. сведения в статье: Прозорова Н. А. Под прицелом партийной цензуры: Сценарий и пьеса О. Ф. Бергольц и Г. П. Макогоненко «Они жили в Ленинграде» (по архивным материалам РО ИРЛИ РАН) // Запечатленная Победа: ключевые образы, концепты, идеологемы (Литературные события и феномены XX века). Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Воронежский университет. — Санкт-Петербург — Воронеж, 2016. С. 48—61.

ОНИ ЖИЛИ В ЛЕНИНГРАДЕ¹

Пьеса в четырех действиях, девяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Богданов Илья Владимирович, секретарь райкома партии, 42 года.

Никита Колосов, секретарь райкома комсомола, 27 лет.

Наташа Червонная, 26 лет
Маша, 18 лет
Леля, 20 лет

} работницы-комсомолки,
бойцы бытового отряда.

Сосновский Николай Александрович, профессор, 55 лет.

Петя Соколов — рабочий, 24 лет.

Вася Куликов — мастер, 17 лет.

Леня — школьник, пришедший на завод во время войны, 16 лет.

Евгений Червонный — балтийский офицер, 28 лет.

Степан Кузьмич — старый мастер, 65 лет.

Ирина Ивановна — его жена, 55 лет.

Миша — мальчик, 13 лет.

Анютка — красивая девушка с косами, 20 лет.

Шура — работник райкома партии.

Девушки-комсомолки, бойцы бытовых отрядов, женщины.

¹ Берггольц О., Макогоненко Г. Поход. Отрывок из киносценария «Они жили в Ленинграде» // Комсомол города Ленина. Л.: Лениздат, 1943. С. 128—153; Берггольц О., Макогоненко Г. Они жили в Ленинграде. Киноповесть // Знамя. 1944. № 1—2. С. 102—158; Берггольц О., Макогоненко Г. Они жили в Ленинграде. Пьеса в 4-х д., 9-ти карт. Москва; Ленинград: Искусство, 1945.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ленинград. Конец ноября сорок первого года. Вечер. Кабинет секретаря райкома партии. Посередине наспех поставленная печка-времянка. Девушка в ватнике — Шура — возится у печурки. Время от времени слышны унылые стоны пролетающих снарядов и глухие взрывы. Входит Богданов. Он возбужден и минутами очень задумчив.

Богданов. Ну что, Шура, мерзнем?

Шура. Ой, мерзнем, Илья Владимирович.

Богданов. Это нехорошо, Шура... Это очень нехорошо. (*Кивнув на дверь.*) А там — затопила?

Шура. А зачем же там, Илья Владимирович? Надышат на совещании.

Богданов. Не надышат. У нас, Шура, сегодня совещание короткое будет... Очень, понимаешь, такое короткое...

Шура. Мне нетрудно, затоплю... Только медленно собираются, Илья Владимирович.

Богданов. Да, тихо бродят, тихо... И это нехорошо, Шура!.. (*Подходит к большой карте Ленинградской области, напряженно смотрит на нее.*) Очень нехорошо, дорогая Шура.

Шура (*робко*). Илья Владимирович... А вы не про Мгу сегодня сообщите?

Богданов. Что — про Мгу?

Шура. Что взяли ее... Очень все ждут. Даже меня по телефону спрашивают...

Б о г д а н о в . Нет, Шура, и сегодня — не про Мгу... Погди, затопи там...

Шура уходит.

(Вновь подходит к карте и смотрит на нее. Негромко.)
Нет, дорогие мои товарищи, я — не о Мге... Вот она.
Взять ее — и вот путь в Россию, прорыв кольца —
спасение... Ждут... Измученные придут, с надеждой.
А я...

Входит Н и к и т а , минуту следит за Богдановым, потом окликает его негромко и радостно.

Н и к и т а . Илья Владимирович!

Б о г д а н о в . Кто это там?

Н и к и т а . А это я, Никита.

Б о г д а н о в . Никита! Фу, Никита, дорогой мой, — живой! Я рад, что ты — живой. Откуда?

Н и к и т а . Из госпиталя. Понимаешь, под Стоельной покалечили...

Б о г д а н о в . Ну, конечно, понимаю: лез на рожон, конечно, впереди всех... Эх! Говорил же я тебе. Просил же беречься.

Н и к и т а (смеясь). И ничего вы, товарищ Богданов, не просили, а... обняли и вручили вот это. (Снимает с пояса большой финский нож и показывает его Богданову.) Помнишь?

Б о г д а н о в . А, финка. Точно — вручил, вручил. Так ведь как же, — вооружались! Готовились к боям на улицах!

Н и к и т а . Знаешь, мне твой подарок очень пригодился!

Богданов. А мне мой — нет! Я им, видишь, как орудую? (*Вынимает пакет хлеба и таким же ножом, как у Никиты, режет от него куски.*) Да ты садись к огню, садись. Действуй, как я. (*Насаживает на кончик ножа ломтик хлеба и сует его в печурку.*) Говорят, сущеный сырнее.

Никита делает то же.

Да, а ведь еще недавно казалось, что это грозное оружие всерьез пригодится...

Никита. Да, казалось. (*Резко, в упор.*) А скажи, тебе... тогда... было стыдно за все это?

Богданов. Было.

Никита. А было страшно — за советскую власть?

Богданов. Было.

Никита. Знаешь, мне за нее в тот день страшно стало, когда наша дивизия народного ополчения из-под Луги отходила...

Богданов (*вскакивая, яростно*). «От-хо-ди-ла»? Наша дивизия бежала! Понимаешь — бежала!

Никита. Да. Бежала.

Богданов (*зло*). Так ты называй вещи своими именами, не бойся.

Никита. Я не боюсь. Мне это просто выговорить трудно. Потому что ведь и я с ними бежал, — я тоже бежал! Понимаешь?

Богданов. Ну, ну, ладно. Дело прошлое — чего не бывало...

Н и к и т а. Не-ет, ты не оправдывай, нельзя...

Б о г д а н о в. Я не оправдываю, — молчи! Я ни тебя, ни себя, никого не оправдываю, — слышишь, ни к о - го! Да, бежал. Но, побежав, испугался за власть, за Россию — так? И встал. Насмерть. Потому что понял — ты хозяин, ты ответчик.

Никита тихо засмеялся.

Ты что?

Н и к и т а. А знаешь, я понял сейчас, с какой минуты я ответчиком стал... Батальон наш дивизию прикрывал... И вдруг отсекли нас немцы от своих. Место не-знакомое, болото чортово, глушь, все наши бойцы — городские жители. Первый раз в жизни в такие леса попали, местности никто не знает, — ну, почти паника началась, — куда идти? Растерялись, кричат, конечно: «в окружение попали», «заблудились», «пропадем»... Командир кричит: «Кто дорогу знает?» Молчание. Ни одна душа дороги не знает. Еще больше паника. Я вышел вперед и говорю: «Я знаю дорогу».

Б о г д а н о в (*с волнением*). Знал?

Н и к и т а. Нет. Не знал. Но — вывел.

Б о г д а н о в (*на мгновение обняв Никиту*) Ух, Никита! Бесстрашный мы народ!

Входит Ш у р а.

Ш у р а. Илья Владимирович, собираются...

Б о г д а н о в. Как только все придут, позовешь.

Шура уходит.

Никита. Что за собрание, Богданов?

Богданов. Да вот... партийный актив собрал.

Никита. А вопросы какие?

Богданов (*подходя к карте*). «Вопросы»... А вот сообщу сейчас, что на днях немцы Тихвин взяли.

Никита быстро подходит к карте.

Видишь?

Никита. Вижу.

Богданов (*жестко*). Замкнуто второе кольцо вокруг Ленинграда. Ни единой дороги, ни тропинки в страну. Изоляция полнейшая. Блокада... Если Тихвин не отобьют... ну... сам понимаешь... Это — раз. А потом должен людям сообщить, что с завтрашнего дня хлебная норма еще уменьшается. Рабочие будут получать по двести пятьдесят граммов хлеба, служащие, иждивенцы и дети по сто двадцать пять граммов...

Никита. Илья Владимирович... А... ты знаешь, что люди уже и так массами с голода пухнут?

Богданов. Уже умирают, не только пухнут... Но подвоза в город давно нет. Продовольственных запасов осталось на десять дней.

Никита. Ты им... и это скажешь?

Богданов. Скажу. (*Барабанит пальцами по столу*.)

Никита прошелся из угла в угол комнаты. Пауза.

Ну, что? Страшно?

Никита. Ну, а еще? Что ты им еще скажешь?!

Богданов. Что скажу?.. (*Улыбнулся, встал.*) Скажу, что мы знаем дорогу...

Входит профессор Сосновский — стариk, закутанный в большой шарф, с палкой, с жестяным бидоном в руках.

Профессор (*Богданову*). Профессор Сосновский. Простите, товарищ Богданов, я к вам.

Богданов. Привет, товарищ профессор. Присаживайтесь! Чем могу...

Профессор. Простите. Известно ли вам как секретарю райкома, что наше книгохранилище уже третий день не получает тока? То есть, вы понимаете, — лампы не горят.

Богданов. Это, товарищ Сосновский, к сожалению, общегородское явление.

Профессор. Ага. Барометр резко падает. Что ж, я так и полагал. Вот видите, отправляясь сюда, я догадался даже взять бидончик.

Богданов (*удивленный*). Бидончик, товарищ профессор?

Профессор. Ну, конечно. Я пришел за керосином.

Богданов. К нам? В райком партии?..

Профессор. Я хотел сначала в Смольный, но это далеко, и потом... мы же все-таки ваш объект. Странно, что вы удивлены. Я же немаленький, я понимаю, куда мне надо идти. Ведь ко мне в читальный зал люди приходят. Им свет нужен, они же — читают...

Богданов (*оживляясь*). Нет, серьезно? Приходят и это... сидят, читают... выписки делают, — как раньше?

Профessor. Ну да, конспектируют, выписывают, — одним словом, работают над источниками.

Богданов. Ты слышишь, Никита? Работают над источниками! Профессор, они и завтра придут?

Профessor. Ну да.

Богданов. И, скажем, через десять дней придут?

Профessor. Несомненно.

Богданов (*счастливо смеясь*). Нет, ты слышишь, Никита? Через десять дней они придут работать над источниками! Профессор, спасибо, дорогой! Профессор, я, я на преступление пойду, но завтра вам пятнадцать литров керосина отправлю!

Профessor. Я буду обязан вам...

Входит Шура.

Шура. Ждут вас, Илья Владимирович. Все пришли.

Богданов. Да, да, я иду. Спасибо вам, товарищ Сосновский. Простите, совещание у меня.

Никита. Я подожду тебя здесь, Илья Владимирович!

Богданов. Да, да, хорошо, подожди. Я обязательно достану вам керосину, профессор. Никита! Вот я им и об этом скажу! (*Уходит*.)

Профessor. Ну вот. Я же немаленький, я знаю, куда обращаются в крайних случаях...

Пауза. Свист и глухой взрыв за окном.

Однако какой интенсивный огонь ведет сегодня противник!

Никита. Николай Александрович... А вы меня совсем не узнаете?

Профessor. Виноват, не узнаю.

Никита (*торопливо и грустно*). Это понятно... Ведь последний раз мы виделись с вами целых два года назад, на госэкзаменах. Я Никита Колосов...

Профessor (*радостно*). Никита... Ну, как же! Конечно, я узнал вас. (*Жмет ему руки.*) Ведь вы даже не подозреваете, какие надежды я возлагал на вас как на молодого ученого. Но вас, кажется, неожиданно взяли на партийную работу, и я...

Никита. Да, да, в райком комсомола... Я так рад, что вы меня помните, Николай Александрович, что вы работаете...

Профessor. «Работаю»? Мой молодой друг, я сейчас творю и мыслю, мыслю, как никогда. Я пишу сочинение о России десятого века. Пишу целыми днями, время от времени опуская застывшие руки в миску с теплой водой. Мысль моя ясна и спокойна. Ей ничто не в состоянии помешать. О, это был бы труд европейского значения...

Никита. Был бы? Будет, Николай Александрович!

Профessor. Нет... Мне не удастся завершить мой труд. Мы с вами, дорогой Никита, по всем данным, погибнем раньше.

Н и к и т а (*возмущенно*). Зачем вы так, Николай Александрович?!

П р о ф е с с о р (*твёрдо*). Простите, но теперь я не расположен лгать. Ни себе, ни вам: ложь — лишняя трата сил.

Н и к и т а. Но вы только что... вы пришли за керосином... Вы работаете...

П р о ф е с с о р. Вы удивляетесь этому? Нехорошо. Вы солдат, — да? Вы не хотите сдать ваш последний рубеж, город, — правда? Я — тоже. Никто не хочет. Значит, этого выхода — сдачи — для нас нет. В создавшемся положении остается второе: достойная гибель.

Н и к и т а. Николай Александрович... зачем вы остались в Ленинграде?

П р о ф е с с о р (*помолчав, очень просто*). Я русский человек, Никита. В этом городе я родился, жил и состарился. Я его дряхлый, но верный сын. Вот живу около книгохранилища. Берегу книги, работаю, надеюсь, что встречу свой последний час достойно.

Н и к и т а (*почти с мольбой*). Николай Александрович! Дорогой Николай Александрович, я два года слушал вас, я знаю все ваши книги... И так верил вам, так любил вас, что не осмеливался даже говорить вам об этом. И вот теперь... в эти дни... о, неужели же вы знаете только два выхода — умереть или сдаться?

П р о ф е с с о р (*грустно*). Увы! Я хотел бы знать третий. Но я знаю ровно столько же, сколько знает история.

Н и к и т а. Но разве история знала людей советской души? Таких, как... вы, таких, как Богданов. И пока в городе есть такие люди...

Профес sor. Ага, вы сказали — пока. Да, пока у меня есть силы, я буду сопротивляться. Но люди уже стали падать с ног от голода. Вот завтра я упаду, и меня никто не подымет, потому что все слабы так же, как и я. Но будут падать — и не помысят о позорной сдаче и даже не попросят пощады! Не попросят. О, мы покажем им, как, не сдаваясь, умирает целый город!

Никита. Но если мы все умрем — это же все равно проигрыш сражения, а мы должны выиграть его!

Профес sor (*горестно*). Как? Дорогой мой, как?

ЗАНЯТИЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Большая комната, видимо, бывший красный уголок при богатом предприятии. Вечер. Окна затемнены хорошими суконными портьерами; у одной стены — пианино, на стенах — плакаты военного и даже еще мирного времени, красивый круглый стол; но в комнате недавно сложенная каменка, труба от нее выведена прямо в окно, по стенам — койки-раскладушки, в углу — ящик с песком и пожарные принадлежности, все сдвинуто, беспорядок. Это — организующееся комсомольское общежитие при судостроительном заводе.

Наташа и Маша вносят маленький столик.

Наташа. Ставь сюда, Маша...

Маша. Нет, нет, сюда. Так лучше. (*Ставит столик у одной из кроватей.*) Ну вот, твой уголок совсем готов... (*Озирается.*) А общий стол все-таки на середину надо. (*Выдвигает круглый стол на середину.*) Ну, конечно, так уютнее. Наташа, оглянись. Так уютнее, да?

Наташа. Да, да, покрой его скатертью. (*Подает Маше скатерть из своего чемодана.*)

Маша. Ух, красивая какая! Дорогая, наверное.

Наташа. На еще дорожку на пианино... А этим я подушки накрою.

Маша. Наташенька... Ведь закоптится тут все. Зачем ты отдаешь-то? Неужели не жалко?

Наташа. А мне, Маша, сейчас ничего не жалко. Я только хочу, чтоб у нас тут... на дом было похоже.

Маша (*наклоняясь над Наташиным чемоданом*). А у тебя дома-то, наверно, красиво-красиво было? Ах, сколько вещичек изящных! Ты старше нас всех, ты инженерша, — вы с мужем уже успели зажиточной жизнью пожить — да, Наташа?

Наташа (*усмехнувшись*). Нет, Маша, не успели. Я все эти вещи сегодня первый раз из чемодана вынимаю.

Маша. Ну-у? Почему же это?

Наташа. Да так как-то у нас с Женей сложилось...

Маша (*негромко, вынимая из чемодана портрет в рамке*). А это он и есть, Наташа?

Наташа. Да, Маша, это он и есть, Женя. Мой муж...

Маша. Муж! Интересный. Я моряков люблю. Он где теперь, Наташа?

Наташа. Да здесь, на корабле, около Зимнего стоит.

Маша. Это хорошо, близко.

Наташа. Близко, а почти не видимся, — их в город редко увольняют. (*Торопливо.*) Но это ничего, главное, что рядом, понимаешь...

Маша. А не отвык он от тебя на своем корабле, Наташа?

Наташа. Отвык? От меня? Он меня любит, Маша.

Маша. Это верно, — любит. Это я и сама вижу.

Наташа. Да как же ты это видишь-то?

Маша. А по глазам его вижу. (*Водит портретом из стороны в сторону.*) И обрати внимание, как он преднамеренно снялся: куда портрет ни повернешь — все на тебя глядит. Правда?

Наташа. А ведь пожалуй...

Входит Петя Соколов.

Петя. У-у... Тепленько тут. (*Быстро подходит к койке у печурки.*) Ага, не занята еще? (*Кладет на койку сверток.*) Наташа! Скажешь другим, что эту койку Соколов занял. Пойду барахло притащу. (*Уходит.*)

Маша. У Пети тоже уютный уголок будет... А я... я вот около тебя устроюсь! Ах, Наташа, до чего мне нравится, что мы так устраиваемся здесь, собрались вместе...

Леля, Леня и Вся вводят под руки старого мастера Степана Кузьмича. Мастер очень слаб, еле держится на ногах, почти без сознания.

Леля (*негромко*). Давайте сюда, сюда, ребята, на кровать... Осторожнее... Лягте, лягте, Степан Кузьмич.

Маша. Степан Кузьмич, бедненький, милый! Ребята, что это с ним?

Леля (*сердито*). Что, что... дура! То же, что со всеми сейчас! Наталья, пощупай-ка пульс ему...

Наташа (*проверяя пульс*). Когда это случилось?

Леня (*возбужденным шепотом*). Да только что. В цеху упал. Мы с Лелей его оттуда и привели...

Наташа. Пульс плохой. Леля, сумку! Маша, воды, быстро!

Леля (*подходя с санитарной сумкой*). Доведем мы его до дому-то, а? Наталья?

Наташа (*пожимает плечами. Подносит капли Степану Кузьмичу*). Степан Кузьмич, милый, выпейте.

Степан Кузьмич (*очнувшись*). А? Чего это?

Наташа. Это лекарство... Выпейте...

Степан Кузьмич. Ну, давай лекарство... (*Пьет. Поглядев на ребят, горько, качая головой*.) Ну, что, ребяташки, а? (*Смущенно*.) Вот как он меня... наземь-то повалил... Ай, враг! Ну — враг! Вот это — враг...

Маша. Ой, он бредить стал...

Степан Кузьмич (*волнуясь, с трудом*). Кто бредить? Я, Маша, не брежу... я — про германца говорю. Это германец меня за глотку взял... а вы мне — капельки...

Наташа. Да лежите же, лежите, Степан Кузьмич! Зачем вы поднимаетесь-то, господи...

Степан Кузьмич. Да чего вы меня, как покойника, укладываете? Я сам все могу! Ленька, Васята, где вы?

Леня. Здесь, Степан Кузьмич.

Степан Кузьмич. Подите, салазки разыщите. С Лелей домой меня свезете... к Арине Иванне. Ну, марш, живо. (*Устало откидывается на подушки*.)

Леня и Вася выходят; входит Петя с узлом.

Петя (*увидев Степана Кузьмича*). Та-ак... (*Горько махнул рукой*.) Этакий золотой человек — и вот...

Наташа. Вы, Степан Кузьмич, главное, отлеживайтесь дома как следует, мы пока справимся тут. Вот Вася — он уж при вас бригадиром работал. А вы не беспокойтесь...

Степан Кузьмич. Как это — не беспокоиться? Я при буржуях и то беспокоился. Я приду завтра, обратно приду. Вернусь. Не один — так старуха поведет...

Входят Леня и Вася.

Вася. Саночки готовы, Степан Кузьмич.

Степан Кузьмич. Ну, поднимите меня.

Ребята подняли его.

(На минуту останавливается, озирается кругом.) Да. До-жил... Ребятишки на салазках с завода ташат... как мешок... Н-ну, запомню я ему... эти саночки... Пошли, птицы мои!

Леня, Вася и Леля уводят мастера. Наташа, Маша и Петя глядят им вслед.

Наташа (*покачивая головой*). Последний старый мастер в нашем цеху...

Петя. Вернусь, говорит. Не-ет, кто в таком положении с завода уходил — еще назад не вертался. Никто.

Бьют часы.

Поздно уже... Пойти получить хлеб за завтра да лечь... (*Выходит, сталкиваясь в дверях с высоким молодым мояком*.)

М о р я к. Простите. Наташа Червонная здесь или нет?

П е т я. К тебе, Наташа. (Уходит.)

Н а т а ш а (*обернувшись, стремительно бросается к моряку*). Женя!

Е в г е н и й. Наташка! Еле разыскал тебя.

Н а т а ш а. А я ведь ушла из дома. Мы теперь тут. Общежитие сооружаем. Хорошо? Да ты раздевайся. Что ты... молчишь-то? Что смотришь на меня так? Страшная стала, да?

Е в г е н и й. Нет. Ты — красивая. Ты красивей всех на свете.

Н а т а ш а. Да что ты такой?.. Случилось что-нибудь? Нет? Знакомься, — это Маша. Машенька, — это Женя.

М а ш а. Здравствуйте, товарищ старший лейтенант. Наташа... я... я, знаешь, к пожарникам пройду... Посмотрю, как они устроились. Ух, наверно, мы — лучше.

Н а т а ш а. Да, да, молодец, сходи, посмотри. (*Выпрямляя ее*.) Ну, Женя, ну, родной мой. Господи, я от радости растерялась.

Е в г е н и й (*не сводя с нее глаз*). Я так рад, что застал тебя. Я боялся — прибегу сюда, а тебя нет, ушла куда-нибудь... Я... я и не увижу...

Н а т а ш а. Значит, любишь? Любишь, да?

Е в г е н и й (*с упреком*). Наташа!

Н а т а ш а. Нет, ты говори, говори...

Е в г е н и й. Я тебя все больше и больше люблю, слышишь? Ты знаешь, мне кажется, что мы вместе еще

и жить-то не начинали. Ты подумай только — мы четырнадцать месяцев женаты, а это составляет четыреста двадцать шесть дней...

Наташа (*удивляясь*). Ну, что за арифметика, Женя?

Евгений. Да ты погоди, не смеяся. Я все это сосчитал однажды, когда о тебе тосковал. Женаты четыреста двадцать шесть дней, а знаешь, сколько из этого срока мы прожили вместе? Только пятнадцать дней. А то все — в разлуке... Сначала — плавание, потом — война... И вот, в общем, вместе прожито — триста шестьдесят часов...

Наташа. Неужели так мало, Женя?

Евгений. Да. (*Взглянул на часы.*)

Наташа (*быстро*). Уже уходишь?

Евгений. Триста шестьдесят один час будет, и — уйду... (*Обняв ее.*) Ты понимаешь — я все время ухожу от тебя.

Наташа. Неправда. Неправда, — слышишь? Ты все время приходишь, а я все время встречаю тебя. (*Оживляясь.*) Помнишь, какая была встреча, когда ты из Таллина приехал?

Евгений. Я все помню, Наташа.

Наташа. Ты какой-то такой немножко встрепанный приехал, странный, вот как сейчас...

Евгений. А какой день-то был тогда — солнечный, суетливый, смешной.

Наташа. И мы шатались, шатались по всему городу, что-то глупое покупали, мороженое ели, — потом вдруг попали в кино...

Евгений. . . на детскую картину и на детский сеанс...

Наташа. Да, да, там одна мелкота была, дошколята, а взрослых — только двое торчало... Только ты и я!
(Смеется.)

Евгений *(улыбаясь)*. И картина чудесная была — про оловянного солдатика.

Наташа. И как здорово этот стойкий одноглазый солдатик пел, — помнишь? *(Напевая и слегка играя.)*

Пусть и град и гром,
Пусть беда кругом, —
Никогда не отступай назад.

Схватив ружье,
С песней про нее, —
Крепче на ноге держись, солдат!

А потом мы пришли домой, я нарядилась, собирала на стол, а ты вдруг сказал: «Наташка, до чего я сына хочу, — Мишку...» А потом...

Евгений *(беря ее за руку)*. Наташа...

Наташа *(перебивая, увлеченная воспоминаниями)*. А потом мы пили вдвоем вино, и все у нас на языке эта дурацкая, милая песенка вертелась — «пусть и град и гром, пусть беда кругом» — и ты вдруг очень серьезно сказал: «Будет Мишка — будешь петь ему эту песню вместо колыбельной»...

Евгений. Наташенька... Немцы взяли Тихвин.

Наташа. Я знаю. Зачем ты об этом?

Евгений. Я записался в бригаду морской пехоты, Наташа. Я ухожу туда — под Тихвин...

Наташа. Когда?

Евгений. Сегодня...

Наташа. Добровольно?

Евгений. Да. Я не мог иначе, Наташа! Это немыслимо — сидеть на корабле и ждать весны, зная, зная... Судьба города там сейчас решается... Понимаешь?

Наташа опускает лицо в колени.

Наташа! Родная моя...

Наташа (*поднимаясь*). Нет, нет... я — ничего. Я просто привыкла... что мы... рядом все время были...

Евгений (*сжимая ей руки*). Наташа, прости меня.

Наташа. Простить — тебя?

Евгений. Мне за тебя страшно, Наташа, — понимаешь, за тебя...

Наташа. Я все понимаю. (*Встала перед ним, подняла ладонями его лицо, глядит в него.*) Но ты — иди. Иди туда. Это я тебя туда отпускаю. Я. (*Ласково, быстро, трепетно гладит его голову.*) Ну, что ты? Ну, разве можно так? Иди и помни все триста шестьдесят часов нашей жизни... И тот день, который я сейчас вспоминала, — понимаешь? (*Гладя его голову, все трепетней и вдохновенней.*) Иди и делай все, что надо... как надо... и... и... (*Запевает сначала шутливо, затем все серьезней.*)

Пусть и град и гром,
Пусть беда кругом, —
Никогда не отступай назад.

Схватив ружье,
С песней про нее, —
Крепче на ноге держись, солдат!

Евгений встает.

Пора?

Евгений. Да. Наш триста шестьдесят первый час кончился. (*Делает движение обнять ее.*)

В эту минуту входят ребята — Леля, Вася, Петя, Леня, Маша.

Наташа (*отступив от мужа на шаг*). Ребята, это муж мой, старший лейтенант Евгений Червонный. Он сегодня уходит Тихвин отбивать. Проститесь с ним, ребята. Девушки, обнимите его, поцелуйте.

Леня, Вася и Петя протягивают Евгению руки со словами:

— Будьте здоровы, товарищ старший лейтенант.

— Счастливо сражаться, товарищ Червонный.

Леля и Маша строго и сердечно обнимают его, целуют в губы. Последней подходит Наташа.

Евгений. Наташа... побереги себя... побереги...

Наташа. До свидания, Женя.

Короткое суровое объятие на виду у всех. Евгений выходит, Наташа метнулась за ним.

Евгений (*от двери*). Не провожай меня. Холодно. (*Уходит.*)

С ним выходят Леня и Петя. Наташа, застыв, неотрывно глядит на захлопнувшуюся дверь.

Леля. Хорошо морячка проводили, красиво.

Маша (*прижавшись к неподвижной Наташе*). Наташенька! Молодец ты какая... Стойкая ты...

Наташа (*гневно*). Ах, молчите, — девчонки! Ну, что вы, что вы в этом понимаете? (*Глядя на дверь, с тоской*.) Не успели... ни-че-го не успели... и вот уже поздно теперь... (*Резко обрывая себя*.) Ну? Ну, что же мы встали-то? Леля! Довезли старика?

Леля. Довезли.

Наташа. Ну, ну, хорошо... Да давайте же делать что-нибудь... Давайте говорить и... Делать, делать что-нибудь! Кончать тут с уборкой... Печку топить...

Бегает Леня.

Леня. Наташа! Лелька! Пошли за диваном-то. А то его пожарники утащат.

Наташа. Да, да, пошли. (*На ходу*.) Мы и кресло там заберем... И тумбочка там была красивая. Мы и ее возьмем...

Ребята уходят. Маша подходит к Наташиной постели, минуту подумав, вынимает из чемодана портрет Евгения.

Маша (*негромко*). И нечего ему лежать в чемодане. Пусть висит над Наташиной кроватью, смотрит ей в глаза. Пусть она знает, что он ее любит. И нам-то всем легче будет. (*Встала на спинку Наташиной кровати с молотком и гвоздями, прибивает портрет*.)

Вася тихо вышел из комнаты. Маша роняет молоток. В это время входит Никита.

Маша (*не оборачиваясь*). Вася! Васька! Подай мне молоток. Ну, подай же скорее.

Никита подает молоток.

(*Берет, не оборачиваясь*.) Держи меня, Васька. Держи, а то скажусь...

Никита здоровой рукой придерживает ее за спину.

(Соскаивает, любуется портретом.) Интересный. Очень интересный. Правда, Васенька? (Оборачивается, видит Никиту. Очень вежливо, протягивая ему руку дощечкой.) Я извиняюсь. Я — Маша. А разве вас тоже Васей зовут?

Н и к и т а. Нет. Меня Никитой зовут.

М а ш а. А чего ж вы откликались?

Н и к и т а. А оттого, что ты окликала. (Кивая на портрет.) Брат?

М а ш а. Нет.

Н и к и т а. Муж?

М а ш а. Ой, нет, ну, что вы... это — Наташин Женя. Наташин супруг.

Н и к и т а. Ах, так вот он у Наташи какой!

М а ш а. А вы что... вы Наташу знаете?

Н и к и т а. Еще бы мне Наташу не знать.

М а ш а. Вы ее хороший знакомый?

Н и к и т а. Больше!

Ребята втаскивают диван, сразу садятся на него.

М а ш а. Наташа! А к тебе твой «очень хороший знакомый» пришел.

Никита выходит из-за дивана.

Н а т а ш а. Никита! Дорогой Никита! Да какой же это «хороший знакомый», Машка? Это мой старый друг и наш бывший секретарь райкома комсомола.

Н и к и т а. И даже нынешний.

Наташа. Да что ты? Ну, дай же я разгляжу, какой ты теперь есть. Так. Рука подбита? А это где? (Указывает на грудь, изображая орден.)

Никита. А этого — нет.

Наташа. Не герой, значит?

Никита. Как видишь.

Наташа (*нежно*). Ну-у, Никитка! И подбитый, и не герой, и некрасивый какой стал.

Маша (*горячо*). Неправда. Очень красивый.

Никита (*Наташе*). Съела? Я — очень красивый. Спасибо, Маша!

Наташа. Вы знакомы уже? А это — Леня. Юное дарование, пришел на завод из девятого класса. Это — Вася, наш старший мастер с сегодняшнего дня. Это — Леля. Две мужские профессии освоила — совсем мужик.

Входит Петя.

А это Петя Соколов, наш старый комсомолец.

Никита. Знаю. Соколову я сам билет выдавал.

Петя подходит к Никите. Девушки организуют чай.

Петя. О, товарищ Колосов! Здравствуйте. Живы? Очень приятно, очень.

Никита. Спасибо, Петя, жив... А ты это что... обброс то так?

Петя. А, усы-то?.. Да так, пустяки... Где уж у нас сейчас косметикой с парфюмерией заниматься... Что ж — усы...

Л е н я. А Петя усы нарочно запустил, товарищ Колосов! С идеей. Говорит, — сбрею, когда блокаду прорвут. Пускай, говорит, растут до самого прорыва блокады. (*Вздохнув.*) Вот интересно, длинные ли у Петьки усы вырастут?

П е т я. А уж от нас с тобой это не зависит. Верно, товарищ Колосов?..

Н и к и т а. Кажется, верно... (*Поднимаясь.*) Ну, я пошел, Наташа. Завтра зайди ко мне в пять часов.

Н а т а ш а (*отрываясь от печурки, где грела чай.*). Погоди... ты куда же сейчас?

Н и к и т а. А в райком. Я ведь там и живу, у себя в кабинете.

Н а т а ш а. Один?

Н и к и т а. Один. Ты же знаешь — бобылем был, бобылем и остался.

Н а т а ш а. Ну, раз бобыль — оставайся у нас. Да и вообще — приходи к нам ночевать. Видишь — диван? Мы его тебе, как секретарю, в личное пользование предоставим.

Н и к и т а. Ну, каждый-то день я приходить не смогу, — дела не дадут...

М а ш а. А мы вас каждый день ждать будем... А сегодня?

Н и к и т а. А сегодня взял и остался.

Н а т а ш а. Ну и умница! Садись, садись к огню. (*Никите.*) Ты только погляди, какой блиндаж соорудили! Накатов, верно, маловато, но зато — уют.

Никита. Устроились, ребята, чудесно, — молодцы!

Леня. Так ведь, товарищ секретарь, организовано с расчетом на музей.

Никита. На какой же это?

Леня. А все на тот же: на музей Революции. Это будет филиал — музей блокадного быта. На дверях прибывают надписи: «Так жили ленинградские комсомольцы зимой сорок первого года». Тут повесят латинскую табличку: «Так называемая времянка». В углу будет стоять чучело Пети Соколова. А под хрустальным колпаком будет лежать вот этот кусочек хлеба... Впрочем, кажется, я съем эту музейную редкость еще сегодня.

Никита. Очень оголодали, ребята?

Маша. Ох, очень. Знаете, мне каждую ночь батон снится, который за рубль сорок пять был. (*Никите, моляще.*) Товарищ Колосов, вы секретарь, вы из райкома, скажите нам или хотя бы намекните только, — скоро нам легче будет? Скоро?

Никита (*помолчав*). Нет, ребята, не скоро.

Наташа. Ты даже утешить нас не хочешь, Никита.

Никита. Я сам бы хотел утешить вас, ребята... Да врать не могу...

Пауза.

Вы только одно, главное помните: не бросили нас, не оставили, — слышите? Вся Россия за нас болеет и помогает... Вот сейчас через Ладожское озеро дорогу прокладывают... Прямо по льду, — там, где никто в жизни

не ездил, не ходил даже никто. Это Жданов дорогу нашел. И скоро к нам по ней хлеб пойдет, оружие. Мы не одни, — слышите?.. Но ближайшие дни — еще очень черные дни.

Пауза.

Петя. Д-да, вот и я им говорю, что не скоро полегчает... (*Подумав, решительно.*) Ну, что ж, будем думать, как жить... Товарищ Колосов! Вот, правильно будет или нет — сказать, что задача наша — всей блокаде назло выжить?

Никита. Мы обязаны выжить, Петя.

Петя. Во! Хорошо сказал — обязаны. Так вот слушай, Никита! В цеху у нас техник есть один, Степанов. Пришибленный какой-то, развязистый, все время карточки теряет. Позавчера опять карточки потерял, хлебные. Так Наташа узнала и стала ему половину своего хлеба отдавать.

Наташа (*перебивая, горячо*). Да ведь он рядом со мной работает, голодный-то...

Петя. Нет, погоди, ты только ответь мне — можно на нашу одну норму двоим прожить? Ага, молчишь! Знаешь — нельзя. Никита! Запрети Наташе свой хлеб отдавать. При нас запрети, слышишь?

Наташа. Да не надо об этом, Петя, не надо!

Петя. Почему не надо? Не хочу я, чтоб померли вы, слышишь? Зима свирепая, — ее же выдержать надо! Я и прошу — берегите себя! Ты, Наташа, человек нужный, лучший, ты жить должна.. Что, не верно я говорю, Никита?

Никита (*раздумывая*). Верно. Очень верно, но нехорошо. Силы нам беречь нужно... А вот требовать, чтоб лучшие себя берегли... Да ведь они потому и лучшие, что беречь себя не умеют... не могут, — понимаешь?

Петя. Значит, пускай дохнут?

Никита. Дохнет скотина, Соколов. А человек — живет. Это верно, жизнь у лучшего чаще всего короткая бывает, особенно на войне, да ведь зато — какая жизнь! Не на длину она меряется.

Петя. Красивые слова говоришь, секретарь! Нехорошо. Людей-то надо учить, как выжить. А ты... Ладно, учи! Веди их на смерть, если совесть позволяет...

Никита (*тихо, как бы про себя*). Что ж, и поведу, если придется...

Пауза.

Маша. Верно... Верно вы, ребята, говорите. Трудная у нас жизнь — это правда. Я вот недавно по радио песни народностей СССР слушала... Песни все хорошие такие, веселые даже, а я слушала, слушала, да вдруг как заплачу...

Леля (*с грубоватой лаской*). Ты у нас рёвушка.

Маша. Да как заплачу... Господи, думаю, как мы раньше жили, как мы пели — все народности, все по-своему, по-разному... А теперь — в Белоруссии уже не поют... На Украине — не поют... В Ленинграде у нас — не поют... Где же это все, где?..

Пауза. И негромко, из самого сердца запевает вдруг Наташа старую-старую прекрасную песню, и ребята понемногу подхватывают ее.

Н а т а ш а.

Настал, настал тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей...
Горюю я о родине,
И жаль отчизну мне...

В с е.

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Горишь ты вся в огне...

М а ш а.

Отец, отец, возьми меня
С тобою быть в бою...

В с е.

Отец, отчизне жертвую
Младую жизнь свою...

Они отчетливо и строго повторяют последние строки.

З А Н А В Е С

Действие второе

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комсомольское общежитие. На своей койке в углу сидит П е - тя. Он, видимо, недавно пришел. Ест что-то из баночки. Входят Н а т а ш а и Л е л я с вязанками дров. Сбрасывают дрова у пе - чурки, сразу садятся.

Л е л я (*тяжело дыша*). Ф-фу... Вот гадость проклятая...
Ненавижу. Ух, ненавижу...

Наташа (*разводя времянку*). Кого это?

Леля. Себя слабую, чорт бы меня взял. Чуть маленько, — устаю.

Наташа (*взглянув на нее, спокойно*). «Чуть маленько! От такой работы, как в эту неделю, мы бы и в мирное время устали,

Леля. Думаешь?.. Конечно, повозились с этими миами... Наталья! А как бойцы-то сегодня рады были, а? Этот пожилой командир даже слезу пустил, — заметила?

Наташа (*улыбаясь*). Заметила...

Леля. Видно, что оружием доволен был... (*Спохватываясь*.) Постой-ка... Ведь один боец-то мне даже чего-то такое в руку сунул... сверточек какой-то... (*Роется в кармане, достает очень маленький пакетик, развертывает*.) Ба! Наталья! Сахар!

Наташа (*разглядывая*). Сахар! И, знаешь, тут граммов шестьдесят...

Леля (*почти с гневом*). Нет, вы видели такого дурака, который сейчас свой сахар чужим отдает? Вот дурак, ну дурак... (*Бережно завертывает сахар в бумажку*.) Наташка! Ты молчи, я ребятам сюрприз устрою: наколю этот кусочек помельче и вечером их кипятком с сахаром угощу. Во удивятся — а? (*Хохочет*.)

Наташа. Ну, видели вы такую дуру, которая свой сахар...

Леля. Ну, молчи, молчи... Если б он объявленный был, а то голодный солдат угостил... Что я, собака, что ли, одна есть.

Наташа. Ну, ну, давай, собака, приготовим обед, скоро ребята придут...

Входит Маша.

Маша. А я, девочки, сейчас одна пообедаю. Что, уж тепленький суп-то? У, тепленький. Можно есть. (*Наливает себе в тарелку из котелка, стоящего на печурке.*)

Наташа (*недовольно*). Погоди, погоди, ты что — терпеть не можешь, что ли?

Маша. Да нет, Наташенька, некогда мне просто. Я в город иду.

Наташа. Зачем тебе в город?

Маша. Меня дядя Гриша просил, — знаешь, старичок из пожарной команды, где я по МПВО дежурю. Он своей семьи пропуска в нашу столовую достал. На дрожжевой суп без выреза, — понимаешь? А снести не может, — совсем ослабел старичок... (*Подходит к ведру, хочет ополоснуть тарелку.*) А воды-то и нет... Петя! Да ведь сегодня ты по воде ответственный, что ж ты воду не обеспечил?

Петя (*из угла*). Я себе воды принес в баночке...

Наташа. Ах, в баночке, себе? А для всех?..

Петя. А для всех ведрами у меня нет уже силы таскать. И мы вообще, Наташа, в этом теперь разделиться должны.

Наташа. Как это — разделиться?

Петя. Да так: пусть каждый себя по своим силам обслуживает. Да что ты смотришь-то на меня, как на ракетчика? Я работаю? Работаю! Дежурю по ПВО? Дежурю.

Ну, больше с меня при этой пище и не спрашивайте.
Я ни на кого не вешаюсь, не вешайся никто и на меня.

Леля (*кричит*). Да еще никто на тебя и вешаться не захочет! Тебе много чести будет!

Наташа. Перестаньте, ребята... (*Растерянно*.) Ну, Петя... это... это... обрадовал ты меня... (*Заметив, что Маша идет к двери, топнув ногой*.) Машка! Вот еще ты меня будешь раздражать! Постой.

Маша. А что, Наташа?

Наташа. Как — что?! Ну, куда ты в одном беретике побежала? На, надень платок. Постой, я сама тебя повяжу. (*Повязывает ей платок*.) Мороз сегодня дикий.

Маша (*мечтательно*). А на улице зато красиво-красиво. Иней везде, искорки... Девочки, ведь завтра Новый год.

Наташа (*вздохнув*). Да, Новый год.

Маша. Вот я любила под Новый год с девчонками в город ездить, по проспекту Двадцать пятого октября гулять. В каждой витрине — елки, все в огнях, в кондитерских торты разные выставлены. Большие-пребольшие...

Леля (*свирепо*). Машка! Ты опять про еду!

Маша. Не буду, не буду... А люди елки несут, духами пахнет, и по радио танцы передают... Ой, как тugo, Наташа.

Наташа. Зато не простудишься... Тебе далеко итти-то?

Маша (*робко*). Н-не очень... Да я не упаду, ты не бойся...

Наташа. Я не боюсь, не говори глупости. Ты не беги только, иди с толком.

Маша. Ладно. Обрадуются дяди-Гришины-то, — подумать только — три пропуска на суп без выреза. (*Смеется.*) Девочки! Можете вообразить, что мне кажется? Мне кажется — приду я сейчас в мороз, а там вдруг... все, как раньше! В витринах всё — елки, елки, все в разноцветных огнях... Вот глупо! (*Уходит.*)

Наташа. Последний Новый год я у Жени на корабле встречала. (*Смеется.*) И он меня до того к старпому привревновал... Глупо так... обидел даже... я заплакала даже... Боже ты мой! Ну, чего бы я ни дала сейчас, чтоб это вернуть!.. Хоть на одну минуту вернуть!.. Обиду эту... слезы...

Леля (*осторожно*). Писем-то... так и не получаешь все?

Наташа. Нет. Ни одного не получила. С тех пор как ушел отсюда — помнишь? — так и... так и ни одного письма... (*Ходит по комнате.*)

Леля. Да... Тяжело тебе, верно... (*Подумав и оживляясь.*) А морячки тогда быстренько немца из Тихвина выгнали, красиво...

Наташа. А в каюте было тесно, светло, жарко... И один поэт свои стихи читал. Знаешь, странные такие стихи: «Летит новогодняя вьюга, сверкая, колдуя, трубя. Прибор запоздавшему другу поставим на стол у себя. Быть может, в промерзшие двери наш друг постучится сейчас и скажет: «За ваше доверье», — и чашу осушит за нас»...

Пока Наташа читает стихи, без стука открывается дверь и до черноты исхудавший мальчик с детскими саночками, которые он везет за собой, почти неслышно входит в комнату.

М а л ь ч и к . А комсомольский секретарь здесь живет?

Н а т а ш а (*обернувшись*). Я комсомольский секретарь.

М а л ь ч и к . У вас на заводе мой старший брат, комсомолец, работал, Андрей Воронов, и отсюда на войну пошел...

Н а т а ш а . Ну, как же, отлично знаю. Комсгрупорг семьдесят первого цеха. Леля! Смотри-ка, Андрюшин братишко пришел. Он что, письмо прислал?

М а л ь ч и к . Нет. Это не он. Это мама. Мама мне говорила, чтоб я сюда пришел, когда она умрет... (*Оглядывается на пустые саночки.*) Я ее сейчас отвез.

Н а т а ш а (*подходит к мальчику и молча, не лаская, не утешая, обнимает его*). Тебя как зовут, мальчик?

М а л ь ч и к . Миша.

Н а т а ш а . Миша, Миша... Садись, Миша, к печке, грейся.

Снимает с него шубенку, ставит в угол саночки, сажает его к печке. Тихо. Леля накрывает на стол. Петя, скрипя, ворочается на койке.

Л е л я (*проходя мимо Пети, негромко, зло*). А этот «силы берегает!» Спасается. О, ненавижу, которые за себя трясутся! Ненавижу!

Входят Л е н я и В а с я .

Л е н я . Хозяйки, меню готово? У меня сегодня почему-то аппетит разыгрался.

Л е л я . Готово. Не ори только.

Ребята садятся за стол.

Наташа (*наливая еще тарелку*). Садись обедать, Миша.

Миша. Я съел свой хлеб за сегодня. И за завтра съел.
И мамин хлеб за завтра тоже.

Наташа. Ничего, садись.

Миша. Я съел свой хлеб за сегодня.

Наташа (*сердито*). Да говорю же тебе, садись, — ну!
Миша садится за стол.

Ребята, это брат нашего Андрюши, Миша. Он сегодня...
один остался. И вот — пришел к нам.

Ребята молча отрезают от своей порции по крохотному кусочку хлеба и придвигают к Мише. Миша выкладывает кусочки в ряд и сосредоточенно, молча ест. Поел, встал, идет к своей шубенке.

Миша, Миша... Ты куда?

Миша. Домой.

Наташа. Да ведь дома-то у тебя нет никого.

Миша молчит.

Что же ты там делать-то будешь? Ну?

Миша. Лежать буду.

Наташа. Как это лежать?

Миша. Как все теперь лежат.

Наташа подходит к нему, отбирает у него шубенку, ведет его и садится с ним на диван. Ребята окружают их.

И никуда ты не пойдешь, — ясно? И останешься ты с нами, — понятно? (*Обняв Мишу, похлопывая его по*

плечу.) Ну, Мишенька, ну, что — разве плохо у нас? Гляди, народу много, тепло, а сейчас и светло будет. Леня! Зажги-ка нам свет.

Лея. Охотно! (*Ставит на стол коптилку, три стаканчика, четвертый с лучинками. С жестами фокусника опускает лучинку в один стаканчик, в другой, в третий, — лучинка вспыхивает.*)

Миша. Ой! Это интересно. Это как называется?

Лея. А это, Миша, называется: добывание огня человеком. Что, понравилось? На, попробуй сам.

Миша опускает лучинку в стаканчики, лучинка вспыхивает.

Миша. Это интересно. Я хочу сам научиться эту смесь делать. Вы меня научите?

Лея. Научу. Я тебя, знаешь, когда-нибудь, после прорыва блокады, даже спички научу зажигать. А пока будешь мне помогать свечи катать, — здорово-вые!

Миша. Всамделишные? И они гореть будут?

Лея. Еще как!

Наташа. Вот видишь! А ты ложиться собирался. А окрепнешь — в цех пойдешь, вон к Васе. Возьмешь его, Вася, в ученики?

Вася. Возьму, что же. Мне рабочая сила нужна.

Наташа. Вот видишь! Брату оружие будешь делать, сам и напишешь на гранате или мине: «От Миши Воронова».

Миша. Я лучше на мине. Мина — страшнее... (*Поднимает глаза, обводит ими ребят.*)

Они улыбаются ему, улыбка зажигается на измученном лице ребенка. Минута тишины и света в комнате. Входит Никита, подходит к группе.

Никита. А твоя семья все растет, Наташа. Чей же это сын?

Наташа. Мой... Ну, ступай, Миша, к Лене — свечки мастерить.

Миша отходит.

Никита. Хороший мальчишка. (*Помолчав.*) Чорт возьми, Наташа, старею... На прошлое оглядываться стал. Оглянусь — и сердце заноет. Как-то жил я до сих пор наспех, торопливо...

Наташа (*жадно*). «Не успел»?

Никита. Именно — не успел. Понимаешь, — то сам учился, то других жить учит — руководил, воспитывал, растил. И вот скоро тридцать лет мужику, а ни семьи, ни дома, никаких своих корней... А ведь так бы здорово было знать — и именно здесь, у нас, вот в этаком страшном городе, — что где-то там, в какой-нибудь волжской деревушке, сын растет. (*Смеется.*) Видишь, какие мысли у секретаря райкома! Выбрал времечко семью заводить.

Наташа (*горячо*). Нет! Нет! Это нужно. Ты не шути, не стыдись — это все очень нужно: и любовь, и дом, и семья. Это такая война, Никита. На ней одному нельзя.

Никита. А разве тебе легче, что у тебя муж на фронте?

Наташа. Я истерзаясь вся! Но так хорошо, что он есть у меня! Я ж люблю его... Никита, ты не откладывай больше, слышишь?

Н и к и т а (*шутливо*). Ну, а кто ж меня полюбит — такого? Сама говорила — подбитый, и не герой, и некрасивый.. А после войны еще и старый буду...

Н а т а ш а (*тихо*). Да ведь уже полюбили тебя. Хорошо полюбили, крепко...

Н и к и т а (*вскакивая, смущаясь и радуясь*). Ну-ну-ну... ты не пугай человека! (*Засмеялся, прошелся по комнате, озираясь.*) А... а что же я Машеньки нашей невижу?

Л е л я. Маша в город пошла.

Н и к и т а (*обеспокоенно*). В город? Далеко? Давно?

Н а т а ш а. Да порядочно уже...

Н и к и т а. Она там что — ночевать останется?

Н а т а ш а. Да нет, обещала вернуться. (*Лукаво.*) А ты что так?

Н и к и т а. Что? А то, что я ведь к вам сегодня не просто с ночевкой. Вино получили?

Н а т а ш а. Получили.

Н и к и т а. И я получил. Вот. (*Ставит на стол маленькую бутылку вина и кладет ломтик хлеба.*) Получил, и считаю, что не зря оно выдано. Ведь завтра же Новый год, ребята! Неужели забыли?

Р е б я т а. Ну, как же — забыли? Помним!.. Конечно, помним!

Н и к и т а. А если помните, давайте встретим его. Ну?.. И... чорт с тем, что фрицы отсюда в семи километрах сидят! Ставьте на стол свою новогоднюю выдачу.

Наташа. Я — за. (*Ставит на стол свою бутылочку.*) Эх! Знали бы, не ели бы сегодня днем, оставили бы все к вечеру!

Никита. Соколов! А ты?

Петя. Я не буду встречать.

Никита. Нездоров, что ли?

Петя (*хмуро*). Как все теперь нездоровы, так и я...

Леля. Да врет он, Никита, принципиальничает. Он у нас вроде единоличника тут.

Вася (*ставя свою бутылочку*). Вот моя. Только я уж отхлебнул маленько.

Лена. Когда ж ты успел?

Вася. Да в цеху давеча, когда заказ сдавали.

Никита. Спрыснул, значит, сдачу заказа? Совсем как старый мастеровой?

Лена. А что вы думаете, Никита, у нас теперь Вася в цеху главный человек.

Никита. Да я знаю! Сильно достается, Вася?

Вася. Так ведь... что ж... надо! Я только одним смущаюсь...

Никита. Чем же?

Вася. Да вот меня теперь пожилые рабочие очень уж чудно называют... (*Замолкает.*)

Никита. Обидно, что ли?

Вася. Василием... Иванычем...

Никита. Ну и что же?

Вася. Совестно мне. Какой я «Иваныч»? Я уж прошу — зовите Васей, как раньше.

Никита. Нет, нет, не надо, не проси. Пускай Василием Ивановичем зовут. Это — почет, ты не стыдись его.
(Встав и взглянув на часы.) А Маши-то все нет.

Наташа. Да, нет.

Леля. А стол готов уже. И гляди ты, как солидно получилось.

Никита. Она куда пошла?

Наташа. Я же сказала — в город, к семье одного старика...

Никита. Адрес, адрес какой? Маршрут?

Наташа. Вот этого я не спросила, Никита.

Никита *(резко)*. Глупо! Очень глупо!

Распахивается дверь, входит Маша. Невидящими глазамиглядит на ребят, подходит к накрытому столу, не замечая ничего, садится, опускает голову на стол, сотрясаясь от рыданий.

Наташа. Маша... Машенька. Ты что? Что случилось, Машка, ну?

Маша *(поднимая искаженное болью лицо)*. Ребята... Ребята дорогие... Что ж это делается? Что ж это будет?.. Я давно в город не ходила, все на казарменном да на казарменном... Я знала... мы все знали... видели, — ну, падают иногда... ну, слабеют... Только... вот я сей-

час в городе была... У дяди-Гришиной семьи. Захожу, а они все четверо: старушка, две девушки и дяденька пожилой — все лежат... и — молчат. И весь пол грязью залит, и гадость-то эта замерзла, и свет с улицы еле-еле в окошечко проходит, а они тут лежат... во тьме-то, во льду... бессильные все... и молчат! Я говорю: «Вот я вам пропуска принесла на дрожжевой суп без выреза»... А они молчат... Я говорю: «Товарищи, скажите что-нибудь», а они — молчат. Я говорю: «Чего мне дяде-то Грише сказать?» А старуха говорит: «Кланяйся, скажи, что умерли мы...» (*Замолкает, содрогаясь от приступа рыданий.*)

Наташа. Ну, Маша, не реви... Дядя Гриша сходит, снесет им супу...

Маша. Дядя Гриша сам скоро ляжет, — я уж вижу теперь. Ох, я все теперь вижу!.. А они даже за хлебом не ходят, — за хлебом, понимаете? Им даже хлеба принести некому...

Наташа. Ну как так — некому? Ну... соседей попросят.

Маша. Да соседи-то ихние уж три дня как мертвые за стенкой лежат. Говорю тебе — некому им помочь...

Наташа. Не реви. Как так — некому? Ну... ну вот давай завтра после работы пойдем к ним, снесем им супу, приберем там, хлеб выкупим... дров даже захватим... Хорошо?

Маша. Хорошо... Только не понимаешь ты, о чем я говорю, а мне — выговорить страшно. Ведь таких, как они, у нас теперь тысячи, тысячи... Ведь это город умирает, город... не знаете вы...

Наташа (*обрывая*). Молчи, все знаем... молчи...

Никита (*про себя*). Знаем, знаем...

Леля. Когда же конец-то? Хоть какой-нибудь, господи!

Петя (*внезапно, с воплем*). Верно! Машка верно говорит... (*Бросился к двери, как бы собираясь бежать, остановился, дрожа.*) Все погибаем... Всем городом погибаем. (*Опять шагнул к двери и опять остановился.*) Предлагали мне на Урал ехать... как квалифицированному... Остался, дурак. Помру теперь.

Никита подходит к нему вплотную, пристально и странноглядит на него.

Петя (*трепеща*). Ты что? Ты что так смотришь? Страшный я, да? Помру? Помру, да?

Никита. Обязательно помрешь.

Петя (*заслоняясь руками, с ужасом*). Дурак... врешь!.. Помру — жалеть будешь.

Никита. Не буду. (*Тряхнул Петю за плечи.*) Помирай, если ты один жить хочешь. Помирай!

Леля. О-о, ненавижу, которые за себя трясутся... ненавижу...

Никита. Девушки, дорогие мои... Не тоскуйте, не надо, нельзя... Нельзя!

Наташа (*срывающимся голосом*). Я с ума сойду... от бессилия. Стреляет... бомбит... теперь душит, вымораживает, обложил кругом... этакой дикой силой...

Никита (*подхватывая*). Силой? Неправда, Наташа. Не думай так. Это сила — у дяди-Гришиной старухи хлеб

отнять? Это сила — ребят морить? Сила — Петьку напугать? Сильные не осаждают, сильные дерутся, штурмуют! Нет, нет, Наташа. Это мы — сильные. Да, да... Не верите? Себе не верите? А Машу видите? Вот плачет. Она о чужих... о чужом горе плачет, — понимаете? Страшная сила в этих Машиных слезах! Потому что нет на свете ничего сильнее слез любви человеческой. Сильные мы. Неистребимые мы. (*Страстно.*) Мы все можем! Мы... да ведь мы же социализм строили. Мы всех людей хорошими сделать хотели, гордыми... Мы такой свет миру несли. Нет, не немцу нас одолеть — таких. Не расчеловечить ему нас... (*Подошел к Маше, взял ее лицо в ладони.*) Не плачь, Маша, не плачь больше, сердце мое. Ну, дай, я тебе твои слезы вытру...

Маша (*виновато*). Так ведь я почему... ведь смотреть на это нельзя...

Никита. Мы и не будем больше смотреть. Мы будем драться с нею.

Маша (*пугаясь*). С кем это — с нею?

Никита (*просто*). Со смертью.

Наташа. Да чем же, Никита?

Никита. Добром... Да, девушки, — добром. Это оружие сильных, только очень сильных людей... (*Улыбаясь.*) Ну, что вы так смотрите недоверчиво? Я не просто красивые слова говорю. Я сегодня самые главные слова говорю, самые простые. Да ведь ты же, Наташа, ты же только что предложила это сама! Ты сказала: «Пойдем к семье дяди Гриши»... А надо идти не к одной семье, а к сотням и тысячам таких семей, и не вдвоем, а всем нам, всему комсомолу...

Наташа. Но они умирают от голода, Никита, а мы...

Никита (*горько*). Да, мы не можем принести им ни одного лишнего грамма хлеба. Это уж... пусть нас всех страна выручает! Но мы придем к ослабевшим защитникам Ленинграда с посильной помощью, мы скажем им: «Вы не одни, вас не оставили, не забыли, мы все вместе, все вместе, как в дни штурма...»

Часы начинают бить полночь. Никита подходит к столу, быстро разливает вино по кружкам; последний удар часов.

(*Поднимая кружку*.) С Новым годом, девушки! С новым счастьем...

Он вытягивает руку с кружкой, и одновременно семь рук вытягиваются, и со звоном, как чаши, сталкиваются жестяные кружки над пустым новогодним столом.

(*Негромко*.) Да будем верны труду, взявшему на себя сегодня.

Ребята отпивают по глотку, ставят кружки на стол, по-новому глядят друг на друга.

Маша. Вот... хорошо как, девочки... Как вкусно... Действительно, встретили Новый год! Только... ведь я на Новый год подарки делать привыкла... А сегодня... И сегодня сделаю! (*Бросается к своему чемоданчику, застенчиво окликая*.) Никита! Можно вас на минутку?

Их перестают замечать. Никита подходит к ней. Маша вынимает из чемоданчика красивый пестрый пушистый шарф и протягивает его Никите.

Маша. Вот. Это вам. Пожалуйста.

Никита (*перекидывая шарф через плечо*). Спасибо, Маша.

Маша. Это чтоб у вас горло не стыло... Он вам... нравится?

Никита (*медленно*). Он мне очень нравится, Маша. (*Трется щекой о шарф.*) Я даже полюбил его, — слышишь?

Маша смотрит ему в лицо и молчит.

(*Сильно.*) Я уже полюбил его, — ты слышишь?

Маша. Я... слышу вас...

Никита. Тогда зачем же ты говоришь мне «вы»?

Маша. Я... очень уважаю вас!

Наташа (*от стола*). Ребята, к столу, к столу! В кружках еще есть вино! Ребята, берите закуску. Всем хлебца досталось? Бог мой, ну до чего мне хочется хозяйничать, угощать вас до отвала. А пока... выпьем второй глоток за нашу армию и ее полководца.

Маша (*с щедростью счастливицы*). Да, да, за всю армию: за товарища Сталина, за Женю, за Наташу!

Никита. А я еще и за нашу Машеньку!

Отпивают второй глоток, бережно ставят кружки.

Наташа (*щедро*). Петя, чудак-человек, иди выпей с нами!

Все смотрят на Петю. Он сидит, поджав ноги, на своей койке и наливает вино в столовую ложку.

Петя. Вино — высококалорийный продукт. Я вот каждый день по ложке — и продержусь.

Наташа. Да иди, выпей мое, ведь Новый же год, балда!

П е т я. Мне ничего вашего не надо, ничего. Вы — я так понимаю — придерживаетесь теории толчка, то есть все сразу сожрать, а я нет: я за постоянное и равномерное поддержание организма.

Ребята смеются.

Л е н я (*вскакивает*). А что вам так смешно? Петя перестроился: он уже не ест, а «вводит в организм выходы в граммах». Был человек — стал организм!

Ребята смеются. Леня подходит к Петя и, пригорюнившись, пристально смотрит на него.

П е т я. Ты чего увидел?

Л е н я. Все то же... Вот это! (*Делает жест, как бы заправляя за уши огромные усы. Грустно.*) Нехорошо, Петя! И знаешь, — политически двусмысленно.

П е т я. Отойди, пока я не обозвал тебя нехорошими словами.

Л е н я (*ударив себя по лбу*). Идея. Идея фикс. Послушай, организм! Я покупаю.

П е т я. Что покупаешь?

Л е н я. Усы! Усы, отпущеные до конца блокады. (*Серьезно.*) Они действует мне на нервы и мешают сосредоточиться.

П е т я. Как то есть покупаешь?

Л е н я. Натурально, как теперь в Ленинграде покупают: за хлеб. Сколько, хозяин?

П е т я (*неожиданно*). Полкило!

Л е н я. Ну-у, это уж запросил, хозяин. Полкило — за усы! Кто бы мог подумать, что в осажденном городе обыкновенные рыжие усы так поднимутся в цене? А?

Ребята смеются.

М а ш а. Ах, девушки! Мне хочется, чтобы музыка была. Чтоб мы пели.

Н а т а ш а (*негромко*). Никита, сыграй что-нибудь...

Н и к и т а (*смущившись*). Ну, брось, брось. Я перезабыл все давно.

М а ш а. Сыграйте, Никита.

Н и к и т а (*сразу*). Хорошо, Маша. (*Садится к пианино, девушки и ребята окружают его. Никита играет и почти не поет, а говорит слова.*)

За окнами шумит метель
Роями белых пчел.
Друзья, запеним светлый эль,
Поставим грог на стол.
Пусть девушки любовь дарят,
Беседой утоля.
Пусть светится любимый взгляд
Огнями хрустала.

Задняя стенка декорации исчезает, вместо нее — величественный, скорбный и грозный Ленинград. В темноте, в комнате слегка освещенная узким белым прожектором группа молодых людей у пианино.

Но кто из ночи снежных вьюг
Стучится в двери к нам?
И почему немой испуг
На бледных лицах дам?
Что ж потемнели свечи вдруг.

Зажгите пунш скорей,
И девушки теснее в круг,
И песни веселей.
Миледи Смерть, мы просим вас
За дверью обождать.
Нам Бетси будет петь сейчас
И Дженин танцевать.
Звени бокалом, жизнь моя,
Гори, любовь и хмель.
Нет, только не сейчас, друзья,
В морозную постель.

Две последние строчки песни тихо и серьезно, как клятва, повторяются всеми. Полное затемнение, из затемнения занавес —
Ленинград.

ПРОСЦЕНИУМ

Занавес — Ленинград. Раннее зимнее утро, красная полоска за-ри, выюга, нарвские Триумфальные ворота, огромные в утренних сумерках, в снеге. Воин с лавровым венком, выступая из выюги и сумрака, освещен зарей ярче всего. Очертания улицы, зданий смутны.

Степан Кузьмич и жена его — высокая, жилистая питерская старуха — медленно, сопротивляясь ветру, идут по улице.

Ирина Ивановна (*останавливаясь, переводя дыхание*). Может, вернемся домой, Степан Кузьмич? До звода далеко еще.

Степан Кузьмич (*просительно*). Я обещался прийти, Ирина Иванна. Я обещался скоро, а уж... месяц полный прошел... Там детишки одни — на оружии... Сердце у меня болит.

Ирина Ивановна (*убежденно*). Я знаю твоё сердце, Степан Кузьмич. Пойдем.

Идут вновь. Мастер падает в снег.

(Становится около него на колени.) Степан Кузьмич...
Степан Кузьмич, батюшка...

Степан Кузьмич *(строго).* Худо мне, мать. Да... не рассчитал.

Ирина Ивановна. Ничего, батюшка, ничего, родной, сейчас я подыму тебя... *(Приподнимает старика и падает вместе с ним сама.)*

Провыл снаряд и глухо разорвался вдали.

Ирина Ивановна *(стоя на коленях над мужем, грозит кулаком в сторону снаряда).* Ну, уж я вам... уж я вам, проклятые... уж будет вам... *(Снова поднимает мужа, нежно, сурово бормоча.)* Вставай, батюшка. Ничего, обопрись на меня, вставай.

Степан Кузьмич *(встав, опираясь на нее).* Ты не давай мне умирать, Ирина Иванна, не давай. Мне нельзя умирать. Я на заводе последний знающий мастер.

Ирина Ивановна. Знаю, батюшка, все знаю.

Степан Кузьмич. Я долга своего не исполнил. Ты не давай мне умереть, пока я долга не исполню.

Ирина Ивановна *(спокойно).* Не дам. Не дам тебе умереть. Ничего. Полежиши маленечко, силы накопиши, и опять пойдем. Дойдем. Дойдем когда-нибудь.

Медленно движутся, старики сквозь сумерки и выногу. Освещенный темной зарею латник держит над ними бронзовый лавровый венок.

ЗАНАВЕС

Действие третье

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Помещение в райкоме. Группа девушек. Входят Леля, Маша, другие заводские комсомолки.

Маша (*удивленно и радостно*). Лелька! Смотри-ка, народу-то сколько! Здорово, а?

Леля. Ну! Это еще что! Поглядела бы ты, сколько нас до войны сюда собиралось! Разве это много?

Маша. Много. Ты уж очень гордишься, что ты комсомолка с тридцать девятого.

Леля (*не слушая ее, бросается к высокой девушке с очень длинными косами*). Аньютя, Аньютя!

Аньютя (*обворачиваясь, сконфузясь*). Вот не узнаю!..

Леля. Два года на Балтийском заводе на одном станке друг дружку сменяли...

Аньютя (*буйно обнимая ее*). Лелюшка! Верно, не узнала.

Леля (*горько*). Что, такая уж страшная стала, да?

Аньютя. Изменилась, да... Да мы и все-то теперь — ленинградские девушки... старушки.

Леля. Ну, ты еще нет... (*Берет в руки ее сказочные косы*) А они, как в мирное время, такие же красавицы.

Маша. Чудные! Я первый раз вижу такие.

Леля. Поди, горе тебе с ними теперь, а?

Аньютя. Не говори. Просто беда. Воды-то еще налишь, а мыть — ужас. В комнате холодно, не просушишь, смерзаются иногда, — понимаешь?

Леля. Ну так что же ты с ними маешься, не срежешь?
Чик — и готово! И отлично!

Анютка (*улыбаясь, лаская свои косы*). Саня на фронт уходил — просил, чтоб сберегла...

Леля (*смущаясь*). Ну, раз так... что же... Анюта! Давай в одной бригаде по домам ходить, а?

Анютка кивает.

Я сейчас Наталье скажу... Ну-ка, девушки, пропустите... Что, митингуете, что ли?

Девушка в ушанке. Да вот Нина интересно на жизнь жалуется.

Девушка с самокруткой (*повышенная голос*). Жалуюсь! И вы не возражайте, не злите меня. Я говорю — неудачная у меня жизнь. Ведь я ревела-ревела, ругалась-ругалась, ну, ни в какую, не пускают на фронт. Ладно, думаю, черт с вами; освоила мужскую профессию, только всех наших стахановцев обскакала, — бац, завод встал. Ладно, думаю, черт с вами, стала пожарником. Только семьдесят зажигалок ликвидировала, — бац, он зажигалки бросать перестал. Ну, не везет. Я опять в РОКК и в военкомат, — отправьте, говорю, на фронт. Погоди, говорят.

Девушка в ушанке. А вот наша Надюшка на своем настояла и уж орден имеет. За вынос раненых с поля боя... Вот я завидую ей, девушки... Конечно, завидовать нехорошо...

Девушка с самокруткой (*перебивая*). Чего там — нехорошо? Нет, я не скрываю: я героям завидую. Я бы хотела героем стать. Не для орденов, а для себя, чтоб самой знать, что — герой. Это, я думаю, приятно знать...

Леля. Правильно, подруга, я сама героям завидую!
(*Озабоченно выходит*.)

Молоденькая блондинка. А я думаю, что комсомольцы даже обязаны героями быть!

Маша (*общительно обращаясь к ней*). А ты в комсомоле давно?

Молоденькая блондинка. Ой, да.. со вчерашнего дня... Когда нас вызвали в райком и объяснили, как мы будем по домам ходить помогать, я и сказала, — ну, тогда запишите меня в комсомол, я хочу на эту работу комсомолкой пойти. А ты давно?

Маша (*скромно, но с достоинством*). С сентября тысяча девятьсот сорок первого. В дни штурма вступила.

Молоденькая блондинка. Да, давно! И с какого хорошего месяца стаж.

Маша (*великодушно*). И у тебя с хорошего...

Говор внезапно стихает. Входят Наташа, Никита и Богданов.

(*Молоденькой блондинке*.) Никита! Видишь, Никита пришел?

Молоденькая блондинка. Где? Кто он такой?

Маша. Ка-ак кто такой? Ах, да ты ведь и не оформилась еще... Это... это наш секретарь райкома комсомола. Который в середине... Никита.. Он нравится тебе?

Молоденькая блондинка. Симпатичный товарищ.

Маша. Он такой... такой! И я его так.. уважаю...

Никита. Товарищи бойцы бытового отряда! Перед нашим первым походом секретарь райкома партии, товарищ Богданов, хочет сказать нам пару слов... поскольку товарищ Богданов сам старый комсомолец — с тысяча девятьсот восемнадцатого года.

М а ш а (*толкнув блондинку локтем*). Вот это ста-аж!

М о л о д е н ъ я блондинка. И год какой хороший.

Б о г д а н о в . Так вот, девушки. В девятнадцатом году, когда Юденич рвался на красный Питер, на дверях этого же самого райкома комсомола висела надпись: «Все на фронте — райком закрыт». Ну, а сегодня можно было бы иначе написать: «Райком открыт — все на фронте». (*Оживление в комнате*.) Значит, понятно, в чем дело? Ну, так и помните: фронт. К сожалению, это не красивые слова, а горькая правда. Эта комната — фронт. Шагните на улицу — фронт. Пойдете к умирающим людям — пойдете на переднюю линию фронта. Так будьте же солдатами, верными, суровыми и мужественными. (*Поворачиваясь к Наташе*.) А теперь вам командир отряда что-то хочет сказать.

Н а т а ш а (*встав и волнуясь*). Нет... Я что же... Илья Владимирович все очень точно сказал... Я — только одно. Пойдем мы к людям больным, исстрадавшимся. Так будьте же с ними, товарищи бойцы, поласковее. Увидите у человека горе — погорюйте с ним. Сомневается человек — подбодрите... если сможете, даже улыбнитесь ему. Очень много горя у людей, надо с ними ласковее быть, сердечнее — ну, так, по-женски, понимаете, товарищи бойцы? Вот — все. Рапортички мне бригадиры завтра сюда принесут.

Усталый, ломкий девичий голос из толпы несмело спрашивает: «А хлебца нам, как бойцам отряда, хоть немножечко прибавят?»

Н а т а ш а . Нет, девушки, не прибавят. Все ясно?

Г о л о с а . Все.

Н а т а ш а . Пошли, девушки.

Комсомольцы выходят из комнаты молча, деловито, быстро. Никита и Богданов стоя смотрят им вслед,

Б о г д а н о в (*легко обернувшись к Никите*). Сколько тебе лет, Никита?

Н и к и т а (*устала опускаясь на стул*). Мне? Двадцать семь.

Б о г д а н о в. Стариk. А мне — восемнадцать. Как двадцать три года назад. (*Прошелся по комнате. Оживленно, счастливо.*) Я ведь другое сказать хотел. Я это внезапно вспомнил — «райком закрыт»... А ты что, устал?

Н и к и т а. Да. Устал.

Б о г д а н о в. Ничего, отпусти себя маленько... Я советской власти — райздраву, роно, райсовету — дал команду, чтоб помогали вам в первую очередь. Больницы там, детские дома — все, что пока можно. Одним словом, райкомы открыты... (*Смеется.*)

Н и к и т а (*любуясь им*). Доволен?

Б о г д а н о в. Еще одно вспомнил! Знаешь, что у нашей молодежной группы — еще до организации комсомола — на знамени было написано? Было написано: «Трепещите, тираны, — юноши на страже».

Н и к и т а. Смешно...

Б о г д а н о в (*восхищенный*). Нет, здорово! А ведь эти девчонки все права имеют именно такое знамя над союзом нести! Трепещите, тираны...

Н и к и т а (*взглянув на часы*). Слушай, сейчас, в эту самую минуту, они уже стучатся в тысячи темных квартир. Осажденных квартир... (*Помолчав.*) Илья Владимирович, я тебе не как секретарь, — по секрету скажу: не ожидал я, что мы столько народа поднимем. Думал, — ну, один отряд сколотим, два... Но ведь во всем городе девушки встали! И слушай — ни одна, ни одна не отказалась! Опухшие, цынготные — и те пошли. Ну, по-

чему все-таки ни одна не отказалась? Ведь это... это же фантастика...

Б о г д а н о в. А? Фантастика? (*Достает из кармана бумажку, развертывает ее, двумя пальцами осторожно и почти торжественно вынимает маленький зеленый листик растения.*) А вот это, по-твоему, что такое? Ну? Узнал?

Н и к и т а (*неуверенно*). Травка какая-то?

Б о г д а н о в. Травка!.. Сам ты травка! Это, брат мой, не травка, а витамин «це». Салат! Понимаешь, — настоящий молодой салат. Я его в Смольный стащу, — пускай там тоже порадуются! Да ты потрогай его — живой, настоящий!

Н и к и т а. Да откуда же?

Б о г д а н о в. То-то и оно — откуда? Наш, понимаешь? Блокадный. Моего района. На табачной фабрике в пятом этаже пока что стеклянная крыша цела. Так народишко туда, на пятый этаж, баночками земли натаскал, грядки соорудил, у кого-то в комоде семена нашлись, — вот салат и редиску засеяли. Сам видишь, салат уже проглянул; и редиска будет! А поглядеть на этих огородников — черные все, еле бродят. Но ведь загад у людей каков! Средь этакой зимы землю засеяли, урожая ждут. Не боятся, черт побери, ни смерти, ни... (*Внезапно*.) Никита! А ведь, поди, не поверят Ленинграду! Уж слишком у нас... неправдоподобно все... В книжках о нас прочтут — и не поверят. Со сцены увидят — не поверят...

Н и к и т а. Знаешь, конечно, не поверят...

Б о г д а н о в (*искренно сокрушаясь*). А жалко! Мне очень это жалко, Никита. Нет, я не из-за какой-нибудь славы! Не затем, чтоб там хвалили, а, знаешь, просто

так хотелось бы, чтоб верили этому... чтоб пригодилось
это людям, что ли...

Пауза.

Н и к и т а (*закинув голову, прищурясь, точно вспоми-
ная и вглядываясь во что-то, негромко*).

... Темно свинцовоночие,
И дождик толст, как жгут...
Сидят во тьме рабочие.
Сидят — лучину жгут...
Сливеют губы с холоду.
Но губы шепчут в лад:
— Через четыре года
Здесь будет город-сад..

Б о г д а н о в. Как, как? Ну-ка, повтори, повтори...

Н и к и т а (*одушевляясь и вставая*).

Свела промозглость корчею.
Неважный мокр уют.
Сидят в грязи рабочие.
Подмокший хлеб жуют.
Но шопот громче голода,
Он кроет капель спад:
— Через четыре года
Здесь будет город-сад..

Б о г д а н о в. У, как хорошо!.. Это что... про нас?

Н и к и т а (*волнуясь*). Про нас... Это Маяковский писал,
в тысяча девятьсот двадцать девятом году. О рабочих
Кузнецкстроя. Ну? Веришь?

Б о г д а н о в. Что за вопрос?!

Н и к и т а. Они поверят нам, Богданов. Мы плоть от их
плоти. Они поверят Ленинграду.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кабинет профессора Сосновского. Николай Александрович Сосновский лежит на диване совершенно ослабевший. У дивана стол, на столе — аптекарские весы, пустые банки, свеча. Свеча догорает перед ним. Неотрывно, с холодным отчаянием смотрит старик на исчезающий огонь.

Стук в дверь, дружелюбный и настойчивый.

Профес sor. Стучат? Ко мне?

Стук сильнее.

Войдите!

Входит Маша, оглядывает нелюдимый, заставленный книгами, полуутемный кабинет. Подходит к профессору и очень вежливо протягивает ему руку, по-деревенски, дощечкой.

Маша. Здравствуйте, дедушка. Что, ослабли, лежите? Ничего, сейчас мы вам поможем... (*Расторопно осматривает одеяло профессора, заботливо оправляет подушки, говоря.*) Ну, с антисанитарией у вас хорошо, насекомых не видно. Вот холодно только, как в гробу. Дрова-то у вас есть?

Профес sor. Дров нет... А... простите... вы... вас ко мне Семен Семеныч послал? Я звонил Семен Семенычу... когда еще телефон работал... Он обещал помочь.

Маша. Да нет, я не от Семен Семеныча. Я от комсомольской организации...

Профес sor. Ах, вот что... Ну да, ну да... Но почему именно ко мне, — вам сказал кто-нибудь?

Маша. Да я вовсе не именно к вам, дедушка, — мы так ко всем ленинградцам будем ходить, которые ослабевши.

Профес sor (*сообразив, лихорадочно*). Ага, Вот что! Да, я ослаб. Я очень ослаб. И холод арктический. Вон

там табуреточка деревянная... Мне не справиться с ней было. Сожги ее... всю сожги, а то я тут замерзну...

Маша. Да, хорошо, хорошо, дедушка, сделаю все, что надо. (*Ожесточенно крашит табуретку, разжигает времянку, поставленную на три фаянсовых вазы.*) Ишь, как у вас красиво буржуечка поставлена-то...

Профessor. Я, пока мог, я все сам... а теперь не могу... И эта табуреточка — последняя. Абсолютно.

Маша. А я, когда к вам шла, я все замечала! Вот у вашего дома палисадничек есть и такой заборик красивый, деревянненький. Я его завтра разнесу, обеспечу вас топливом.

Профessor. Да, да, обязательно. И — вот... (*указывает на свечу*) видишь, догорает? Последняя.

Маша. Вот худо! И ни коптилочки у вас, ничего? Вот худо... (*Колеблясь.*) Ну, уж придется вам мою оставить — я с ней вместо фонарика хожу... (*Вытаскивает толстую свечу башенкой.*) Видите, какая? Это наш Леня делает, сам. И, знаете, из чего? Из воска, которым в мирное время паркет натирали. А завтра я коптилочку вам принесу. Чудная, тоже Леня изобрел такую конструкцию. И горючее сам придумал. Смешал клопомор, противоопрятную жидкость и чуточку керосина. Прекрасно горит.

Профessor. Ты мне самую большую, самую светлую принеси. Я раньше свет любил. Свет помогал мне мыслить. Видишь, сколько у меня света было? (*Указывает на мертвую люстру вверху, на большую лампу на столе.*) Теплее становится... Девочка! А что же ты чаю-то, чаю мне не вскипятишь? Дрова прогорят, а чай и не сварится!

Маша. Ой, верно. Только воды-то у вас нет.

Профес sor. Так сбегай же поскорей, что же ты? Вон там кастрюлька, — на веревочке, а прорубь во дворе, у подъезда.. Скорее же!..

Маша хватает кастрюлю на веревке, идет к двери.

Девочка! А ты обратно-то придешь?

Маша. Да конечно же приду, — ай, какой вы нервный, дедушка.

Профес sor (*один, похлопывая в ладошки*). Чай буду пить! Чай буду пить!..

Возвращается сильно запыхавшаяся Маша. Ставит на печку чайник. Села, тяжело дыша..

Маша. Сейчас закипит, быстренько. (*Оглядывается кругом*.) Книг-то у вас сколько.. Все читаете?

Профес sor. Нет. Давно не читаю.. Чай-то кипит или нет?

Маша. Закипает уже. Он на буржуйке — быстренько.. Скучно вам, наверно, одному-то лежать?

Профес sor. Да.. Закипел, закипел, смотри, — закипел!

Маша (*наливая кипяток в чашку*). Я вижу, что скучно вам.. Ничего, вот теперь я приходить буду, — мы с вами беседовать будем.. разные вопросы обсуждать.. (*Говоря это, поит профессора*.)

Он жадно, обжигаясь и наслаждаясь, пьет чай.

Еще, дедушка?

Профес sor. Еще. И, знаешь, грелку мне поставь к ногам. Горячее животворит. Вон там грелка, возьми.

Маша наливает грелку.

Завинти покрепче, чтоб ни одной капли не вылилось.

Маша ставит ему грелку к ногам.

О, как хорошо... ногам тепло, и свеча горит.

М а ш а (*сидит, вся обмякнув, задумчиво глядит на огонь*). Может, ко дню Красной Армии дадут огонь... хоть на часик. И, говорят, хлебца скоро прибавят.

П р о ф е с с о р. А? Хлеба прибавят? Когда, когда? Много прибавят?

М а ш а. Да уж я не знаю — сколько, а все говорят, все надеются... (*Вскочив.*) Господи, дедушка! А хлеб-то у вас на сегодня выкуплен? Где карточки ваши?

П р о ф е с с о р (*доставая карточки из-за пазухи*). Карточки? Вот они. А хлеб я за три дня вперед взял позавчера... в столовой выпросил...

М а ш а. Ай-ай-ай, за три дня! Как изголодались вы, бедненький. Значит, завтра за послезавтра взять можно будет.

П р о ф е с с о р. Я вчера свалился совсем и съел... все... Слушай, может, дадут в магазине за послезавтра?

М а ш а. Не дадут. Только за день вперед дают. Да вы давайте ваши карточки, я вам завтра с утра выкуплю и раненько утром приду, чтоб хлеб у вас был.

П р о ф е с с о р (*с заминкой протянул карточки*). А ты верно — завтра придешь? Ведь карточки-то... отдать в чужие руки... Ну, бери, все равно же я сам ходить не могу!

М а ш а (*бережно прячет карточки, протягивает руку дощечкой*). Ну, до свиданья, дедушка, поправляйтесь, завтра я к вам утречком... (*Идет к двери.*)

Профес sor (*кричит ей вслед*). Карточки мои береги,
главное — карточки — не потеряй, карточки мои...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

На сцене темно. В темноте слышны шаги человека, поднимающегося по лестнице. Узкий, неяркий свет прожектора озаряет А ню т у, девушку с косами, поднимающуюся по высокой, совершенно темной, обледеневшей лестнице. На груди ее горит батарейный фонарик, освещая только ее лицо снизу и бросая неяркий, но живой луч перед ней на ступени. Она идет с трудом, тяжело дыша, поднимается все выше и выше. Вот она на занесенной снегом площадке. Стучит в дверь. Раз, другой. За дверью чьи-то тяжелые, шаркающие шаги.

Голос за дверью. Кто там? Кто это, а?

А ню т а. Свои! Это свои пришли!

ЗАТЕМНЕНИЕ.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет профессора. Яркий зимний день рвется сквозь заиндевевшее окно.

На диване полулежит профессор. Берет в руки часы, смотрит на них.

Профес sor. Два часа скоро... А комсомолки-то все нет. Что же это такое? Все четыре дня так аккуратно приходила... Каждый день в девять часов утра уже тут. А сегодня... (*Опять берет часы в руки, встряхивает их, слушает.*) Нет, идут. Третий час уже... Что же сегодня? Почему сегодня-то ее нет? А? Может, у нее хлеб выхвалили? Или... или — катастрофа с карточками? О, боже мой, только не это... (*Прислушивается.*) Не слышно никого... Немножко окреп за эти дни, и вдруг... Как же я теперь, если не придет... Боже мой...

Почти врывается Маша, бурно дыша, со сбившимся платком.

М а ш а (*кричит с порога*). Прибавили! Николай Александрович, миленький, прибавили! Рабочим — пятьдесят, служащим, иждивенцам и детям — семьдесят пять! Вот! Вам теперь триста полагается. (*Кладет на стол перед профессором кусок хлеба с кучкой громоздящихся довесочек на нем.*)

П р о ф е с с о р (*тотчас берет хлеб в руки*). Прибавили. Это симптоматично...

М а ш а (*хлопоча у времянки*). Вот говорила я вам пять дней назад, говорила же! Помните?

П р о ф е с с о р. Помню.

М а ш а. Все так и чувствовали! Ух, Николай Александрович, до чего же люди радуются! Поглядели бы вы, что в булочной делается. Целуются, обнимаются друг друга, поздравляют! Меня одна тетенька, чужая совсем, до того целовала, как родную, — просто смешно, я чуть не заплакала.

П р о ф е с с о р. Прибавили. Барометр перестал падать. Может быть, выживем?

М а ш а. Выживем, конечно, выживем! Это ведь все с Большой Земли, по Ладоге навезли! Вот спасибо-то им, вот спасибо...

П р о ф е с с о р. Чаю, ради бога... Чай мне вскипятить.

М а ш а. Сейчас... Я все сделаю... (*Указывая на грязное ведро*.) Я вот только... ведро сперва вынесу... А то при нем кушать неудобно. (*Осторожно, преодолевая брезгливость, берет тяжелое грязное ведро и выходит с ним за дверь*.)

П р о ф е с с о р (*взвешивая на руках хлеб и довески*). А здесь трехсот граммов нету... Нет, нету... Проверю сейчас... обязательно проверю. Куда она мои весы-то дела... Вот они — на том столике... Проверю сейчас... (*С тру-*

дом слезает с дивана, подходит к своим аптекарским весам, взвешивает сначала цельный кусок, бормоча.) Тут двести тридцать граммов. Наверное, из довесочек съела... Довесочки-то я отдельно взвешу. (*Вешает довески.*)

В это время входит Маша, видит профессора, взвешивающего хлеб, — он стоит спиной к ней.

Так... так... не хватает десяти граммов! Десяти граммов не хватает!!

Маша ставит рядом с собой ведро. Ведро стукнуло. Профессор оборачивается к ней с дрожащими весами в руках. Пауза.

Маша (*строго и очень печально*). Я за вами... нечистоты выношу... а вы меня... воровкой считаете.

Профессор. А я... что ж я... я... (*Бросил на пол весы и хлеб, схватился за голову, упал на стул.*) Низкий я... человек!.. Недостойный я... (*Рыдает.*)

Маша (*стремительно кидаясь к нему, обнимая его колени*). Не плачете! Не плачьте, Николай Александрович, не нервничайте. Это я не подумав сказала. Вы правильно это, правильно... Это бывает, что в магазинах обвещивают. Вы правильно проверить захотели!

Профессор (*судорожно цепляясь за ее голову и плечи, рыдая*). Нет, ты не утешай... не жалей меня... (*С новым порывом.*) Нет, жалей, жалей... И не уходи от меня. Хорошо?

Маша (*громко, плача счастливыми слезами*). Да не уйду же, не уйду. Вот чайничек уже вскипел... Вот я вас чайком попою, горяченьkim... А вы лягте, давайте помогу. (*Укладывает его.*) Вот так...

Профессор. И завтра придешь?

Маша. Обязательно приду. Там еще калитка осталась, я и ее снесу, — и топливо у нас будет, и кипяток, и грелочки...

Профessor. Не надо грелочки, не надо, ты просто так... Одичал я здесь без людей...

Маша. Дрожите вы весь. Пейте чай. (*Поднимая с пола хлеб и весы.*) Ничего, хлеб не испачкался... и это... ничего не сломалось...

Профessor. Сожги их, сунь в печку. (*Сильно.*) Нет, положи их здесь, на стол, рядом со мною. Чтоб я помнил... эти весы... Если б ты знала, что я на них сейчас взвесил... Вот так. И пей, пей чай-то, пей со мною. Вот, бери хлеб... кушай...

Маша. Ой, нет, нет, Николай Александрович, у меня дома свой есть, вы сами, а мне не надо...

Профessor. Не казни меня, ешь!

Маша (*взглянув на него*). Ну... ну вот разве этот кусочек... Из прибавки... (*Подносит хлеб к губам.*) Николай Александрович... с прибавкой вас!

ЗАНАВЕС

Действие четвертое

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Комсомольское общежитие. Вечер.

Наташа, плотно закутавшись в платок, одиноко лежит на постели.

Входит Вася, за ним — Петя. Петя пробирается к своей койке, возится возле нее и ложится.

Наташа (*сразу*). Ну?

Вася. Ты не убивайся, Наташа...

Наташа. Значит, опять нет! Уже два месяца...

Вася. Да ведь почта у нас совсем не ходит! Я в цеху спрашивал — никто, никто в этом месяце не получал.

Наташа. Никто. Сама знаю. Только не легче мне от этого. Ну, что ж я лежу-то... (*Встает.*)

Вася. Ты куда? Ты отдохай, Наташа. Скажи, что надо, — сделаю. Может, сходить куда надо? Я схожу!

Наташа (*обняв Васю за плечи, грустно*). Сходи, Вася, к Жене, на фронт... На Большую землю... Отыщи его там... Скажи, что Наташа писем ждет. (*Садится к столу с рапортами.*)

Вася разбирает чертежи за своим столиком. Входят Никита и Леня.

Леня. Наташа, редкого гостя привел. Встречай!

Наташа. Здравствуй, Никита! Что долго не был?

Никита (*греясь у времянки*). Дела, Наташа, — потом расскажу. (*Озирается.*) А полюбил я ваше жизнеубежище! (*Усмехаясь.*) Потеха! Первый раз в жизни родной дом нашел. Когда? На войне. Где? В блокированном городе.

Леня. Погоди, еще какой-нибудь год блокады, и мы тут прямо дворец устроим! А Миша мой где?

Вася. Миша на почту пошел, — помогать письма разносить...

Леня. Ну, конечно. Готовил из человека свечных дел мастера, а получил почтового голубя. (*Возится у своего стола, катая свечи.*)

Наташа, разбирая рапортчики бойцов, внезапно смеется.

Никита. Ты что развеселилась, Наташа?

Наташа. Машкин позавчерашний рапорт прочла!

Никита. А ну-ка, прочти вслух, пока ее нет.

Наташа (*читает*). «Рапорт бойца районного бытового отряда Марии Федоровой от 13 января 1942 года, Ленинград... Сегодня была у одной старушки, принесла ей во-ды, обеспечила топливом...» В скобках: «В соседней пустой квартире чьи-то стулья взяла и круглый столик».

Ребята смеются.

«Старушка была очень довольна. Затем у одного ученого старичка истопила печку, напоила его чайком, поставила ему грелочку, подняла его политко-аморальное состояние...»

Никита. Милая, милая Машка!.. А кто же этот ее «ученый старичок с грелкой»?

Наташа. Ты думаешь, Маша ставит имена, адреса и фамилии? Нет, ее интересует только лирика! Надо ей еще раз сказать, чтобы она своих старичков и старушек хоть по именам называла.

Входят Леля и Анюта.

Леля. Здорово, ребята! Грейся, Анюта!

Анюта. Добрый вечер, товарищи.

Леня (*взглянув на нее*). Ух ты... вот это — да! (*Кланяется ей*.) Здравствуйте, товарищ Василиса Прекрасная.

Анюта (*смузжаясь*). Ну, уж вы назовете...

Леля. А что? Он правильно называет. (*Хвастливо*.) Никита, ты погляди, какая еще у нас в Ленинграде красота водится. А?

Никита. Косы — как в сказке..

Леля. Для жениха красоту бережет! Грейся, Аня, грейся!

А н ю т а. Я уж греюсь... Ах, хорошо у вас... Тепло... Не то что у меня...

Л е л я. У нас мирово!.. Слушай, Анька! Вот ты и приходи к нам — косы-то свои мыть! Мы мальчишек выставим, а я помогу тебе. Мы сбережем твои косы, — ничего, сбережем.

А н ю т а. Спасибо! Обязательно приду. Ну пока, товарищи!

Л е л я. Да ты погоди, отдохни.

А н ю т а. Лелюшка, некогда, — у меня ведь мама дома одна. Да и хлеб для себя еще не выкуплен.

П е т я (*срываясь с койки*). И я пойду — за завтра хлеб выкуплю.

А н ю т а. До свидания, товарищи. Спасибо вам.

Анютка и Петя выходят.

Л е л я. Вот наш рапорт, Наташа. Но только я на словах должна предупредить: семейство дяди Гриши совсем плохое. Были мы опять с Анютой... Им уже больница нужна.

Н и к и т а. Позвонишь завтра в райздрав, вызовешь врача, — Богданов предупредил их.

Л е л я. Позвонишь! Видно, забыл, что наша АТС третий день не звонит.

Н и к и т а. Значит, самой сходить придется. Тьфу ты, черт, до чего же гнусная вещь — блокада в цивилизованном городе.

Л е н я. Ну-у... в нашем городе еще что! Вот если бы в Нью-Йорке такая блокада была, они бы там с одними своими этажами обалдели. Попробуй-ка ведра с грязью

с восьмидесятого этажа таскать. С пятого тащишь — за-
мучишься, а то с восьмидесятого!

Ребята смеются.

Леля (*подходя к Васе, заискивая*). Василий Иваныч,
а Василий Иваныч... Что я тебя попросить хочу...

Вася. В чем дело?

Леля. Буржуечку мне надо. Для одного моего семейства. У вас там в цеху целая куча буржуечек.

Вася. Эта партия для государственного учреждения изгото-
влена.

Леля (*вспылил*). Ну, а они-то что — не государствен-
ные? Люди же!

Вася. Мы частных заказов не берем, — сама знаешь.

Леля. Тыфу ты. Васька, какой ты бюрократ. Говорю же тебе — у меня одно мое семейство замерзает. Женщина там, мамаша, истерзилась совсем, дети у нее — двое детей мерзнут!..

Вася (*вздохнув*). Дети... Дети — это, конечно... С детьми сейчас трудно. Ну, возьми завтра, что ж уж... Скажешь Капитонову — Василий Иванович приказал.

Леля. Вот за это спасибо, Васенька. Так... Буржуйку выбила... Теперь — спички. (*Повертываясь к Наташе*.) Спички нужны, командир отряда! Придешь на жилой объект, нечем несчастную коптилку зажечь.

Наташа. Ох, Леля, со спичками беда!

Леня. А я не понимаю — зачем спички? Неужели это последнее слово пиротехники? (*Подходит к столу с самокруткой в зубах и с детским пугачом в руке. Закладыва-*

ет на боек кусочек ватки, пистон, спускает курок — выстрел, ватка вспыхивает. Леня прикуривает от пугача.)

Общий смех ребят.

Я совершенно не понимаю — зачем спички? Спички были в девятнадцатом веке. С тех пор человечество шагнуло далеко вперед.

Смех ребят. В это время входит Маша.

Никита. А вот и Маша пришла. Здравствуй, Маша! А мы тебя только что вспоминали тут.

Маша. Верно, — вспоминали?

Никита. Верно. Мы рапорт твой читали про ученого старичка с грелочкой.

Маша. А! А я только что от него иду.

Наташа. Ну, хоть сегодня-то ты узнала, как зовут твоего старичка?

Маша. А как же? Я уж вчера знала. Это профессор. Николай Александрович Сосновский.

Никита (*пораженный*). Как? Николай Александрович? Так ты... к нему попала?

Маша. А вы... знаете его?

Никита. Знаю ли я его? Да это же мой учитель, старый учитель, понимаешь, Маша?! Я все собирался к нему, никак не мог выбраться... Ведь это же такой человек...

Маша (*перебивая, восторженno*). Да, да, замечательный! Мы так плакали с ним сейчас.

Наташа и Никита. Плакали?

Маша (*восторженno*). А он подумал, что я из его дөвесочек украла...

Никита (*перебивает*). Что-о? О, бедный старики...

Маша (*перебивая, счастливо*). Нет, нет, вы не бойтесь, это только на минуту было... А потом мы плакали оба, и он меня чаем угощал и хлебом...

Никита. Сам? Сам свой хлеб предложил, да?

Маша. Сам, сам! И он мог все отдать, все, я видела, — он же такой умный и добрый...

Никита. Он прекрасный!.. Маша, милая... когда пойдешь к нему, скажи, что Никита кланяться просил, что Никита его еще больше любит, чем раньше любил... Запомнишь, Маша?

Маша. Запомню... Я ведь все-все запоминаю, что вы говорите, и так думаю потом, так думаю...

Никита. Ты не сердись на него совсем... Ведь это ему немец душу ранил смертельно... а ты... Спасибо, Маша, дорогая моя... Это... это самое великое дело — человека поднять... (*Положил руки на плечи девушкам.*) Девушки! Трудно нам. Страшная у нас жизнь. А ведь счастливые мы все-таки. Счастливые, что так можем...

И в эту минуту за дверью — ликующий звук пионерской фанфары. Почти торжественно распахивается дверь — на пороге

Миша. Он, трубя, подходит к Наташе и подает ей письмо.

Наташа. Это от Жени. (*Не распечатывая письма, не улыбаясь и не плача, она молча, жадно и благоговейно целует письмо. Миша играет. Ребята столпились вокруг нее. Она целует письмо.*)

Миша (*восторженно*). Это я сам, сам письмо нашел! (*Трубит вновь.*)

Маша (*нетерпеливо*). Читай! Читай же, Наташа, вслух, скорее...

Наташа (*покорно*). Сейчас. Сейчас прочту. (*Садится за стол. Ребята вокруг. Она придвигает к себе свечку.*) «5 января 1942 года, Ленинградский фронт... Моя дорогая, единственная моя. Отправил тебе уже восемь писем — ответа от тебя нет. Но я верю — ты жива. Я верю в это больше, чем когда уезжал от тебя. Может быть, это потому, что сам все время в боях. Отсюда иду дальше со своим полком! Мы знаем о Ленинграде все, Наташа, обо всем. Мы помним об этом ежеминутно. Наташа, я помню... (*Резко замолкает и читает про себя.*)

Все молчат, неподвижно сидя вокруг. Пауза.

«...Любим вас, гордимся вами, — держитесь, а Дорогу жизни мы не отдадим. Прости меня, но умоляю, береги себя и пиши, пиши мне. О перемене адреса сообщу. Только твой Евгений...»

Леля. Да! Морячки что воевать, что любить — умеют!

Маша. Пиши ему ответ. Немедленно пиши, Наташа.

Наташа (*покорно*). Хорошо. Я сейчас напишу.

Леля. От нас всех привет и благодарность. И напиши, что и мы — бойцы.

Лена. Про наш завод напиши, — да покрасивей, как писатели пишут: ну, там, «и в блокаде куем и чиним оружие»...

Вася (*перебивая*.) А скоро не то что мины, а целые корабли выпускать начнем!

Наташа. Ну, Вася, это уж неправда.

Вася. А вот — правда.

Наташа. Путаешь ты что-то. Кто тебе говорил?

Вася. Генерал говорил.

М а ш а (*приосаниваясь*). Смотрите-ка... Наш Вася уже с генералами беседует...

В а с я. А что ж тут особенного? Пришли сегодня в цех генерал и товарищ Богданов с директором и говорили...

Н а т а ш а. Никита, правда?

Н и к и т а. Правда. Официально завтра все узнаете. Я пока — по секрету... В общем, военный совет фронта поручает вашему заводу баржи строить... Для Ладоги. Вот Жданов вчера ночью и вызывал к себе Богданова и вашего директора и лично вам поручил выстроить к весне эти баржи... Ребята, мы на них много, очень много хлеба привезем. Мы голодный мор остановим. Совсем... (*Внезапно сильно закашлялся, задыхаясь, отходит к ведру напиться.*)

Л е л я. Ой, девушки, что это? Никите-то плохо?

Н а т а ш а (*озабоченно*). Ложитесь спать, ребята. Мы с Никитой совсем немножко посидим...

М а ш а (*перебивает зло и властно*). Нет!

Н а т а ш а. Что ты?

М а ш а. Не будет он сидеть! Не дам! Ты что, не видишь, какое лицо у него за последние дни стало?.. Не понимаешь такого лица?.. Не жалеете вы его, — звери! (*Срываются, стелет Никите на диване постель.*)

Н и к и т а (*подходя и виновато улыбаясь*). Чего-то расклеился я сегодня. Не дают покоя немецкие дырки в груди.

М а ш а (*весело*). А вы ложитесь да отдыхайте. Вот я постлала вам уже.

Н а т а ш а. Да, да, ложись, Никита.

Никита. А, пожалуй, лягу. Уж очень хорошо мне Маша тут устроила.

Ребята укладываются по своим углам. Наташа садится за стол, пишет. Никита ложится на диван. Маша бесцельно прошлась по комнате, подошла к Никите, встала у него в изголовье.

Маша. Никита... не холодно вам? А то я вас еще ватником укрою.

Никита (улыбаясь). Укрой!

Маша (*кутая его ноги ватником*). Вот так... Вот вам теперь тепленько будет... ладненько... (*И снова стоит возле него, в изголовье, и глядит, глядит на него.*) Никита... может быть, вам еще чего-нибудь нужно, а? Вы скажите, я все сделаю, все...

Никита. Нет, Маша, ничего не нужно. Мне очень хорошо сейчас.

Маша. А может, вы... попить хотите? Хотите, тепленьким чайком попою?

Никита. Не надо, милая, милая... Спасибо. (*Тихонько берет руку Маши и незаметно, быстро целует эту темную, распухшую руку.*) Ложись, Машенька. Ты устала, ложись.

Маша. Сейчас. Я сейчас. Спите. Доброй вам, доброй ночи! (*Ушла за свою ширму, вышла снова, прошлась по комнате, подошла к Наташе.*) Ты что, Наташа, мужу пишешь?

Наташа. Да, Маша, мужу.

Маша (*задумчиво*). Мужу. Му-жу... Ты его очень любишь, Наташа?

Наташа. Маша, дурочка... Он — жизнь моя. Ты молода, еще не все понимаешь...

Маша. Нет, Наташа, я все понимаю.

Наташа. Вот он подписался — «только твой». Это такая правда... А ведь прожили мы с ним вместе, вдвоем, из двух лет только триста шестьдесят один час...

Маша. Триста шестьдесят один час! Ой, как много, Наташа!

Наташа. Много?

Маша. Очень, очень!.. Целых триста шестьдесят один час — вдвоем, без людей, только друг с другом... Все сказать можно... что на душе... обнять можно... Триста шестьдесят один час, — и одна любовь.

Наташа. Да нет, все время любовь... И когда не вместе, она еще сильнее...

Маша. Знаю! (*Беря ее за руки.*) Наташенька... Он — Никита — себя ни жалеть, ни беречь не умеет. Давайте побережем его... хоть мы побережем...

Врываются Петя и бессильно откидывается к двери, стоит, как распятый.

Петя (*сразу, громко, отчаянно*). Вот... доработались... доспасались...

Маша и Наташа (*вскакивая*). В чем дело? Ну?

Петя (*дрожа, исступленно*). Хлеба нет! Хлеба в городе нет. Нет хлеба!

Никита поднимается на диване, ребята выходят из своих углов.

Наташа. Молчи... врешь! Как так — хлеба нет? Только что прибавили!

Петя. Да так и нет. Я же когда отсюда за хлебом ушел... на завтра... Я все булочные обежал. Как вышел утренний, так и нет... и не привозили... И не привезут — все говорят. Нет в городе хлеба. Ну, теперь одно — умирать... умирать... (*Валился ничком на койку.*)

Никита (*лихорадочно одеваясь*). Спокойнее, ребята. Наташа, сейчас пойдем в райком, выясним.

Сильным рывком распахивается дверь, входит Богданов.

Никита (*подаваясь к нему*). Илья Владимирович, правда?

Богданов. Правда. (*Сел за стол, барабанит пальцами*) Дайте-ка попить, девушки. Спасибо. Да, вот какая история... Хлебозавод встал — нет воды. Водоснабжающая сеть из строя вышла. От мороза. (*Хлопнул себя по коленке, возмущенно*) Нет, это все-таки чорт знает что... Нет в Ленинграде воды — хлеб замесить... Фантастика, чорт бы ее драл! Я прибегал сюда к директору. Приказал срочно отправить рабочих на ремонт. Даю на ремонт сутки вместо недели. Руковожу сам. Но это все-таки сутки. А ждать нельзя. Нельзя.

Никита. Твои распоряжения, Богданов?

Богданов (*напряженно и быстро соображая*). Вручную надо воду подать. Понимаешь, наш хлебозавод снабжает пять районов. Не дадим хлеб завтра, скажем, к двум часам, — за день в городе столько народу перемрет, столько перемрет, что не сосчитать. Не сосчи-таем. Нельзя. Вручную надо воду подать, качать и носить руками из канала...

Никита. Илья Владимирович, наш отряд через два часа может выйти на подачу воды.

Богданов. Мало мне твоего отряда! Чтобы дать хлеб всем пяти районам, сорок тысяч ведер воды надо. Сорок тысяч, тысяч, — понимаешь?

Никита. Значит, надо на это весь комсомол Ленинграда поднять — весь!

Б о г д а н о в . К утру поднимешь? К пяти часам?

Н и к и т а . Поднимем. Я сейчас пойду в горком. Наташа, к пяти часам утра выводишь весь отряд к хлебозаводу. Бойцы, находящиеся здесь, немедленно идут по предприятиям и общежитиям — собирать народ... Часа через полтора я дойду до горкома, и там...

М а ш а . Разрешите, Никита, я вместе с вами пойду.

Н и к и т а (*резко*). Это еще зачем? У тебя свое дело есть.

М а ш а (*трепеща*). Так что же вы... один... ночью, в такую даль, на Петроградскую сторону... больной... совсем...

Б о г д а н о в . Ты что... не в форме, Никита? А ну, покажись. (*Берет за плечо, поворачивает к свету. Пораженный.*) Д-да... нехорош... Но положение крайнее. Иди.

Н и к и т а . Пошли! (*Уходят.*)

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Общежитие. Яркий зимний оранжевый закат в комнате.

Входит П е т я с большим ломтем хлеба в руках.

П е т я (*с обожанием глядя на хлеб*). Получил... получил! За два дня сразу — шестьсот граммов. Есть сейчас буду! Есть... А что, если все съесть? А? Ведь, может, наелся бы досыта... Господи, неужели можно будет когда-нибудь досыта наесться? А? Съем... все сейчас съем!.. Не могу... все время держался... не позволял себе ни на один день вперед съедать... Не могу больше. Есть хочу. (*Впивается зубами в хлеб. Со стоном отдирает от рта кусок.*) Нет.

Нет, нет, Соколов. Нельзя. Выбьешься из нормы, Соколов, помрешь. Тебе жить надо, Соколов. Баржи для Ладоги строить. Вот моя дневная норма. (*Отрезает половину.*) Четыре часа. Утром не ел. Двести граммов можешь съесть, Соколов. Сто на вечер. А это — на завтра. Спрячь. Под подушку спрятать. (*Прячет.*) А это — съем. (*Ест.*)

Входят Леля и Маша. Сразу садятся на диван, очень усталые.

Леля (*взглянув на Петю*). Ну... насыщаешься?

Петя (*виновато*). Да... Ем. Не ел вчера...

Леля (*грустно и ласково*). Ну, ешь, дурак, ешь... (*Помолчав.*) Девочки! А ведь дали хлеб городу Ленина, а?

Маша (*тяжело дыша*). Обеспечили...

Входят Леня, Вся и Миша.

Леня. Ага, уже с воды? Ну, как?

Маша. Хорошо было.

Леля. У Машки все хорошо. Измучились.

Маша. Нет, очень хорошо. Ты площадь у хлебозавода знаешь? Так она вся народом полная была! Воображаешь?.. Все с посудой, под воду-то. С кастрюльками, ведрами, бидонами. А много — главное, — много народу пришло.

Леня. С Невы воду брали?

Маша. Нет, ближе, с канала. У мостика, — помнишь его?

Леня. Не помню...

Маша. Ну, как же не помнишь? Страшный такой мостик. По углам — четыре льва сидят. Ужасные такие, морды курносые, свирепые, и — крылья. С крыльями львы! Вот у этого мостика — прорубь, туда помпу опу-

стили, — лягушку, и качали, и оттуда же вручную воду подавали цепью. У проруби Никита встал... под этим львом ужасным... Неприятно прямо. А меня дальше отправили, в цепь, ближе к заводу... А я с Никитой хотела, у мостика...

Леля (*вставая, забирая манерки*). Как ты еще тараторить можешь, удивляюсь тебе... Ну, я за обедом пошла... Не ел еще сегодня никто.

Входит Наташа.

Маша. Наташа! А Никита?

Наташа (*устало садясь на диван*). Никита в райком пошел.

Маша. А почему не сюда? Зачем ты его сюда не привела?

Наташа. Он обязательно обещал прийти. Ночевать. (*Помолчав.*) Ребята... Не понравился он мне после работы... очень не понравился...

Маша (*вскочив, бешено*). Это вы! Вы! Вы его довели.

Наташа. Машка?!

Маша (*не слушая*). Да, да, вы! Он не должен был работать. Он только руководить должен был. Только руководить.

Наташа. Машка, да мы просили. Он сам не хотел, понимаешь?

Маша. Вы прогнать его должны были, заставить...

Открывается дверь, две незнакомые женщины вводят под руки Никиту. Он еле держится на ногах, слабо и виновато улыбаясь.

Первая женщина. Ваш? Сюда попали?

Наташа и Маша ведут Никиту к дивану, укладывают его, женщины помогают им.

А мы идем, видим, молодой человек на дороге лежит, славный такой... И уж совсем, совсем... такой... Еле добились, куда его отвести.

Вторая женщина. Хорошо, что саночки у нас с Нюшой были. Муж он тут, что ли, кому?

Наташа. Сними с него валенки, Маша.

Первая женщина. Пойдем, Соня, ладно. Им теперь не до нас. Прощайте, товарищи дорогие...

Вторая женщина. Помоги вам бог...

Уходят. Наташа и Маша хлопочут около Никиты.

Наташа. Никитушка, родной... погоди... погоди, сейчас мы чай тебе вскипятим... Миша, милый, ну что же ты, растопи поскорей буржуйку-то... не видишь...

Миша. Я вижу, вижу, Наташа... Я сейчас.

Лена. Ну-ка, давай, давай скорее... Мы его сейчас грелками обложим, бутылками. (*Лихорадочно разводит буржуйку.*)

Наташа. Никитушка, сейчас Леля обед принесет... Она за обедом пошла, Леля. Мы все вместе и пообедаем...

Входит Леля.

Да вот и она. Принесла, Маша! Наливам Никите.

Маша. Сейчас... Я сейчас.

Леля (*увидав Никиту*). Та-ак... (*Маше.*) Ну, спокойнее, Маша, теперь ты — спокойнее... Да ты со дна, ты гущу зацепи...

Наташа (*подходя к Никите с тарелкой супа и ложкой*). Ну, давай поедим, Никита. Открывай рот, ешь... Поправляться надо...

Никита (*отводя ее руку, строго*). Не надо, Наташа.

Маша. Никита, пожалуйста.

Никита. Не хочу, Маша. Встань вот здесь... как вчера. Вы не бойтесь... мне не страшно. Противно только... противно умирать... от дистрофии... Думал, что умру хоть в сражении... хоть от вражеской пули... А от дистрофии — противно... Глупо как-то умираю... бесполезно...

Наташа (*тихо и сильно*). Нет... Никита, нет! Ты умираешь, как настоящий солдат, ты слышишь меня?..

Никита. Слышу, спасибо... Вы не горюйте очень... Чтоб — никто... Я не хочу этого. Никто...

Наташа. Нет, Никита, нет, мы не забудем тебя. Мы так любили тебя!.. Ты был нашей совестью, нашим светодом, Никита, и будешь всегда, пока мы живы, — ты слышишь меня? А она — она с нами будет, ты не бойся за нее — слышишь?

Никита (*еле слышно*). Я слышал, Наташа. (*Его рука падает с дивана к полу.*)

Долгая пауза.

Наташа (*поднимает руку, слушает пульс*). Все.

Пауза. Наташа медленно с головой покрывает Никиту шинелью. Комсомольцы безмолвно, без слез, стоят около павшего товарища. Петя вылезает из своего угла, медленно приближается к группе, сдирая ушанку с обросшей головы.

Петя (*шепотом, с ужасом*). Чего же это, а? Умер? Никита умер?

Л е л я (*сквозь зубы*). Да.

Пауза.

П е т я (*негромко, потрясенный*). Ребята... ребята, дорогие! Мы должны по-старому, хорошо похоронить его. Не так, как теперь у нас. Мы гроб ему сделаем настоящий, хороший... Если надо будет, мы свой хлеб отдадим за это... чтоб хорошо похоронить его... (*С нарастающим горем.*) И мы все пойдем за ним — проводить... Как раньше таких прекрасных людей провожали... за гробом его, до самой могилы...

Н а т а ш а (*спокойно и ласково*). Нет, Петя, дорогой, на это у нас уже нет сил. Остаток их нужен живым. Мы довезем Никиту только до морга. Он умер на фронте и будет похоронен по-фронтовому, по-ленинградски, в братской траншее. Я знаю, Никита одобрил бы это... Верно, Маша?

Маша молча кивает головой. Пауза.

(*Оглядев ребят*). Ну... ну что же, ребята... Давайте поедим. Ведь мы еще не ели сегодня.

Ребята молча садятся за стол. Петя идет в свой угол, вынимает из-под подушки хлеб, берет тарелочку с двумя дрожжевыми битками, подходит к общему столу.

(*Взглянув на него.*) Подвиньтесь, товарищи. Садись сюда, Петя...

П е т я (*ставя на середину стола хлеб и битки*). Ешьте... вот хлеб... и биточки дрожжевые. Пожалуйста, ешьте... Это очень вкусно.

ЗАТЕМНЕНИЕ

Через некоторое время свет на сцене.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Та же комната. Яркий зимний день. Время от времени — часто — низкий плачущий стон снаряда и недалекие взрывы.

Маша, закутавшись с головой, ничком лежит на диване.

Входит Наташа, стучит ногой об ногу.

Наташа. А... замерзла на вышке... Ох...

Свист снаряда, взрыв.

Своловь, в нашем квадрате кладет... В цех номер два попал... Склад разворотил... Неужели узнал, что завод работать начинает?

Свист, взрыв.

Ох, близко...

Маша (*поднимаясь*). Я пойду туда.

Наташа. Куда, куда?

Маша. На вышку.

Наташа. Не надо. Там Леля — она меня сменила. И все посты обеспечены.

Маша. Все равно, я пойду. Я хочу пойти.

Наташа (*строго*). Не пойдешь, незачем тебе. Согрей-ка меня лучше. (*Садится рядом с Машей, закутывается в один платок с ней.*) Вот. Грей меня. И сиди тут.

Маша. Ну, что вы, что вы пристаете ко мне? Чего вы ходите за мной, глядите? Ненавижу! Не надо мне ничего этого! Не прошу я вас!

Наташа. Мало ли что не просишь... Ай, не согреться никак... Обними меня, Машка, обними покрепче, я согреться хочу...

М а ш а (*обняв ее*). Наташенька... что он с нами сделал со всеми — немец? Где молодость наша, где любовь наша? Ты по Жене мучишься, лучшие годы в тоске проводишь, а я, я сказать «люблю» не успела, а уже — вдова. Вдова. (*Падает ничком в колени Наташи.*)

Свист снаряда и взрывы.

Н а т а ш а (*угрюмо*). Не плачь... не плачь, Маша.

М а ш а (*поднимая лицо*). Да не плачу я! Слез нет, понимаешь? А я хотела бы поплакать. Ах, хотела бы!

Н а т а ш а. Нет. И не желай. Нельзя вдове Никиты плакать. Ты гордая будь, злая.

М а ш а. Хорошо тебе говорить — у тебя пока муж живой.

Н а т а ш а. Жестокая ты девчонка, Машка...

М а ш а. Наташенька... не сердись на меня... (*Кутая ее в платок.*) Тепло тебе?

Н а т а ш а (*думая о своем*). Нет. И тогда — не заплачу. Мы, Маша, мы потом, после войны поплачем, — понимаешь, после войны душу отведем... А сейчас нам, женщинам, нельзя плакать...

Свист, взрывы.

(*Повернувшись к окну, бешено.*) Стреляй! Стреляй! Стреляй, гадина! Не заплачем. Не боимся. Стреляй!

Входит профессор. Он тяжело опирается на палочку, весь закутанный, с трудом переводя дыхание.

Пр о ф е с с о р. Простите... комсомолка Маша Федорова здесь живет?

М а ш а (*изумленная*). Николай Александрович... (*Идет к нему навстречу.*) Господи... Садитесь. Садитесь скорее.

Профес sor. Ты жива. Да, да, хорошо. Я сяду... я вот к печечке...

Маша. Да холодная она у нас сегодня. Из-за обстрела этого чертова... Садитесь сюда. Наташа, это профессор мой — Николай Александрович.

Наташа. Здравствуйте, Николай Александрович. Я затоплю сейчас.

Маша. Господи... Зачем же вы пришли-то, Николай Александрович? В морозище такой под обстрелом-то? Я бы попозже сама пришла...

Профес sor (*тяжело дыша*). Я тосковал ужасно... Мне вдруг показалось — ты упала в дороге... или слегла... Я подумал, может быть, смогу помочь... Ты ведь не пришла вчера, вот я и...

Маша. Да, верно... Вчера не была у вас... Вчера... А мы вчера... Никиту... (*Выпрямившись, самозабвенно, одним дыханием*.) А Никита вам кланяться велел, Николай Александрович!

Профес sor (*пораженный*). Никита Колосов? Мой Никита? Ты... ты знаешь его?.. Ну... где же он?!

Пауза. Вскрикнув и задрожав, Маша бросается лицом в колени профессора, сотрясаясь от бесслезных рыданий.

(*Медленно снимает с головы черную свою шапочку; после паузы.*) Имя «Никита» означает «победитель», Маша. О, да, он был настоящий победитель.

Маша. Он такой умный, такой умный и добрый был. Я ведь любила его, слышите, Николай Александрович, любила... Нет, не хочу, не могу я жить.

Профес sor. Это грех — так говорить. Слышишь, родная, великий грех.

Маша. Нет, как же так? Вот — война кончится, мир будет, победа будет, а его не будет? А мне — жить?

Профес sor (*просто*). Жить, Маша, обязательно жить! Это я тебе говорю, глубокий старик. Я ученый человек, Машенька, я очень много читал, много знал, — мне казалось, что я знаю все на свете. И вот, когда враг попытался убить наш город, я думал, будто бы осталось одно: суметь достойно умереть. А молодой Никита — твой Никита — крикнул мне тогда: «Неправда. Надо жить! Вопреки всему — жить достойно!» И вот так он вел тебя и твоих друзей... И вы вернули к жизни тысячи, тысячи людей... Как же ты смеешь после этого говорить «не хочу жить»? Юные мои друзья, только бы нам не забыть ничего, не растерять того, чему научились, и мы будем жить по-новому, жизнью мудрой и великодушной. Да, мы жизнью почтим их, победителей, самой жизнью, — понимаешь...

Наташа. Да, да... мы должны жить... и за них — тоже!

Маша. Что же ты плачешь, Наташа, что же ты плачешь? Только что говорила — нельзя плакать, а сама...

Наташа. Плачу? Разве? Верно, лицо мокрое. Ничего, Маша. Это я не от горя. Не от горя — можно.

Маша. Николай Александрович, дорогой Николай Александрович. Ведь уж если жить, уж если надо жить, — то учите, учите меня всему тому же, чему Никиту учили. Всем книгам, всему, — как его... Я хочу такой же, как он, быть... такой же умной и доброй...

Профес sor. Обязательно, родная, обязательно...

Вбегают запыхавшись Леля и Леня.

Леля. Девушки! Милые! Степан Кузьмич идет!

Л е н я. Сам идет. Ей-богу. Сюда идет!..

Широко распахивается дверь. На пороге — старый мастер Степан Кузьмич, его ведет под руку жена его Ирина Ивановна. Старики измождены, но исполнены строгого и важно-го воодушевления.

С т е п а н К у з ь м и ч (*громко*). Дошел. Сам дошел.

Наташа и Маша бросаются к нему.

М а ш а. Степан Кузьмич, родненький, и вы... И вы с нами...

С т е п а н К у з ь м и ч. С вами, Машенька, а как же! Дошел! (*Охватив руками стоящих рядом Машу и Лелю.*) Ну, что, птицы? Не забыли нашу мужскую профессию? А?

М а ш а. Не забыли, Степан Кузьмич.

Л е л я. Да ведь мы все время, как могли, работали...

С т е п а н К у з ь м и ч. Знаю, слышал. И что работал завод и что великий заказ получил, — это я все слышал... Только кто ж заправлял-то вами? Кто сейчас хозяин?

Н а т а ш а. А у нас новый мастер есть, Степан Кузьмич!..
Леня, сходи-ка за ним.

Л е н я. Наш мастер Василий Иванович — орел-человек.
Я сейчас... (*Выбегает.*)

С т е п а н К у з ь м и ч. Да я сам сейчас к нему пойду...
А что орел — это можно понять. Я чувствую, хоть и не знаю, — солидный человек... Вот сейчас отдохнешь, и пойдем в цех... (*Обращаясь к жене.*) А ты, Ирина Иванна, тут меня обождешь. Пусть она отдохнет у вас, ребята, погреется. Замаялась она, бедная...

Ирина Ивановна. Ну, что ты, Степан Кузьмич, жалеешь меня при людях-то? Ничего.

Н а т а ш а. Грейтесь, Ирина Ивановна. Идите сюда...

П р о ф е с с о р (*встает с кресла у печки и очень вежливо, почти церемонно предлагает свое место старухе*). При-
саживайтесь, Ирина Ивановна... Здесь чудесно, тепло...

И р и н а И в а н о в н а. Да ничего, батюшка, благодар-
ствуйте...

П р о ф е с с о р. Нет, нет, пожалуйста, пожалуйста...
удобно вам?

И р и н а И в а н о в н а (*садясь, потирая колени, тихо*).
Ох, устала, устала я, верно... устала. Ноги-то мои бед-
ные... руки-то мои...

П р о ф е с с о р. Вы... вашего супруга долго так на завод
водить будете?

И р и н а И в а н о в н а. Да ведь пока силы станет, род-
ной... Без моего-то Степана Кузьмича завод теперь все
равно не справится... Он у меня такой... колдун... са-
мый знающий мастер...

Входят Л е н я и В а с я.

Л е н я (*громко*). Привел, Степан Кузьмич, — вот он!
Вот он, хозяин наш — Василий Иванович Куликов!

В а с я (*очень робко и радостно*). Здравствуйте, Степан
Кузьмич.

Мгновенное изумление старого мастера. Затем он встает
и с глубоким поклоном протягивает Васе руку.

С т е п а н К у з ь м и ч. Здравствуйте, Василий Иванович.

Краткая взволнованная пауза.

Ну, что ж, пойдем, Василий Иванович, поглядим, как
у нас с тобой цех поднимается.

Вася (волнуясь). Пойдемте, Степан Кузьмич... убедитесь, как мы без вас... Мы старались, Степан Кузьмич.

Степан Кузьмич. Я вижу, Василий Иванович, все вижу... Вот и живете вы хорошо, прилично, — не поддались германской блокаде. О, гордый народ питерцы, ужасно гордый!

Вася. Степан Кузьмич, а я не питерский, я калининский... я не в Ленинграде родился...

Степан Кузьмич. А я, Степан Фролов, потомственный питерский мастеровой, тебя ленинградцем считаю. Понимаешь?

Вася. Спасибо, Степан Кузьмич. Это... это мне... а в паспорте это записать можно будет? Мол, «место рождения — Ленинград»?

Степан Кузьмич. В паспорте?.. Можно. За эту зиму про мастерового Василия Куликова можно сказать — «рожден в Ленинграде». Не сомневайся, Василий Иванович, напишем и... и всему миру покажем: смотри, мы в Ленинграде не умирали, мы рождались... А германец... он, конечно, еще вокруг нас стеной стоит. Еще безумствует — душит... Только мы уже победили его, ребята. Мы — вот такие, осажденные. И он еще нас испугается. Он бежать от Ленинграда захочет, без оглядки бежать, — нет, стой! Со смертью сюда пришел, ну и прими ее здесь сам... Вот как будет... А мы, мы сейчас, ребята, работать пойдем. Ну-ка, помоги мне, Маша, дочка, возьми меня под правый локоть... А ты, Василий Иванович, под левый. Так. Я хоть и герой, а ногами-то еще слаб...

Все встали.

Пошли, птицы мои... питерцы... Пошли, защитники Ленинграда!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Елена Пенская. «Театры — крепости обороны»</i>	5
ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ, МИХАИЛ ЗОЩЕНКО	
<i>Под липами Берлина.</i>	55
ВИТАЛИЙ КВАСНИЦКИЙ	
<i>После боя.</i>	136
АЛЕКСАНДР АФИНОГЕНОВ	
<i>Накануне. Драма в трех актах, пяти сценах</i>	160
КОНСТАНТИН СИМОНОВ	
<i>Парень из нашего города. Пьеса в четырех действиях, десяти картинах</i>	218
ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ	
<i>Далекий край. Пьеса в трех действиях</i>	322
КОНСТАНТИН ТРЕНЁВ	
<i>Навстречу. Пьеса в трех действиях</i>	406
ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ, ГЕОРГИЙ МАКОГОНЕНКО	
<i>Они жили в Ленинграде. Пьеса в четырех действиях, девяти картинах</i>	487

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или какими-либо иными способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и граждансскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Президентская историческая библиотека
1941–1945
Победа. IV
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ответственный редактор *Е. Шатская*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Л. Китс*

ООО «Издательство «Эксмо». 123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Тавар беңгісі: «Эксто»

Гаяр белгісі: «Экмо»

Интернет-магазин : www.BOOK24.RU

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

ибьютор и представитель по приему претензий на
Банк. И ФСБ РФ.

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

тификация туралы ақпарат сайтта: www.eksмо.ru/certif

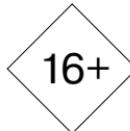
содержании соответствия издания согласно за

и с подтверждением соответствия издания согласно законодательству о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Экзамен»

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация к

Подписано в печать 05.02.2023. Формат 32х48 /³².
Гарнитура «Raleigh BT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж _____ экз. Заказ _____

Тираж экз. Заказ

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.

Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумагой-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»;

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде

Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге

Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге

Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону

Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске

Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске

Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006

Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си»

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92

Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: exmoast@yandex.ru

Казахстан: «РДЦ Алматы»

Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»

Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербовая, 17а
Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chital-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-109760-8

9 785041 097608 >

eksmo.ru